

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020 Том 20 № 1

В номере: Деколонизация, неоколониализм и реколонизация: к 60-летию Года Африки

Приглашенный редактор – *Падрайг Кармоди* (Тринити-колледж, Дублин, Ирландия)

Номер подготовлен в рамках X Международной конференции
«Африка в контексте формирования новой системы международных отношений»
на тему «Прошлое, настоящее и будущее Африканского континента (к 60-летию Года Африки)»,
проведенной при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 20-014-20001

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

А.В. Шабага,

доктор философских наук,
профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Д.А. Дегтерев,

доктор политических наук,
доцент, РУДН, Россия
degterev-da@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Россия
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук
старший преподаватель,
РУДН, Россия
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат экономических наук *Ю.А. Ильичева* (экономика), *Н.С. Куклин* (история), *М.А. Никулин* (политика)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного востоковедения и региональных проектов, главный редактор журнала «Сравнительная политика», г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, редактор журнала «Проблемы постсоветского пространства», г. Москва, Российская Федерация

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», г. Москва, Российская Федерация

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования», г. Москва, Российская Федерация

Алекс Дж. Беллами, директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США

Амитав Ачарья, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США
Наврита Чадха Бехера, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Патрик Бонд, профессор Университета Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Раффаэле Маркетти, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Ричард Саква, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringsskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «Глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений

Тематический портфель на 2020 г. следующий:

№ 3 2020	Внешняя политика России в XXI веке: итоги двадцатилетия	До 15 мая 2020 г.
№ 4 2020	Международное миротворчество в XXI веке: новые вызовы, новые акторы, новые форматы	До 15 августа 2020 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор И.Л. Панкратова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько
Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 16.03.2020. Выход в свет 30.03.2020.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 500 экз. Заказ № 7. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2020 VOLUME 20 No. 1

In this issue: Decolonization, Neocolonialism and Recolonization: 60th Anniversary of the Year of Africa

Guest editor – *Pádraig Carmody* (Trinity College, Dublin, Ireland)

The issue was prepared in the framework of the X international Conference
"Africa in the Context of the Formation of a New System of International Relations"
on the theme "The Past, Present and Future of the African Continent
(on the occasion of the 60th anniversary of the Year of Africa)",

held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of project 20-014-20001

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga
RUDN University, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Dr. Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev-da@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor Dr. Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Chikrizova
RUDN University, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in Economics *Y.A. Illicheva* (Economics), *N.S. Kuklin* (History), *M.A. Nikulin* (Politics)

EDITORIAL BOARD

Voskressenski Alexei Dmitrievich, Doctor of Political Sciences, Professor, the Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director of Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of MGIMO University, Editor-in-Chief of the Comparative Politics journal, Moscow, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor of Political Sciences, Head, the Department of Political Science and Political Philosophy, the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Editor-in-Chief of the Post-Soviet Space Problems Journal, Moscow, Russian Federation

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor of Political Sciences, Head, Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor of Economics, Editor-in-Chief of Far Eastern Affairs Journal (Russia), Moscow, Russian Federation

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, the Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Chugrov Sergey Vladislavovich, Doctor of Sociology, Professor, the Department of International Journalism, MGIMO University, Editor-in-Chief of the Journal "Polis. Political Studies", Moscow, Russian Federation

Alex J. Bellamy, Director of the Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Navnita Chadha Behera, Professor, the Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Capetown, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, the Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

# 3 2020	Russian Foreign Policy in the 21st Century: Results of the Last 20 Years	By May 15, 2020
# 4 2020	International Peace-Keeping in the 21st Century: New Challenges, New Actors, New Formats	By August 15, 2020

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova
Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Carmody P. In This Issue (**Кармоди П.** В этом номере)..... 9

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Декolonизация, неокolonизм и реколонизация: к 60-летию Года Африки

Kalu K. The Cold War and Africa's Political Culture (**Калу К.** Холодная война и политическая культура Африки)..... 11

Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период..... 22

Taylor I. Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization (**Тэйлор Я.** 60 лет спустя: незавершенная деколонизация Африки)..... 39

Балезин А.С. СССР и Занзибар в годы его борьбы за независимость и объединения с Танганьикой..... 54

Ngwane T., Bond P. South Africa's Shrinking Sovereignty: Economic Crises, Ecological Damage, Sub-Imperialism and Social Resistances (**Нгване Т., Бонд П.** Ограничение суверенитета Южной Африки: экономические кризисы, экологический урон, субимпериализм и социальное сопротивление)..... 67

Филиппов В.Р. Париж vs. Пекин: противостояние на Африканском континенте..... 84

Несмашный А.Д., Никитина Ю.А. Локальная гегемония: китайские СЭЗ в Маврикии и Замбии..... 97

Campbell H.G. African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 1 (**Кэмпбелл Х.** Международные отношения в Африке, истории геноцида и эмансипации. Часть 1)..... 115

De Oliveira J. da S.C. Narrative and Critical Imaginations in International Relations (**Де Оливейра Дж.С.К.** Нарративные и критические образы в международных отношениях)..... 131

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Omoruyi I., Idahosa S.O., Mugadam M.M., Sidibe O. Nigeria – South Africa Rivalry in Quest for Regional Power Status: from Material Potential to UN Security Council Membership (**Оморуйи И., Идахоса С.О., Мугадам М.М., Сидибэ О.** Соперничество Нигерии и ЮАР за статус региональной державы: от материального потенциала до членства в Совете Безопасности ООН)..... 147

Falode A.J. Small Arms and Light Weapons (SALW) and Transnational Crime in Africa (**Фалоде А.Дж.** Влияние распространения стрелкового оружия и легкого вооружения на транснациональную преступность в Африке)..... 158

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ларионова М.В. Десятилетия развития ООН (1961—2000 гг.): эволюция систем оценки в контексте теории развития..... 170

- Abdullah A.M., Dyduck C., Ahmed T.Y.** Transboundary Water Conflicts as Postcolonial Legacy (the Case of Nile Basin) (**Абдулла А.М., Дидук С., Ахмед Т.Я.** Трансграничные водные конфликты как постколониальное наследие (на примере бассейна Нила) 184

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Сидорова Г.М.** Отношения между СССР и Демократической Республикой Конго в начале 1960-х гг.: зигзаги истории 197

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- Smith A.X.** Afrocentricity as the Organizing Principle for African Renaissance. *Interview with Prof. Molefi Kete Asante, Temple University (USA)* (**Смит А.** Афроцентризм как организационный принцип африканского Ренессанса. *Интервью с Молефи Кете Асанте, профессором Университета Темпл (США)*) 210
- Африка: «период радуги» и несбывшиеся надежды. *Интервью с Аполлоном Борисовичем Давидсоном, академиком РАН* 218

РЕЦЕНЗИИ

- Гаврилова Н.Г.** Африка: политические портреты: сборник статей / отв. ред. Т.С. Денисова. М.: ИАФР РАН, 2018. 198 с. 226
- Гавристова Т.М.** Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки / отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 606 с. 229
- Дейч Т.Л.** China — Africa Friendly Cooperation in the New Era. Think Tank Reports. In 9 volumes. Beijing: China Social Sciences Press, 2018 232
- Забелла А.А.** From Divided Pasts to Cohesive Futures. Reflections on Africa / Ed. by H. Hino, A. Langer, J. Lonsdale, F. Stewart. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 447 p. 237
- Соболева Е.С.** Gupta P. Portuguese Decolonization in the Indian Ocean World. History and Ethnography. London: Bloomsbury Academic, 2019. 160 p. 241
- Кулькова О.С.** The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History / Ed. by M.S. Shanghuuya, T. Falola. Palgrave Macmillan, 2018. 1362 p. 245
- Mousli M.** De Oliveira J.S.C. Postcolonial Maghreb and the Limits of IR. Palgrave Macmillan, 2020. 230 p. 249

CONTENTS

Carmody P. In This Issue.....	9
--------------------------------------	---

THEMATIC DOSSIER:

Decolonization, Neocolonialism and Recolonization: 60th Anniversary of the Year of Africa

Kalu K. The Cold War and Africa's Political Culture	11
Kassaye Nigusie W.M., Ivkina N.V. Features of the Political Development of Africa in the Postcolonial Period.....	22
Taylor I. Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization	39
Balezin A.S. USSR and Zanzibar in the Years of Its Struggle for Independence and Unification with Tanganyika (Based on Archival Sources)	54
Ngwane T., Bond P. South Africa's Shrinking Sovereignty: Economic Crises, Ecological Damage, Sub-Imperialism and Social Resistances.....	67
Filippov V.R. Paris vs. Beijing: Confrontation on the African Continent.....	84
Nesmarshnyi A.D., Nikitina Y.A. Local Hegemony: China's Special Economic Zones in Mauritius and Zambia.....	97
Campbell H.G. African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 1.....	115
De Oliveira J. da S.C. Narrative and Critical Imaginations in International Relations.....	131

PEACE AND SECURITY

Omoruyi I., Idahosa S.O., Mugadam M.M., Sidibe O. Nigeria – South Africa Rivalry in Quest for Regional Power Status: from Material Potential to UN Security Council Membership.....	147
Falode A.J. Small Arms and Light Weapons (SALW) and Transnational Crime in Africa	158

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Larionova M.V. The UN Development Decades (1961—2000): Evolution of Appraisal Systems in the Context of Development Theories.....	170
Abdullah A.M., Dyduck C., Ahmed T.Y. Transboundary Water Conflicts as Postcolonial Legacy (the Case of Nile Basin).....	184

BILATERAL RELATIONS

Sidorova G.M. Relations between USSR and the Democratic Republic of Congo at the Beginning of 1960s: Twists of History.....	197
--	-----

SCIENTIFIC SCHOOLS

- Smith A.X.** Afrocentricity as the Organizing Principle for African Renaissance. *Interview with Prof. Molefi Kete Asante, Temple University (USA)*..... 210
- Africa: «The Rainbow Period» and Unfulfilled Hopes. *Interview with Apollon Davidson, Academician of RAS*..... 218

REVIEWS

- Gavrilova N.G.** Denisova, T.S. (Eds.). (2018). Africa: Political Portraits. Moscow: IAfr RAN publ., 198 p. (In Russian) 226
- Gavristova T.M.** Davidson, A.B. (Eds.). (2019). Africa in the Fate of Russia, Russia in the Fate of Africa. Moscow: Politicheskaya encyclopedia publ., 606 p. (In Russian)..... 229
- Deych T.L.** China — Africa Friendly Cooperation in the New Era. (2018). Think Tank Reports. In 9 volumes. Beijing: China Social Sciences Press..... 232
- Zabella A.A.** Hino, H., Langer, A., Lonsdale, J. & Stewart, F. (Eds.). (2019). From Divided Pasts to Cohesive Futures. Reflections on Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 447 p. 237
- Soboleva E.S.** Gupta, P. (2019). Portuguese Decolonization in the Indian Ocean World. History and Ethnography. London: Bloomsbury Academic, 160 p. 241
- Kulkova O.S.** Shanguhya, M.S. & Falola, T. (Eds.). (2018). The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History. Palgrave Macmillan, 1362 p. 245
- Mousli M.** De Oliveira, J.S.C. (2020). Postcolonial Maghreb and the Limits of IR. Palgrave Macmillan, 230 p. 249

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-9-10

Editorial article

In This Issue

Pádraig Carmody

Trinity College, Dublin, Ireland
University of Johannesburg, Johannesburg, South-African Republic

Редакторская статья

В этом номере

Падрэйг Кармоди

Тринити-колледж, Дублин, Ирландия
Йоханнесбургский университет, Йоханнесбург, Южно-Африканская Республика

I am delighted to have been asked to write this guest editorial article for this special issue commemorating the 60th anniversary of the Year of Africa. The papers in the special issue draw from a conference hosted by RUDN University and the Institute of African Studies in Moscow in February 2020 to mark this milestone. The papers at the conference and in the journal reflect on the promise, pitfalls and potentials for deepening African liberation. This is a critical endeavour given the need for renewed focus on effective strategies of African economic transformation and liberation. Moscow has been and remains a major centre for African Studies globally and the conference drew participants from Russia and around the world to discuss these issues; sharing a common commitment to progressive values and the importance of academic engagement and writing in promoting these. While juridical independence is now complete across most of Africa, empirical sovereignty remains “weak” across much of the continent.

The papers in this special issue engage issues of liberation and continuity in structures of power. As Professor Molefi Asante describes in his interview, there is an ongoing need to adopt

Afrocentricity as an organizing principle of research on, and for, the continent. This entails viewing African actors, including those in the diaspora, as active subjects rather than objects of history, in spite of the massive power differentials which characterise transnational social networks. While Ngũgĩ wa Thiong’o famously wrote about “decolonising the mind”, Afrocentricity represents a deepening of this project, not just through a rejection of imposed cultural forms or imported concepts, but through the active construction of liberatory ones, such as Afrofuturism, for example. The economic and hence genuine political liberation of the continent requires both intellectual work, multi-scalar and vector alliances, reform, resistance and through these, hopefully, renaissance.

The creation of the myth of Africa as an object of study, rather than Africans as subjects of history is not accidental but achieved through processes of discursive disempowerment, material extraction and geopolitical domination. Kalu in his paper examines the impact of the Cold War on Africa’s political culture, although as the eminent Russian political scientist Vladimir Shubin has noted in much of Africa this conflict was “hot”

© Carmody P., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

[Shubin 2008]. Whereas colonialism entailed direct territorial control, the mechanisms of Cold War geopolitics divided the continent into zones and spheres of influence, often bolstering authoritarianism as long as rulers were judged to be on the “right side”. It also resulted in the militarisation of Africa and as he notes “the United States foreign policy during the Cold War made it convenient for the American government to turn a blind eye to the true preferences of Africans”. We could go further and argue that in fact, along with the Soviet Union’s policies, in fact it suppressed them. This disempowerment then fed narratives of powerlessness, even as select political elites were empowered by such dynamics and creations and distributions of power.

In his brilliant essay, Professor Taylor explicates and dissects the continuing nature and reproduction of neocolonialism on the continent. While it has been fashionable in recent decades to downplay or dismiss the importance of underdevelopment theory, Professor Taylor reminds us of its continuing and arguably deepening relevance to understand “the” African condition. Given the continuing dynamics of underdevelopment “independence” has a decidedly ambiguous connotation in most African states. During decolonisation Charles de Gaulle talked about France “leaving, to better stay” in Africa. To a large extent this has been achieved, although the rise of new capitalist powers, particularly China, poses a partial or ambivalent challenge to Western domination of the continent.

Trevor Ngwane and Patrick Bond in their paper focus on what they term South Africa’s shrinking sovereignty. This case study of underdevelopment shows the ways in which sovereignty may be used to perpetuate dependence and extraversion to the benefit of national political

elites. Thus the rhetoric and reality of political independence and liberation may mask the continuance of deeper structures of discourse and power. The contradictions of these structures of power now find particular expression in the ecological crisis confronting much of the continent, as detailed in this paper for South Africa. Given the multi-fold challenges facing much of the continent it might be tempting or easy to fall into the comfort of Afro-pessimism, however Ngwane and Bond also give examples where progressive social movements have achieved notable victories through commoning strategies, particularly with regard to the decommmodification of anti-AIDS drugs in South Africa for example.

In her provocative and engaging essay Jessica da Silva de Oliveira also entreats us to reimagine the field of International Relations. This is necessary to disrupt prevailing structures of discourse and power. Conventional approaches in the discipline pursue a false distance and purported objectivity she argues, and consequently the subject needs to be re-enchanted to enable the achievement of what Said talked about as “worldliness”. The method of autoethnography challenges us to engage critically with our own positionality as scholars and actors in the discourses we both study and create.

Sixty years after the Year of Africa it is important to reflect on both the current history of the continent and the theories and practices of action which inform this. The conference at RUDN and this special issue provide both an inspiration to engage with and develop new ideas to inform praxis, and to revisit and revivify older theories and ideas which retain their salience despite rapid evolution in global economy, environment and politics.

References / Библиографический список

Shubin, V. (2008). *The Hot Cold War: The USSR in Southern Africa*. London: Pluto.

About the author: *Carmody Pádraig* — PhD in Geography, Professor, Trinity College, Dublin, Ireland; Senior Research Associate, the University of Johannesburg, Johannesburg, Republic of South Africa (e-mail: carmodyp@tcd.ie).

Сведения об авторе: *Кармоди Падрэйг* — доктор географии, профессор Тринити-колледжа, Дублин, Ирландия; старший научный сотрудник, Йоханнесбургский университет, Йоханнесбург, Южно-Африканская Республика (e-mail: carmodyp@tcd.ie).

**ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
Декolonизация, неокolonизм и реколонизация:
к 60-летию Года Африки**

**THEMATIC DOSSIER:
Decolonization, Neocolonialism and Recolonization:
60th Anniversary of the Year of Africa**

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-11-21

Research article

The Cold War and Africa's Political Culture*

K. Kalu

Ted Rogers School of Management, Ryerson University, Toronto, Canada

Abstract. Leadership and political systems in most of Africa have been described in several negative ways. Paternalism, clientelism, dictatorship, corruption and such pejorative labels have been used to describe the type of politics prevalent in most of Africa today. A number of studies have explained Africa's political challenges in the context of the choices of postcolonial African leaders. Others have pointed to European colonial exploitation and its destructive legacies as the foundations of the perverse political culture that define contemporary Africa. While these factors play important roles in defining the type of politics that has endured in the continent during the past half century, this paper takes a look at another epoch that had significant impacts on Africa's political culture.

The paper argues that the foreign policies of the United States and USSR — two major actors in Africa during the Cold War — had some of the most significant impacts on the political culture that evolved in postcolonial Africa. In pursuit of ideological supremacy, these foreign actors focused on undermining each other, with little consideration on how their actions in Africa were shaping the continent's political development. By providing military support to opposing forces in African countries, the Cold War actors institutionalized a violent political culture in postcolonial Africa.

Key words: Africa, Cold War, colonialism, USA, USSR, foreign policy, politics

For citation: Kalu, K. (2020). The Cold War and Africa's Political Culture. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 11—21. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-11-21

* This paper is a revised and updated version of my essay "Africa and the Cold War" published in *The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History* [Kalu 2018]. The review of the Handbook written by Olga S. Kulkova is also published in this issue of journal.

© Kalu K., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Холодная война и политическая культура Африки

К. Калу

Школа менеджмента Теда Роджерса, Университет Райерсон, Торонто, Канада

Лидерство и политические системы в большинстве стран Африки описываются, как правило, в негативном ключе. Патернализм, клиентелизм, диктатура, коррупция и подобные уничижительные ярлыки используются для описания политических практик, получивших распространение в большинстве стран Африки сегодня. В ряде исследований политические проблемы Африки объясняются в контексте выбора постколониальных африканских лидеров. Другие исследователи указывают на европейскую колониальную эксплуатацию и ее разрушительное наследие как основы порочной политической культуры, определяющей современную Африку. Хотя эти факторы играют важную роль в определении типа политики, которая проводилась на континенте в течение последних 60 лет, в данной статье рассматривается еще одна эпоха, которая оказала значительное влияние на политическую культуру современной Африки.

В статье показано, что внешняя политика Соединенных Штатов и СССР — двух основных действующих лиц в Африке во время холодной войны — также оказала значительное влияние на политическую культуру, сложившуюся в постколониальной Африке. Стремясь к идеологическому превосходству, эти внешние акторы сосредоточились на том, чтобы подрывать влияние друг друга, и мало думали о том, как их действия в Африке формируют политическое развитие континента. Предоставляя военную поддержку противостоящим силам в африканских странах, участники холодной войны институционализировали насильственную политическую культуру в постколониальной Африке.

Ключевые слова: Африка, холодная война, колониализм, США, СССР, внешняя политика, политика

Для цитирования: Kalu K. The Cold War and Africa's Political Culture // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 11—21. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-11-21

Introduction

Several African countries have been embroiled in economic and political challenges throughout most of the postcolonial period. Although Africa's nationalists who fought for independence from European imperialists had assumed that political independence would generate political, economic and social stability for Africans, current evidence shows that the expected gains from self-government have been a mirage. The results of Africa's almost perennial economic and political struggles have been poverty and destitution, with the region gaining the unenviable position as the poverty capital of the world¹. Several studies have examined some of the causes of the continent's woes, with many pointing at an institutional explanation, implicating a unique political and

leadership culture that has been anti-development [Acemoglu, Johnson, Robinson 2001; Kalu 2017].

Leadership and political systems in most of Africa have been described in several negative ways. Paternalism, clientelism, dictatorship, corruption and other such pejorative labels are often used to describe the type of politics prevalent in most of Africa today [Osaghae 2006; Adebaniwi, Obadare 2013; Falola 2016]. These negative descriptions connote a system that has failed to create the environment for citizens to thrive. Existing economic and political institutions have excluded majority of the citizens from playing meaningful roles in the economic and political affairs of their respective states, and have brought poverty and destitution in the general population. Similarly, a number of studies have explained Africa's perverse political arrangements on the characters and personalities of the leaders who have ruled the continent since the 1960s. For example, David Wallechinsky documents some of the world's leading dictators

¹ Accelerating Poverty Reduction in Africa: In five charts // World Bank. 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/afri/publication/accelerating-poverty-reduction-in-africa-in-five-charts> (accessed: 17.02.2020).

as at 2006, with majority of them being African leaders [Wallechinsky 2006]. Other scholars have pointed to European colonial exploitation and its destructive legacies as the original foundations of the perverse political culture that define contemporary Africa [Acemoglu, Johnson, Robinson 2001; Acemoglu, Robinson 2010].

In this regard, colonialism have been implicated for creating extractive institutions in the continent, as all organs of the colonial state were designed as instruments of exploitation during the colonial period. Unfortunately, the instruments of exploitation such as the colonial Police Force, the bureaucracy, and the entire political system remained the same after colonial rule. The result of retaining the colonial political structures has been continuation of bad governance records that create conditions for poverty and instability in most of the continent. This paper focuses on another important era — the Cold War. The paper argues that intrigues of the Cold War, specifically the activities of the major Cold War actors, had significant influence on the political culture that evolved in postcolonial Africa.

The Cold War (1945 to 1991) can be seen as a period of intense battle for ideological supremacy between proponents of free market led by the United States, and the forces of communism led by the old Soviet Union [Westad 2007]. The foreign policies of these major actors towards Africa had important impacts on the political culture that evolved in the continent. Specifically, through financial and military support provided to domestic actors in African countries, the major Cold War actors helped to create and sustain crises that would eventually become a permanent feature of Africa's politics [Kalu 2018].

Suri [2006] rightly isolated two distinguishable strands of literature on the Cold War and international relations at the end of the Second World War. The first strand of literature argues that the Cold War had a tremendous impact on foreign relations and the global political economy. To this end, American foreign policy during the Cold War is seen as some form of continuation of imperialism on several respects [McCormick 1995; Grandin 2004].

According to this view, the major Cold War actors — the free market ideologues led by the United States and its Western allies; and the Soviet Union with its allies who were inspired by communism — played the most important roles in shaping international relations and the global political economy shortly after the Second World War.

On the other hand, the second strand of argument contends that the place of the Cold War in the global system often give undue primacy to the United States and Europe, and in the process, undermines the critical contributions of local actors in places like Africa, Asia, and Latin America [Chakrabarty 2000; Connelly 2000]. According to this argument, it is important to equally emphasize the contributions of the nationalist movements in Africa and in other parts of the developing world, because the actions and sacrifices of these non-Western actors had significant impacts on the decolonization process.

Recent studies have also explored international relations and foreign policy in non-Western nations. For example, Yasmin [2019] examines how international relations have evolved in Bangladesh during the past several years, and notes that the developmental strides made by Bangladesh have contributed to the rising significance of the country after its unpleasant experiences during the Cold War.

This paper argues that given the precarious place of Africa within the global political economy in 1945, and up to the present, most of Africa had been and continue to be at the receiving end in terms of policy directions from advanced countries who are often providers of loans and development aid, buyers of Africa's commodities, sources of supply for industrial goods, and providers of technical/policy assistance to the continent. In effect, while one cannot discount the contributions and sacrifices of domestic actors in the fight for independence, political and economic development in African states were defined, in large parts, by a constellation of external forces. The rest of this paper proceeds as follows: the next section presents an overview of the influence of foreign actors on Africa's political development during

the periods of Atlantic slave trade and colonial rule. Section 3 focuses on how the Cold War shaped Africa's decolonization as well as the political culture that evolved in Africa. Section 4 concludes the paper.

Foreign Actors and Africa's Political Development

Africa has always been integrated into the global political economy in one form or another. Prior to colonial rule, Africa's main routes of engagements with the rest of the world was through Atlantic slave trade. During the period of Atlantic slave trade, Africans were grossly exploited, as millions of Africans were sold to slave merchants in some of the most inhuman conditions [Lovejoy 2000; Manning 1990]. The literature on Atlantic slave trade is very clear on the negative effects of slavery on Africa's economic and political development [Inikori 2000].

Besides its negative impacts on Africa's economy, slavery created a unique culture and sociology that continues to hinder Africa's development [Kalu 2017]. For example, similar to the master-servant mentality which existed during the period of slave trade, in contemporary Africa the principle of accountability is often lacking in the worldview of many political leaders [Wallechinsky 2006; Adebani, Obadare, 2013].

This reality means that the citizens are most times treated as slaves or servants by the political leaders who control the instruments of power. It is important to acknowledge that changes are taking place across the continent, with enhancements in democratic accountability as many countries have embraced regular elections. However, even the frequency of democratic elections has not yet produced real transparency in the political process, leading N. van der Walle [2003] to concluded that the institutionalization of democratic elections across many African states have not yet produced liberal democracies.

At the end of Atlantic slave trade, African societies entered yet another era of exploitation through European colonial rule. Following a self-styled mission to bring civilization to the “dark

continent”, European colonial masters invaded most of Africa beginning in the early 19th century. At the Berlin Conference of 1844–1845, European imperialists divided up African societies to contending colonial powers for the economic interest of Europe. Like Atlantic slave trade, colonialism was another dark history of exploitation, as the colonial enterprise was designed to exploit Africa's natural resources to feed Europe's industrial needs of that era [Young 1994; Reid 2012]. Although, imperial Europe argued that colonialism carried a “dual mandate” to develop the colonies and to create economic benefits for the metropole, in reality, colonialism represented exploitation of Africa's resources [Rodney 1981; Acemoglu, Johnson, Robinson 2001].

It is important to acknowledge that different colonial powers such as Britain, France, Portugal, and others had different systems of colonial administration. However, all forms of European colonial rule entailed exploitation of Africa for the benefits of the colonial powers. Any ancillary benefits that accrued to African societies were merely secondary and can be contextualized as externalities that arose as the colonialists worked to satisfy Europe's interests. For example, the railways built in parts of the continent by colonial administration were basically designed to facilitate the transportation of commodities produced in the hinterland to the nearest coastal city for onward shipment to Europe [Reid 2012]. In the same vein, Western education that was introduced in Africa during colonial rule were essentially meant to train a few Africans on the basics of reading, writing and arithmetic, so that these Africans could work for the colonial government as junior clerical assistants.

Colonialism brought dislocation, as it made it impossible for African societies to follow its own natural growth and development path. In addition, the artificial bifurcation of African societies by European imperialists with no regards to the histories and cultures of the people meant that colonialism created permanent damage on the people. Perhaps one of the enduring legacies of colonial rule is the type of political and economic institutions it created in

the continent. From King Leopold's Belgium, to British West Africa; and from the assimilation experimentation of colonial France to Italy's fascism in its African colonies, colonialism created a system of government where government machinery primarily served the interests of the colonialists.

In a seminal paper, Acemoglu, Johnson and Robinson [2001] examined the colonial origins of comparative development. They conclude that European colonial administration created extractive institutions in African societies, and these institutions which focus on sapping resources away from the system and for the enjoyment of a few, cannot produce broad-based economic development. This is because extractive institutions are not inclusive — they do not create opportunities for the general population to participate gainfully in the economy and politics of the society. Because colonial administration was all about satisfying the interests of the colonial masters, the governance system put in place, as well as the economic system that endured during the colonial period were extractive in nature. Unfortunately, as Acemoglu, Johnson and Robinson [2001] argue, these institutions persisted in African societies even after the end of the colonial rule.

By putting in place political and economic institutions that cannot bring about broad-based economic development, colonialism created permanent dysfunctions in African societies. Although colonial apologist may argue that colonialism brought about modern systems of government and bureaucracy to Africa, the reality is that these institutions were not necessarily good for the African society at that time. The government system bequeathed to African countries at the time of independence was a classic study in exclusionary politics. In many African countries, only few Africans had received Western education at the time of independence. Because elections and government bureaucracy were run in the colonizers' language, only those who had received Western education were able to play. What this means is that the governance arrangements introduced in African colonies

were exclusionary, as it excluded majority of the citizens from playing active roles in the political economy.

Africa's Political Culture in the Cold War Era

In their seminal work, Almond and Verba define political culture as “the particular distribution of patterns of orientation toward political objects among the members of the nation” [Almond, Verba 1963/1965: 13]. Based on this definition, one sees that political culture is connected with the feelings, responses, and attitudes of the citizens to the politics of their society. Because citizens hold different views and orientations towards political objects, we have different political cultures in different societies. Almond and Verba identify the typology of subcultures within a political culture to include those based on orientation towards the system in general, output/performance of political subjects, as well as those based on the role of the self in the political system [Denk, Christensen, Bergh 2015]. A measure of how politics is played in a given society and/or how citizens react to political issues gives a simple description of the political culture in that society. Therefore, we may have different descriptions of sub-cultures, such as *participation culture*, which reflects the general attitude of citizens towards the political affairs of their society, or *service culture*, which shows the orientation of political leaders towards providing services to the citizens, among others.

As the discussion in the previous section shows, African countries embraced or were forced to embrace Western political system at the time of political independence. A major challenge with the political system at that time was that majority of African citizens were not familiar with the Western democratic form. One consequence of this, is that the political actors were few and the political space was not really open to majority of the citizens. Therefore, from the inception, Africa's political system was exclusionary. It was exclusionary because the concept of democratic elections was foreign — based on the colonial powers' conception of

government and its language was foreign as well, because politics and governance were conducted mainly in the colonial-imposed “official language” of the respective colonies. Although the nationalist leaders made attempt to educate the citizens and garner grassroots support, in reality, major political leadership positions were not open to those who had not received some form of Western education.

One must acknowledge that a citizen does not necessarily have to contest for political office in order to be an active participant in the political process. However, an open and inclusive political system grants every citizen the opportunity to aspire to the highest political office of the land. But the political space in the immediate postcolonial era did not grant such opportunity to majority of Africans. It has been suggested that the foundations of exclusionary politics, where only the elite had the privilege to run for political positions created an environment conducive for dictatorship, as those with political powers felt they were superior to the citizens to whom they should otherwise be answerable [Kalu, Yacob-Haliso, Falola 2018].

The roles played by Africa’s nationalists in the independence struggles and decolonization processes are well documented in the literature [Reid 2012; Falola 2016]. It must be emphasized though that Africa’s independence movements took on a different and expanded dimension after the Second World War. The establishment of the United Nations, with the mandate to create a more peaceful world brought about a new world order. Terms like the principles of self-government and self-determination — that stand in contrasts to imperialism — began to gain currency in global discourses.

During the Cold War, the two major actors in the ideological warfare, focused on ensuring that the opposing force did not have an upper hand or did not succeed in spreading its ideology in African countries. In pursuit of these objective, the two major Cold War actors began to take more than passive interest in African countries, with different forms of aids and grants flowing into these countries. The United States provided support to African leaders who were seen as being sympathetic to free market ideas.

On the other hand, USSR, and to some extent, China and Cuba provided different forms of aids to African nationalists who were sympathetic to communism. It was in pursuit of these ideological battle that USSR extended assistance to nationalist movements in Algeria, Angola, Congo, Ghana, Guinea, Kenya, Mali and Mozambique, among others [Schmidt 2013].

Through the flow of financial and other material support, as well as training and scholarship, the major actors in the Cold War brought significant changes to Africa’s politics and nationalist movements. In some way, these foreign actors altered the trajectories of Africa’s nationalist movements, as they brought in foreign support, often in a competitive manner with one actor competing to outdo the other. While these changes may have facilitated Africa’s decolonization, concerns for economic and ideological domination by the superpowers turned Africa into a center for a proxy war. With financial and organizational support, the nationalists became more effective at home, and with the constellation of global forces against colonialism, the imperialists knew that the end of colonialism was near.

In all of the changes, Africa’s nationalists were not free to choose their own path to modernity or self-government, rather the major Cold War actors were preoccupied with promoting their respective ideologies to the independence movements. Consequently, nationalist leaders who were seen to be sympathetic to free market principles would receive unconditional support from the United States, while those seen as embracing or sympathetic to communism would be despised by the United States and its allies, but embraced by Communist Russia and its own allies. When this dynamic of contest between the two Cold War actors is viewed from the standpoint that African states were just emerging from decades of colonial exploitation with little or no financial resources, one can see the vulnerability of these countries. In some way, African countries and the nationalists were like commodities available to be bought with financial and military support from the United States and its Western allies or from USSR and its communist followers.

Perhaps the most enduring impact of the Cold War on Africa is not necessarily the financial and material support provided to the nationalist movements, nor its effects in quickening the independence process. Activities of the major Cold War actors in Africa laid the foundation for a violent political culture in the continent. The supply of arms to African countries by the major Cold War actors led to intensified crises, violence, and avoidable civil wars. According to Schmidt, “from Kennedy through the Nixon administrations, American weapons, tanks, planes, ships, helicopters, napalm, and chemical defoliants were used against Africans in the Portuguese colonies...” [Schmidt 2013: 82], because the Portuguese colonies were seen as being more inclined to communist ideals. This was not restricted to the Portuguese colonies, but was the case in many countries where the American government felt that domestic actors may be receiving support from Soviet Union and its allies.

By providing arms as well as direct military interventions, the Cold War actors militarized African countries. For emerging nations suffering from series of exploitations, weak foundations and exclusionary politics, one can imagine the damage caused by militarization of the political space at that early stage of Africa’s attempt at self-government. Like colonial administration which created extractive and anti-development institutions in African colonies, the Cold War actors institutionalized a violent political culture that became a prelude to dictatorship, persistent crises and civil wars.

While assisting African nationalist movements to push for and gain political independence, the Cold War actors precipitated increased conflicts, especially by providing arms to state and non-state actors alike. In the process, the Cold War created an environment for social and political instability in Africa — a situation that does not make for sustained economic and political development. Instead of bringing stability, political independence heralded more conflicts, wars, banditry and general crisis in the continent. However, one must note that the United States and USSR, with their respective

allies, did not set out to create violent conflicts in Africa. Rather the pursuits of their respective ideological interests led to the supply of funds and military hardware to these countries, and unfortunately created the negative externality represented in increased violence, crises, civil wars and a violent political culture in general. For example, between 1960 and 1970 (the first decade of political independence for some African countries), the continent experienced 27 military coup d’états that led to change of government, and 12 failed coup attempts, making a total of 37 military coup [Barka, Ncube 2012].

While one may not blame the Cold War for all the troubles in the continent, activities of the major actors had significant impacts on the evolution of Africa’s political culture. In a number of African countries, it was common to see two opposing political factions, with one group receiving support from the United States and the other from Soviet Union or its allies. The grooming of political actors sympathetic to America was a major foreign policy strategy of the United States during the Cold War. In many ways, this strategy had significant negative effects on Africa’s political evolution. While no attempt is made to blame foreign actors for all the political problems in the African continent, one cannot discount the overwhelming influence of foreign actors in Africa’s history and political economy. The Cold War was simply one of the many moments in world history where global events had debilitating impacts on Africa’s development.

While engaged in an intense ideological warfare, the United States and USSR and their allies paid little or no attention to what should have mattered most to African societies at the time of decolonization. The Cold War should have been a time for the world to develop strategies to dismantle the weak political and economic foundations to which colonial Europe had dragged African societies using colonial policies that treated Africans as subjects, and not citizens. Just like the Marshal Plan, which the United States used to rebuild Europe following the devastation of the Second World War, foreign policy towards Africa should have

focused on how to rebuild the continent from the ruins of colonialism and how to create inclusive economic and political spaces in African countries.

The principle of self-determination should have entailed giving the new independent countries an opportunity to organically develop on their own terms and create their own unique paths to modernity and progress. Global forces should have rallied around Africans to preach peace and stability instead of war and destabilization; and to emphasize inclusive political space instead of a political culture characterized by violence and wars. Unfortunately, as the world missed that opportunity, Africa became a site for proxy wars between the two superpowers and their allies [O'Sullivan 2005], causing permanent damage to an already weak political and economic system.

With the imminent end to formal colonial rule, the United States was apprehensive of Soviet Union's role in Africa, as America expressed fears that USSR may entice the newly independent African states to embrace communist ideas. Consequently, the United States government focused on strategies to ensure that African states did not gravitate towards communism.

Pandering to fears of imminent indoctrination of African states into communism, President J.F. Kennedy made the following statements in 1961: "We live in a world which has changed tremendously in our lifetime — history only will secure a full perspective on that change. But there is Africa, which was held by Western European powers for several centuries, now independent — which holds within its countries masses of people, many of them illiterate, who live on average incomes of 50 or 60 or 75 dollars a year, who want a change, who now are the masters of their own house but who lack the means of building a viable economy, who are impressed by the example of the Soviet Union and the Chinese, who — not knowing the meaning of freedom in their lives — wonder whether the Communist system holds the secrets

of organizing the resources of the state in order to bring them a better life"².

The foreign policy of the United States during the Cold War focused on advancing America's free market ideology only, and ignored the preferences of Africans. In effect, it did not matter whether majority of African citizens perceptibly prefer socialist ideas, but what was more important was what America wanted for Africa. In a way, intrigues of the Cold War meant that for African countries, it was either America's ways or nothing. Ironically, while presenting itself as the land of the free and vanguard of self-determination, the American government seem not to have realized that it was in the spirit of freedom to allow countries, especially newly independent countries, to choose their own path to progress and modernity. With time, African leaders realized that American foreign policy during the Cold War was not necessarily premised on promoting Africa's long-term interests despite the grants and aid provided by the American government, and despite the rhetoric of freedom and self-determination³. With the realization that America was primarily promoting its ideology over the long-term stability of African countries, many African leaders developed apprehension and distrust to the Western forces. However, the enormous cost of building their new nations and the challenges of poverty left African countries with little option than to continue to go to foreign actors for loans and foreign aid.

Conclusion

At the end of the Second World War, a number of forces combined to weaken the future of colonial rule. The devastation that Europe

² John F. Kennedy Special Message to Congress on Foreign Aid. March 22, 1961 // Public Papers of the Presidents of the United States. Vol. 1. P. 340—343 [Westad 2007: 134—135].

³ It is important to state here that the United States government believed that free market principles were in the best interest of African societies. Perhaps the problem was the mode of projecting the idea of free market, such as arming domestic forces that were sympathetic to free markets and against communist ideals.

suffered during the war, the establishment of the United Nations, and the emerging rhetoric of freedom and self-determination, all combined to make colonial rule out of tune with the global reality of that time. As colonial rule was gradually coming to end in Africa, the two major ideological superpowers of that era — the United States and USSR with their respective allies — saw an opportunity to inculcate their respective ideologies on African nations. While the United States and its Western allies promoted free market principles and democratic governance, Soviet Union preached communism. Apart from spreading free market ideas to Africa, the United States also wanted to make inroads into Africa's economies and markets. In the same vein, the then USSR and its allies were interested in spreading communist ideas in the newly emerging African nations. In the views of Soviet Union, Africa's struggles against colonialism as well as the struggles of liberation by other Third World populations were natural tenets of communism. Perhaps the United States and USSR believed that Africa would be better off embracing the free market principles or communism, respectively. However, the challenge with the activities of each of these forces was in the intensity of the pursuits and the mode of engagements with African domestic actors. The United States and its allies provided financial and military supports to domestic actors who were considered loyal to America's interests and ideologies and who were fighting communist forces. On the other hand, Soviet Russia and its allies provided support to those other actors that were not supported by the United States. It was therefore common to see opposing forces within one African country that were supported by different international actors.

Generally, international relations during the Cold War were dominated by ideological contests between the superpowers. In Africa, the foreign actors were focused on undermining each other, with little consideration on how foreign actions were shaping the fragile nations. While many African countries had access to finance and military support of one or all the opposing Cold War actors, the continent suffered long

term defects due to a convoluted political development process. The activities of the major Cold War actors laid the foundation for violent political culture and institutions in African states. By providing military support to opposing forces in the region, the Cold War actors in some way institutionalized the use of force in Africa's political process. Given that African countries were already struggling to adapt to the "foreign" political system imposed on the continent by imperial Europe, the United States and USSR created additional layer of problem through "ideology-driven support" to domestic forces. The financial and military support provided to domestic forces — from either side of the divide — created tensions, led to more conflicts and civil wars, and eventually laid the foundations for a violent political culture in many African countries. Perhaps without the activities of the Cold War actors, the protracted wars in Algeria between 1954 and 1962, and the conflict in the Congo that ousted Prime Minister Patrice Lumumba in 1960 and that installed one of Africa's worst dictators would have been avoided.

Africa's political independence should have been an opportunity for the world to support the continent to dismantle the exploitative institutions and legacies of colonialism, to help African societies develop its own economic and political systems, and to support the continent to carve its own path to progress and modernity. Unfortunately, the contest of ideological supremacy blinded the major Cold War actors to what was most important for Africans at that time — orchestrating organic growth and development that is supported by inclusive political and economic systems.

By creating an environment for violent political culture, the Cold War actors made Africa's decolonization and political independence less meaningful. Perhaps the persistent crises, civil wars and general political instability that have come to define postcolonial Africa could have been avoided or at least reduced, had the world focused on how to assist African states to create and follow their own path to progress. During the Cold War, American foreign policy

was anchored on the principle of: “my enemy’s enemy is my friend” and vice versa [Westad 2007: 399]. This was certainly not the right way to promote self-determination, but was a highway to create more real and perceived enemies, and to stoke up crises instead of building stable and peaceful societies.

Received / Поступила в редакцию: 20.02.2020

Accepted / Принята к публикации: 05.03.2020

References / Библиографический список

- Acemoglu, D. & Robinson, J. (2010). Why is Africa Poor. *Economic History of Developing Regions*, 25 (1), 21—50. DOI: 10.1080/20780389.2010.505010
- Acemoglu, D., Johnson, S. & Robinson, J. (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *The American Economic Review*, 91 (5), 1369—1401.
- Adebanwi, W. & Obadare, E. (2013). *Democracy and Prebendalism in Nigeria: Critical Perspectives*. New York: Palgrave Macmillan.
- Almond, G.A. & Verba, S. (1963/1965). *The Civic Culture — Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Boston and Toronto: Little, Brown and Company.
- Barka, H.B. & Ncube, M. (2012). Political Fragility in Africa: Are Military Coup d’états a Never Ending Phenomena? *AfDB Chief Economist Complex*, September.
- Chakrabarty, D. (2000). *Provincialising Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Connelly, M. (2000). Taking Off the Cold War Lens: Visions of North — South Conflict during the Algerian War for Independence. *The American Historical Review*, 105 (3), 739—769. DOI: 10.2307/2651808
- Denk, T., Christensen, H.S. & Bergh, D. (2015). The Composition of Political Culture—A Study of 25 European Democracies. *Studies in Comparative International Development*, 50 (3), 358—377. DOI: 10.1007/s12116-015-9174-6.
- Falola, T. (2016). *Nigerian Political Modernity and Postcolonial Predicaments*. Austin: Pan-African University Press.
- Grandin, G. (2004). *The Last Colonial Massacre: Latin America in the Cold War*. Chicago: University of Chicago Press.
- Inikori, J.E. (2000). Africa and the Trans-Atlantic Slave Trade. In: Falola, T. (Eds.). *Africa*. Vol. 1: African History Before 1885. Durham: Carolina Academic Press. P. 389—412.
- Kalu, K. (2017). State–Society Relations, Institutional Transformation and Economic Development in Sub-Saharan Africa. *Development Policy Review*, 35 (S2), O234–O245. <https://doi.org/10.1111/dpr.12320>.
- Kalu, K. (2018). Africa and the Cold War. In: Shanguhya, M.S. & Falola, T. (Eds.). *The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History*. New York: Palgrave Macmillan. P. 661–680.
- Kalu, K., Yacob-Haliso, O. & Falola, T. (Eds.). (2018). *Africa’s Big Men: Predatory State-Society Relations in Africa*. New York: Routledge.
- Lovejoy, P.E. (2000). *Transformation in Slavery: A History in Slavery in Africa* (2nd Edition). New York: Cambridge University Press.
- Manning, P. (1990). *Slavery and African Life: Occidental, Oriental and African Slave Trades*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCormick, T. (1995). *America’s Half Century: United States Foreign Policy in the Cold War and after*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- O’Sullivan, C. (2005). The United Nations, Decolonization, and Self-Determination in Cold War Sub-Saharan Africa, 1960–1994. *Journal of Third World Studies*, 12 (2), 103—120.
- Osaghae, E. (2006). *Ethnicity and the State in Africa*. Kyoto, Japan: Afrasian Center for Peace and Development Studies.
- Reid, R.J. (2012). *A History of Modern Africa: 1800 to the Present*. West Sussex: John Wiley & Sons Ltd.
- Rodney, W. (1981). *How Europe Underdeveloped Africa*. Washington: Howard University Press.
- Schmidt, E. (2013). *Foreign Interventions in Africa: from the Cold War to the War on Terror*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Suri, J. (2006). The Cold War, Decolonization, and Global Social Awakenings: Historical Intersections. *Cold War History*, 6 (3), 353—363. DOI: 10.1080/14682740600795519

- Van der Walle, N. (2003). Presidentialism and Clientelism in Africa's Emerging Party Systems. *Journal of Modern African Studies*, 42 (2), 297–321. DOI: 10.1017/S0022278X03004269
- Wallechinsky, D. (2006). *Tyrants: the World's 20 Worst Living Dictators*. New York: Harper Collins Publishers.
- Westad, O. (2007). *The Global Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yasmin, L. (2019). Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 247—255. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-247-255
- Young, C. (1994). *The African Colonial State in Comparative Perspective*. New Haven: Yale University Press.

About the author: *Kalu Kenneth* — PhD, Assistant Professor, Department of Global Management, Ted Rogers School of Management, Ryerson University, Toronto, Canada (e-mail: kenneth.kalu@ryerson.ca).

Сведения об авторе: *Калу Кеннет* — доктор философии, доцент, департамент глобального менеджмента, Школа менеджмента Теда Роджерса, Университет Райерсон, Торонто, Канада (e-mail: kenneth.kalu@ryerson.ca).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38

Научная статья

Особенности политического развития Африки в постколониальный период

В.М. Кассае Ныгусие, Н.В. Ивкина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению особенностей становления и развития Африки в постколониальный период. Изучаются такие фундаментальные вопросы, как процесс образования современных государств в Африке, формирование правящей элиты и ее влияние на политическую и социально-экономическую систему, роль армии и этнических конфликтов в процессе оформления государственности. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в российской и зарубежной исторической науке пока не сформировалось единого мнения относительно того, как оценивать последствия колониального периода для Африки. Плюрализм мнений, с одной стороны, порождает необходимую для исследования дискуссию, а с другой — вносит деструктивный дисбаланс в представление о регионе в целом. В качестве новизны исследования следует отметить неопатримониалистический подход к изучению особенностей постколониального периода в Африке. С его помощью выделяются отдельные тематические блоки, помогающие оценить последствия колонизации для развития стран континента. Исследуется соотношение традиционных и вестернизированных элементов политической культуры стран Африки. Заимствование политических институтов и теорий государственности также рассматривается не только как следствие колониального прошлого, но и как политический выбор первых национальных лидеров африканских стран в их стремлении выбрать эффективный путь развития и найти баланс между традицией и модернизацией.

Основная цель исследования заключается в оценке итогов деколонизации в контексте межэтнических, военных и политических аспектов становления африканских государств. Полемичность принципов понимания постколониального периода развития Африки породила необходимость использования в качестве методологической базы функционального подхода. Это обусловлено потребностью изучения принципов функционирования политической системы региона, а не отдельных государств. Также неопатримониалистический подход породил использование компаративного метода для сопоставления основных теоретических постулатов и реальной ситуации в Африке. Обширный пласт источников и литературы на русском и английском языках необходим для отражения многовекторных возможностей исследования африканских проблем.

Ключевые слова: постколониальный период, неопатримониализм, формирование политических элит, этнические партии, межгосударственные политические группы

Для цитирования: Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В. Особенности политического развития Африки в постколониальный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 22—38. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38

Research article

Features of the Political Development of Africa in the Postcolonial Period

W.M. Kassaye Nigusie, N.V. Ivkina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the features of the formation and development of Africa in the postcolonial period. The authors study such fundamental issues as the formation of modern States in Africa, the formation of the ruling

© Кассае Ныгусие В.М., Ивкина Н.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

elite and its influence on the political and socio-economic system, the role of the army and ethnic conflicts in the process of state formation. The relevance of the research is due to the fact that Russian and foreign historical science has not yet formed a common opinion on how to assess the consequences of the colonial period for Africa. Pluralism of opinions, on the one hand, generates the discussion for research, on the other, introduces a destructive imbalance in the representation of the region. As a novelty of the study, it's necessary to note the neo-patrimonial approach to studying the features of the postcolonial period in Africa. It identifies separate thematic blocks that help assess the impact of colonization on the development of countries on the continent. The article also considers the correlation between the traditional and westernized elements within African political culture. The borrowing of political institutions and statehood theories is also considered not only as a consequence of the colonial past, but also as the political choice of the first national leaders of Africa, in the framework of their aspiration to choose an effective development way and to find a balance between the tradition and modernization.

The main purpose of the study is to assess the results of decolonization in the context of ethnic, military and political aspects of the formation of African States. The polemic nature of the principles of understanding the postcolonial period of African development has led to the need to use a functional approach as a methodological basis. This is due to the need to study the principles of functioning of the political system of the region, rather than individual states. The neo-patrimonialist approach also gave rise to the use of a comparative method to compare the main theoretical postulates with the real situation in Africa. A vast array of sources and literature in Russian and English is needed to reflect the multi-vector possibilities of research on African issues.

Key words: postcolonial period, neo-patrimonialism, formation of political elites, ethnic parties, intergovernmental political groups

For citation: Kassaye Nigusie, W.M. & Ivkina, N.V. (2020). Features of the Political Development of Africa in the Postcolonial Period. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 22—38. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-22-38

В 1945 г., когда была основана Организация Объединенных Наций, среди учредителей было четыре африканских государства: Египет, Либерия, Эфиопия и Южно-Африканский Союз. В 1950-е гг. добились независимости и вступили в ООН Ливия (1952), Судан, Марокко, Тунис (1956), Гана (1957) и Гвинея (1958). 1960 г. вошёл в мировую историю как «Год Африки». В этот период на карте мира появилось 17 новых государств. Один за другим у штаб-квартиры ООН поднимались флаги независимых африканских стран. Весь мир следил за событиями на континенте. А завершился «Год Африки» принятием 14 декабря 1960 г. на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам¹. Это важная веха в истории Африканского континента.

Декларация подтвердила право всех народов на самоопределение и провозгласила необходимость скорейшего и безоговорочного

искоренения колониализма. Два года спустя был учрежден Специальный комитет по деколонизации для контроля за осуществлением Декларации. В результате этого процесса независимость получили многие территории с последующим членством в ООН.

С «классическим» колониализмом было покончено в середине 70-х гг. XX в. С оружием в руках завоевали независимость народы португальских колоний — Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде. Затем настал черед колониально-расистских режимов Юга Африки. Для национально-освободительных движений Юга было характерно сочетание вооруженных и политических форм борьбы. В 1980 г. правление большинства было установлено в Зимбабве, в 1990 г. — в Намибии, в 1994 г. — в ЮАР. В распаде колониальной системы была большая заслуга и Советского Союза. Руководитель страны того периода Н.С. Хрущев настаивал на принятии Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Денисов, Урнов 2010].

Как и в колониальные годы, Африка продолжает сохранять ключевую роль на мировых рынках минеральных и углеводородных

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 03.01.2020).

ресурсов. И эта роль континента с каждым годом возрастает. На Африку приходится большая доля мировых запасов высоковольтных сегодня минералов: 50 % — тория и урана, столько же — фосфатов, кобальта, марганца; 85 % — платины, 80—90 % — хрома, свыше 80 % — алмазов, колтана и т.д. Еще большее значение приобретают новые измерения природно-ресурсного потенциала. К ним относятся: биоразнообразие — на Африку приходится более 25 % видов млекопитающих, 20 % видов птиц и 24 % растений; наличие обширных органически чистых, пригодных для сельского хозяйства земель (свыше 400 млн га) и лесов; наличие большого потенциала возобновляемых энергетических ресурсов — солнечных, ветровых, гидроресурсов; большой потенциал пресной воды [Африканские страны в современных международных отношениях... 2017: 9].

Теоретическая основа исследования

Принято считать, что в рамках классических теорий международных отношений африканские исследования по большей части укладываются в постулаты неомарксизма. Это следует из двух соображений. Во-первых, отсутствие высокого уровня развития периферийных стран заставляет их накапливать капитал, бороться за экономическую справедливость, противопоставляя себя капиталистическим странам [Whitaker, Clark 2018: 13]. Во-вторых, сторонники неомарксистской теории, изучая развивающиеся страны, не могли обойти стороной феномен эксплуатации бывшими метрополиями колониальных территорий. Так, например, видный сторонник критической теории и теории постколониализма Ф. Фанон в своем труде отмечает, что «европейцы использовали идеологию превосходства для угнетения африканских народов как до, так и после крушения колониализма» [Fanon 2005: 112].

Если первая часть утверждения не вызывает вопросов, так как это было неоднократно доказано в рамках постколониальных исследований, то вторая — провоцирует жаркие споры между сторонниками западных и

незападных теорий международных отношений. Примером служит тот факт, что европейские страны вкладывают большие инвестиции в развитие африканских экономик, инфраструктуры и гуманитарных отраслей. В этом контексте можно утверждать, что идеи неомарксизма применимы к изучению внутриполитической ситуации в африканских странах, а также к исследованию их отношения к бывшим метрополиям.

Однако если речь идет о процессах, определяющих последствия колониальной политики, то следует обратить внимание на локальные теории, дающие возможность рассматривать не только государственный или частный секторы, но и оценивать разделение власти (партийное устройство и институт лидерства) и этническую проблему, характерную для Африки до сих пор.

В данном исследовании в качестве теоретической базы предлагается неопатримониалистический подход. В отличие от классических парадигм международных отношений, также имеющих характерную экспоненту нео-, неопатримониализм претерпел существенные изменения по сравнению с патримониализмом. Если второй термин относится к традиционной форме правления, описанной М. Вебером, как близкий авторитарному режиму, первый подразумевает под собой процесс изучения постколониальной системы, включая политические партии, законодательные органы, формальные институциональные структуры [Cheeseman, Bertrand, Husaini 2019].

В полной мере считать неопатримониализм полноценной теорией сложно. Так же как и классические теории, он пытается осмыслить феномен государственности и процессов, происходящих на мировой политической арене. В рамках африканских исследований государства рассматриваются как нечто иллюзорное или неформальное в силу того, что слабо обеспечивается верховенство закона, а возможности для осуществления свободной государственной политики крайне ограничены. При этом государства обладают весом в том смысле, что их политические элиты стремятся к получению максимального

контроля над всеми сферами внутренней и внешней политики [The Palgrave Handbook of Political Elites 2018: 246].

В качестве основных процессов на мировой политической арене неопатримониализм рассматривает борьбу за власть и за покровительство, инициированную элитами [Bratton, Van de Walle 1994: 487]. Также неопатримониалистический подход поднимает вопрос легитимности власти, что для многих стран Африки крайне актуально.

По мнению Б.Дж. Бермана, в постколониальную эпоху получение новыми странами государственной легитимности² стало самой трудной задачей в условиях государственного управления [Berman 1998: 305—306]. Искусственно созданные в постколониальную эпоху границы африканских государств стали причиной этнических, социальных и религиозных разделений. Но даже в тех странах, где с 1990 по 1993 г. (период бурного проведения президентских выборов) состоялся переход к демократическим режимам, военные и однопартийные режимы полностью так и не исчезли. Для доказательства этого факта в статье будет рассмотрен феномен этнических партий в Африке и военный аспект государственного управления.

В связи с этим целью исследования является необходимость доказательства постулатов неопатримониализма, связанных с итогами деколонизации в Африке и определением современной ситуации в отношениях метрополий с бывшими колониями. Для достижения поставленной цели предлагается выделить основные проблемы, с которыми столкнулись африканские страны в период формирования независимости, оценить действия правящей элиты, а также структуру партийной системы в привязке к особенностям влияния на эти процессы бывших колониальных держав. Для подтверждения или опровержения тезиса о процессах борьбы за власть и покровительстве стоит рассмотреть межэтнический и межгосударственный уровни отношений стран Африки и влияние на них отдельных третьих стран.

² Не синоним суверенитета.

Проблемы формирования современных государств Африки

В настоящее время в Африке расположено 55 государств, включая Сахарскую Арабскую Демократическую Республику (САДР), признанную 84 государствами — членами ООН и являющуюся членом Африканского союза (предшественника Организации африканского единства) с 1984 г. Моноэтнических государств в Африке практически нет³. Поэтому этническая стратификация (неравномерное распределение этносов по многонациональной территории, неравные возможности доступа к экономическим ресурсам и социальным благам) является одной из наиболее актуальных проблем стран Африки.

Некоторые исследователи полагают, что нынешние проблемы африканских обществ насаждались европейскими колонизаторами⁴, разделившими Африку на несколько территориальных образований в конце XIX в., и спустя 70 лет, в 60-е гг. XX в., трансформировали их в государства. Но нельзя полностью согласиться с данным утверждением. Методы, которые использовали колонизаторы для формирования будущих независимых государств, действительно оказали негативное влияние на современную ситуацию на континенте. При делимитации границ не были учтены ни особенности исторического расселения африканских этносов, ни политические, этнические, экономические или культурные особенности, определяющие многообразие местных племен.

Весьма спорным является также предположение о том, что колонизаторы, покидая Африку, планировали разжечь этноконфессиональную рознь с целью сохранения своего господства. Ряд экспертов даже предположили, что именно период колониализма подтолкнул народы Африки к борьбе за самоопределение: «Можно утверждать, что

³ Условно моноэтническими считаются Лесото и Мадагаскар.

⁴ Deng F.M. Ethnicity an African predicament // Brookings. June 1, 1997. URL: <https://www.brookings.edu/articles/ethnicity-an-african-predicament/> (accessed: 08.01.2020).

колониализм породил регрессивные идеи об африканской идентичности, которые стали центром националистической и антиколониальной борьбы» [The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History 2018: 431].

Необходимо отметить, что колонизаторы не могли действовать иначе, кроме как произвольно устанавливая политические границы в целях раздела сфер влияния. Это было обусловлено, прежде всего, следующими обстоятельствами: во-первых, при подписании Берлинского соглашения 1885 г.⁵ европейцы не ставили перед собой задачу сохранения этнических границ в Африке, в решениях конференции были изложены лишь правила раздела территорий континента; во-вторых, они действовали в условиях отсутствия глубоких знаний об этническом составе объекта их притязаний⁶.

Переход от территориальных образований к государственности в Африке отличался от европейского и американского тем, что он навязывался внешним миром, из метрополий, а не был естественным внутренним процессом, совершался в условиях диффузии самоидентичности населения континента. Полиэтнические государства создавались без учета таких важных составляющих элементов, как общее прошлое (история), общая культура, общий язык, естественные границы [Кассае Ныгусие 2016b].

Кроме того, сам процесс шел очень быстро, африканские чиновники не только не имели опыта разрешения межэтнических конфликтов, но и не были готовы управлять многонациональными образованиями. В итоге в Африке образовались хрупкие, несовершенные, чуждые местным социумам политические системы, которые оказались не в состоянии справиться с требованиями этнических групп, отстаивающих свои интересы.

⁵ Заключительный акт Берлинской «Африканской» конференции. Берлин, 14/26 февраля 1885 г. URL: <http://istmat.info/node/27251> (дата обращения: 02.01.2020).

⁶ В Кении, Танганьике, Уганде и Нигерии колониальным властям удалось достичь приблизительного совпадения административного деления с областями расселения ранее проживающих здесь этнических групп.

Современные африканские государства по большей части являются продуктами политической мысли Европы, а не Африки⁷. После завоевания независимости правящие элиты стран Африки столкнулись с необходимостью становления национальной государственности. Созданная европейцами система управления не была в состоянии отвечать интересам социально-экономического и духовного развития общества, вступившего на путь независимого развития. Хрупкие, несовершенные, чуждые местным социумам государственные структуры зачастую оказались не в состоянии справиться с вызовами этноконфессиональных групп, отстаивающих свои эгоистические интересы. Это относится как к странам, где правили военные, так и к формально гражданским, даже «демократически» созданным режимам [Абрамова 2002: 48; Абрамова, Фитуни 2015].

Правящая элита и ее влияние на политическую систему и культуру Африки

В период колонизации Африки наблюдалась тенденция к тому, что наряду с представителями традиционной доколониальной появляется новая европеизированная элита за счет национальной интеллигенции, предпринимателей, получивших европейское образование и приобщившихся к различным политическим течениям Запада, таким как консерватизм, либерализм и социализм. Одни предпочитали радикальные (революционные) методы, другие попытались частично сохранять национальную идентичность, например, *институт вождя*, оказывавший в течение столетий влияние на формирование сознания местного населения и политической элиты. Это была попытка сочетать традиционные и западные ценности, что нашло отражение в увеличении числа западных политических институтов, с одной стороны, и в демонстрации уважения к традиционным ценностям — с другой.

⁷ За исключением Эфиопской империи.

Общение с представителями колониальных управленческих структур, обучение в школах, созданных европейцами, возможность получения образования в Европе способствовали формированию у представителей элиты Африки новых политических интересов и ориентаций. Это обусловлено двумя факторами.

Первый основан на том, что постепенно увеличивалось количество молодежи, получавшей образование не только в местных, но и в зарубежных вузах, в том числе советских и американских. В силу общественного положения у элиты было больше возможностей приобщить своих детей к достижениям европейской культуры и цивилизации. Понимая необходимость модернизации традиционных политических институтов для дальнейшего успешного развития общества, новая элита начала процесс реформирования африканской традиционной политической культуры.

Второй фактор основан на том, что большое влияние на состояние политической культуры Африки оказало перенесение в нее европейских политических институтов (государство, политические партии и политизированные общественные движения), а также представительных, законодательных (парламент) и судебных органов власти по образцу европейских стран. При этом на некоторых территориях — Бенина, Ганы, Марокко, Мали, Нигерии, Камеруна, Конго — сохранялись и традиционные институты управления. Таким образом, политическая система постколониальной Африки состояла из двух подсистем: европейской и традиционной.

Эти факторы доказывают один из аспектов неопатримониалистического подхода. Так, например, К. Клепхэм в своей работе «Политика Третьего мира» предположил, что в рамках неопатримониализма система распределения политического управления в африканских странах будет базироваться на формально построенных правовых принципах [Clapham 1985: 48]. Другими словами, формально у власти находятся чиновники, занимающие должности в бюрократических аппаратах с условно определенными полномочиями, но реализацию жизненно важных

вопросов берут на себя европейские силы. Помимо этого следует особо отметить, что если в период колониализма метрополии использовали правящие аристократии в качестве агентов для контроля над местным населением, то в постколониальный период современные африканские политические элиты взяли на себя роль посредников между европейцами и африканцами по отдельным вопросам [Bassey 2009: 30—31].

Впоследствии с современными политическими институтами страны Африки приобрели не столько демократические, сколько авторитарные традиции. В итоге «демократические ценности» либо отсутствовали, либо не укоренились ни в политической культуре масс, ни в политической культуре элит. Результаты этого наряду с другими факторами и причинами до известной степени отразились на формировании в независимых странах Африки властных структур, а именно — в предпочтении президентских режимов парламентским [Косухин 2015].

Изучение африканских политических элит осложняется тем, что требует унифицированного рассмотрения региона, что невозможно в условиях разнородных типов государственного устройства стран Африки. Однако существует возможность выделения общих черт политических режимов, таких как: слабая институционализация политических систем, устойчивое преобладание неформальных политических отношений, длительные сроки пребывания лидеров у власти, партикуляристская экономическая политика [The Palgrave Handbook of Political Elites 2018: 241].

Во второй половине 80-х гг. XX в. практически во всех странах Африки заговорили о необходимости реформирования традиционной политической культуры и прежней политической структуры. Предполагалось сделать переход от однопартийной к многопартийной системе. Это являлось своеобразным условием демократизации политических систем в Африке. Но наличие большого числа политических партий не свидетельствует о высокой степени политического плюрализма в обществе. Многие партии малочисленны, иногда

довольно затруднительно определить их политико-идеологическую направленность. Кроме того, многие политические партии Африки представляли отдельные этносы, а не государство в целом. Из-за слабости оппозиционных партий их участие в политическом процессе определяется традициями, лояльностью по отношению к правящему режиму.

Кроме того, политические партии в странах Африки формируются в большинстве случаев не вокруг политической платформы или проводимой партией политики, а на основе взаимоотношений «патрон — клиент», то есть личных связей между лидерами и рядовыми членами, на взаимоотношениях клановости, этноплеменной общности, земляческих, религиозных и тому подобных принципах, никак не связанных ни с платформой, ни с политикой этой партии [Ефимова 1996].

В качестве примера можно привести Федеративную демократическую республику Эфиопию, где абсолютное большинство политических партий составляют этнические. Хотя пересмотренное Постановление о регистрации партий (Proc. No. 573/2008)⁸ признает только политические партии, созданные на национальном или региональном уровне, около 70 % зарегистрированных партий имеют этнические названия, что указывает на то, что они являются партиями, принадлежащими к конкретной языковой группе, проживающей в одном из штатов Эфиопии [Gebru 2014]. Более того, многие из партий, зарегистрированных как общенациональные, не скрывают свою принадлежность тому или иному этносу и используют его в качестве средства мобилизации населения.

Несмотря на выделенные партийные недостатки, с начала 1990-х гг. многопартийная демократия стала нормой во многих африканских странах. При этом никакой концептуальной или сравнительной работы на финальных стадиях ее внедрения проведено не было, и неиндустриализированные африканские страны получили те же установки по созданию системы, что и западные страны.

Л. Даймонд и Р. Гюнтер, одними из первых предложившие типологию политических партий для африканских стран, не видят в этом проблемы, утверждая, что наличие этнических партий только «разнообразит ландшафт концепции африканской политической конкуренции» [Diamond, Gunther 2001: 30—36]. С этим нельзя согласиться в полной мере в силу того, что отдельные этнические партии могут усиливать свое влияние за счет расширения общины, что оказывает давление на политическую систему и приводит к внутренним противоречиям. Кроме того, западные страны стремятся оказать внешнюю помощь исключительно партиям с общенациональным присутствием, избегая финансировать отдельные нестабильные объединения [Elischer 2013: 271]. Это приводит к трансформации внутриполитической системы, когда зачастую ключевые решения зависят от тех партий, которым удастся выдать интересы этнического большинства за общенациональные.

С завоеванием независимости страны Африки приступили к проведению и «самостоятельной» экономической политики. Первые десятилетия в истории Африки известны как эпоха оптимизма. Для постколониального развития государств Африки была характерна ключевая роль государства в преобразованиях, что в значительной мере было обусловлено слабостью национального частного капитала (буржуазии). В качестве одного из главных путей преодоления отсталости и ускорения развития рассматривалось создание обширного госсектора, контролировавшего основные сферы национальной экономики. Во многом это происходило путем национализации предприятий, принадлежавших представителям бывших метрополий.

Развитие госсектора сопровождалось ростом численности государственных служащих и административно-технического персонала, повышением социального статуса и престижа этого общественного слоя, на базе которого складывались привилегированные группы, превратившиеся в источник формирования новой элиты, частично трансформировавшейся впоследствии (в конце 1980-х — начале 1990-х гг.) в технократию.

⁸ The Revised Political Parties Registration Proclamation No. 573/2008 // Federal Negarit Gazette. No. 62. 24.09.2008. P. 4282–4312.

Приход к управлению государством нового поколения специалистов стал одним из наиболее знаковых процессов в государственной жизни стран Африки. Новые управленцы, получившие подготовку в вузах метрополии (их обучение часто оплачивалось правительством или общественными учреждениями бывших метрополий или ТНК), либералы по взглядам, занимают ключевые посты в правительстве, становятся видными деятелями региональных администраций. Они, как правило, хорошо образованны (преимущественно экономисты и юристы), некоторые имеют ученые степени, стажировались в бывших метрополиях.

Основные черты группы управленцев, которую условно можно назвать «новой бюрократией», заключаются в том, что они реформаторски ориентированы. Вместе с тем для них реформы — это ломка существующего порядка. Старый порядок (старшее поколение элит) является препятствием для ускорения развития страны, и прежде всего их самих⁹.

Таким образом, с точки зрения исторических условий период становления политической культуры правящих элит после обретения независимости можно разделить на два этапа: в 1960—1980 гг. у власти находилось первое поколение, с 1980 г. по настоящее время — второе поколение правящей элиты. Методы политического руководства как первого, так и второго поколений продолжают во многом оставаться авторитарными. Доминирование авторитарных форм правления объясняется лидерами обоих поколений одинаково: необходимостью решить острейшие или обостряющиеся социально-экономические проблемы, а также стремлением добиться консолидации нации.

При этом сосредоточение власти в руках одного человека (и его ближайшего окружения) оправдывается традиционными представлениями о власти, обосновывается с религиозной точки зрения и особенностями

национального менталитета. Это также подтверждает неопатримониальное поведение африканских стран, основанное на фракционизме, объясняющееся наличием в системе управления одного человека или строго ограниченного круга лиц, реализующих личные интересы [Lodge 2014: 1—2].

Для представителей первого поколения правящей элиты Африки была характерна идеализация самобытного аспекта социально-политического и экономического развития нации, что отразилось в поисках иного, отличного от «западного» пути развития. Африканская элита попыталась сопровождать это мероприятие путем создания идеологий: панафриканизма, африканского социализма, негритюда и т.д. Но из-за неконкурентоспособности этих идеологий африканцы вынуждены были ориентироваться на Запад (США) или на Восток (СССР). А после распада Советского Союза они вовсе лишились выбора.

Одна из особенностей лидеров второго поколения стран Африки состоит в том, что они ставили перед собой задачу следовать принципам «хорошего управления» в условиях недостаточного уровня экономического развития. «Хорошее управление» для большинства стран Африки означало, что программы помощи и кредиты МВФ и Всемирного банка, а также помощь со стороны стран-доноров сопровождаются не только экономическими, но и политическими условиями. Таким образом, промышленно развитые страны и организации, в которых они занимают ведущие позиции, обладают рычагами воздействия на правительства, не желающие или неспособные «эффективно» управлять своими странами [Пискунова 2008: 42—43]. Это и есть суть колониализма нового типа.

Армия в политической жизни стран Африки

Важная, а на отдельных этапах решающая, роль в политической жизни стран Африки принадлежит армии. Как утверждает Г.И. Мирский, армия — главный общенациональный институт в государстве, где нация

⁹ Организаторами и руководителями переворотов в Африке были люди, получившие образование в западных вузах.

еще проходит этап становления, где слабы общенациональные связи, где семейные, родовые, племенные, региональные связи определяют сознание людей в большей степени, чем чувство принадлежности к одной общности [Мирский 1976: 8—9]. То есть отсутствие сложившейся развитой системы государственного управления в странах Африки накануне завоевания независимости, а также тот факт, что именно военные (партизаны) руководили антиколониальной борьбой, обусловило их приход к власти.

Роль армии в политической жизни различных стран Африки далеко не одинакова. В одних при помощи армии были установлены революционно-демократические режимы. В других — армия не поддерживала их становление. Найти общий знаменатель сложно [Мирский 1976]. Однако была выявлена тенденция: степень милитаризации зависит от уровня жизни в стране. Так, существуют мнения, что чем беднее государство, тем более милитаризована власть и общество (примеры — Мозамбик, Сомали, Чад, Танзания) [Barany 2012: 288].

Таким образом, в каждой из стран Африки армия, а главным образом средние и высшие военные чины, наложили отпечаток на формирование политической культуры правящей элиты, способствовали становлению государственных институтов и влияли на пути и формы политического развития страны. Во многих странах Африки армия не просто взяла власть, она и способствовала приходу к власти нового поколения правящей элиты, сумевшей провести преобразования, способствовавшие экономическому развитию, повышению уровня жизни широких слоев населения. Примером могут служить армии Египта, Ливии, Нигерия и Ганы.

Этнический фактор в постколониальном развитии Африки

В процессе формирования общества колониального периода этнические группы были разделены или объединены практически без учета их общих характеристик или отличительных признаков. Они были помещены в новые административные рамки,

управляемые новыми ценностями, новыми институтами, новыми принципами и методами управления. Автономные локальные взгляды старого порядка были заменены контрольными механизмами государства, в которых верховной властью был чужеземец.

Этот механизм функционировал посредством централизации власти, которая в конечном итоге опиралась на полицию и военную силу, а также на инструменты авторитарного правления. Эта грубая сила, однако, была смягчена путем расширения государственного контроля за племенами и местными общинами, что придавало лидерам статус легитимных правителей. В добавление к этому виду легитимности была введена система социального обеспечения, с помощью которой «государство» предоставляло скудные социальные услуги и ограничивало возможности развития в привилегированных секторах. В противном случае национальные ресурсы добывались и экспортировались для обеспечения промышленности метрополий¹⁰.

Колониализм пытался блокировать этнические интересы, вовлечение этноса в политику. Различные этносы, проживавшие на одной территории, устанавливали отношения по вертикали (этнос — колонизатор), а не по горизонтали (этнос — этнос). Поэтому этническая иерархия имела место лишь по отношению к центральной власти (колонизатору). Но в 1960-е гг. с приобретением независимости общий враг — «колониальный угнетатель» — был устранен, начались разногласия, которые привели к серьезным конфликтам и даже геноциду, как это было в Руанде или в Судане [Кассае Ныгусие 2016b].

Через несколько десятилетий после обретения независимости африканскими государствами стало очевидно, что «первые лидеры освободившихся стран не осознавали того факта, что в большинстве случаев возглавляемые ими государства представляли собой мозаику плохо или вовсе не интегрированных

¹⁰ Deng F.M. Ethnicity an African predicament // Brookings. June 1, 1997. URL: <https://www.brookings.edu/articles/ethnicity-an-african-predicament/> (accessed: 08.01.2020).

местных сообществ, в которых существовали противоречащие друг другу схемы подчинения (то есть распределения власти), равно как и не учитывались пределы располагаемых ресурсов и возможностей» [Austin 1984: 15].

После обретения независимости африканцы стремились дезавуировать этнический (племенной) подход как разделительный. Единство было постулировано таким образом, что предполагало мифическую однородность среди разнообразия. Кваме Нкрума — первый лидер Ганы — запретил наличие политических партий, организованных на племенных или этнических основах. Ф. Уфуэ-Буаьи, руководивший Кот-д'Ивуаром в 1960—1993 гг., объединил этнические группы благодаря умелому распределению министерских постов, государственных должностей, социальных услуг и проектов развития. Джулиус Ньерере попытался искоренить межплеменные межэтнические разногласия путем поощрения танзанийского национализма. Кенийский лидер в 1964—1978 гг. Джомо Кениата попытался сформировать альянс этнических групп, при этом его партия Кенийский Африканский Национальный Союз была доминирующей¹¹.

Сегодня практически каждый африканский конфликт имеет этноконфессиональное измерение. Даже в тех конфликтах, которые могут казаться свободными от этнических проблем, участвуют группировки и их союзники, основываясь на этнической принадлежности. В условиях экономического кризиса, перехода к другой формации в людях воспитывается фанатичная преданность своей группе, доходящая до полного отрицания прав других групп. Политики используют любые методы для сплочения населения, оправдываются любые действия, в том числе применение самых жестоких мер и методов по отношению к своим противникам. Негативные стереотипы и образ врага искусственно поддерживаются участниками конфликтов

и закрепляются в сознании населения. Более того, негативное восприятие другого этноса или другой конфессиональной группы порой намеренно культивируется правящими кругами для того, чтобы стимулировать продолжение войны и отвлечь основную часть населения от социально-экономических трудностей [Кассае Ныгусие 2016b].

В большинстве африканских стран решимость сохранить национальное единство после независимости послужила мотивом для оправдания однопартийного правления, чрезмерной централизации власти, репрессивных авторитарных режимов и систематического нарушения прав человека и основных свобод. Это, в свою очередь, вызвало реакцию, проявляющуюся в усилении напряженности и требования второго освобождения¹². В настоящее время управление этническим разнообразием в рамках сохранения колониальных границ является главной задачей государств Африки. При этом не только практических, но и теоретических подходов и механизмов для разрешения межэтнических межконфессиональных конфликтов не существует.

В Африке выделяется несколько волн конфликтности, которые, возникнув в локальных очагах, распространились на регионы и субрегионы континента. Из этого следует, что «горячие точки» Африки — это не только точки столкновения интересов и двусторонних претензий политического, территориального или экономического характера, это «узлы конфликтности», которые образовались путем трансформации, «перетекания» внутреннего для страны конфликта в пограничный, затем в конфликт в другой стране и т.д. Подобный процесс опасен тенденцией перерастания в «волны конфликтности», которые могут охватить весь континент. Путем «перетекания» конфликт, сгенерированный претензиями двух сторон и зачастую в рамках одного государственного образования, становится самовоспроизводящимся и обретает ускорение, собственную динамику и логику. Такая ситуация показательна, так как демонстрирует общемировую тенденцию [Пискунова 2008: 42—43].

¹¹ Deng F.M. Ethnicity an African predicament // Brookings. June 1, 1997. URL: <https://www.brookings.edu/articles/ethnicity-an-african-predicament/> (accessed: 08.01.2020).

¹² Ibid.

По мнению современных конфликтологов, отличительной чертой конфликтов XXI в. стала не только трудность управления, но и тенденция перерастания локальных конфликтов в региональные. В конечном итоге изначальные противоречия противников порой не имеют ничего общего с тем, во что они превращаются. Пристального изучения заслуживают два фактора. Прежде всего, это феномен общемирового значения, связанный с взрывом конфликтности после окончания холодной войны. Другой фактор — усиление конфликтности на континенте и дезинтеграция ряда государств; сам по себе этот фактор не является новым феноменом, но потенциал конфликтности в Африке сегодня как никогда высок: континентальные противоречия более не сдерживаются мощными игроками извне.

Межафриканские отношения

В постколониальные годы лучшие умы Африки были заняты поиском путей достижения полной независимости (политической, военной, экономической, культурной) континента от европейского господства. При этом мнения среди лидеров африканских стран разделились. Одни считали, что Африка может достичь желаемых результатов, приступив к немедленному объединению всех государств континента, другие полагали, что наиболее эффективным решением будет создание экономического союза на базе отношений, заложенных колонизаторами. Результатом этих разногласий стало появление на политической арене Африки в начале 60-х гг. XX в. радикальных (К. Нкрума, А. Секу Туре, Г. Абдель Насер), умеренных (Л. Седар Сенгор), консервативных (Ф. Уфуэ-Буаньи) и нейтральных (император Хайле Селассие I) лидеров.

В 1958 г. лидер Золотого Берега К. Нкрума созвал Конференцию независимых африканских государств в Аккре, столице Ганы. Конференция состоялась 8—13 декабря и проходила под лозунгом борьбы за завоевание всеми народами Африки политической независимости. Среди множества проблем, которые обсуждались на конференции,

наиболее злободневными на тот исторический момент были: выработка единой линии в области внешней политики африканских государств; меры защиты независимости, суверенитета и территориальной интеграции континента; пути и средства расширения экономического сотрудничества между государствами Африки, основанного на технических, научных и информационных обменах; культурный обмен между африканскими странами [Кассае Ныгусие 2016а: 240—241]. Конференция призывала все народы Африки к единству. На конференции было решено ежегодно отмечать «День свободной Африки» 15 апреля [Кассае Ныгусие 2013: 58]. Участники конференции также договорились встречаться каждые два года и решили, что вторая конференция состоится в Аддис-Абебе, столице Эфиопии, в 1960 г.

Аддис-Абесская конференция 1960 г. проходила 14—24 июня с участием руководителей 9 стран: Ганы, Гвинеи, Камеруна, Либерии, Ливии, Марокко, ОАР, Туниса, Эфиопии и представителей Временного правительства Алжирской Республики. Конференция обсудила важные международные и общеафриканские проблемы и приняла ряд резолюций, в которых осудила проведение любых испытаний ядерного оружия на территории Африки. Участники впервые обратили внимание африканских государств на опасность неокOLONиализма и рекомендовали установить действенный контроль над иностранными фирмами, а также потребовали от колониальных держав определить даты предоставления независимости всем территориям, еще остающимся в колониальной зависимости.

С самого начала было понятно, что реальными движущими силами, имеющими власть и средства для достижения цели объединения Африки, являются лидеры государств. Иными словами, судьба единства Африки до определенной степени находилась в их руках. Идея единства пропагандировалась среди африканцев, получивших образование в европейских или созданных в Африке европейцами учебных заведениях. «Европеизированная» африканская элита имела более адекватное

представление о понятии единства, нежели большинство населения, для которого оно было абстрактным и непонятным явлением.

В 1961—1962 гг. из-за политических разногласий между африканскими государствами все попытки созвать общеафриканскую конференцию оказались безуспешными, образовались первые межгосударственные политические группы.

15—19 декабря 1960 г. представители 12 государств Африки: Камеруна, Центральноафриканской Республики, Чада, Конго (Браззавиль), Дагомеи (с 1975 г. Народная Республика Бенин), Габона, Берега Слоновой Кости (с 1985 г. Республика Кот-д'Ивуар), Малагасийской Республики (Мадагаскар), Мавритании, Нигера, Сенегала, и Верхней Вольты (с 1984 г. Буркина-Фасо)¹³ встретились в Браззавиле, чтобы обсудить положение в Алжире. Эти страны ничего не объединяло кроме их колониального прошлого, и того, что французский язык стал государственным. На встрече в Браззавиле было принято коммюнике, в котором стороны подчеркивали желание более интенсивно сотрудничать в области экономики и культуры, а также выработать единую позицию во внешней политике [Кассае Ныгусие 2016b: 241—242].

Надо заметить, что отношения между упомянутыми странами не всегда были основаны на полном взаимопонимании и доверии. Л. Седар Сенгор, лидер Сенегала, и Ф. Уфуэ-Буаньи, лидер Кот-д'Ивуара, соперничали между собой за лидерство, а А. Секу Туре, лидер Гвинейской Республики, враждовал с Ф. Уфуэ-Буаньи [Anda 2000: 81]. Тем не менее «Браззавильская группа» оказалась достаточно гармоничной и многочисленной. Она объединила африканские государства, политический курс которых отличался консерватизмом и умеренностью.

В январе 1961 г. после конференции, которая проводилась в Касабланке (Марокко), начала свою деятельность и радикальная группа, позже получившая название «Касабланкской». В конференции принимали участие Египет, Гана, Гвинея, Мали, Марокко,

представители Ливии и временное правительство Алжирской Республики. Тунис, Нигерия, Либерия и Того отклонили приглашение. По итогам конференции была принята Африканская хартия (Устав), и было решено создать военное командование африканских государств и африканский общий рынок. Кроме того, были созданы постоянные органы, включая экономические, культурные и политические комитеты, высшее командование и штаб в Бамако (Мали) [Кассае Ныгусие 2013: 61].

«Монровийская» группа сформировалась после конференции, проведенной в Монровии (Либерия), в мае 1961 г. В этом форуме принимали участие представители 19 стран (Камеруна, Центральноафриканской Республики, Чада, Республики Конго, Кот-д'Ивуара, Дагомеи, Эфиопии, Габона, Либерии, Мадагаскара, Мавритании, Нигера, Нигерии, Сенегала, Сьерра-Леоне, Сомали, Того, Туниса и Верхней Вольты). В неё вошли все члены «Браззавильской группы», Ливия и большинство бывших британских колоний.

К «Монровийской группе» присоединились независимые африканские государства, лидеры которых считали, что международная политика Африки не была адекватно представлена группами «Касабланка» и «Браззавиль». К ней примкнули такие государства, как Нигерия, Кот-д'Ивуар, Сенегал, Сьерра-Леоне, Либерия. Этой группе симпатизировали, в частности, Эфиопия, Судан и Сомали.

«Монровийская группа» встретила снова (за исключением Туниса и с включением бывшего бельгийского Конго) в январе 1962 г. в Лагосе (Нигерия) с целью создания постоянного секретариата и постоянной комиссии министров финансов с целью разработки и подписания хартии (устава) Организации африканских государств и острова Мадагаскар.

Две группы заняли разные позиции по вопросам, касающимся роли государства в национальной экономике, а также отношениях с бывшими колонизаторами. Неоднозначно реагировали они на присутствие в Африке коммунистических государств (СССР, стран Восточной Европы, Китая). «Касабланкская

¹³ Гвинея и Мали бойкотировали встречу.

группа» предлагала установить государственный контроль над всеми средствами производства, аргументируя это тем, что лишь в условиях полной экономической независимости возможна политическая свобода. Это означало необходимость расширения государственного сектора в национальной экономике за счет национализации иностранных предприятий. В Гане в начале 1960-х гг. были созданы государственные предприятия.

К. Нкрума, премьер-министр и первый президент независимой Ганы, был глубоко убежден, что социалистический подход поможет ускорить трансформацию отсталой традиционной экономики в развитую индустриальную. И в Гвинее, и в Мали была введена государственная монополия на внутреннюю и внешнюю торговлю. В Египте также прошла национализация многих предприятий. Это был ответ бывшим метрополиям, которые, по мнению «Касабланкской группы», пытались осуществлять контроль над экономикой бывших колоний через различные экономические, дипломатические ухищрения и механизмы, что является «несправедливым и нелегитимным». Члены группы призывали африканцев занять жесткую единую позицию по отношению к неокOLONIALным методам эксплуатации Африки.

Многие африканцы полагали, что расхождение во взглядах, которое демонстрировали обе группы, является непреодолимым и что единство Африки представляет собой недостижимую цель. Но в мае 1963 г. произошло событие, примирившее расколовшихся на две группы африканских лидеров, — была созвана первая общеафриканская конференция глав государств и правительств.

Преодолев все препятствия и трудности, 22 мая 1963 г. удалось созвать в Аддис-Абебе конференцию независимых африканских государств. 25 мая 1963 г. главы 32 государств Африки: Алжира, Дагомеи, Верхней Вольты, Камеруна, Центральноафриканской Республики, Чада, Конго, Республики Конго (Браззавиль), Демократической Республики Конго (с 1971 по 1997 г. Заир), Египта, Габона, Ганы, Гвинеи, Берега Слоновой Кости, Либерии, Ливии, Мадагаскара,

Мали, Мавритании, Марокко, Нигерии, Нигера, Руанды, Сенегала, Сьерра-Леоне, Сомали, Судана, Танзании, Того, Туниса, Уганды, Эфиопской империи (с 1991 г. Федеративная Демократическая Республика Эфиопия) — поставили свои подписи под уставом Организации африканского единства (ОАЕ) в Аддис-Абебе. Основным принципом деятельности ОАЕ стало «уважение суверенитета и территориальной целостности каждой страны и ее неотъемлемого права на независимое существование»¹⁴.

Создание ОАЕ было действительно важным этапом в истории постколониальной Африки. С этого момента африканские страны могли объединить свои усилия в борьбе против колониализма и апартеида. Они начали действовать сообща на международной арене. Но создание ОАЕ и принятие Хартии не означало, что проблемы, связанные с пограничными спорами, нашли автоматическое разрешение. Некоторые радикально настроенные лидеры уже во время конференции заявили, что всецело не разделяют идеи, положенные в основу Хартии ОАЕ. Кардинальные изменения в расстановке политических сил в мире за время существования Организации африканского единства (1963—2001) стали основными причинами создания Африканского союза, заменившего ОАЕ.

Инициатором преобразования ОАЕ в АС стал лидер Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии полковник Муаммар Каддафи, предложивший на состоявшемся 12—14 июля 1999 г. в Алжире ежегодном очередном саммите ОАЕ созвать внеочередную сессию ОАЕ в Ливии с целью обсуждения путей и средств повышения ее эффективности, необходимости отвечать на вызовы глобализации, с тем чтобы сохранить социальный, экономический и политический потенциал Африки [Кассае Ныгусие, Пономаренко, Савичева 2020]. Решение

¹⁴ Resolutions adopted by the First Conference of Independent African Heads of State and Government Held in Addis-Ababa. Ethiopia, from 22 to 25 May 1963 // OAU Secretariat. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/32247-1963_cias_plen_2-3_cias_res_1-2_e.pdf (assessed: 10.01.2020).

о создании АС было принято в сентябре 1999 г. на чрезвычайной встрече на высшем уровне ОАЕ в г. Сирте (Ливия).

В июле 2000 г. на саммите ОАЕ в г. Ломе (Того) главы государств стран Африки одобрили Учредительный акт АС. В июле 2001 г. на 37-й сессии Ассамблеи ОАЕ, которая состоялась в г. Лусаке (Замбия), был утвержден пакет документов, определяющих структуру и правовую базу новой организации. К этому моменту Акт, заменивший Устав ОАЕ, ратифицировало 51 государство, хотя Хартия ОАЕ продолжала действовать еще год в течение переходного периода от ОАЕ к АС.

26 мая 2001 г. на базе прекратившей существование Организации африканского единства была создана региональная международная межправительственная организация Африканский союз (АС), объединившая 53 государства континента.

Первый саммит Африканского союза состоялся в июле 2002 г. в г. Дурбане (ЮАР). Председателем АС был избран президент Южно-Африканской Республики Табо Мбеки. Членами АС являются все государства континента, кроме Королевства Марокко, которое прекратило свое участие в работе ОАЕ после принятия в ее члены Сахарской Арабской Демократической Республики.

Основным отличием АС от ОАЕ является то, что приоритетом в деятельности новой организации является экономическая интеграция, а не политическая. Это говорит о готовности к поступательному развитию интеграционных процессов. Тем не менее АС не отказывается полностью от основных принципов ОАЕ, таких как уважение государственных границ государств-членов, установленных на момент получения ими независимости, содействие единству, солидарности, сплоченности и сотрудничеству между народами и государствами Африки, защита суверенитета, территориальной целостности государств-членов, содействие поддержанию мира, безопасности и стабильности на континенте, эффективное разрешение региональных конфликтов. Новыми в акте АС являются положения, согласно которым к участию в работе АС не допускаются представители

правительств, пришедших к власти неконституционным путем, а ведение диалога с мировым сообществом разрешается только с единых позиций.

Заключение

В результате проведенного исследования можно говорить о том, что постколониальный период африканской истории вызывает живой интерес у экспертов, оценивающих потенциал региона и отдельных стран. Это связано, прежде всего, с тем, что на континенте не закончилось формирование основных политических структур, а также с постоянно меняющейся обстановкой в государственном секторе управления. Теория неопатримониализма стала неким связующим звеном между внутривнутриполитическими процессами в странах Африки и внешним фактором вмешательства и помощи европейских стран африканским государствам.

Именно с помощью вышеуказанной теории удалось показать дуалистический характер влияния бывших метрополий на процесс создания африканских государств в первый период постколониализма. С одной стороны, именно европейские страны стали инициаторами формирования границ в Африке без учета специфики исторических, этнических и культурных особенностей, что в результате привело к внутривнутриполитическим конфликтам на континенте. С другой стороны, без европейского влияния на процессы создания государственных структур с частичным сохранением традиционных систем ценностей практически невозможно представить современную африканскую элиту, она просто не смогла бы сдерживать отдельные этнические инициативы и не имела бы навыков управления.

Относительно ситуации с военными силами в африканских странах следует отметить, что армия остается важным звеном внутривнутриполитической обстановки на континенте. Это обусловлено региональной нестабильностью и высоким конфликтным потенциалом. Здесь внешний фактор — вмешательство европейских акторов — играет хоть и значимую, но скорее негативную роль.

Помощь в усилении военных структур отдельных африканских государств, зачастую без оглядки на их реальные нужды, представляет собой не столько желание содействовать развитию, сколько реализует европейские цели по расширению своего потенциала в Африке. В целом именно военная сфера — самая сложная для преодоления проблем в постколониальный период.

Что касается процесса появления африканских межгосударственных политических групп, то этот вопрос тесно связан с

проблемой этносов и формированием новых политических элит. Очевидно, что интеграционные процессы в регионе складывались как благодаря внутренним, так и внешним факторам. К внутренним относится готовность лидеров стран создавать субрегиональные группы для усиления собственных позиций в масштабах континента, а к внешним — признание европейскими странами уже сформировавшихся в XXI в. международных организаций в Африке.

Поступила в редакцию / Received: 23.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 22.02.2020

Библиографический список

- Абрамова И.О. Страны Африки 2002. Альманах. М.: Институт Африки РАН, 2002.
- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Экономическая привлекательность и инвестиционный потенциал региона Африки к югу от Сахары // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 167—173.
- Африканские страны в современных международных отношениях: новые рубежи / под ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясова. М.: Институт Африки РАН, 2017.
- Денисов А.В., Урнов А.Ю. СССР и деколонизация Африки // Азия и Африка сегодня. 2010. № 12. С. 15—20.
- Ефимова Л.М. Политическая культура стран Азии и Африки. М.: МГИМО, 1996.
- Кассае Ныгусие В.М. Император Хайле Селассие I и Организация африканского единства (к 50-летию Африканского союза) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2013. № 3. С. 57—71.
- Кассае Ныгусие В.М. Хайле Селассие I — император Эфиопии. М.: РУДН, 2016а.
- Кассае Ныгусие В.М. Этнические конфликты и проблемы их разрешения в Африке в начале XXI века // Конфликтология / nota bene. 2016b. № 3. С. 183—189. DOI: 10.7256/2454-0617.2016.3.21948
- Кассае Ныгусие В.М., Пономаренко Л.В., Савичева Е.М. Особенности африканского вектора внешней политики Муаммара Каддафи: от арабского единства к panaфриканизму // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 234—244. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi11
- Косухин Н.Д. Политическое лидерство в Африке: прошлое и настоящее. М.: Институт Африки РАН, 2015.
- Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М.: Наука, 1976.
- Пискунова Н.И. Внутриполитические трансформации в странах Африканского Рога: тенденции и/или угрозы? // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 1. С. 41—54.
- Anda M. International Relations in Contemporary Africa. N.Y.: University Press of America, 2000.
- Austin D. Politics in Africa. Hanover, NH: University Press of New England, 1984.
- Barany Z. The Soldier and the Changing State. Princeton University Press, 2012.
- Bassef M.O. Higher Education and the Rise of Early Political Elites in Africa // Review of Higher Education in Africa. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 30—38.
- Berman B. J. Ethnicity, Patronage and the African State: The Politics of Uncivil Nationalism // African Affairs. 2018. Vol. 97. P. 305—341. DOI: 10.2307/723213
- Bratton M., Van de Walle N. Neopatrimonialism Regimes and Political Transitions in Africa // World Politics. 1994. Vol. 46. P. 453—489. DOI: 10.2307/2950715
- Cheeseman N., Bertrand E., Husaini S. A Dictionary of African Politics. Oxford University Press, 2019.
- Clapham C. Third World Politics. London: Helm, 1985.
- Diamond L., Gunther R. Types and Functions of Parties // Political Parties and Democracy / Ed. by L. Diamond, R. Gunther. The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 3—39.
- Elischer S. Political Parties in Africa. Ethnicity and Party Formation. Cambridge University Press, 2013.
- Fanon F. The Wretched of the Earth. N.Y.: Grow Press, 2005.

- Gebru S.G. Political Parties, Party Programmaticity and Party System in Post 1991 Ethiopia // *European Scientific Journal*. 2014. Vol. 10. No. 16. P. 417—440.
- Lodge T. Neo-patrimonial Politics in the ANC // *African Affairs*. 2014. Vol. 113. No. 450. P. 1—23. DOI: 10.1093/afraf/adt069
- The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History* / Ed. by M.S. Shanguhya, T. Falola. Palgrave Macmillan, 2018.
- The Palgrave Handbook of Political Elites* / Ed. by H. Best, J. Higley. Palgrave Macmillan, 2018.
- Whitaker B.E., Clark J.F. Africa's International Relations. Balancing Domestic and Global Interests. Lynne Rienner, 2018.

References

- Abramova, I.O. & Fituni, L.L. (2015). Economic Attractiveness and Investment Potential of the African Region to the South of Sahara. *Problems of the Modern Economics*, 3, 167—173. (In Russian).
- Abramova, I.O. (2002). Countries of Africa 2002. Almanac. Moscow: Institute of African Studies RAS publ. (In Russian).
- Anda, M. (2000). *International Relations in Contemporary Africa*. N.Y.: University Press of America.
- Austin, D. (1984). *Politics in Africa*. Hanover, NH: University Press of New England.
- Barany, Z. (2012). *The Soldier and the Changing State*. Princeton University Press.
- Bassey, M.O. (2009). Higher Education and the Rise of Early Political Elites in Africa. *Review of Higher Education in Africa*, 1 (1), 30—38.
- Berman, B.J. (2018). Ethnicity, Patronage and the African State: The Politics of Uncivil Nationalism. *African Affairs*, 97, 305—341. DOI: 10.2307/723213
- Best, H. & Higley, J. (Eds.). (2018). *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Palgrave Macmillan.
- Bratton, M. & Van de Walle, N. (1994). Neopatrimonialism Regimes and Political Transitions in Africa. *World Politics*, 46, 453—489. DOI: 10.2307/2950715
- Cheeseman, N., Bertrand, E. & Husaini, S. (2019). *A Dictionary of African Politics*. Oxford University Press.
- Clapham, C. (1985). *Third World Politics*. London: Helm.
- Denisov, A.V. & Urnov, A.Y. (2010). The Soviet Union and Decolonization of Africa. *Asia and Africa Today*, 12, 15—20. (In Russian).
- Deych, T.L. & Korendyasov, E.N. (Eds.). (2017). African Countries in Modern International Relations: New Frontiers. Moscow: Institute of African Studies RAS publ. (In Russian).
- Diamond, L. & Gunther, R. (2001). Types and Functions of Parties. In: Diamond, L. & Gunther, R. *Political Parties and Democracy*. The Johns Hopkins University Press. P. 3—39.
- Efimova, L.M. (1996). The Political Culture of the Countries of Asia and Africa. Moscow: MGIMO Universitet publ. (In Russian).
- Elischer, S. (2013). *Political Parties in Africa. Ethnicity and Party Formation*. Cambridge University Press.
- Fanon, F. (2005). *The Wretched of the Earth*. N.Y.: Grow Press.
- Gebru, S.G. (2014). Political Parties, Party Programmaticity and Party System in Post 1991 Ethiopia. *European Scientific Journal*, 10 (16), 417—440.
- Kassae Nygusie, V.M. (2016b). Ethnic Conflicts and Problems of Their Resolution in Africa at the Beginning of the 21st Century. *Conflictology / nota bene*, 3, 183—189. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0617.2016.3.21948
- Kassae Nygusie, V.M., Ponomarenko, L.V. & Savicheva, E.M. (2020). Features of the African Vector of Muammar Gaddafi's Foreign Policy: from Arab Unity to Africanism. *Voprosy istorii*, 1, 234—244. (In Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi11.
- Kassaye Nigusie, W.M. (2013). Emperor Haile Selassie (I) and the Organization of African Unity (Devoted to the 50th Anniversary of the African Union). *RUDN Journal of World History*, 3, 57—71. (In Russian).
- Kassaye Nigusie, W.M. (2016a). *Haile Selassie I — Emperor of Ethiopia*. Moscow: RUDN publ. (In Russian).
- Kosukhin, N.D. (2015). *Political Leadership in Africa: Past and Present*. Moscow: Institute of African Studies RAS publ. (In Russian).
- Lodge, T. (2014). Neo-patrimonial Politics in the ANC. *African Affairs*, 113 (450), 1—23. DOI: 10.1093/afraf/adt069
- Mirsky, G.I. (1976). *“Third World” Society, the Government, and Army*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Piskunova, N.I. (2008). Internal Political Transformations in the Horn of Africa: Trends and/or Threats? *Vestnik MGIMO University*, 1, 41—54. (In Russian).

Shanguhya, M.S. & Falola, T. (Eds.). (2018). *The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History*. Palgrave Macmillan.

Whitaker, B.E. & Clark, J.F. (2018). *Africa's International Relations. Balancing Domestic and Global Interests*. Lynne Rienner.

Сведения об авторах: *Кассае Ныгусие Вольде Микаэль* — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kassae-nv@rudn.ru).

Ивкина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ivkina-nv@rudn.ru).

About the authors: *Kassaye Nigusie Wolde Mikhael* — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kassae-nv@rudn.ru).

Ivkina Natalia Viktorovna — PhD in History, Senior Lecturer, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ivkina-nv@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-39-53

Research article

Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization

I. Taylor

University of St Andrews, Scotland, United Kingdom

Abstract. The year 1960 marked the moment when the number of nominally independent African countries on the continent rose from nine to twenty-six and is a symbolic indicator of when Africa began to emerge from the days of European colonization. However, from the beginning, very few of Africa's leaders sought to reorganize the continent's economic structures and did virtually nothing to question its external exchange relations. Preferring to play the role of compradors, most preferred to stay wedded to their former colonial masters.

Consequently, sixty years after the Year of Africa, most African countries continue to be entrenched in a set of connections that fit well with Kwame Nkrumah's description of neocolonialism. This neocolonialism has a highly resilient material base which continues to maintain the continent in its subordinate global status and which perpetuates its underdevelopment. Sustainable growth and development in Africa continues to be blocked by the domination of external economies. African countries remain constrained from accumulating the necessary capital for auto-centric growth since the surplus is transferred overseas. Asymmetrical economic relationships are embodied by the continued supremacy of the core over Africa, something intrinsic to capitalism.

Unequal exchange, the transfer of surplus i.e. the continued looting of Africa by its elites and their foreign associates, means that the dreams and aspirations of 1960, for the majority of Africans at least, have been frustrated.

Key words: Africa, underdevelopment, neocolonialism, decolonization, P. Baran, K. Marx, V. Lenin

For citation: Taylor, I. (2020). Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 39—53. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-39-53

Научная статья

60 лет спустя: незавершенная деколонизация Африки

Я. Тэйлор

Университет Сент-Эндрюс, Шотландия, Великобритания

1960 год, ознаменованный тем, что число формально независимых африканских стран на континенте возросло с 9 до 26, стал символом наступления новой эпохи — освобождения Африки от европейской колонизации. Однако с самого начала очень немногие африканские лидеры стремились по-настоящему реорганизовать экономические модели и практически не ставили под сомнение внешние экономические отношения африканских стран. Они предпочитали играть роль компраторов, оставаясь преданными своим бывшим колониальным хозяевам.

Соответственно, спустя 60 лет после Года Африки большинство африканских стран по-прежнему укоренены в системе отношений, которая хорошо соответствует определению неокolonизма в трактовке Кваме Нкрумы. Этот неокolonизм сохраняет устойчивую материальную базу, что позволяет поддерживать подчиненный статус континента в мире и его отсталость. Устойчивый рост и развитие в Африке нивелируется доминированием экономической модели, ориентированной на экспорт. Африканские страны все также ограничены в накоплении необходимого капитала для обеспечения эндогенного роста, поскольку основные доходы переводятся за границу.

© Taylor I., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Асимметричные экономические отношения воплощаются в непрекращающемся превосходстве стран мирового ядра над Африкой, что внутренне присуще капитализму.

Неравноценный обмен, вывод доходов за рубеж, то есть продолжающееся разграбление Африки ее элитами и их иностранными партнерами означает, что мечты и чаяния 1960 г., по крайней мере для большинства африканцев, остались нереализованными.

Ключевые слова: Африка, отсталость, неоколониализм, деколонизация, П. Баран, К. Маркс, В.И. Ленин

Для цитирования: Taylor J. Sixty Years Later: Africa's Stalled Decolonization // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 39—53. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-39-53

Introduction

Sixty years ago was the Year of Africa, when the number of nominally independent countries on the continent rose from 9 (with a combined population of 95 million) to 26 (with a population of 180 million). Regaining their independence from Belgium, France and the United Kingdom, these countries entered the global stage with varying degrees of confidence and had wildly different economic and political agendas. From Day One, comprador elites in many of these states (and in particular, the Francophone ones) resisted any wholesale restructuring of the economic and political ties that had been introduced during the colonial period, preferring to stay wedded to their former masters. Indeed, an entire edifice was constructed in the former French zone, which early on was recognized as being neocolonial in nature [Amin 1973]. Captured in the terms *le village franco-africain* [Glaser, Smith 1992] or *la Françafrique* [Vershave 2003] highly personalized networks underpinned relations (and continue to do so), which guarantee access to natural resources and markets in Africa for French interests. The French are not unique in this regard, albeit perhaps most brazen.

Most of Africa continues to be embedded in a set of associations that fit well with Kwame Nkrumah's description of neocolonialism, whereby 'the State which is subject to it is, in theory, independent and has all the outward trappings of international sovereignty. In reality its economic system and thus its political policy is directed from outside' [Nkrumah 1965]. On the basis of this description, neocolonialism is a system of domination and exploitation, invested and maintained by the former colonial power in which economic, financial and military instruments

work for keeping in power well-disposed leaders and maintaining favourable policies which procure economic and financial advantages. The saliency of neocolonialism is that it remains a powerful analytical category to understand contemporary Africa's political economy. This neocolonialism has a highly resilient material base which continues to maintain the continent in its subordinate global status and which perpetuates its underdevelopment. It is the argument of this article that such conditions mean that Africa is still waiting, sixty years later, for true independence.

The Mechanics of Underdevelopment

Paul Baran's work on the actual and potential surplus that is encumbered from being deployed in the underdeveloped economies lays a basis for understanding how and why Africa's developments has been retarded, despite the high hopes of the 1960s. For Baran, actual economic surplus is 'the difference between society's actual current output and its actual current consumption', something identical with current savings or accumulation. Potential economic surplus is 'the difference between the output that could be produced in a given natural and technological environment with the help of employable productive resources, and what might be regarded as essential consumption' [Baran 1957: 22]. It is the process of unequal exchange (which includes declining terms of trade) which is the key to how the periphery is drained of surplus value.

The foundations for this were, *inter alia*, firstly, the colonial economies' forced integration into global capitalism in a subservient arrangement so that the colonial economy was defined not by the needs of the native populations, but by the

demands and concerns of the economy of the metropole and its ruling class, often under monopoly conditions. The underlying logic and driving force of capitalism and capital is the accumulation of profits; in the words of Marx, the ‘boundless drive for enrichment’ and the ‘passionate chase after value’ [Marx 1867/1977: 151]. Certainly, it is inherent in capitalist production to endeavour for unrestrained expansion. Under precapitalist economic systems production was everywhere continued in the same arrangement and on the same scale as before; under capitalism, however, the resumption in the same form becomes impracticable and unrestricted expansion and continuous progress, emerges as the law of production [Lenin 1897/1981]. It is this ‘dynamic of endless accumulation’ and quest for ‘accumulation for its own sake’ [Brenner 2006: 80] that makes it such a pioneering and productive economic system, albeit intrinsically and pitilessly exploitative.

Exportation and importation if they are a foreign monopoly, yield profits which do not engender generalised domestic income and employment, but produce incomes and employment abroad. This is a drain on the postcolonial countries: “Profits derived from operations in underdeveloped countries have gone to a large extent to finance investment in highly developed parts of the world. Thus while there have been vast differences among underdeveloped countries with regard to the amounts of profits ploughed back in their economies or withdrawn by foreign investors, the underdeveloped world as a whole has continually shipped a large part of its economic surplus to more advanced countries on account of interest and dividends” [Baran 1957: 325].

A key barrier to Africa then is that the *actual* economic surplus invested in productive activities is lower than the *potential* economic surplus [Baran 1957: 375]. It is the way in which potential economic surplus is utilized that is problematic in that this is soaked up by various kinds of excess consumption of the ruling elites, by the inclination to hoard at home and abroad, by the continuance of huge and unproductive bureaucracies and expensive military budgets [Baran 1957: 376f].

In addition, of course, a considerable share of this potential surplus is taken out by foreign capital. Under monopoly capitalism, with its increasing concentration and centralization of capital, commercial and technological dualism between transnational corporations and smaller producers deepens. Utilising the super-exploitation of labour in the periphery, price manipulation and “imperialist rent” springing from the command of strategic commodities [Higginbottom 2014], leads to a transfer of surplus from the peripheral economies to the core in the shape of massive profits. Unequal exchange accounts for the diversity in profit rates between different national capitals and particularly between core and periphery. Indeed, a calculation of UNCTAD and Global Development Finance statistics shows that the underdeveloped world is where profits are the highest. Profit remittances from sub-Saharan Africa totalled USD 32.1 bln in 2010, which was equivalent to 80 % of foreign direct investments (FDI) inflows and is significantly higher than in other regions (Table 1).

Table 1

**Profit Remittances as a Proportion
of FDI Flows by Region**

Region	2001—2005 average, %	2006—2010 average, %
Sub-Saharan Africa	59.9	83.5
Latin America and Caribbean	41.4	67.8
South Asia	59.3	45.1
East Asia and Pacific	32.3	38.6
Europe and Central Asia	4.3	12.9

Source: Global Humanitarian Assistance (GHA) Report 2012 // Development Initiatives. 2012. P. 83. URL: <https://www.alnap.org/help-library/global-humanitarian-assistance-gha-report-2012> (accessed: 02.01.2020).

Furthermore, most FDI into sub-Saharan Africa is capital intensive and creates minimal employment: in 2009 and 2010 FDI inflows created on average only 119 jobs per one million people, which compares unfavourably the worldwide average of 315 direct jobs per one million people. This is because the bulk of FDI

flows to Africa are directed towards investments in two sectors: coal, oil and natural gas; and metals. Indeed, despite accounting for 47 % of total FDI to Africa over 2006—2011, the coal, oil and natural gas sector accounted for only 7 % of total jobs created by FDI¹. The values created in the production of exports from the periphery cannot be measured by the prices received for them as these values and prices diverge, thus constituting a flow of value from the peripheral nations.

From this scenario, unequal exchange and disarticulation has resulted. With regard to Africa, Samir Amin [Amin 1974; 1976] has demonstrated that a dependency on foreign capital investments has caused structural distortions of the economies of the continent. For Africa, problematically the economic structures which emerged from the colonial period as a result of the world division of labour distorted the continent in such a way as to create obstacles to development [Amin 1974]. Amin in this respect discusses articulated and disarticulated economies. Articulated economies are those that possess multiple sectors interrelated to each other so that development in one sector stimulates development in another sector. This situation characterises developed economies. On the other hand, disarticulated economies refer to underdeveloped nations where economic sectors are not closely interrelated. Hence, development in one sector is unable to stimulate development in the other sector [Amin 1974]. As Issa Shivji notes, structural disarticulation is where Africa exhibits a ‘disarticulation between the structure of production and the structure of consumption. What is produced is not consumed and what is consumed is not produced’ [Shivji 2009: 59]. Rather, the economies are orientated *outwards*: “One finds within each colony the same disjunction, the same disaggregation of the constituent parts of a colonized economy. Instead, the linkages are with the metropolitan economy, and are determined exclusively by the latter in its own interest—an interest which proves

incompatible with the independence and any real development of the Third World” [Rodney 1972/2018: 29—30].

This contradiction is at the heart of the international division of labour whereby the core produced high technology, high productivity finished products while the semi-periphery and periphery only generated low technology, low productivity products, primarily raw materials.

Pierre Jalée noted that the process of decolonisation did very little to change this — in fact, it exacerbated the situation: “To sum up, in a period of rapid political decolonisation, the international division of labour which is the be-all and end-all of imperialism, far from being modified, has grown sharper: for some, the task of producing raw materials and basic products for export in a raw or semi-raw state and the sub-human living standards that go with it; for others, the factories, industrial expansion, and the concomitant high standard of living” [Jalée 1968: 27].

Remarkably, specialisation within the global economy has been celebrated by mainstream economists as providing the former colonised countries with some form of comparative advantage. However, the Prebisch — Singer thesis fundamentally challenge this view (derived from David Ricardo) and questions whether countries that specialise in particular goods (particularly when they are primary commodities) possess a comparative advantage given the declining terms of trade (note that Baran did not discuss deteriorating terms of trade as of major importance). The key argument of Raúl Prebisch [Prebisch 1950] and Hans Singer [Singer 1950] is that gains from international trade are unequally circulated. While developed nations will benefit from long-term improvements in the terms of trade, this is not the case for the underdeveloped countries. Rather, primary commodity producers instead suffer deterioration in the terms of trade over time [Singer 1950].

As Prebisch noted, the centre produces high-level manufactured products, while the periphery (because of the colonial experience) concentrates in primary products. These different products face divergent elasticities of demand as primary

¹ Global Humanitarian Assistance (GHA) Report 2012 // Development Initiatives. 2012. URL: <https://www.alnap.org/help-library/global-humanitarian-assistance-gha-report-2012> (accessed: 02.01.2020).

products are price and income inelastic, while manufactured goods have a high income elasticity of demand. As incomes rise in a society, consumer demand for manufactured goods increases but the low price elasticity of demand for primary commodities implies that a reduction in their price will do very little to increase the receipts for underdeveloped countries — and may rather lead to a revenue decrease [Gemmill 1962]. This placed countries in the periphery, such as all African ones, at a perpetual disadvantage, as ‘no nation can keep up with others in civilisation if deprived of manufactures, and thereby brought down to be a mere agglomeration of clodhoppers’ [Engels 1881/2010: 391].

The difference in elasticities result in a decline in the terms of trade for the periphery over the long-run, which is also to a degree linked to dissimilarities in the level of market power in the centre compared to the periphery [Dosman 2008: 243—244]. The classical Ricardian model is based on perfect competition but this will only (in theory) apply to small peripheral economies where the producers are incapable of manipulating prices on the global market [Ricci 2019].

In contrast, for manufactured products, product differentiation and the power of multinational corporations permits such producers to exercise market power and thus influence global prices. The result is that any benefits from technology in primary commodity production are passed on to the consumer through lower prices while improvements in the terms of trade are captured by the producers in the core via higher revenues. Thus while the market power of the core lets industrialised countries keep hold of the advantages of progress in technology, this is not the case for producers in periphery economies. Thus specialisation in primary commodities to benefit from a supposed comparative advantage will result in any short-term gains from trade bargained away by the centre [Evans 1976]. Unequal trade, inherent in the imperialist expansion of capitalism, then made international trade a vector for the reproduction of underdevelopment: the creation of world poverty and inequality [Hayter 1981; Terreblanche 2014].

While surplus was generated in the African colonies, its appropriation to the metropole was through the mechanism of unilateral transference. Finally, external domination through the colonial state apparatus meant that the bourgeoisie in the metropole controlled the colonies’ social surpluses through the control of the power of the state. Here, it is critical to note that African economies are not *undeveloped*, which is when resources are not utilised, but rather, *underdeveloped*, which is when resources are being exploited, but used in a manner which benefits external states and not the state in which the resources are located [Frank 1972]. Competition over resources and markets rather than the “free market” has driven this process, resulting in negative consequences for the populations in the continent, brought on by various dynamics, which includes the resultant lack of diversification into higher value-added economic activities and low human development indicators.

Underdevelopment then is a dynamic process which has now lasted centuries. In general, mainstream development economists view un/underdevelopment (the two terms, although distinct, are usually used interchangeably by such analysts) as the original condition of an economy i.e. prior to the modern era, and is part of an evolutionary progression which — if the correct policies are put in place — will result in capitalist development. The critique of this stance is that this trajectory was applicable only to the core and those economies settled by large-scale European immigration. It is not applicable to the periphery and technical claims that it is based on a level of abstract theorising that evacuates the analysis of any context [Sutcliffe 1971]. As Samir Amin notes: “[T]his definition leads straightaway to an essential error: the underdeveloped countries are seen as being like the ‘developed’ ones at an earlier stage of their development. In other words, the essential fact is left out, namely, that the underdeveloped countries form part of the world system, that the history of their integration into this system forged their special structure — which thenceforth has nothing in common with what prevailed before

their integration into the modern world” [Amin 1974: 8].

This course is summarised by Andre Gunder Frank’s aphorism, namely the ‘the development of underdevelopment’, which is the outcome of the capitalist course of action when applied to the peripheries [Frank 1972]. The structures of the underdevelopment process are the core-periphery relationships and the expropriation of the economic surplus from the periphery. Global capitalism then is an integrated arrangement that binds African economies into dominant-dominated relations. Analysis of accumulation on a world scale reveals that accumulation occurs to the advantage of the core [Amin 1974]. This accumulation may be either by ‘accumulation through expansion’ i.e. expanded reproduction and ‘accumulation through encroachment’ i.e. primitive accumulation [Patnaik 2008].

Contrary to what is commonly perceived, it is not the developed world that supplies capital to Africa, but vice versa. Setting aside the vast amounts drained from Africa through unequal exchange, the continent loses more than \$50 billion per year in illicit financial outflows as multinational companies (primarily from the core) and their allies in African governments involve themselves in fraudulent schemes to avoid tax payments². As Ranjit Sau details: “The so-called multinational and transnational corporations manipulate their accounts so as to locate profits wherever it is most advantageous to them; and on occasion, usually of course to avoid taxation, they declare low profits in underdeveloped countries regardless of the scale of activities. They overcharge the imports into the Third World country and undercharge the exports therefrom. The resultant unequal exchange of course cannot be theoretically captured in a model of competitive trade. Nevertheless the quantitative significance of the hidden flow due to the malpractice of ‘transfer

pricing’ by transnationals can hardly be exaggerated” [Sau 1978: 61].

The extraction of capital alongside the absence of any meaningful industrialisation helps explicate why the broad-based development of Africa is blocked. This was identified early on by Paul Baran analysis of the transfer of surplus from the underdeveloped world to the metropolises under conditions of unequal exchange.

Unequal Exchange

The theory of unequal exchange essentially outlines how ‘Products exported to the periphery are important to the extent [that] the return to labour will be less than what it is at the centre. And it can be less to the extent that society will, by every means — economic and non-economic, be made subject to this new function, i.e. providing cheap labour to the export sector’ [Amin 1974: 43]. The wage rate of the dominant sectors in the peripheries—almost entirely oriented towards exportation — is depressed down to the minimal level that economic, social and political circumstances permit. This super-exploitation in the mode of production which the periphery exchanges with the centre beyond the initial investment serves as a method of transferring surplus value from the periphery to the centre. This drainage is sufficient to help explicate the blocking of development in the periphery and the increasing divergence between core and periphery.

Unequal exploitation of labour in the core and periphery leads to unequal exchange, which thus causes and reproduces unequal development. Pierre Jalée’s summation of this concept is worth quoting at length: “Trade is the vehicle for one imprint form of pillage. We know that the value of a commodity is determined by the amount of labour socially necessary to produce it, and that the value of the labour force is represented by the value of the goods required to maintain and renew it. It is recognised, however, that the value of such goods is infinitely lower in underdeveloped countries, where it is a little more than the “physiological minimum” (the exact amount indispensable for subsistence and work), and that in developed countries it combines a complex of

² Illicit Financial Flows: Report of the High Level Panel on Illicit Financial Flows from Africa Addis Ababa: AU/ECA Conference of Ministers of Finance, Planning and Economic Development // African Union/Economic Commission for Africa. 2015. URL: https://www.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/iff_main_report_26_feb_en.pdf (accessed: 02.01.2020).

individual and social expenditures. It follows that, even if one were to calculate on a basis of equal productivity, which is unreal, African, Asian and South American labour is at a far lower price than that of Europeans and North Americans. To give a concrete instance, if our coffee, cocoa, banana, etc. could be produced in Europe or North America they would be much higher in price. It is generally true that the underdeveloped countries export goods and that are relatively undervalued, while those of the developed world are overvalued. This is known as *unequal exchange*” [Jalée 1977: 86].

Marx’s *Capital* examined the capitalist type of the value relation, so as to work out how capitalist profits could occur if commodities were sold at their value. Prior to the commodification of labour power, when producers owned their means of production, merchant profits only occurred if traders bought the produce at a cheaper price than what they subsequently retailed them for (the circuit $M-C-M$) [Marx 1867/1977: 146]. This of course disturbed the equality of exchanges and thus the law of value. Under the capitalist mode of production however, profits are generated in a different way, in line with the law of value, through retaining a working class whose sole resource is the selling of their labour power and compensating them less than the value of the product that they produce.

The principle of equal exchange is retained as the value of labour power, reflected in remunerations, is what it costs to reproduce it. This is necessary labour: “The value of labour power, like that of every other commodity, is determined by the labour time necessary for the production, and consequently for the reproduction as well, of this specific article as well. In so far as it has value, labour power itself represents nothing more than a definite amount of average social labour which has been incorporated in it. Labour power only exists as a capacity of a living individual; its production presupposed his existence; and therefore the production of labour is dependent upon the worker’s reproduction of himself, upon the worker’s maintenance” [Marx 1867/1977: 167].

Of course, necessary labour is not where the capitalist extracts his profits. That comes from surplus value, the unpaid labour of the worker that the capitalists extract. The rate of surplus value (or rate of exploitation) is the quantity of time the worker must exert to reproduce his wage, in comparison to the amount of time the worker spends to generating profit for the capitalist through unpaid labour. Typically, capitalists seek to intensify the rate of exploitation by either extending the working day, increasing absolute surplus value and/or by cutting necessary labour time by raising labour productivity, thus heightening the relative surplus value.

As Marx notes, if productivity is increased, this does not result in the shortening of the working day, as the capitalist wishes to generate ever more profits. Rather, “it is only the shortening of the labour-time, necessary for the production of a definite quantity of commodities that is aimed at. The fact that the workman, when the productiveness of his labour has been increased, produces, say 10 times as many commodities as before, and thus spends one-tenth as much labour-time on each, by no means prevents him from continuing to work 12 hours as before, nor from producing in those 12 hours 1,200 articles instead of 120. Nay, more, his working day may be prolonged at the same time, so as to make him produce, say 1,400 articles in 14 hours” [Marx 1867/1977: 304].

A third method to raise the rate of exploitation is alluded to by Marx, where surplus labour time can additionally be increased ‘by lowering the wages of the labourer below the value of his labour-power’ [Marx 1867/1977: 297]. The ‘Depression of Wages below the Value of Labour-Power’, although not discussed by Marx in any depth, ‘belongs in an analysis of competition’ [Marx 1894/1986: 235]. In fact, the varying rates of surplus value in different economies and thus between various levels of labour exploitation at national levels is at the heart of unequal exchange. This is super-exploitation, which is the basis of the capitalist mode of production in that ‘our present social order enables the capitalists to buy the labour power of the worker at its value, but to extract

from it much more than its value by making the worker work longer than is necessary in order to reproduce the price paid for the labour power' [Engels 1872/2011: 306].

“Unequal exchange” was first coined by Arghiri Emmanuel [1972; 1974; 1975] to analyse international transfers of value hidden behind ostensible equality in trade. Differences in monetary wages between underdeveloped and developed economies, decided by institutional factors (organised labour power and such like), generate inequality in trade and value transfers from the periphery to the developed centre. Emmanuel argued that the value of commodities when exchanged on the international market is not established in the same fashion as on national markets as labour (unlike capital) is not mobile internationally. Thus there can be no equalization of remunerations among countries similar to the equalization of the rate of profit [Emmanuel 1972: ix]. Unequal exchange then is the result of disequilibrium and it was to investigate disequilibrium conditions in the context of rent generation that Marx introduced in Volume III of *Capital* the form of regulating market-price or market-price of production [Marx 1894/1986: 146, 458].

Critically, the differences in wages which continue due to the nature of the global capitalist economy are disadvantageous for Africa. In essence, international trade is the exchange of values among state-based economies. These values reflect the labour power utilised to generate commodities and differ from the actual production prices materialised on the international market as the wage level (the determinant of the production prices of commodities) is different in different countries. Wages within the organic composition of capital are an independent variable of the system as per Emmanuel [Sau 1978: 51].

This understanding is why Emmanuel and others deny the mainstream theory of comparative costs derived from Ricardo, which was at the heart of the Prebisch — Singer critique. As per this analysis, Ricardo limits the discussion of international trade to circumstances where participants all gain from the exchange. In contrast, the theory of unequal exchange insists

that this idealised notion of international commerce ignores the exploitative nature of trade between core and periphery. As noted, wage levels in different categories of countries are fundamental to Emmanuel's unequal exchange theory. Samir Amin by contrast does not accept the argument that wages are the independent variable. Rather, it is the global capitalist system, including in it the trend of unequal exchange that decides the levels and the dynamic contrast in relative wages in the developed and underdeveloped world [Amin 1977].

According to Amin, it is the exchange of commodities whose production contains wage differentials larger than those of productivity that constitutes unequal exchange. In this articulation is included all non-specifics, including articles produced in pre-capitalist sectors in the peripheries where there is no surplus value or profit as the whole of the net output is consumed by wages. Amin [Amin 1976: 148f] asserts that ‘exchange is unequal whenever labour of the same productivity is rewarded at a lower rate in the periphery’. In other words, exchange between an underdeveloped country and a developed country is unequal, if the product of an hour of total (direct and indirect) labour of the poorer country is traded for less than the product of an hour of total labour (direct and indirect) of the richer country. For an exchange to be equal, the wage differential must be the same as the productivity differential. This contrasted with Marx, who regarded wage differentials for the same labour performance as being the consequence of temporary causes that capital and labour mobility would resolve over time. For Amin and others, this was intrinsic to the current stage of capitalism. Transnational corporations' productivity levels invariably exceed those of local firms in Africa and bring this higher productivity with them. They can then take advantage of the lower wages, thus facilitating super-profits.

Samir Amin saw the post-feudal era as being made up of a mercantilist stage, as capitalism developed in the core and exchange relations were begun with pre-capitalist formations; a competitive capitalism stage, which

lasted throughout the 19th century and was typified by relative equal exchanges between core and periphery, when ‘external extension of the capitalist market... was of prime importance as a means for realising surplus value’ [Amin 1976: 188] and when the division between the developed and underdeveloped world became quite apparent; and the imperialist stage of monopoly capitalism, which emerged at the start of the 20th century. Monopoly capitalism proper then existed up to 1971, to be followed by global monopoly-finance capital after that [Amin 2008]. Monopoly is essentially the centralisation of capital i.e. the distribution of the means of production in an economy, which is a result of ‘the action of the immanent laws of capitalistic production itself, by the centralisation of capital’ [Marx 1867/1977: 714]. Indeed, ‘The whole development of modern capitalism is advancing towards the large producer ousting the small one’ [Lenin 1899/1977: 33].

As Amin noted, ‘it [was] from the appearance of monopolies at the centre that unequal exchange between the centre and the periphery... resulted. It [was] the rise of monopolies that... made possible an increasing divergence between the wages at the centre and the periphery, for the same productivity, which in turn explains why exchange can be unequal even though the underdeveloped countries export products of modern high-productivity enterprises’ [Amin 1974: 123]. This was when ‘a cosmopolitan character to production and consumption’ emerged [Marx and Engels 1848/2004: 37]. This period was when wages in the metropolises began to increase alongside productivity, capital became increasingly mobile and the international integration of markets and the rise of monopolies accelerated [Foster 2006]. These dynamics cumulatively created the circumstances in which unequal exchange became blatant, and further development along capitalist lines in the bulk of the periphery became blocked or abnormal [Rweyemamu 1973; 1980]. As A.K. Bagchi noted, ‘once contact has taken place with a society which was further along on the capitalist path, the lagging societies could not possibly develop in an autonomous fashion’ [Bagchi 1982: 141—142]

and this historical fact explains certain congenital and pathological qualities common to the nature of capitalism as it developed in the periphery.

Africa in the International Division of Labour

At the heart of the unequal exchange thesis is the international division of labour and the unequal specialisation that characterises economies in the developed and underdeveloped world: “Two essential facts... characterize the way world trade has developed in the setting of the capitalist system: (1) the development of trade between advanced countries that are of similar structure, and in which, therefore, the distribution of comparative productivities is similar — a development that seems to be more rapid than that of trade between advanced countries and underdeveloped ones, although the distribution of comparative productivities is more diverse in the latter case; and (2) the successive and varying forms assumed by specialization in the periphery, including its present forms, under which the periphery supplies raw materials that are mostly produced by modern capitalist enterprises with high productivity” [Amin 1976: 148].

While developed countries are technologically advanced and engaged in high value-added activities, Africa’s forcible insertion into the global capitalist system under conditions of colonial plunder and unequal specialisation has meant that ‘Inequality in wages, due to historical reasons (the difference between social formations) constitutes the basis of a specialization and a system of international prices that perpetuate... inequality’ [Amin 1976: 149]. Lenin noted this phenomenon when he posed the question: “Why is it that ‘the price of cereals is lower in countries with a predominance of small farmers than in countries with a capitalist method of production’? The answer is that the peasant presents part of his surplus product as a free gift to society (i.e., to the capitalist class). This lower price [of bread and other agricultural products] is also a result of the poverty of the producers and by no means of the productivity of their labour” [Lenin 1914/1935: 559].

The metropolitan centre prevented the colonies in Africa from accumulating capital domestically through initial primitive accumulation and then later the drain mechanism and, by the turn of the twentieth century, unequal exchange [Anievas, Nişancıoğlu 2015]. What capital that was invested from the centre into the continent distorted indigenous economic structures and made them outward-looking and increasingly dependent. Deliberate colonial policies prevented an auto-centred capitalism with foundations in the internal market and what capital that was generated was exported.

Capitalism in Africa

In his seminal work, *The Political Economy of Growth*, Paul Baran detailed how the drainage of ‘economic surplus’ formerly accumulated and presently produced in the periphery would result in a retardation of the primary accumulation rate of capital [Baran 1957]. Baran’s central line of enquiry was trying to understand why in backward, peripheral, capitalist countries there had been no development akin to that found in the core capitalist economies and why was it that progress in the peripheral economies had been either sluggish or even absent [Baran 1957: 280—281]. Baran’s analysis was that the type of development found in the core (initially Western Europe) itself and the impact of capitalist penetration of the periphery by the core explained this reality.

The penetration of Western European capital outside of the core took two forms. The first were “settler” colonies as found in North America and Australia, whose capitalism led to eventual autonomous development reliant on domestic demand. Surplus generated in agriculture was reinvested domestically, primarily to produce light manufactured products for consumption and capital goods. Improved agricultural modes of production resulted in elevated labour productivity and a higher return to the farmer, in turn generating a demand for mass consumption merchandise, which promoted industrial growth. The surplus labour force from the agricultural sector (alongside mass immigration) was absorbed into the burgeoning

industrial sector, while agricultural exports garnered further capital. Crucially, the significant characteristic of this process was that it was self-centred—the dynamics were interior to the system. The central determining characteristic of such a self-centred system was the interface between the production of mass consumption products and the production of capital goods and this remains true today [Tschannerl 1976: 6].

The second type of capitalist penetration were “extractive” colonies as found in Africa, Asia and parts of Latin America where larger, more organised indigenous populations (alongside disease) prohibited wholesale settlement by Europeans. In such spaces, the colonising powers engaged in basic plunder and/or extraction that was blatantly unequal, appropriating and taking away fantastic wealth. Thus, the economies of these countries were drained to feed the Industrial Revolution in Europe, while they experienced systemic underdevelopment.

The colonial experience then generated a dual economic structure essentially made up of a modern sector geared to the production of primary products for export, which are purchased cheaply, and a backward sector from which relatively cheap labour underwrites the capitalist sector. The different ways capitalism unfolds in two different spatial categories (centre and periphery) is critical to understanding how development is blocked in most of Africa.

In an analysis of the global accumulation of capital, Samir Amin [1974] outlined two different prototypes, one which was applicable at the centre, the other to dependent development in the peripheries. Development in the capitalist core is typified by economic activities to gratify mass consumerism and the resulting requirements for production merchandise. The mass of the population at the centre buys into this model under a form of a “social contract” which permits the organisation of a (temporally limited) viable socio-economic system at a national level.

How a particular order becomes established and is maintained is central to Antonio Gramsci’s notion of hegemony [Gramsci 1971]. This has been summarised as: “By hegemony, Gramsci seems to mean a socio-political

situation, in his terminology a ‘moment’, in which the philosophy and practice of a society fuse or are in equilibrium; an order in which a certain way of life and thought is dominant, in which one concept of reality is diffused throughout society in all its institutional and private manifestations, informing with its spirit all taste, morality, customs, religious and political principles, all social relations, particularly in their intellectual and moral connotations. An element of direction and control, not necessarily coercion, is implied” [Williams 1982: 94].

The hegemonic class leads society through its leadership of a complex alliance of social forces and leadership in the sphere of production — a “historic bloc”. This is the particular formation of social forces and ideology that gives substance to a historical state [Cox 1987: 409] and is linked to the dominant mode of production: “The production of ideas, of conceptions, of consciousness, is at first directly interwoven with the material activity and the material intercourse of men, the language of real life” [Marx, Engels 1846/2015: 42].

As noted, African economic systems are dominated by exports (mostly primary commodities) and there is minimal linkage of these modes of production to the internal mass markets (structural disarticulation). This fosters stagnation, mounting inequality, dependency in multiple forms and political impotence. This is marginalization in action [Amin 1974: 9]. The essential difference between the core and the periphery is that capitalist productive relations in the core were cultivated on the foundations of expanding the domestic market and draining wealth from the peripheries under conditions of imperialism. The process was, as it were, organic and systematic. Capitalist relations in the periphery however were forcibly imposed from the outside at disadvantageous conditions and methodically underpeopled these spaces, with Africa as an example *par excellence* [Rodney 1972/2018].

According to Amin, following Baran, sustainable growth and development in the periphery is “blocked” since they are “complementary and dominated” by the industrialised

countries [Amin 1976: 288]. African countries are inhibited from accumulating the necessary capital for auto-centric growth since the surplus is transferred—drained—overseas. Thus asymmetrical economic relationships are embodied by the continued domination of the peripheral nations and are intrinsic to capitalism [Khamisi 1981]. The polarisation reproduced by unequal exchange is a fundamental feature of global capitalism and imperialism and has now lasted over five hundred-years [Amin 2003]. However, there have been developments within capitalism that are significant, most notably the rise of monopoly capitalism.

Monopoly Capitalism and the Current Epoch

Under monopoly capitalism, core-periphery relations under mega corporations have severely reduced the opportunities for new centres to emerge [Baran, Sweezy 1966]. Previously, under conditions of competitive capitalism, new centres could rise and old ones decline in a cyclical fashion. However, under monopoly capitalism, such processes are limited, even if monopoly capitalism itself may undergo qualitative changes through the financialization of accumulation and the *relative* emergence of some nodal points within the global system (see below).

The nineteenth century saw a new type of imperialism emerge, which lasted until c. 1945. At first competitive industrial capitals contended for supremacy and during this periodization discrete economies competed with one another for trade. By the late century however, a decidedly monopolised form of corporate capitalism under the control of finance capital had developed. Primitive accumulation in the colonies had set the stage for the export of commodities while capital expanded what was increasingly a global market. The growth of monopoly capitalism and its associated financial oligarchy unavoidably engendered the exportation of capital and the division of the world into colonial empires. The decisive feature of imperialism was not merely a consequence of under consumption in the metropolises [Luxemburg 1913/1951], nor simply scientific advances [Hobsbawm 1994], but was

more specifically the concentration of capital i.e. monopolies [Patnaik 1986].

This concentration of capital changed the nature of Western Europe's expansion globally: "Obviously, concentration *also* comes about with the annexation of colonies. There was formerly an economic distinction between the colonies and the European peoples—at least, the majority of the latter—the colonies having been drawn into *commodity* exchange but not into capitalist *production*. Imperialism changed this. Imperialism is, among other things, the export of *capital*. Capitalist production is being transplanted to the colonies at an ever increasing rate. They cannot be extricated from dependence on... finance capital" [Lenin 1916/1977: 325].

This period of monopoly capitalism was characterised by core-periphery and inter-imperialist rivalries and, as Lenin noted, a growing dependency of the periphery on the core. The dynamics unleashed by the stage of capitalism eventually led to two world wars and later, the development of national liberation struggles throughout the colonised world. The inter-imperialist element of the contradiction involved what was essentially a transitional phase of succession vis-à-vis the headship of imperialism, with the United Kingdom eventually submitting to an American-led capitalist world order. However, widespread contradictions between the centres and peripheries regarding political sovereignty also marked this period. Threatening to seriously challenge the status quo, monopoly capital developed a new approach to control the periphery, namely neocolonialism.

Meanwhile, as countries such as Germany and Japan emerged and commenced to contend with American corporations, monopoly capital experienced an evolution to what Amin called 'collective imperialism' [Amin 2003], what was to become a new period of monopoly capitalism where contemporary capitalism is essentially a capitalism of generalized monopolies constituting an integrated system. This structure makes certain that the monopolies extract a monopoly rent collected from the mass of surplus value (converted into profits) that capital extracts from the exploitation of labour power. When and where these monopolies function in the

underdeveloped world, this monopoly rent constitutes an imperialist rent. The contemporary capital accumulation process is thus constituted by the intensification of monopolistic/imperialist rent [Amin 2019: 32].

While the United States retained headship, a harmonised system of "global governance" developed with monopolistic management of finance, technology and the world's resources. Consequently, "it is clear that imperialism has not disappeared or even declined; rather, it has changed its form over the past half century. The more classic features (as expressed for example in colonial control and annexations) are less in evidence, while newer features are expressed through international institutions, regulatory architecture and related negotiations. Under this arrangement, the intensification of the internationalisation of production under the auspices of mega corporations (what is conventionally termed 'globalisation') occurred" [Ghosh 2019: 388].

This rapidly increased after the collapse of the actually existing socialist states at the end of the 1980s. Consequently the entire world has been subsumed under its logic. The concurrent reintegration of the Peoples' Republic of China into the global capitalist order has further deepened these processes (see: [Taylor 2017]).

Conclusion

For the first decades of African independence, the elites in power tried to build their nations, which was essentially a statist project. The political economy of nation-building, whether through the agency of the state or state-aided private bourgeoisies, revolved around domesticating the process of capitalistic accumulation. Imperialist hegemony, however, ensured that whatever national bourgeois elements were born were quickly compradorised, re-imposing primitive accumulation. Even the most radical nationalist elites failed to build popular hegemonic blocks that would spearhead the national project. By the 1980s, when imperialism regained the offensive in the form of neo-liberalism, African states were already vulnerable. They quickly capitulated with internal

compradors seizing the initiative [Shivji 2019: 262]. What has meant is that today: “The new liberalisation differs from the old colonial liberalisation in at least two respects: it has a strategy of improving further the economic position of the Third World rich at the expense of their fellow-citizens, which has materially corrupted the elite of our country [India]; and it has an ideological thrust in terms of wrong theories, which has intellectually suborned the same Third World public figures and intellectuals who were earlier supporters of independent growth, but how now mindlessly parrot the mantra of liberalisation” [Patnaik 2007: 211].

Most African elites today are visionless and corrupt, caring little for their people. Those leaders who have sought to critically interrogate the global system and Africa’s place in it have

been swiftly dispatched. The careers of Patrice Lumumba, Kwame Nkrumah, Amilcar Cabral, Thomas Sankara, etc. attest to this reality. Thus working in alliance with external interests, the current generation of African leaders continue with strategies that only reproduce Africa’s dependent status, its economic underdevelopment and its political condition of neo-colonialism and generalised foreign domination. As Thomas Sankara noted, the enemies of the people are both inside and outside of Africa [Sankara 2007: 52]. With the ideas of the “free market” now hegemonic, critical reflection on the current situation within Africa is infrequent and rarely, if ever, goes beyond problem-solving approaches to immediate tribulations. When looking back to the excitement of 1960, this is not what most African peoples had in mind when they uttered the word, ‘independence’.

Received / Поступила в редакцию: 08.01.2020
Accepted / Принята к публикации: 30.01.2020

References / Библиографический список

- Amin, S. (1973). *Neocolonialism in West Africa*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Amin, S. (1974). *Accumulation on a World Scale*. New York: Monthly Review Press.
- Amin, S. (1976). *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*. New York: Monthly Review Press.
- Amin, S. (1977). *Imperialism and Unequal Development*. Sussex: Harvester Press.
- Amin, S. (2003). *Obsolescent Capitalism: Contemporary Politics and Global Disorder*. London: Zed Books.
- Amin, S. (2008). “Market Economy” or Oligopoly-Finance Capital. *Monthly Review*, 59 (11), 51—61.
- Amin, S. (2019). The New Imperialist Structure. *Monthly Review*, 71 (03). DOI: 10.14452/MR-071-03-2019-07_3
- Anievas, A. & Nişancıoğlu, K. (2015). *How the West Came to Rule: The Geopolitical Origins of Capitalism*. London: Pluto Press.
- Bagchi, A. (1982). *Political Economy of Underdevelopment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Baran, P. & Sweezy, P. (1966). *Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order*. New York: Monthly Review Press.
- Baran, P. (1957). *The Political Economy of Growth*. New York: Monthly Review Press.
- Brenner, R. (2006). What Is, and What Is Not, Imperialism? *Historical Materialism*, 14 (04), 79—105. DOI: 10.1163/156920606778982464
- Cox, R. (1987). *Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History*. New York: Columbia University Press.
- Dosman, E. (2008). *The Life and Times of Raúl Prebisch, 1901—1986*. Montreal: McGill-Queen’s University Press.
- Emmanuel, A. (1972). *Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade*. New York: Monthly Review Press.
- Emmanuel, A. (1974). The Myths of Development Versus “Myths of Underdevelopment”. *New Left Review*, 85, 61—82.
- Emmanuel, A. (1975). *Unequal Exchange Revisited*. IDS Discussion Paper, 77. Brighton: University of Sussex.
- Engels, F. (1872/2011). The Housing Question. In: Marx, K. & Engels, F. *Karl Marx and Frederick Engels Selected Works*. Vol. 2. New Delhi: People’s Publishing House.
- Engels, F. (1881/2010). The Future Results of British Rule in India. In: Marx, K. & Engels, F. *Marx and Engels Collected Works*. Vol. 24. London: Lawrence and Wishart.
- Evans, D. (1976). Unequal Exchange and Economic Policies: Some Implications of Neo-Ricardian Critique of Theory of Comparative Advantage. *Economics and Political Weekly*, 11 (5/7), 143—158.

- Foster, J. (2006). Monopoly-Finance Capital. *Monthly Review*, 58 (07), 1—14.
- Frank, A. (1972). The Development of Underdevelopment. In: Cockcroft, J.D., Frank, A.D. & Johnson, D. (Eds.). *Dependence and Underdevelopment*. New York: Anchor Books.
- Gemmill, R. (1962). Prebisch on Commercial Policy for LDCs. *Review of Economics and Statistics*, 44 (02), 198—201.
- Ghosh, J. (2019). A Brave New World, or the Same Old Story with New Characters? *Development and Change*, 50 (02), 379—393.
- Glaser, A. & Smith, S. (1992). *Ces messieurs Afrique I: Le Paris-village du continent noir*. Paris: Calmann-Lévy.
- Gramsci, A. (1971). *Selections from the Prison Notebooks*. London: Lawrence and Wishart.
- Hayter, T. (1981). *The Creation of World Poverty*. London: Pluto Press.
- Higginbottom, A. (2014). “Imperialist rent” in Practice and Theory. *Globalizations*, 11 (01), 23—33.
- Hobsbawm, E. (1994). *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914—1991*. London: Michael Joseph.
- Jalée, P. (1968). *The Pillage of the Third World*. New York: Monthly Review Press.
- Jalée, P. (1977). *How Capitalism Works*. New York: Monthly Review Press.
- Khamisi, L. (1981). *Imperialism Today: A Contribution to the University of Dar es Salaam Debate*. Dar es Salaam: Tanzania Publishing House.
- Lenin, V. (1897/1981). *A Characterisation of Economic Romanticism*. Moscow: Progress publ. (In Russian).
- Lenin, V. (1899/1977). Our Programme. In: *Lenin: Selected Works*. Moscow: Progress publ. (In Russian).
- Lenin, V. (1914/1935). The Teachings of Karl Marx. In: Burns, E. (Eds.) *Handbook of Marxism*. London: Victor Gollancz.
- Lenin, V. (1916/1977). The Discussion on Self-Determination Summed Up. In: Lenin, V.I. *Collected Works*. Vol. 22. Moscow: Progress Publishers.
- Luxemburg, R. (1913/1951). *The Accumulation of Capital*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Marx, K. & Engels, F. (1846/2015). *The German Ideology*. New Delhi: People’s Publishing House.
- Marx, K. & Engels, F. (1848/2004). *Manifesto of the Communist Party*. Beijing: Foreign Languages Press.
- Marx, K. (1867/1977). *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 1. Moscow: Progress publ. (In Russian).
- Marx, K. (1894/1986). *Capital: A Critique of Political Economy*. Vol. 3. Moscow: Progress publ. (In Russian).
- Nkrumah, K. (1965). *Neocolonialism: The Last Stage of Imperialism*. New York: International Publishers.
- Patnaik, P. (1986). Lenin and Imperialism: An Introduction. In: Patnaik, P. (Eds.) *Lenin and Imperialism: An Appraisal of Theories and Contemporary Reality*. London: Sangam Books.
- Patnaik, P. (2008). The Accumulation Process in the Period of Globalisation. *Economic & Political Weekly*, 43 (26/27), 108—113. DOI: 10.2307/40278907
- Patnaik, U. (2007). *The Republic of Hunger and Other Essays*. Monmouth: Merlin Press.
- Prebisch, R. (1950). *The Economic Development of Latin America and its Principal Problems*. New York: UN Department for Economic Affairs.
- Ricci, A. (2019). Unequal Exchange in the Age of Globalization. *Review of Radical Political Economics*, 51 (03), 225—245. DOI: 10.1177/0486613418773753
- Rodney, W. (1972). Problems of Third World Development: A Discussion of Imperialism and Underdevelopment. *Ufahamu*, 3 (02), 27—47.
- Rodney, W. (1972/2018). *How Europe Underdeveloped Africa*. London: Verso Books.
- Rweyemamu, J. (1973). *Underdevelopment and Industrialization in Tanzania*. Oxford: Oxford University Press.
- Rweyemamu, J. (Eds.). (1980). *Industrialization and Income Distribution in Africa*. Dakar: CODESRIA.
- Sankara, T. (2007). *Thomas Sankara Speaks: The Burkina Faso Revolution, 1983—1987*. New York: Pathfinder Press.
- Sau, R. (1978). *Unequal Exchange, Imperialism and Underdevelopment: An Essay on the Political Economy of World Capitalism*. Calcutta: Oxford University Press.
- Shivji, I. (2009). *Accumulation in an African Periphery: A Theoretical Framework*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers.
- Shivji, I. (2019). Whither Africa in the Global South? Lessons of Bandung and Pan-Africanism. In: Moyo, S., Jha, P. & Yeros P. (Eds.). *Reclaiming Africa: Scramble and Resistance in the 21st Century*. Berlin: Springer. DOI: 10.1007/978-981-10-5840-0
- Singer, H. (1950). The Distributions of Gains Between Investing and Borrowing Countries. *American Economic Review*, 40 (02), 473—485.
- Sutcliffe, R. (1971). *Industry and Underdevelopment*. London: Addison-Wesley.

- Taylor, I. (2017). *Global Governance and Transnationalising Capitalist Hegemony: The Myth of the “Emerging Powers”*. London: Routledge.
- Terreblanche, S. (2014). *Western Empires, Christianity and the Inequalities between the West and the Rest*. London: Penguin Books.
- Tschannerl, G. (1976). Periphery Capitalist Development: A Case Study of the Tanzanian Economy. *Utafiti*, 1 (01), 5—46.
- Vershav, F.-X. (2003). *Francafrique: la plus long scandale de la republique*. Paris: Stock.
- Williams, G. (1982). Hegemony, War of Position and Political Intervention. In: Showstock–Sassoon, A. (Eds.). *Approaches to Gramsci*. London: Writers and Readers.

About the author: *Ian Taylor* — PhD, Professor in International Relations and African Political Economy, University of St Andrews, UK; Extraordinary Professor, University of Stellenbosch, South Africa; Chair Professor, School of International Studies, Renmin University, China (e-mail: ict@st-andrews.ac.uk).

Сведения об авторе: *Ян Тэйлор* — доктор философии, профессор по международным отношениям и африканской политэкономии, Университет Сент-Эндрюс, Великобритания; экстраординарный профессор, Стелленбосский университет, ЮАР; заведующий кафедрой, Школа международных исследований, Китайский народный университет, КНР (e-mail: ict@st-andrews.ac.uk).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-54-66

Научная статья

СССР и Занзибар в годы его борьбы за независимость и объединения с Танганьикой (по архивным источникам)

А.С. Балезин

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

В статье на основе документов из российских архивов — Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории — исследуются отношения СССР с Занзибаром в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Советско-занзибарские отношения исследуются на фоне сложного периода в истории островного государства. На данном этапе Занзибар пережил острое межпартийное соперничество в ходе борьбы за независимость, саму Занзибарскую революцию и объединение с Танганьикой. Автор обращает внимание на этнический состав населения Занзибара в период, предшествующий национально-освободительному движению, анализируя историю происхождения этносов на архипелаге и их традиционные взаимоотношения. Автором подробно исследуется состав и политическая ориентация партий, принимавших участие в борьбе за независимость, влияние политического спектра и международной обстановки периода холодной войны на решения национальных лидеров в выборе опорной стороны для дальнейшего развития. Также рассматриваются действия двух ведущих акторов биполярной системы: СССР и США — в борьбе за влияние на молодые национальные элиты Занзибара, а затем и Танзании. Проводится подробный анализ действий США и их союзников по вмешательству в партийную борьбу внутри занзибарского общества и дальнейшая реакция СССР на такую политику Вашингтона. Представлены причины упадка влияния СССР на Занзибар и события, приведшие к закрытию советской дипломатической миссии. Автор указывает на неоднозначность процесса объединения Занзибара и Танганьики, который более походил на искусственный политический акт, поддерживаемый заинтересованными глобальными силами, чем на процесс добровольного объединения двух молодых стран. Ряд вопросов рассматривается практически впервые в отечественной историографии.

Ключевые слова: Занзибар, межпартийная борьба, Занзибарская революция, социалистические преобразования, объединение с Танганьикой, СССР, Танзания

Для цитирования: Балезин А.С. СССР и Занзибар в годы его борьбы за независимость и объединения с Танганьикой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 54—66. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-54-66

Research article

USSR and Zanzibar in the Years of Its Struggle for Independence and Unification with Tanganyika (Based on Archival Sources)

A.S. Balezin

Institute of World History, RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. Based on documents from the Russian archives — the Archive of foreign policy of the Russian Federation, the State archive of the Russian Federation, and the Russian state archive of modern history, the article

© Балезин А.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

examines the relations of the USSR with Zanzibar in the late 1950s and early 1960s. Soviet-Zanzibar relations are examined against the background of a complex period in the history of the island state, which included the stages of inter-party rivalry during the struggle for independence, the Zanzibar revolution itself, and the unification with Tanganyika. The author also draws attention to the ethnic composition of the Zanzibar population in the years before the start of the national liberation movement, the history of the origin of ethnic groups in the archipelago and their traditional relationships. The author examines in detail the composition and political orientation of the parties that took part in the struggle for independence. He also considers the influence of the political spectrum and the international situation of the Cold War period on the decisions of national leaders in choosing a support side for further development. The author also considers actions of two leading actors of the bipolar system, the USSR and the USA, in the struggle for influence on the young national elites of Zanzibar in particular, and then Tanzania as a whole. The author conducts a detailed analysis of the United States actions and its allies to intervene the party struggle within Zanzibar society and the further reaction of the USSR to these steps. He also considers the reasons for the decline in Soviet influence on Zanzibar and the events that led to the closure of the Soviet diplomatic missions. The author points out the ambiguity of Zanzibar and Tanganyika's unification, which could be perceived as an artificial political act supported by interested global forces than the process of voluntary unification of the two young countries. A number of issues are considered almost for the first time in Russian historiography.

Key words: Zanzibar, inter-party struggle, Zanzibar revolution, socialist transformations, unification with Tanganyika, USSR, Tanzania

For citation: Balezin, A.S. (2020). USSR and Zanzibar in the Years of Its Struggle for Independence and Unification with Tanganyika (Based on Archival Sources). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 54—66. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-54-66

Под словом «Занзибар» в данной статье понимается не только остров (*Унгуджа* на суахили), но и ряд других крупных и мелких островов, обитаемых и нет, самым большим из которых является Пемба. Острова были одним из очагов суахилийской цивилизации, затем с 1830-х гг. стали Занзибарским султанатом. В результате колониального раздела Африки острова оказались под британским управлением. Название «Занзибар» также носит и город — столица островного государства.

Накануне антисултанской революции 1964 г. арабы и африканцы составляли по отношению к общему числу населения Занзибара меньшинства — причем примерно равные по численности. Этническим же большинством были так называемые «ширази», аборигенное чернокожее исламизированное культурное сообщество¹. Согласно переписи 1948 г., из общего количества населения островов в 264 059 человек ширази составляли 56,2 %, «материковые» африканцы — 19,4 %, арабы — 16,9 %, азиаты — 5,8 %.

«Ширази» (название происходит от персидского города Шираз, переселенцы из

которого когда-то и основали первое государство на Занзибаре) были в основном мелкобуржуазными элементами (мелкие фермеры, интеллигенция, мелкие и средние служащие и чиновники) — они составляли 24 % среднего класса и 54 % низшего. Собственно африканцы (на английском языке их называют *mainlanders*, на суахили — *waswahili*) являлись пролетариями (среди них особенно выделялась группа портовых рабочих), полупролетариями и сезонными работниками на гвоздичных фермах. Они составляли соответственно 20 и 31 % среднего и низшего класса. Среди представителей высшего класса — крупных землевладельцев, торговцев — ни тех, ни других не было: он состоял из «арабов» и «азиатов» [Shivji 2008: 11, 13–17].

«Зама за сиаса»

В 1957–1964 гг. на островах развернулась ожесточенная политическая борьба. В народной памяти и современной танзанийской историографии этот период закрепился как «*Zama za siasa*», или «бурное время политики» в переводе с языка суахили.

В предшествующие годы, однако, возникали организации, послужившие предтечами политических партий. Еще до Первой мировой войны возникли Индийская и Арабская

¹ История ширази на островах и их участие в политической жизни с давних времен подробно проанализированы в статье: [Sheriff, Tominaga 1994].

ассоциации. В межвоенный период постепенно оформилась Ассоциация производителей гвоздики (Glove Growers' Association — GGA). В 1934 г. оформилась африканская ассоциация (African Association). Ее молодежное крыло, Союз молодых африканцев (Young African Union, YAU), оформилось в 1951 г. Молодежь захватила интеллектуальное лидерство в Африканской ассоциации, рупором которой стало ежемесячное издание «Африка Квету» (Африка для нас). В 1939 г. ширазцы с Пембы создали Ширазскую ассоциацию (Shirazi Association).

В 1953 г. правительство усилило запрет на участие государственных служащих в политике, в результате чего руководителем Африканской ассоциации вместо врача Г. Барнабаса стал будущий лидер революции Абейд Аamani Каруме, работник, а затем — управляющий компании по ремонту моторных катеров, обслуживавшей прибрежные перевозки. Каруме был известен как один из организаторов ряда первых чисто африканских организаций на Занзибаре — «Черной звезды», «Африканского спортклуба», «Африканского танцклуба». Ассоциация повела решительную борьбу за лидерство с Арабской ассоциацией. Последняя дала начало Занзибарскому Национальному Союзу, а тот — Занзибарской националистической партии.

Однако первой политической партией на островах стала основанная в 1955 г. Национальная партия подданных Занзибарского султана (National Party of the Subjects of the Sultan of Zanzibar — NPSS). В результате ее слияния с Арабской ассоциацией и возникла одна из ведущих политических партий «Zama za siasa» — Националистическая партия Занзибара (Zanzibar Nationalist Party — ZNP, НПЗ). Танзанийский ученый И. Шивджи отмечает ее тройственный состав — арабы-землевладельцы, мелкобуржуазные интеллектуалы и богатые и средней руки крестьяне [Shivji 2008: 24]. Б. Мрина и В. Маттоке, авторы изданной в конце 1970-х гг. на суахили книги «Освободительная борьба на Занзибаре», подчеркивают, что НПЗ призывала африканцев, работающих на арабов, вступать в свои ряды и выдвинула лозунг «Африка для

африканцев», несмотря на наличие там большого количества арабов [Mrina, Mattoke 1980: 56].

Другой ведущей политической партией в эти годы стала Партия Афро-Ширази (АШП), возникшая в результате объединения Африканской и Ширазской ассоциаций в 1957 г. В свою очередь, в 1959 г. от нее откололась Партия народа Занзибара и Пембы (Zanzibar and Pemba Peoples Party — ZPPP, ЗППП) — еще одна партия, активно вступившая в политическую борьбу. Классовой базой ЗППП, опиравшейся главным образом на население острова Пемба, стали в основном богатые и средние крестьяне, в большинстве своем ширази, а основу АШП составляли рабочие, в том числе и люмпен-пролетариат острова Занзибар, а также работники с плантаций, затем к ним присоединились представители африканской элиты [Shivji 2008: 25]. Б. Мрина и В. Маттоке подчеркивают, что ЗППП основали руководители, изгнанные из АШП и не согласные с объединением африканцев и ширази [Mrina, Mattoke 1980: 64]. И. Шивджи подчеркивает, что ни одна из трех основных партий не была массовой в том масштабе, в каком была партия ТАНУ в Танганьике, но все же АШП можно было считать партией большинства [Shivji 2008: 26].

Во время первых выборов в Законодательное собрание, состоявшихся в сентябре 1957 г., ЗППП еще не откололась от АШП. Избирались 8 членов собрания, остальные 17 назначались британской администрацией островов. АШП набрала на тех выборах, по данным Мрины и Маттоке, 21 632, НПЗ — 7 761 из 35 980 голосов [Mrina, Mattoke 1980: 65].

На выборах в январе 1961 г., на которых по предложению председателя конституционной комиссии Хилари Блада выборными стали 22 члена Законодательного собрания, АШП получила 10 мест, НПЗ — 9, а ЗППП — 3 [Mrina, Mattoke 1980: 73]. НПЗ и ЗППП решили выступить вместе, но лишь двое из троих избранных присоединились к НПЗ, а один к АШП. В результате у АШП и НПЗ оказалось равное количество мест в Законодательном собрании — по 11 [Mrina, Mattoke 1980:

75]. Вначале Правительство было предложено сформировать лидеру АШП А. Каруме, который не смог этого сделать, так как не получил поддержку большинства в Законодательном собрании. Затем то же самое произошло с лидером НПЗ А. Мухсином. В результате было сформировано временное правительство, в которое вошли четыре министра — по два от АШП и НПЗ. Главой правительства стал представитель колониальной администрации.

Результаты выборов не устроили все стороны, в частности, АШП считала их сфальсифицированными в пользу НПЗ. Колониальные власти, недовольные «ничейным» результатом, решили провести новые выборы, увеличив число выборных членов до 23. Новый избирательный округ был добавлен на Пембе, где преобладали сторонники ЗППП. Выборы, состоявшиеся 1 июня 1961 г., дали следующие результаты: АШП получила 10 мест (8 на Занзибаре и 2 на Пембе), НПЗ — тоже 10 мест (по 5 на Занзибаре и Пембе), ЗППП — 3 (все на Пембе) [Mrina, Mattoke 1980: 77].

Выборы сопровождались беспорядками, в ходе которых было убито 68 человек, ранено 381, арестовано 1083 человека [Mrina, Mattoke 1980: 79]. Беспорядки объяснялись острым противостоянием сторонников соперничающих партий, прежде всего африканцев и арабов.

К выборам 1963 г., которые последовали за Конституционной конференцией 1962 г., АШП значительно увеличила свой электорат, в том числе и на Пембе. Так, по данным И. Шивджи, она получила на этих выборах на Пембе 44 % голосов против 37 % в 1961 г., а на Занзибаре — 63 % против 64 %. НПЗ — соответственно 28 % против 39 % на Пембе и оба раза 32 % на Занзибаре. ЗППП в 1963 г. получила 28 % против 25 % на Пембе и 5 % против 4 % на Занзибаре. Таким образом, подчеркивает И. Шивджи, АШП к 1963 г. значительно укрепила свои позиции на Пембе, причем за счет беднейшего населения. Вообще, подчеркивает он, АШП была в основном партией бедных, а две другие партии представляли интересы зажиточных и богатых людей [Shivji 2008: 27].

Лидером АШП был, как уже говорилось, А. Каруме, а от НПЗ откололась партия «Умма» (народ) во главе с Абдулом Рахманом Мухаммедом, известным как Бабу. Как отмечает отечественный специалист по истории Занзибара О.И. Тетерин², «бесперспективность проарабской, если не сказать — откровенно антиафриканской линии НПЗ, вызывавшей лишь озлобление и протестные настроения обездоленного африканского большинства на Занзибаре, — вот что побудило Бабу к выходу из НПЗ, созданию собственной партии «Умма» и постепенному сближению с партией Афро-Ширази» [Тетерин 2012а].

Известно, что Бабу был марксистом [Shivji 2008]. О.И. Тетерин, приводя цитату из устава партии «Умма» о том, что ее целью является «развитие Занзибара на базе социализма и построение социалистического общества», выдвигает точку зрения, что этот документ «предназначался главным образом для “внешнего потребления” — распространения за рубежом с пропагандистскими целями» [Тетерин 2012а]. Этот документ, отмечает он, попал в Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки наряду с многими другими документами, которые туда направляли как АШП, так и НПЗ в надежде на поддержку [Тетерин 2012а].

Действительно, в фонде Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки (СКССАА) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) я обнаружил множество подобных писем, как правило, 1960–1962 гг., причем не только от АШП³ и НПЗ⁴, но и от Федерации труда Занзибара и

² См.: [Тетерин 1972]. В 1973 г. диссертации был присвоен гриф «Для служебного пользования». Более того, в библиотеку им. В.И. Ленина рукопись диссертации не поступила, в спецхране ВГБИЛ был обнаружен лишь автореферат, которым воспользовался единственный (!) читатель (в ноябре 1975 г.). И только в 2011 г. «секретность» с диссертации была снята решением Ученого совета Института Африки РАН. Оригинал диссертации доступен в Архиве РГБ в Химках.

³ ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9540. Оп 1. Д. 120. Л. 1; ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп. 1. Д. 138. Л. 67.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп 1. Д. 71. Л. 200.

Пембы⁵, Федерации прогрессивных профсоюзов Занзибара⁶ и др.

Интересна реакция СКССАА. В частности, в письме в правление Советского Фонда Мира от 7 мая 1962 г. ответственный секретарь СКССАА Д. Долидзе просит выделить для АШП в ответ на просьбу об оказании финансовой помощи 500 рублей для приобретения пишущей машинки и ротатора, «учитывая возрастающую роль партии “Афро-Ширази” в политической жизни Занзибара и дружественное отношение к нам со стороны руководителей этой партии»⁷.

Как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, просьба одного из лидеров НПЗ М. Мшангамы принять его в СССР в ходе поездки в Европу была удовлетворена после одобрения Международным отделом ЦК КПСС. Обосновано это решение в письме СКССАА в ЦК КПСС от 25 октября 1962 г. было следующим образом: «Учитывая острое политическое положение на Занзибаре и необходимость выяснения существа разногласий между Националистической партией и партией Афро-Ширази, из-за которых англичанами задерживается предоставление независимости Занзибара»⁸.

Более интересно, что в СКССАА пришло письмо, в котором говорилось о создании Коммунистической партии Занзибара. В этом письме, датированном 4 ноября 1962 г. и подписанном заместителем секретаря по вопросам печати И. Мухдом, в частности, говорилось: «Коммунистическая партия Занзибара, насчитывающая сейчас в своих рядах свыше тысячи членов и огромное количество сторонников и сочувствующих среди рабочего класса, является единственной партией, борющейся против угнетения и всех форм эксплуатации, за свободу народа Занзибара, за установление диктатуры пролетариата, за мир во всем мире и мирное сосуществование»⁹.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп 1. Д. 100. Л. 61; ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп 1. Д. 139. Л. 63.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп 1. Д. 120. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 45.

⁸ РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 50. Д. 433. Л. 248.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп 1. Д. 120. Л. 15.

В письме (кстати сказать, обратным адресом указан не Занзибар, а п/я 2606 в Дар-эс-Саламе) выражается просьба пригласить в СССР трех членов руководства партии, включая подписавшего письмо¹⁰. Однако никакой реакции на письмо, судя по всему, не последовало. Объяснение этому дает О.И. Тетерин, указавший, что газета «Правда» дала информацию о создании Компартии Занзибара еще 20 июля 1962 г.: «Эту “компартию” нельзя рассматривать всерьез, тем более, что дело так и ограничилось лишь объявлением о ее создании» [Тетерин 2012а].

Таким образом, для московских «инстанций» важнее все же были разногласия между двумя основными игроками на политической арене Занзибара — НПЗ и АШП. И все же, думается, что определенный резонанс в СССР факт создания Компартии Занзибара все же имел: в «инстанциях» формировалось мнение о марксистско-ленинской составляющей Занзибарской революции [Балезин 2019].

В Москве в «инстанциях», в частности — в МИДе, интересовались положением дел на Занзибаре накануне революции. Так, 3-й секретарь 1-го Африканского отдела МИД СССР С. Синицын составил подробную — на 18 страницах — справку о Занзибаре¹¹, а 2-й секретарь советского посольства в Лондоне Тимофеев — справку о Конституционной конференции 1963 г. на 7 страницах¹².

Следует отметить, что СССР распространял на островах накануне независимости литературу на английском языке — издания «Московские новости», «Советская женщина», «Международная жизнь», но в конце 1961 г. власти Занзибара запретили эти издания¹³.

Однако на Занзибаре знали о Советском Союзе не только из прессы, были и личные контакты. Будущий премьер-министр Занзибарской Республики Абдулла Кассим Ханга (1932–1969) еще до революции учился в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы и женился на советской гражданке

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп 1. Д. 120. Л. 16.

¹¹ АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 591. Оп. 6. П. 2а. Д. 6. Л. 5–22.

¹² АВП РФ. Ф. 591. Оп. 6. П. 2а. Д. 6. Л. 23–29.

¹³ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 5. П. 2. Д. 3. Л. 9.

Лиэ Оливеровне Голден (1934—2010). По данным на 1 января 1964 г., в СССР обучалось 58 занзибарских студентов — в Москве, Ленинграде, Киеве, Астрахани, Львове, Харькове¹⁴. Была даже создана Лига занзибарских студентов, обучающихся в СССР, которая, в частности, организовала 10 декабря 1963 г., сразу после провозглашения независимости Занзибара, большой митинг в клубе Университета дружбы народов, посвященный этому событию¹⁵. Выходцы с Занзибара работали в качестве дикторов и переводчиков и на Радио Москвы, вещавшем на суахили на Восточную Африку.

Занзибарская революция

СССР приветствовал провозглашение независимости Занзибара. На праздновании независимости 9 декабря 1963 г., кульминацией которого был прием у султана, присутствовал официальный представитель СССР¹⁶.

После провозглашения независимости 10 декабря 1963 г. премьер-министром Занзибара стал лидер НПЗ Али Мухсин, а 6 января 1964 г. партия «Умма» была запрещена. Стало известно, что 13 января должен был последовать запрет и на деятельность АШП. Однако 12 января 1964 г. на Занзибаре произошла революция.

Подготовку революции вел «Комитет 14-ти» во главе с Сейфом Бакари, лидером Молодежной лиги АШП, а военную — Джон Окелло, руководивший отрядами повстанцев и называвший себя фельдмаршалом [Тетерин 2012b].

В результате революции султан был изгнан, президентом страны был объявлен А. Каруме, вице-президентом и премьер-министром — его товарищ по АШП Абдалла Ханга, а лидер «Уммы» Бабу был назначен министром обороны и иностранных дел. 16 января был создан Революционный совет Занзибара, а 18 января — объявлено о создании Народной Республики Занзибара и Пембы. 29 января Бабу объявил о роспуске своей

партии «Умма» и призвал всех ее сторонников присоединиться к АШП. А. Каруме объявил о создании однопартийного правительства. Так закончилась межпартийная борьба на Занзибаре.

Известно, что Каруме и Ханга накануне революции — в ночь на 12 января 1964 г. — были тайно переправлены на материк, в Дар-эс-Салам, столицу Танганьики. Там же находился уже некоторое время Бабу. На Занзибар все три будущих лидера новой республики вернулись вечером следующего дня, 12 января 1964 г., что обеспечило их безопасность во время бурных событий.

Занзибарский историк Амир Мохаммед в своей книге под характерным названием «Руководство по истории Занзибара», регулярно переиздающейся с 1991 г. (1997, 2006, 2011 и 2014 г.) и продающейся на острове повсюду, оценивает занзибарскую революцию следующим образом: «Они (лидеры революции. — *Прим. авт.*) хотели превратить Занзибар в полностью эгалитарное общество, дав африканской общине социальный и экономический лифт, как и другим этническим группам... Они запретили все объединения на расовой основе, все политические партии кроме АШП и попытались привить обществу радикальную социалистическую идеологию и внедрить национальную солидарность вместо расовых конфликтов» [Mohammed 2014].

Через несколько дней после революции, 18 января 1964 г., когда советский посол в Танганьике А.М. Тимошенко выступал с докладом об СССР, ее граждане задавали вопросы про соседний Занзибар. Их интересовало, какова будет политика Советского Союза по отношению к новому правительству островного государства и поможет ли СССР Занзибару, если тот попросит о помощи против угроз империализма¹⁷. В этот день СССР признал Народную Республику Занзибар, а уже 4 февраля 1964 г. туда прибыло советское посольство во главе с послом Д.С. Чувахиным¹⁸.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 11. Л. 8.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9540. Оп. 1. Д. 178. Л. 38–43.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 6. П. 2а. Д. 6. Л. 1.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 3. Л. 26.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 8. Л. 1–2.

Новое руководство Занзибара в свою очередь стремилось к сближению с СССР. Об этом свидетельствует, в частности, послание А. Каруме Н.С. Хрущеву к его 70-летию, датированное 14 апреля 1964 г. Одновременно Н.С. Хрущеву был направлен, как говорится в послании, «небольшой подарок — модель двери, свидетельствующая о мастерстве нашего народа»¹⁹.

СССР также демонстрировал заинтересованность в укреплении связей с молодым островным государством — уже в марте 1964 г. в островное государство прибыла группа военных специалистов. На вооружении у занзибарцев были советские бронетранспортеры, «калашниковы», пулеметы, гранатометы, зенитное и другое артиллерийское вооружение [Тетерин 2011]. СССР также закупил большую партию гвоздики — основного предмета экспорта Занзибара [Mohammed 2014: 88].

В 1964 г. в СССР планировалось принять несколько занзибарских делегаций: одну — по линии Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) из 3 человек на 14 дней и 4 человека по линии Советского комитета солидарности стран Азии и Африки также сроком на 14 дней²⁰. Отдельно по линии Комитета молодежных организаций планировалось принять делегацию Молодежной лиги правящей на Занзибаре партии Афро-Ширази из 8 человек и еще 5 человек на II Всемирный форум солидарности молодежи и студентов в Москве. Интересно, что в последнем случае занзибарской стороной было оговорено следующее условие: «Молодежная лига партии Афро-Ширази получит отдельное приглашение, и если количественный состав их делегации будет таким же, как и Молодежной лиги Национального союза африканцев Танганьики (Tanganika African National Union — TANU, ТАНУ)»²¹.

Объединение Занзибара с Танганьикой

Впервые идея об объединении Танганьики с Занзибаром была предположительно высказана в рамках Пан-Африканского движения Восточной и Центральной Африки в июне 1959 г. В секретном соглашении, составленном в последний день конференции на Занзибаре самим А. Каруме и подписанном лидером ТАНУ Джулиусом Ньерере, говорилось о возможности объединения Танганьики и Занзибара в одно государство после достижения каждой из территорий независимости. Тот же документ подчеркивал, что все афроширазцы являются равноправными жителями Занзибара, и обязывал АШП признать политические права за представителями других общин островов [Shivji 2008: 31].

Победа Занзибарской революции вызвала известные опасения в Вашингтоне, где островное государство тут же окрестили «африканской Кубой». Американский посол в Танганьике писал: «Коммунистический Занзибар мог бы послужить базой для диверсионных и карательных операций на материке от Кении до Капа... Он мог бы разрешить китайским коммунистам и кубинцам продвигать свои базы обучения на африканский театр и экспортировать “африканскую модель” революционной тактики. Он послужил бы пропагандистским примером «африканского социалистического государства» для всего Юга Африки... приблизил бы войну в Мозамбике, также уменьшил бы шансы избежать насилия в Южной Родезии и наступление коммунизма в Южной Африке. Он способствовал бы появлению коммунистического плацдарма в западной части Индийского океана» [Shivji 2008: 73].

США оказали давление на Великобританию с тем, чтобы бывшая метрополия приняла контрмеры против такого поворота событий. Сначала в Лондоне обсуждалась идея убрать танганьиканские полицейские силы с островов с тем, чтобы А. Каруме обратился к англичанам за заменой. Затем было решено действовать через А. Каруме и Дж. Ньерере, в частности, запугав первого тем, что Бабу и другие «товарищи» представляют угрозу

¹⁹ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 8. Л. 7.

²⁰ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 11. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 2–3.

его власти. Курс на объединение двух территорий, как утверждает И. Шивджи, был взят в марте 1964 г., причем Дж. Ньерере тоже не переставали запугивать коммунистической угрозой [Shivji 2008: 75].

Дж. Ньерере предпочел бы объединение с Занзибаром в более широкую федерацию, включающую также Кению и Уганду. Однако эти страны не выразили готовность к такому повороту событий.

В результате документ о союзе Танганьики с Занзибаром был подписан 22 апреля 1964 г. В этом документе, под которым стоят подписи Дж. Ньерере и А. Каруме, в частности, говорилось, что:

— на период подготовки конституции Объединенной Республики действует конституция Танганьики;

— на Занзибаре действует своя законодательная и исполнительная власть и законы, кроме полномочий, входящих в компетенцию парламента и исполнительной власти объединенной республики;

— в ведении парламента и исполнительной власти Объединенной Республики находятся вопросы внешней политики, обороны, полиции, гражданства, иммиграции, внешней торговли и займов, налогообложения, портов, гражданской авиации, почты и телеграфа;

— первым президентом объединенного государства будет Дж. Ньерере, а первым вице-президентом, представляющим Занзибар, — А. Каруме [Shivji 2008: 262, 263].

В Москве большого значения этому документу не придали и анализу не подвергли: на сопроводительном письме к тексту, посланному в срочном порядке уже 26 апреля 1964 г. заместителю министра иностранных дел СССР Я.А. Малику, стоит резолюция заведующего сектором Африки Международного отдела ЦК КПСС П.И. Манчхи: «Материал прислан в информационном порядке. Можно сдать в архив»²².

По-другому отнеслись к этому событию сотрудники советского посольства в Лондоне: 9 июня 1964 г. в МИД была послана справка «К вопросу о создании Объединенной

Республики Танганьики и Занзибара». В ней, в частности, говорилось: «Подписание соглашений о создании Объединенной Республики Танганьики и Занзибара в конце апреля с.г. было встречено в различных политических кругах Англии с одобрением. Прогрессивная печать приветствовала создание этого союза как реальный вклад в дело создания единства независимых государств в Африке [Балезин 2018].

В июньском номере прогрессивного журнала «Нью Африка», выходящего в Лондоне, член Компартии Англии Идрис Кокс писал: «Будем надеяться, что этот новый союз послужит примером другим независимым африканским странам, которые на словах выступают за африканское единство, а на деле не предпринимают никаких решительных мер для его осуществления»²³.

Приводя цитаты из «буржуазной» прессы, свидетельствующие об одобрении объединения Танганьики с Занзибаром, автор справки — атташе посольства СССР в Великобритании И. Сапрыкин дает на их основании свой анализ ситуации: «Не исключено, что англичане, играя на стремлении молодых африканских государств к единству, подталкивали правительство Танганьики к слиянию с Занзибаром как можно скорее. Английские правящие круги проявляют беспокойство в связи с происходящими на Занзибаре прогрессивными преобразованиями. Утратив прежнее влияние в Занзибаре, англичане стремились приостановить развитие демократических преобразований в стране через союз с Танганьикой и через самого Ньерере, известного своей проанглийской ориентацией... Для оказания давления на Танганьику англичане использовали обычный довод о коммунистической угрозе. Англия, — писала газета “Дейли Геральд” 24 апреля, — предупредила Танганьику и ее восточно-африканских соседей Кению и Уганду об опасных последствиях нахождения в непосредственной близости от них революционного острова, руководимого коммунистами»²⁴.

²³ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 5. Л. 19.

²⁴ Там же. Л. 19–20.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 603. Л. 42.

Далее И. Сапрыкин отмечает: «Особую опасность для осуществления планов создания удобного английским правящим кругам союза представляет ядро Революционного совета Занзибара во главе с министром иностранных дел Бабу²⁵. Влиятельная английская газета “Таймс”, отражая интересы правящих кругов, подстрекала Ньерере проявить свою власть в новом союзе и заставить Каруме нейтрализовать Бабу»²⁶. В связи с этим «английская пресса... высказывала опасения, что Занзибар мог оказаться “троянским конем” в этом союзе и как бы в Танганьике не изменилось положение вещей в обратную сторону»²⁷.

Опасения такого рода оказались напрасными. Наиболее радикально настроенные соратники А. Каруме, в частности Бабу и А. Ханга, были отправлены в Дар-эс-Салам, получив назначение министрами в центральном правительстве Объединенной Республики. Бабу занимал различные министерские посты в правительстве Танзании до 1972 г., когда был арестован. Избежав смертной казни, он пробыл в тюрьме до 1978 г. До конца жизни (1996 г.) он оставался сторонником социалистического пути для Африки [Тетерин 2012а].

А. Ханга в 1967 г. был выведен из кабинета министров Объединенной Республики, а затем арестован. Позже Дж. Ньерере извинился перед ним за необоснованный арест, но в августе 1969 г. А. Ханга был вновь арестован, переправлен на Занзибар и позднее в том же году расстрелян по обвинению в антиправительственном заговоре. Правда, и сам А. Каруме ненадолго пережил своего главного политического соперника. 7 апреля 1972 г. он был убит. О.И. Тетерин высказал предположение, что в заговоре против А. Каруме «участвовали сторонники всемерного укрепления союзного государства и дальнейшего сближения Занзибара с материковой частью республики. Это важно подчеркнуть, тем более что А. Каруме решительно выступал за

сохранение максимальной автономии островов и встречал “в штыки” любую попытку или поползновение ущемить интересы Занзибара в рамках Объединенной Республики Танзания (ОРТ)» [Тетерин 2019].

В справке И. Сапрыкина приводится еще одно интересное соображение: «Английские правящие круги подталкивали правительства Восточной Африки к созданию более широкого союза... Подталкивая к созданию более широкого объединения, куда бы входили Танганьика, Кения, Уганда и Занзибар, английские правящие круги сулили всяческую поддержку, в том числе и экономическую... У Ньерере, как видно из сообщений печати, были действительно широкие планы по превращению этого союза в более широкое объединение. После обмена ратификационными грамотами Ньерере заявил, что создание союза Танганьики и Занзибара явилось лишь “первым шагом к более широкому союзу” вроде Восточно-Африканской Федерации, куда бы входили еще Кения и Уганда»²⁸.

Что касается идеи федерации Восточной Африки, то, как известно, она трансформировалась в Восточноафриканское экономическое сообщество (ВАС), созданное в 1967 г. и просуществовавшее совсем недолго.

Следует обратить внимание, что автору справки удалось выявить проблему, поставленную в заглавие многократно цитировавшийся уже книги танзанийского историка И. Шивджи: «Панафриканизм или прагматизм? Уроки союза Танганьики с Занзибаром» [Shivji 2008]. Действительно, в союзе обоих государств, во всяком случае со стороны Дж. Ньерере, было значительно больше прагматических, чем идеологических, соображений.

Но в одном автор справки ошибся — в прогнозах на будущее этого союза: «В Лондоне очень скептически смотрят на будущее этого союза. Лондонский корреспондент газеты “Нью-Йорк таймс” передавал в своей корреспонденции из Лондона 2 июня, что “никто здесь не выражает оптимизма в отношении дальнейшей судьбы этого союза”. Из бесед с представителями Занзибара в Лондоне тоже

²⁵ На самом деле Революционный совет возглавлял, как уже говорилось, А. Каруме.

²⁶ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 5. Л. 21.

²⁷ Там же.

²⁸ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 5. Л. 21–22.

можно сделать заключение, что ...не исключается возможность распада этого союза»²⁹.

Одним из факторов, грозивших новому государству, считалось различие в отношениях к двум германским государствам — Танганьика признавала ФРГ, а Занзибар — ГДР. ГДР была довольно активна в островной республике, и до сих пор в центре города Занзибар можно видеть целые кварталы жилых домов ГДРовской постройки (строительство началось в 1965 г.). Однако это не повлекло за собой распада Объединенной Республики. Вопреки недовольству Бонна посольство ГДР было сохранено на Занзибаре, однако без официального признания ГДР Объединенной Республикой.

И. Шивджи, отмечая, что союзное государство создавалось практически руками Дж. Ньерере и в интересах Танганьики, называет юридическую и политическую основу нового государства «шаткой» и подчеркивает, что она оставалась таковой в течение целых 13 лет, до принятия в 1977 г. новой конституции Объединенной Республики [Shivji 2008: 97, 99].

Интересно, что в статье о Занзибарской революции, вышедшей в 1964 г. по горячим следам, объединение Танганьики с Занзибаром называют «аншлюсом», что также подчеркивает ведущую роль первой в новом объединенном государстве [Lucien 1964: 29].

Однако О.И. Тетерин впоследствии подчеркивал: «После объединения, когда угроза внешнего вмешательства миновала, Занзибар сохранил и всеми доступными способами оберегал автономию в вопросах внутреннего развития, политического и экономического сотрудничества с зарубежными странами, сохранил собственную армию, службы безопасности. Крохотный Занзибар вовсе не желал “раствориться” в большом государстве, не допускал никакого вмешательства Дар-эс-Салама в свои внутренние дела» [Тетерин 2011: 138].

Занзибарский историк Амир Мохаммед также отмечал: «Ожидания Союзного правительства, что Занзибар станет в самом бли-

жайшем будущем ближе к материковой части, оказались беспочвенными... В то время, как Ньерере представил парламенту первый пятилетний план развития, он провозгласил намерение разработать подобный план для Занзибара. Вместо этого Революционный совет Занзибара принял иной, трехлетний план для Занзибара, разработанный восточногерманским экономистом. Этот план никогда не был представлен Национальной ассамблее (органу Союзного государства. — *Прим. авт.*), несмотря на то, что значительная часть его разделов касалась областей, находившихся по конституции в ведении Союза» [Mohammed 2014: 90, 91].

В этих условиях советское посольство на Занзибаре было преобразовано в консульство, а отношения с ним стали в основном строиться официально как единые советско-танзанийские. Однако отношение Москвы к двум частям Объединенной республики все же было неодинаковым. Дело в том, что в новом уставе Партии Афро-Ширази, правящей партии Занзибара, принятом в 1965 г., главными задачами были провозглашены борьба с эксплуатацией человека человеком и построение социализма. Партия ТАНУ, правящая в материковой части страны, приняла Арушскую декларацию, официально провозгласившую построение общества «уджамаа» (специфического варианта социализма, вызывавшего в Москве неоднозначное отношение) лишь в 1967 г.

В справке посольства СССР «Объединенная Республика Танганьика и Занзибар» от октября 1964 г. упоминалось следующее: «Новое правительство Занзибара объявило, что будет строить социализм, опираясь на помощь Советского Союза и других социалистических стран. Правительство провело в стране ряд социально-экономических преобразований, национализировало крупные плантации и иностранную собственность, ликвидировало долговые расписки, установило твердые цены на предметы первой необходимости и продовольствие... 18 января 1964 г. СССР официально признал новое правительство Республики Занзибар. Это правительство взяло курс на установление широких

²⁹ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 5. Л. 23.

экономических, культурных и других связей и на развитие тесной дружбы с социалистическими странами и особенно с Советским Союзом. На Занзибаре в настоящее время находится около 40 советских специалистов различных специальностей. Активные отношения Занзибар поддерживает также с КНР и Германской Демократической Республикой, которая продолжает сохранять свое посольство на Занзибаре.

Во время пребывания делегации Объединенной Республики во главе с Р. Кававой в СССР в августе 1964 г. Советский Союз согласился оказать Занзибару содействие в разведке на нефть, строительстве двух холодильников, радиостанции, двух госпиталей, средней школы, развитии телефонной сети, а также оказать другую помощь»³⁰.

Еще в марте 1964 г. в островное государство была направлена группа военных специалистов. Один из переводчиков наших военных специалистов на Занзибаре в 1965—1966 г. О.И. Тетерин, на тот момент — студент первой группы суахили Института восточных языков при МГУ на практике, вспоминает, что к моменту его приезда на остров советских военных специалистов там насчитывалось около 12. Они вели обучение занзибарских солдат и офицеров в лагере Чуквани [Тетерин 2011: 118].

В развитие установленных дружественных отношений с СССР в 1964 г. Занзибар попросил у Советского Союза помощи в целом ряде практических вопросов. «Краткий перечень просьб правительства Занзибара к Советскому Союзу», который должен был оказать правительству Занзибара «помощь в выполнении плана экономического и социального развития» (август 1964 года), включал:

— по линии Министерства общественных работ и коммуникаций — развитие телефонной связи, расширение аэропортов, электрификацию, развитие сети портов, геолого-разведочные работы, помощь в подготовке торгового флота;

— по линии Министерства образования и национальной культуры — расширение сети образования — строительство новой

двухсменной средней школы на острове Пемба, расходы на расширение колледжа им. П. Лумумбы и строительство общежития для студентов;

— по линии Министерства здравоохранения и социального обеспечения — поставку оборудования для Центральной больницы, оплату расходов на строительство четырех районных больниц и поликлиники, а также приобретение оборудования для них;

— по линии Службы информации и радиовещания — оплату расходов на строительство новой радиостанции, установку новых радиопередатчиков и помощь в учреждении Информационного агентства Занзибара, включая приобретение телетайпов и подготовку специалистов в СССР.

Выражались также просьбы о поставках сахара, приеме в СССР на обучение специалистов морского флота: 4 человек на морских инженеров и 2 — на штурманов³¹.

Активно распространялась в 1964 г. советская печатная продукция и на Занзибаре. Еще в апреле 1964 г. и.о. советского консула Г.И. Карлов (отец посла России в Турции А.Г. Карлова, убитого в Анкаре в декабре 2016 г.) писал в Москву: «Консульство за короткий срок распространило большое количество книг, брошюр и журналов на английском и суахили языках... Консульство передало также министрам правительства Занзибара, членам Революционного совета, руководителям партии Афро-Ширази, Молодежной лиги, профсоюзам и средним школам соответствующее подборки советской литературы. В связи с этим в Консульстве в настоящее время литературы почти не осталось»³².

Г.И. Карлов настаивал на необходимости увеличения издания именно на суахили, а не на английском языке «литературы о внешней и внутренней политике СССР, о различных аспектах жизни советского народа, об опыте строительства социализма в Советском Союзе, о создании материально-технической базы коммунизма, а также издание основных выступлений Н.С. Хрущева, учебников и

³⁰ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 2. Д. 5. Л. 18.

³¹ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 9. Л. 7–8, 13, 23.

³² АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 4. Л. 4.

учебных пособий для средних школ и ВУЗов, в которых хорошо изложены основы марксистско-ленинской теории. Было бы целесообразно также с 1965 г. начать издание журналов “Советский Союз”, “Новое время”, “Советская женщина” и др. на языке суахили»³³.

Интересны и такие факты о сотрудничестве СССР с Занзибаром после создания Объединенной Республики. В апреле 1964 г. два советских кинооператора выехали на Занзибар для съемок фильма. Фильм «Это Занзибар» был закончен в 1964 г., показан руководством Танзании и подарен Абейду Каруме. В апреле 1964 г. композитор К. Хачатурян выезжал на Занзибар для написания гимна страны. Гимн был создан по возвращении композитора в Москву и отправлен в записи на остров. В мае 1964 г. А. Каруме попросил бюст В.И. Ленина для госпиталя имени Ленина, и бюст был отправлен³⁴.

Советское консульство на Занзибаре продолжало активно работать и в последующие годы. Так, в 1966 г. оно организовало целый ряд фотовыставок о Советском Союзе, передало различным организациям 20 библиотек советской литературы³⁵, только с марта по сентябрь того же года провело 21 киносеанс показов советских фильмов³⁶.

И все же постепенно непосредственное сотрудничество СССР с Занзибаром заменялось на сотрудничество в рамках отношений с Объединенной Республикой Танзанией. Так, ряд проектов по сотрудничеству с СССР, входивших в план развития Занзибара (в частности — поставка рыболовных снастей, двух мощных генераторов для Занзибара и Пембы, портовых кранов, емкостей для кокосового масла, инкубаторов и др.), были включены в Советско-танзанийское соглашение об экономическом сотрудничестве от 26 мая 1966 г.³⁷ Однако уже в 1968 г. советская сторона «выразила озабоченность в связи с его затянувшимся выполнением»³⁸.

Позднее и само консульство СССР на Занзибаре, которое на протяжении всего периода существования функционировало успешно, было закрыто. Таким образом, контакты СССР с Занзибаром активно развивались с начала 1960-х гг. Интерес к ним проявляли обе стороны. СССР поддерживал борьбу занзибарцев за независимость, и дипломатические отношения между двумя странами были установлены сразу по ее достижении. После объединения Занзибара с Танганьикой СССР первое время развивал с островным государством особые отношения, которые постепенно уступали место сотрудничеству с Объединенной Республикой Танзанией в целом.

³³ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 7. П. 3. Д. 4. Л. 4.

³⁴ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 8. П. 7. Д. 9. Л. 1–3, 4.

³⁵ АВП РФ. Ф. 653. Оп. 10. П. 7. Д. 12. Л. 1–3.

³⁶ АВП РФ. Ф. 653. Оп. 9. П. 5. Д. 13. Л. 99–100.

³⁷ АВП РФ. Ф. 591. Оп. 9. П. 5. Д. 12. Л. 52–55.

³⁸ АВП РФ. Ф. 653. Оп. 11. П. 8. Д. 6. Л. 46.

Поступила в редакцию / Received: 13.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 20.02.2020

Библиографический список

- Балезин А.С.* К истории установления дипломатических отношений со странами Восточной Африки — Кенией, Угандой и Танзанией. По материалам архива МИД РФ // Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки / отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: РОССПЭН, 2019. С. 290—317.
- Балезин А.С.* Как были установлены дипломатические отношения нашей страны с Танзанией // Под небом Африки моей. История, языки, культура народов Африки. Вып. 8. М.: Ключ—С, 2018. С. 17—29.
- Тетерин О.И.* Абдул Рахман Мохаммед Бабу // История Африки в биографиях / под ред. А.Б. Давидсона. М.: РГГУ, 2012а. С. 776—788.
- Тетерин О.И.* Вспоминая Африку (важное... и не очень). М.: Cherry Pie, 2019.
- Тетерин О.И.* На Занзибаре, немного о себе и других // В Египте и на Занзибаре (1960—1966). Мемуары советских военных переводчиков / ред.-сост. А.А. Токарев, Г.В. Шубин. М.: И.Б. Бельый, 2011. С. 102—199.
- Тетерин О.И.* Окелло Джон Гидеон // История Африки в биографиях / под ред. А.Б. Давидсона. М.: РГГУ, 2012б. С. 947—956.

- Teterin O.I. Социально-политическое развитие Занзибара: дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт Африки АН СССР, 1972.
- Mrina B.F., Mattoke W.T. Mapambano ya ukombozi Zanzibar. Dar es Salaam: Tanzania Publishing House, 1980. (На суахили).
- Mohammed A. A Guide to a History of Zanzibar. Zanzibar: Good Luck Publishers, 2014.
- Lucien R. The Revolution in Zanzibar // New Left Review. 1964. No. 25. P. 29—32.
- Sheriff A., Tominaga C. Historia ya Washirazi na Fungamano za kisiasa Zanzibar // Historia fupi ya Zanzibar / Kumehaririwa na K.S. Khamis na H.H. Omar. Zanzibar, Tanzania: Al-Khayria Press, 1994. K. 92—118. (На суахили).
- Shivji I. G. Pan-Africanism or Pragmatism? Lessons of the Tanganyika — Zanzibar Union. Dar es Salaam: Mkuki Na Nyota Publishers, 2008.

References

- Balezin, A.S. (2018). How Diplomatic Relations of Our Country with Tanzania Were Established. *Under My Africa's Sky*, 8, 17—29. Moscow: Kluch-C publ. (In Russian).
- Balezin, A.S. (2019). On the History of Establishing of Diplomatic Relations between the USSR and East African Countries. In: Davidson, A.B. (Eds.). *Africa in Russia's Fate. Russia in Africa's Fate*. Moscow: ROSSPEN publ. P. 290—317. (In Russian).
- Lucien, R. (1964). The Revolution in Zanzibar. *New Left Review*, 25, 29—32.
- Mohamed, A.A. (2014). *A Guide to a History of Zanzibar*. Zanzibar: Good Luck Publishers.
- Mrina, B.F. & Mattoke, W.T. (1980). *Mapambano ya ukombozi Zanzibar*. Dar es Salaam: Tanzania Publishing House. (In Swahili).
- Sheriff, A. & Tominaga, C. (1994). Historia ya Washirazi na Fungamano za kisiasa Zanzibar. In: Khamis, K.S. & Omar, H.H. (Eds.). *Historia fupi ya Zanzibar*. Zanzibar, Tanzania: Al-Khayria Press. P. 92—118. (In Swahili).
- Shivji, I.G. (2008). *Pan-Africanism or Pragmatism? Lessons of the Tanganyika — Zanzibar Union*. Dar es Salaam: Mkuki Na Nyota Publishers.
- Teterin, O.I. (1972). *Socio-Political Development of Zanzibar* [PhD thesis]. Moscow: Institute for Africa Studies, USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Teterin, O.I. (2011). On Zanzibar. Something about Myself and Others. In: Tokarev, A.A. & Shubin, G.V. (Eds.). *In Egypt and on Zanzibar. Memoirs of Soviet Military Interpreters*. Moscow: I.B. Bely publ. P. 102—199. (In Russian).
- Teterin, O.I. (2012a). Abdul Rahman Mohammed Babu. In: Davidson, A.B. (Eds.). *History of Africa in Biographies*. Moscow: RGGU publ. P. 776—788. (In Russian).
- Teterin, O.I. (2012b). Okello John Gideon. In: Davidson, A.B. (Eds.). *History of Africa in Biographies*. Moscow: RGGU publ. P. 947—956. (In Russian).
- Teterin, O.I. (2019). *Remembering Africa (Important and... Not so Much Important Issues)*. Moscow: Cherry Pie publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Балезин Александр Степанович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела региональных исследований (Центр африканских исследований) Института всеобщей истории РАН (e-mail: alex.balezin@yandex.ru).

About the author: Balezin Alexander Stepanovich — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Chief Research Fellow, Centre for African Studies, the Department of Regional Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (e-mail: alex.balezin@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-67-83

Research article

South Africa's Shrinking Sovereignty: Economic Crises, Ecological Damage, Sub-Imperialism and Social Resistances

T. Ngwane

University of Johannesburg, Johannesburg, South African Republic

P. Bond

University of the Western Cape, Capetown, South African Republic

Abstract. The development of contemporary South Africa political economy occurred within the context of a global capitalist order characterized by increasingly unequal political and economic relations between and within countries. Before liberation in 1994, many people across the world actively supported the struggle against apartheid, with South Africa's neighbouring states paying the highest price.

The 'sovereignty' of the apartheid state was challenged by three processes: first, economic, cultural and sporting sanctions called for by Nelson Mandela's African National Congress and other liberation movements, which from the 1960s-80s were increasingly effective in forcing change; second, solidaristic foreign governments including Sweden's and the USSR's provided material support to overthrowing the Pretoria Regime; and third, military defeat in Angola and the liberation of neighbouring Mozambique (1975), Zimbabwe (1980) and Namibia (1990) signalled the inevitability of change. But that state nevertheless maintained sufficient strength — e.g. defaulting on foreign debt and imposing exchange controls in 1985 — to ensure a transition to democracy that was largely determined by local forces.

Since 1994, the shrinkage of sovereignty means the foreign influences of global capitalism amplify local socio-economic contradictions in a manner destructive to the vast majority of citizens. This is evident when considering economic, ecological, geopolitical and societal considerations.

Key words: commons, economy, environment, neoliberalism, protest, South Africa, Africa, decolonisation, sovereignty, sub-imperialism

For citation: Ngwane, T. & Bond, P. (2020). South Africa's Shrinking Sovereignty: Economic Crises, Ecological Damage, Sub-Imperialism and Social Resistances. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 67—83. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-67-83

Научная статья

Ограничение суверенитета Южной Африки: экономические кризисы, экологический урон, субимпериализм и социальное сопротивление

Т. Нгване

Университет Йоханнесбурга, Йоханнесбург, Южно-Африканская Республика

П. Бонд

Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, Южно-Африканская Республика

Развитие современной экономико-политической системы Южной Африки происходило в контексте глобального капитализма, характеризующегося неравными политическими и экономическими отношениями между

© Ngwane T., Bond P., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

странами и внутри стран. До освобождения ЮАР от апартеида в 1994 г. многие люди во всем мире активно поддерживали борьбу против этого режима, причем соседние государства Южной Африки заплатили за это самую высокую цену.

«Суверенитет» режима апартеида был поставлен под сомнение тремя процессами: во-первых, экономическими, культурными и спортивными санкциями, к которым призывал АНК Нельсона Манделы, и другие освободительные движения которые с 1960-х по 1980-е гг. становились все более эффективными и требовали перемен; во-вторых, солидарностью со стороны иностранных правительств, включая Швецию и СССР, которые оказали материальную поддержку для свержения режима Претории; в-третьих, военным поражением ЮАР в Анголе и провозглашением независимости соседних Мозамбика (1975), Зимбабве (1980) и Намибии (1990), сигнализировавшими о неизбежности перемен. Но режим апартеида тем не менее сохранял силу — например, посредством объявления дефолта по внешнему долгу и введением валютного контроля в 1985 г. — для последующего перехода к демократии, который в значительной степени определялся местными силами.

С 1994 г. ограничение суверенитета означает, что иностранные влияния глобального капитализма усиливают локальные социально-экономические противоречия таким образом, что это губительно для подавляющего большинства граждан. Это очевидно при рассмотрении экономических, экологических, геополитических и социальных соображений, представленных в статье.

Ключевые слова: общественное достояние, экономика, окружающая среда, неолиберализм, протест, Южная Африка, Африка, деколонизация, суверенитет, субимпериализм

Для цитирования: *Ngwane T., Bond P. South Africa's Shrinking Sovereignty: Economic Crises, Ecological Damage, Sub-Imperialism and Social Resistances // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 67—83. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-67-83*

South Africa is considered the most unequal society in the world (using the Gini income coefficient, at 0.79 before state transfers), and Johannesburg is the world's most unequal major city (according to the Palma ratio, at 13.4)¹. A massive battle to correct the racial component of inequality — the colonial and apartheid legacy — was partly won in 1994, but economic injustices worsened thereafter. In a global neo-colonial context of adverse North — South power relations, South Africans are being robbed of key elements of national sovereignty; many important political-economic and environmental decisions are taken without their participation and without significant benefit to themselves. And although South Africa is usually considered the second or third largest economy in Africa (behind Nigeria and sometimes Egypt), and although from 1930—1980 the economy attained a high degree of industrialization (manufacturing reached a quarter of GDP), it deindustrialized

rapidly during the 1990s. Its growing role as a 'sub-imperial' albeit neoliberal power leaves the financial benefits of regional domination to escape the country. A vast share of profits drawn from the continent have been exported via Johannesburg, along with illicit financial flows and depleted natural resources, leaving both Africa and South Africa ever poorer.

When Nelson Mandela was released from prison in 1990, there was hope not only for the country but for the continent, given that his African National Congress (ANC) cadres were mainly exiled in Zambia, Tanzania and Zimbabwe, there witnessing the 1980s era of structural adjustment. However, the results have been disappointing largely because the South African political elite committed the country to a neoliberal capitalist path that underdeveloped large swathes of the economy and society. South Africans from all walks of life will concede that the country is in crisis and will point to the regular electricity failures ('loadshedding'), record levels of unemployment (near 40 %), and poverty (around 65 % under 3 USD/day, corruption in the private and state sector ('state capture'), extremely serious gender-based violence and abuse of children, the resurgence of racism and xenophobia, and other morbid symptoms of a society and economy which cry out for change.

¹ Fiscal policy and redistribution in an unequal society // World Bank Group. November 2014. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/southafrica/publication/south-africa-economic-update-fiscal-policy-redistribution-unequal-society> (accessed: 10.02.2020); Income inequality ranking of the world's major cities // Euromonitor. October 31, 2017. URL: <https://blog.euromonitor.com/income-inequality-ranking-worlds-major-cities/> (accessed: 10.02.2020).

The pages below sum up lengthier arguments that feed into the “Alternative Report on Africa” (AROA), an ongoing project that the Senegalese NGO ENDA and the Pan-African intellectual network Codesria are advancing against the Washington Consensus. Using the framework of ‘sovereignty’, we argue that sector by sector, the neoliberal developmental path chosen by the South African elite has failed. There is a need for a very different approach, grounded in local realities and eco-social needs. We strongly identify with what AROA seeks, continentally: a new interpretation of Africa in order to bring out endogenous visions and struggles capable of improving the well-being of the populations.

To do so, we draw upon traditions of *protest* by numerous communities, trade unions, youth and gender activists and social movements that contest injustice. The desire for both national sovereignty and popular sovereignty — including by women, workers, youth, environmentalists and all oppressed peoples, separately and together in unity — is extremely powerful in South Africa, and in many cases has been directed against the way globalized economic relations have limited national and popular sovereignty.

With South Africa’s rising level of social conflict as background, we take as a foundational argument the following concern expressed by AROA: “In capitalist societies, the dominant social bloc always conceives of national sovereignty as an instrument for promoting its class interests; namely, capitalist exploitation of domestic work and, at the same time, the consolidation of its positions in the world system. Today, in the context of a liberalized globalized system dominated by the financialized monopolies of the ‘triad’ (United States, Europe, Japan) and the BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa), national sovereignty is the instrument that allows the ruling classes to maintain their competitive positions within the system” [Alternative Report on Africa 2019: 4].

In that regard, given that “the exercise of sovereignty cannot be achieved without a radical strategy of disconnection from the globalized capitalist system,” as Samir Amin told a 2017 AROA gathering in Dakar, we accept its

challenge: “The aim is to identify the invariants and incipient changes at work in Africa, at the dawn of the 21st century. This analytical identification should lead to proposals of scenarios from which strategies can be defined and proposed at national, sub-regional and continental levels” [Alternative Report on Africa 2019: 1, 4]. Our conclusion aims to do just that, drawing on two major currents of thinking: Amin’s [1990] ‘delinking’ and a new set of eco-socialist-feminist, anti-racist, anti-imperial experiments in ‘commoning,’ of which the campaign to acquire free treatment for AIDS was most spectacular because it turned intellectual property over medicines into a public good, saving millions of lives, by rejecting the World Trade Organization’s Trade Related Intellectual Property System and winning an exemption (i.e. delinking).

One reason this was such a difficult struggle for people living with HIV, was the Pretoria government’s 2000–2004 unwillingness to demand and win sovereignty to treat its citizens. Hence this article begins by addressing the sometimes parochial approach of political leadership and leading intellectuals, who surrendered sovereignty of their very mindsets before, during and after South Africa’s transition to democracy in 1994. The second section then shows how this unfortunate outcome reflected a logic of economic concessions in the context of capitalist crises and financialization, and how the results for ordinary people’s welfare were terribly unsatisfactory.

The next set of arguments are sectoral. The super-exploitative character of the extractive industries and failure to carry out land reform, which in turn are related to the failure to establish food sovereignty, are explored in the third section, along with a critique of fossil-reliant energy during worsening climate crisis. The fourth addresses some of the controversies associated with new technologies, highlighting social resistance strategies and tactics. The section also surveys threats in the military, state security and foreign policy spheres where concerns continue to grow about Pretoria’s repressive tendencies and surveillance capacities at home, as well as in the wider region, adding to the crisis of working-class xenophobia. The

conclusion draws out central lessons from the report in order to offer a different scenario, based on the last quarter-century of uneven social resistance: to be sure, an unlikely scenario for a second stage of liberation, beyond the democratic achievements of 1994, and into the eco-socialist, feminist, anti-imperial politics of the ‘commons’... unlikely but surely necessary.

Political-intellectual Sovereignty, from Apartheid to Neoliberalism

Today’s South African political elites — the ANC’s leading cadres — are a product of the anti-apartheid struggle and thus of the 20th century’s left-leaning, state-centric developmental aspirations. When political liberation was attained in 1994, the global conjuncture was unfavourable, leading to the ANC’s moderation under Mandela’s leadership, and later abandonment of pro-working class and pro-national sovereignty perspectives. The demise of both the USSR’s patronage and Europe’s social democratic traditions, and the rise of economic neoliberalism precipitated the capitulation, away from the ANC’s 1955 Freedom Charter and 1994 Reconstruction and Development Programme (RDP), towards a 1996 home-grown structural adjustment programme.

The reasons were two-fold: internal and external. The class composition of ANC leadership and many local allies within the ‘Mass Democratic Movement’ (a network that, from 1983–1994, fatally undermined apartheid within South Africa) reflected limitations of the political theories and strategies associated with the ‘National Democratic Revolution’. This was the ‘two-stage’ approach to first eradicating official racism and then — at some future stage, far away — addressing economic injustice. But externally, too, the unfavourable changes in the global political context — especially the USSR’s collapse — not only disoriented the ANC elites, but also led them to adopt an apparent pragmatism that was ideologically consistent with the logics and dominant interests of global capital. The weaknesses of the ANC leadership’s approach to political economy left a debilitating loss of direction and of intellectual sovereignty

that the country has suffered for more than a quarter century. Ultimately, the elites allowed themselves to play the role of a sidekick to imperialism, termed sub-imperialism.

The adoption of neoliberal macro-economic policies that gradually undermined the majority’s living conditions prevailed under the presidencies of Mandela (1994—1999), Thabo Mbeki (1999—2008), Kgalema Motlanthe (2008—2009 as caretaker for eight months), Jacob Zuma (2009—2018) and Cyril Ramaphosa (2018 — present). What is extraordinary in South Africa, though, is that this condition is maintained within what is often, rhetorically, quite radical African nationalist rule, turbulent though it has been. (Two presidents — Mbeki in 2008 and Zuma in 2018 — were removed in palace coups.)

Intellectuals also lost sovereignty in the post-apartheid era, with the uniquely South African theoretical critiques largely fading into oblivion as many important scholars whose work was fused with anti-apartheid insights then joined the post-1994 government. Taking a longer view of economic and social relations, the various South African traditions of radical political economy were always infused with concern about race, geography and also, increasingly, gender and environment. All came together in studies of *superexploitative* capital-labor relations that underpinned apartheid. For example, Ben Magubane [2001] periodized South African racism’s *functionality* to super-exploitative capitalist circuits during various epochs. During the 1800s, “the expanding frontier of ‘settler capitalism’ saw the recrudescence of the worst form of racism. The old social relations of usurious and commercial capitalism, with its conquistadors and slaves, were replaced by the dominion of industrial capital, with its plantation and wage slaves” [Magubane 2001: 6].

Racial restrictions were initially considered by political economists primarily as power relationships. As an early Trotskyist, Moshe Noah Averbach, explained, migrant labor would “prevent the formation of a stable, hereditary urban proletariat which would become used to the traditional methods of organization and struggle — trade union and political — of the city working classes” [Averbach 1936: 131]. But

the Chamber of Mines also recorded how the ‘cheap labor’ system was crucial to their profitability (in official testimony to a 1944 government commission): “The mines are able to obtain unskilled labor at a rate less than ordinarily paid in industry... otherwise the subsidiary means of subsistence would disappear and the laborer would tend to become a permanent resident upon the Witwatersrand, with increased requirements” (cited in: [Wolpe 1972: 434]).

The central concern of radical political economists remained race/class at the point of production. Although more and more workers began living permanently in cities near manufacturing jobs, there was still a large supply of migrant labor. From 1948 through the 1970s, 3.5 mln people were forcibly removed onto the reserves, which could simply not handle the environmental demands placed on them. The migrant ‘tribal natives’ did not, when they were young, live under a system that required companies to pay their parents enough to cover school fees, or pay taxes for government schools to teach workers’ children. When sick or disabled, those workers were often shipped back to their rural homes until ready to work again. When the worker was ready to retire, the employer typically left him a pittance, not a pension that allowed the elderly to survive in dignity. From youth through to illness to old age, the subsidy covering child-rearing, recuperation and old age was provided by rural African women. Ann-Marie Wolpe [Kuhn, Wolpe 1978] added a vital feminist angle to the debate, given how much the reproduction of male labor in the Bantustans raised the profit rate.

An upsurge of anti-apartheid protest resumed when the Durban labor movement began at the ports in 1973, followed by the Soweto student uprising of 1976, and with the economic slowdown beginning around 1974, political economists’ attention turned from aspects of apartheid-capitalist stability and control, to instability and crisis. The broader theoretical discourse about race and class in South Africa seemed to peak in the 1970s, and with rigorous detailed probing underway in the 1980s in the context of the search for specificity,

research into the nature of the mode of production tailed off markedly.

As to the changing dynamics between capitalists and state elites, not only did the mid-1980s conjuncture split whites between the English running business in Johannesburg and Afrikaners running the government in Pretoria, but the latter group themselves divided into bitter-end ‘verkramptes’ who soon lost their earlier hegemony, and neoliberal ‘verligtes’ led by FW de Klerk. He gained the presidency in 1989 and six months later freed Mandela and unbanned the ANC, SACP and other much smaller liberation movements. That political shift was due to overlapping pressures and contradictions then bubbling up, including widespread township protest and workplace revolts, declining profits in part due to the overaccumulated capital that stood exposed after the gold price collapsed in 1980, growing political delegitimation thanks to ANC sanctions campaigning, and the economy’s overexposure to world financial power. International financiers suddenly turned hostile to Pretoria in August 1985 after a new round of repression by PW Botha’s government, cancelling lines of credit; their hands were forced by solidarity activists promoting banking sanctions.

By the late 1980s, the larger questions were again placed on the agenda, because it was a time when South Africa’s capitalist class demanded, for the first time, an end to formal apartheid. The reasons for this are closely related to economic stagnation and financial crisis, but what was disconcerting was how dramatically this shook many political economists who, earlier, so profoundly rejected the liberal thesis that apartheid and capitalism were incompatible.

Ben Fine and Zav Rustomjee cautioned: “The relationship between abstract theory and empirical application is not unique to the study of South Africa. But the virulent form taken by its racism within the bounds of a predominantly capitalist economy has cast considerable doubt on the simple expedient of examining South Africa’s development in terms of hypotheses derived from ready-made analytical frameworks” [Fine, Rustomjee 1996: 21]. Their own approach was institutionalist, by identifying the nexus of a

Minerals-Energy Complex around which accumulation, state, labor relations and other economic phenomena could be understood. A decade later, Fine [2008] also addressed the post-apartheid political economic nexus in terms of financialization, as “macroeconomic policy has been designed to manage the capacity of the South African conglomerates to disinvest”.

In contrast, leading ANC intellectuals — such as Thabo Mbeki [2004] and Joel Netshitenzhe — justified the neoliberal economic policies they inherited and amplified, arguing that South Africa was suffering from ‘two economies’, and as for those left out, “of central and strategic importance is the fact that they are structurally disconnected from our country’s ‘first world economy’”.

Yet there remain many structural *connections* still reminiscent of older labor migration systems, as SA Communist Party youth leader (and later, from 2019, deputy finance minister) David Mazono [2007] observed: “A combination of unreconstructed vulgar Marxism and modernization theory have provided conceptual basis for contemporary neoliberalism, which is dressed up as the ‘first economy’ drawing in the ‘second economy’ to a successful market process.” Moreover, warned Mazono, “the CST and its National Democratic Revolution strategy is also used by some in the ANC to justify the current neoliberal incorporation of the emerging black bourgeoisie into the structure of capital accumulation” [Mazono 2007]. The subsequent period of Zuma’s rule, 2009–2018, led many to conclude that South Africa’ suffered from ‘neopatrimonialism’, since major corruption scandals (involving the Gupta and Watson families) reduced South Africa’s leadership to a caricature.

At no point in the post-1994 era were the fundamentals of capital accumulation based on super-exploitative extractive industries, featuring multinational corporations and parasitical class formation, ever genuinely questioned. What we have seen in this first quarter-century of ANC rule is a lack of genuine political and intellectual sovereignty, in part due to the pragmatism of South Africa’s leaders, including its scholars. To understand that pragmatism requires a review of

South Africa’s shrinking economic sovereignty, including the ability of the state to reverse the wrongs of apartheid.

Economic Sovereignty Wanes during Capitalist Crises

In 1933, John Maynard Keynes’ essay in the *Yale Review*, ‘Economic self-sufficiency,’ included this mandate: “I sympathize with those who would minimize, rather than with those who would maximize economic entanglement among nations. Ideas, knowledge, science, hospitality, travel — these are the things which should of their nature be international. But let goods be homespun whenever it is reasonably and conveniently possible and, above all, let finance be primarily national” [Keynes 1933].

Ignoring this wisdom, the ANC liberalized the economy since the mid-1990s [Bond 2014]. Economic sovereignty was lost when the post-independence governing elite capitulated to capitalist interests and adopted the logic of the Washington Consensus. The apartheid state was already moving towards neoliberal policies when it was defeated and taken over by the forces of national liberation. The main dynamic of political developments in the transition from apartheid to democracy occurred in the sphere of capital accumulation and its attendant crises. Indeed, it was capital which abandoned the apartheid regime in favour of a pro-capitalist neoliberal democratic regime because the problems of low profitability and capital accumulation could not be solved within the old racist framework, in part because of the volatile political conditions created by the anti-apartheid struggle.

In other words, the incoming ANC leaders agreed to and were willing handmaidens of global neoliberal interests; for example, they accepted an IMF loan in 1993 before the transition to democracy, they relaxed the 1985 exchange controls and allowed big capital to list companies in European and North American stock exchanges, they reduced company tax dramatically, they acceded to the World Trade Organization on disadvantageous terms, and they fell under the influence of New York’s credit

ratings agencies: Standard & Poors, Fitch and Moody's. Even before they took power in 1994, the ANC elite facilitated the country's shrinking economic sovereignty.

The consequences for society was the abandonment of pro-poor ambitions in favour of the World Bank-authored Growth, Employment and Redistribution programme in 1996, exactly two years after Mandela had taken power based on RDP promises. Despite expanding what are essentially 'tokenistic' social grants of 25—30 USD/month to more than eleven million children as well as 100 USD/month grants to another few million pensioners, the dominant policy in South Africa has been 'corporate welfare'. Big business, whether 'white monopoly capital' or emanating from Black Economic Empowerment (BEE) schemes, benefited most from post-apartheid policies. The BEE strategy to nurture a small black bourgeoisie whetted the self-enrichment appetites of the black elite, and served to provide cover for big capital and win legitimacy for capitalism.

The adoption of financial and monetary systems that serve capitalist interests contributed significantly to shrinking economic sovereignty. Management of South Africa's economy has been characterized by supervisory laxity, deregulation, corporate corruption and excessive financial speculation. The new government abolished the *Finrand* dual exchange-rate designed to penalize offshoring; corporate listing requirements were removed; and building societies' domination of the home mortgage bond lending disappeared. Protections against usury rate escalation were compromised through allowing major exemptions, thus permitting excessive interest states especially on small loans. Regulatory oversight in this era was scant, with repeated scandals associated with illicit financial flows, currency manipulation and other corporate malfeasance. Many international accounting firms and consultancies — even KPMG, Bain, Deloitte, PwC, McKinsey and Hogan Lovells — were implicated in corruption associated with the notorious South African firms Eskom, Transnet, Steinhoff, Tongaat, VBS Bank and African Bank and others. During the 2010s, South Africa's capitalist class was

repeatedly ranked by PwC as the world's most prone to corporate criminality [Bond, Malikane 2019].

Many of these policy changes in the fiscal, monetary and financial-regulatory spheres were the outcome of international pressures. Domestic policy was overpowered in these areas, thus compromising sovereignty. The working class and the poor, who bear the brunt of the economic consequences of this disempowerment, pay dearly and thus remain locked in South Africa's inherited class, race and gender inequality. Specific examples of international pressure include the compulsion for the new democratic government to repay 25 billion USD apartheid; the tutor-pupil relationship with the Bretton Woods Institutions; and South Africa's ascension to the World Trade Organization leading to lowering its tariffs on manufactured goods. These observations point to South Africa's negative insertion in the global capitalist order, in turn suggesting the desirability of Amin's strategy of delinking from the most adverse international relations [Bond 2014].

For example, the Jubilee 2000 campaign asked the new government to refuse repayment of the apartheid regime's 25 billion USD in foreign 'Odious Debt' passed to the democracy in 1994, a request repeatedly refused by Mandela and Mbeki. That debt skyrocketed to 180 billion USD within 25 years, because its repayment was compounded by the outflow of profit, dividends and interest especially after 2001. Multinational corporations and South African firms that had relocated abroad drained the foreign exchange reserves. The interest rate that Pretoria paid on foreign state loans was, by 2020, fourth highest in the world among the 45 countries issuing 10-year bonds (tailing only Turkey, Argentina and Pakistan — and higher even than Venezuela). Other morbid symptoms of financialization included high levels of corporate, state and consumer debt in local credit markets.

Another case of international influences in the financial markets is South Africa's main stock market, the Johannesburg Stock Exchange, which reached dizzying heights by early 2018: the highest market capitalization/GDP ratio for a country in modern history (more than

350 percent). In 2018, the market's 20 percent crash was caused mainly by the Chinese government's restrictions on Tencent video game marketing, which reflected the outsized investment in that firm by a South African newspaper firm, Naspers, which had become the continent's richest company thanks to its lucky bet of 35 mln USD to buy a third of Tencent in 2001 (by 2018 this investment reached a value in excess of 150 billion USD). In September 2019, Naspers moved the profit inflows from Tencent to a new Amsterdam company, Prosus, which will dramatically diminish the ratio of local to international dividend payments, further weakening South Africa's economic sovereignty.

Fig. 1 shows South Africa's relatively high level of dividend inflows relative to outflows, which locates it strongly within a (subimperial) range from 15–80 %, albeit below the range above 100 % which boosts capital accumulation in the imperial economies. Defenders of the globalization process point to the 2002–2015 commodity super-cycle, when platinum, coal, iron ore and gold prices helped drive the rise in Gross National Income. Still, the peak years — 2003–2008 — witnessed real growth in the 2.5–5.5 % range, far below the level needed to address the crises of unemployment, poverty and inequality (Fig. 2). Note that in measuring natural capital decline in the form of mineral depletion above, the Bank does not include platinum or diamonds due to measurement difficulties, thus overestimating South Africa's ANS.

Extreme Resource Extraction, Land Mismanagement, Hunger and Energy Crisis

The super-exploitative character of South African political ecology is apparent in several areas: extractive industries, land abuse, hunger and fossil-fuel dependency. Together, these provide another approach to sovereignty, in relation to natural resources. The International Monetary Fund's² accounting of public assets

ranks the South African state within the world's leading countries as a result of the vast stock of non-renewable mineral resources (Fig. 3). However, untenable national resource depletion and maldistribution are combined with rising ecological concerns about climate change, given that the South African economy ranks behind only Kazakhstan and the Czech Republic in CO₂-equivalent emissions per unit of per capita GDP (among countries with more than ten million people). South Africa's extractive industries are highly destructive of the environment in a variety of other ways, including destruction of freshwater resources, world-record levels of nitrous oxide air emissions and other particulate matter, ocean pollution, threats to the fauna and flora and reduced biodiversity.

The extraction of South Africa's non-renewable minerals is also a major factor in the country's *wealth* shrinkage, another reflection of capital's super-exploitation of natural economy. National wealth is now calculated by economists to include the changes in an economy's produced capital, human capital and natural capital³. The 'Adjusted Net Savings' (ANS) measure is designed to reform Gross National Income (GNI) in order to estimate 'genuine savings', namely, the depreciation of physical capital, damage caused by pollution and the depletion of natural resources (viewed as debits from GNI), as well as educational investment (a credit added to GNI). The ANS is a crude sign of progress, as development economists grow more concerned with sustainability. The price the earth pays as a result of its exploitation by capitalist extractive industry is increasingly evident, and although we oppose any marketization of this process through natural capital accounting (such as emissions trading or biodiversity offsets), the approximate measurement of the *cost* to countries like South Africa is part of acknowledging the 'ecological debt' associated with the Anthropocene, especially the Capitalocene that has driven environmental destruction in the name of profit.

² Fiscal Monitor: Managing Public Wealth // International Monetary Fund. Washington, DC, 2018. URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/fiscal-monitor/2018/October/pdf/fm1802.ashx?la=en> (08.02.2020).

³ Little Green Data Book // World Bank. Washington, DC: World Bank Group, 2017. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/239271500275879803/pdf/117480-PUB-Date-6-29-2017-PUBLIC.pdf> (accessed: 12.01.2020).

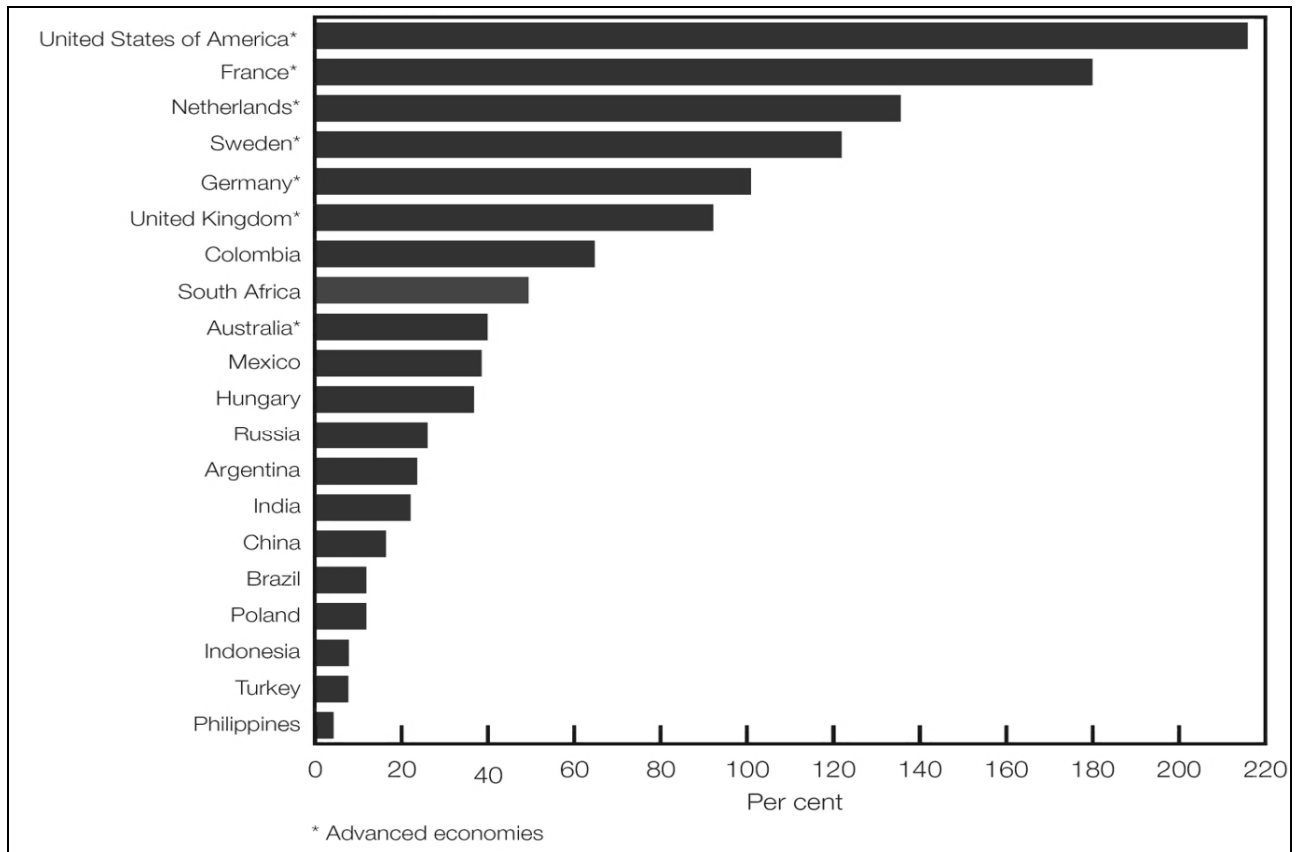

Fig. 1. Average dividend receipts as a percentage of dividend payments for selected countries, 2015–2017⁴

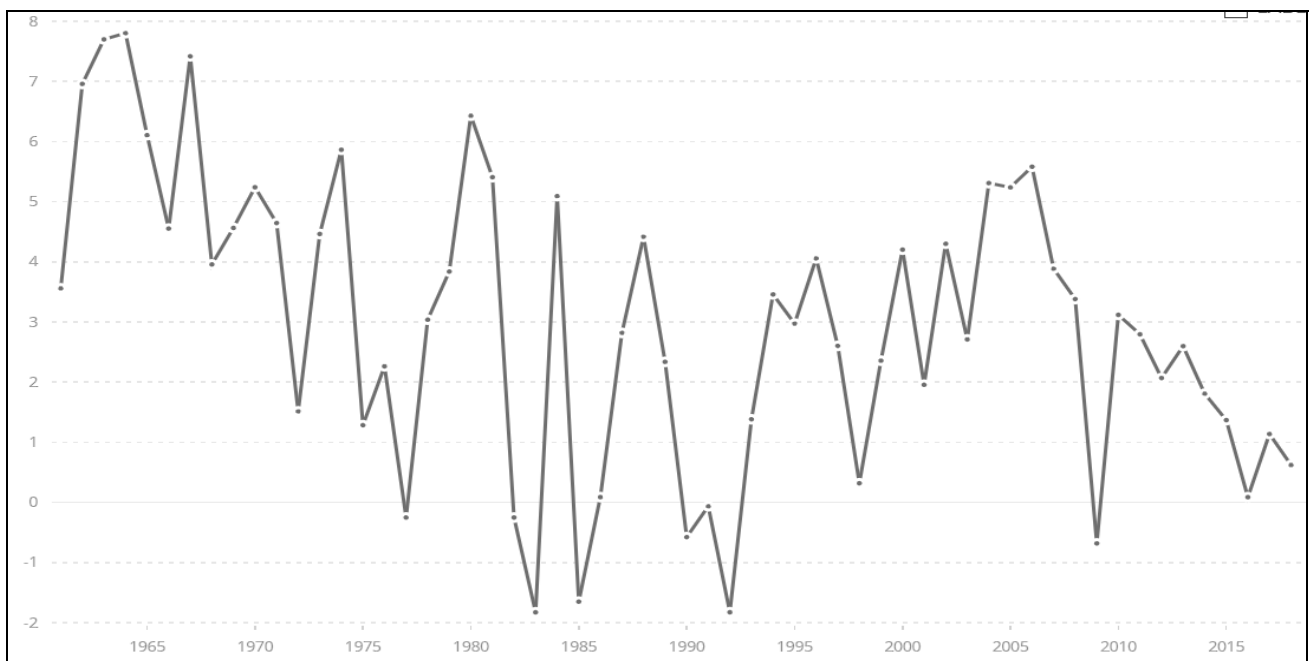

Fig. 2. South Africa's annual change in real Gross National Income, 1960–2018⁵

⁴ Quarterly Bulletin // South African Reserve Bank. December 2019. Pretoria.

⁵ Life expectancy at birth // World Bank. Washington, DC: World Bank Group, 2020. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=ZA-1W> (accessed: 02.02.2020).

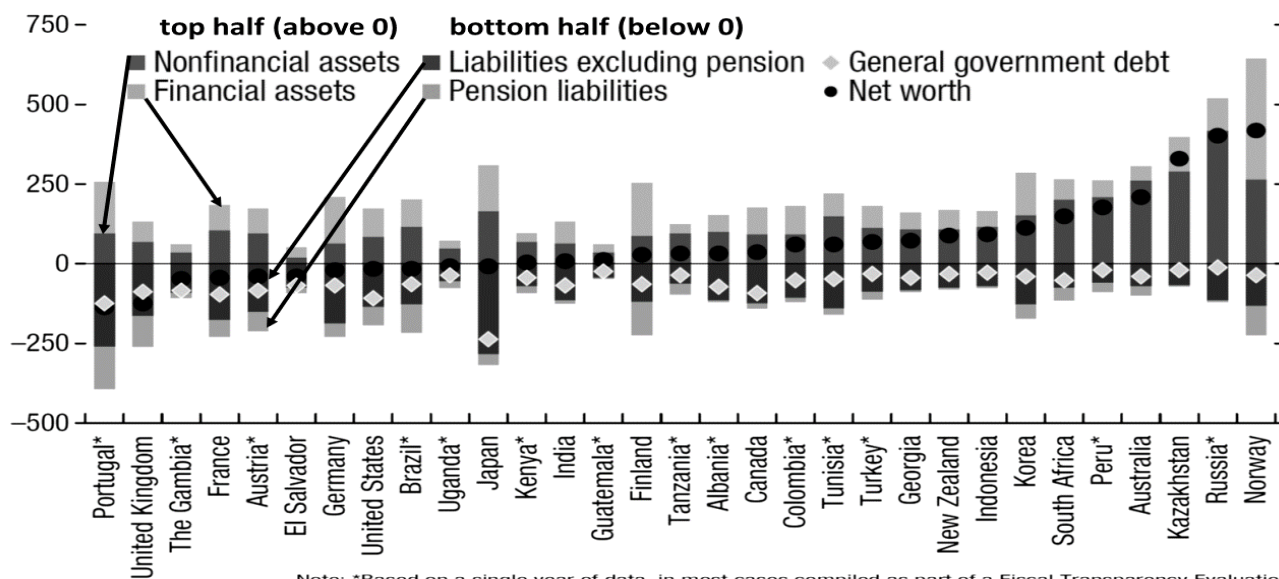

Fig. 3. Resource wealth of selected states: public sector balance sheets (% of GDP)⁶

Population (millions) 55.0 Land area (1,000 sq. km) 1,213 GDP (\$ billions) 314.6			
South Africa			
	Country data	Sub-Saharan Africa group	Upper middle-income group
GNI per capita, World Bank Atlas method (\$)	6,080	1,631	8,263
Adjusted net national income per capita (\$)	4,671	1,239	6,302
Urban population (% of total)	64.8	37.7	64.1
Agriculture			
Agricultural land (% land area)	80	42	35
Agricultural irrigated land (% of total agricultural land)	1.7
Agricultural productivity, value added per worker (2010 \$)	9,451	1,219	2,208
Cereal yield (kg per hectare)	4,894	1,452	4,104
Forests and biodiversity			
Forest area (% land area)	7.6	25.7	34.9
Deforestation (avg. annual %, 2000-15)	0.0	0.5	0.0
Terrestrial protected areas (% of total land area)	8.9	15.3	15.2
Threatened species, mammals	26	918	1,056
Threatened species, birds	46	876	1,511
Threatened species, fish	107	2,023	2,315
Threatened species, higher plants	116	3,740	6,808
Oceans			
Total fisheries production (thousand metric tons)	578	7,416	103,240
Capture fisheries growth (avg. annual %, 2000-15)	-1.0	1.8	-0.5
Aquaculture growth (avg. annual %, 2000-15)	5.6	17.0	5.3
Marine protected areas (% of territorial waters)	13.4	6.1	9.9
Coral reef area (sq. km)	..	17,980	48,880
Mangroves area (sq. km)	30.5	28,061	50,774
Energy and emissions			
Energy use per capita (kg oil equivalent)	2,715	701	2,192
Energy from biomass products and waste (% of total)	10.5	57.4	7.3
Electric power consumption per capita (kWh)	4,229	497	3,495
Electricity generated using fossil fuel (% of total)	93.1	64.3	71.1
Electricity generated by hydropower (% of total)	0.4	21.2	21.0
CO ₂ emissions per capita (metric tons)	8.8	0.8	6.6
Water and sanitation			
Internal freshwater resources per capita (cu. m)	827	3,986	8,261
Total freshwater withdrawal (% of internal resources)	34.6	3.2	6.3
Agriculture (% of total freshwater withdrawal)	63	81	68
Access to improved water source (% of total population)	93	68	95
Rural (% of rural population)	81	56	91
Urban (% of urban population)	100	87	97
Access to improved sanitation (% of total population)	66	30	80
Rural (% of rural population)	61	23	67
Urban (% of urban population)	70	40	87
Environment and health			
PM _{2.5} pollution, mean annual exposure (µg/cu. m)	30	36	42
PM _{2.5} exposure (% pop. exceeding WHO guideline level)	100	99	95
Acute resp. infection prevalence (% of children under five)	..	5	..
Diarrhea prevalence (% of children under five)	..	14	..
Under-five mortality rate (per 1,000 live births)	41	83	19
National accounting aggregates—savings, depletion and degradation			
Gross savings (% of GNI)	16.8	14.4	36.6
Consumption of fixed capital (% of GNI)	14.3	13.8	18.0
Education expenditure (% of GNI)	6.0	3.3	3.0
Energy depletion (% of GNI)	0.7	1.7	1.1
Mineral depletion (% of GNI)	1.1	0.9	0.4
Net forest depletion (% of GNI)	0.0	2.3	0.0
CO ₂ damage (% of GNI)	4.6	1.6	2.6
Air pollution damage (% of GNI)	0.4	1.2	0.3
Adjusted net savings (% of GNI)	1.5	-3.9	17.2

Fig. 4. Breakdown of South Africa's per capita wealth depletion, 2014 (in USD)⁷

⁶ Fiscal Monitor: Managing Public Wealth // International Monetary Fund. Washington, DC, 2018. URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/fiscal-monitor/2018/October/pdf/fm1802.ashx?la=en> (08.02.2020).

⁷ Little Green Data Book // World Bank. Washington, DC: World Bank Group, 2017. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/239271500275879803/pdf/117480-PUB-Date-6-29-2017-PUBLIC.pdf> (accessed: 12.01.2020).

How does this change on an annual basis, reflecting wealth depletion associated with extractive industries? As reproduced in Fig. 4, the five major categories in which annual output should be adjusted downwards are: 1) consumption of fixed capital in the form of wear-and-tear depreciation (14.3 % of South Africa's *нтинента он₂* damage (4.6 %), 3) mineral depletion (1.1 %), 4) energy depletion (0.7 %), and 5) air pollution (0.4 %)⁸. The (controversial) upward adjustment of education spending is 6 percent of GNI even though it could easily be argued that South African schooling locks in structural disadvantage [Spaull 2013]. The result is a total ANS of 1.5 % of GNI, not the 16.8 % considered to be gross annual savings.

The snapshot capital accounts provided by the World Bank⁹ allows further contemplation of the destruction of South Africa's natural economy (Fig. 4). These accounts are not yet sufficiently strong in data consistency to compare across time periods, so as to assess the depletion *process*. But they do allow more breakdown of what is pre-existing “nature” (albeit after several centuries of settler-colonial interventions) and what society must make special efforts to preserve. There are, for instance, nearly 300 “threatened species,” including 116 higher plants, 107 fish, 46 birds and 26 mammals. The natural economy of the human lung is also threatened, with 100 % of the population having PM2.5 particle exposure higher than World Health Organisation guideline levels; under-5 mortality rates are more than twice as high as the average peer (upper middle-income) country. South Africa's freshwater hydrological natural economy suffers massive withdrawal, ten times as much as do other African economies and more than five times the rate of upper middle-income peer economies. And in every category of energy aside from hydropower, South African capitalism uses far

more than do other African and upper middle-income economies.

The most destruction comes in the form of CO₂-equivalent emissions, which are eleven times higher for an ‘average’ South African (that mythical construct), than the 0.8 tons per average Sub-Saharan African. During the 2015–2019 period, the boomerang of eco-destruction from fossil fuel abuse became evident with several debilitating droughts, cyclones and floods attributed to greenhouse gas emissions. In Cape Town in 2017–2018, the city's ‘Day Zero’ supply constraint (to result in full retail disconnections) was nearly breached, while in 2019, Durban and surrounds suffered a ‘rain bomb’ of 150 mm in one day that killed 71 people. Malawi, Mozambique and Zimbabwe suffered two cyclones in March — April 2019 with at least a thousand people dying. Droughts in South Africa's farm belt, especially the Karoo, Eastern Cape and Northern Cape, have already caused widespread hunger.

There and everywhere, South Africa's food sovereignty is also threatened by massive agro-industrial profiteering, which artificially inflates prices and lowers quality. The sector is dominated by large commercial farmers including by a handful of corporate giants who drive the availability, price, quality, safety and nutritional value of food consumed by all South Africans. This monopoly is regularly abused; for example, major milling and baking producers have been found guilty of fixing the price of bread, wheat and maize through cartels. Competition Commission investigations also found that the dairy and fishing industries were guilty of price fixing. The high cost of basic food items has resulted in low-income households suffering a higher inflation rate than the general population [Bond, Malikane 2019]. As a result of these tactics and general poverty, 11 mln people are estimated to experience food insecurity, i.e., not knowing where their next meal is coming from [Bond, Galvin 2019]. As many as 1.5 mln children under the age of 6 years have stunted growth due to chronic malnutrition. Food insecurity is characterized by geographical biases, is gendered, and

⁸ Little Green Data Book // World Bank. Washington, DC: World Bank Group, 2017. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/239271500275879803/pdf/117480-PUB-Date-6-29-2017-PUBLIC.pdf> (accessed: 12.01.2020).

⁹ Ibid.

is more prevalent among the black African population.

Likewise, the concept of energy sovereignty has proven elusive for the South African majority (all those without resources to establish their own solar system or diesel power generators). Since 2008, the country has faced regular power outages, called loadshedding. This is due both to the failure of ageing coal-fired power stations to keep up with the country's energy demands, and to design flaws in two new coal-fired mega-plants. The economy is paying dearly as a result of the stoppage of machines in the mines, smelters and other energy-reliant industries. The domestic, retail and service sectors are also hard hit.

The solution, according to many social movements and NGOs concerned about this issue, is for South Africa to stop producing energy through fossil fuels, and urgently move towards renewable sources. Due mainly to vested interests in the coal sector (Ramaphosa himself was a coal tycoon before returning to government in 2014), the government has been very slow despite the abundant sun and wind resources in the country. Instead, it has agreed to buy electricity from private 'independent power producers' (mainly European corporations) at high prices compared with coal. Trade unions in the sector argue that their jobs are threatened by the decentralization and privatization of energy generation, but unfortunately have not reached a critical mass of support in demanding a genuine Just Transition. With the climate crisis knocking on the door of humanity, South African elites seem least ready to do anything to alleviate nor prepare for it.

The Knowledge Economy, State Surveillance, Sub-Imperial Power and Xenophobia

The same incapacity to implement necessary radical changes is evident in the digital sphere, where leading South African government, business and academic leaders uncritically embrace the concept of the 'Fourth Industrial Revolution' (4IR) as espoused by the World Economic Forum's Karl Schwab. The evolution

of new technologies is, from this point of view, presented as a positive, inevitable and unproblematic development. As a result, South Africans have not been well exposed to international concerns about distorted value systems through social-media manipulation, and Big Data's social engineering power (and political agenda). The South African debate centres around the impact of the 4IR and the extent to which society has sufficient information technology skills to reap the benefits of alleged human progress. This narrative undermines sovereignty insofar as it imposes the perspectives, projects and priorities of global capital — the Big Data firms especially — in the country and across the continent.

Ordinary South Africans engaged in struggles against aspects of the 4IR suggest that this phenomenon is presented in a decontextualized and ahistorical fashion, ignoring the class, gender, race and geographical mediations now shaping technology. Examples of resistance include widespread opposition to Intellectual Property when it conflicts with access to cutting edge patented life-saving medicines (as discussed in the conclusion), surveillance systems associated with unjust forms of commodification (e.g. prepayment water meters and electronic highway tolls), and commodified education (resulting in a successful struggle for free tertiary education for working-class South Africans). A 'Right to Know' campaign has made the demand that cell phone access be considered a human right.

But with Africa still struggling to 'catch up' to the 'second industrial revolution', defined as electrification, let alone with the 'third industrial revolution', defined as digitization, it is apparent that 4IR is a mirage. South Africa has a very high rate of unemployment, especially among the youth, yet Ramaphosa waxes eloquent about labor-saving super technologies embodied in the 4IR, including 'smart cities' based on the Internet of Things. A more considered and critical approach to digitization and the knowledge economy would recognize technological developments as having all manner of biases, leading to even more unequal power relations.

One example is the way surveillance systems have been used by the South African

state against activists. Military intelligence and other state policing bodies regularly spy on social movements and organizations engaged in protests and other oppositional activities. State repression ultimately finds expression in state violence. In 2012, this reality was clear to everyone during the Marikana Massacre where 34 miners were shot dead one afternoon for demanding a living wage. Of concern is the fact that South Africa is likely to experience more protests and strikes as the global capitalist crisis continues to bite with the country disadvantageously located as it is within the global economic order. A government lacking national sovereignty over its economic policies and thus without answers to a demanding and restless constituency is likely to respond with more repression.

To be sure, the apartheid-era war machine was tamed under the new democratic order, and the military was henceforth meant to be used only for peacekeeping purposes. The development of nuclear weapons was abandoned, and the weapons-producing capacity of the South African state focused on selling hardware rather than using it, and ensuring repressive regimes were rejected as purchasers. During the late 1990s, a notorious Arms Deal meant very expensive military equipment was purchased mainly from European suppliers, but it was characterized by greed, kickbacks and corruption. Without missing a beat, the new South African government sold lethal weapons to numerous repressive regimes, including the United States and Great Britain when they waged what was an illegal war in Iraq, largely to evict a former client authoritarian with control of vast oil resources.

African nations, and other peoples of the world, supported and sacrificed in the struggle to free South Africa from the shackles of apartheid. It was legitimately expected that when the continent's most powerful country is free, it would help and even lead the process of addressing Africa's massive set of challenges. As such, South Africa should be at the forefront of a Pan-African project that contests all features of neocolonialism. But consideration of South Africa's roles in Africa and the world reveals a

worrying tendency by the Pretoria political elite and Johannesburg's most expansive capitalists to choose the path of neoliberalism rather than serving the values of Pan-Africanism. A careful analysis of South Africa's *modus operandi* brings to mind Brazilian dependency theorist Ruy Mauro Marini's definition of 'sub-imperialism': "It is not a question of passively accepting North American power (although the actual correlation of forces often leads to that result), but rather of collaborating actively with imperialist expansion, assuming in this expansion the position of a key nation" [Marini 1965: 22].

South Africa positioned itself in this manner on many occasions, including George W. Bush's 2003 state visit to South Africa where he called Mbeki his 'point man in Africa'. Even earlier, during the 1990s, the South African government adopted a pro-Western stance within the World Trade Organization. The neoliberal New Partnership for Africa's Development saw South Africa's Mbeki playing a leading role, warmly endorsed by the Bush regime as 'philosophically spot on'. South Africa is the sole African country within the G20, and in 2017 two of its cabinet ministers helped fashion the G20 'Compact with Africa' which aimed to subsidize both western and BRICS firms' investments.

Pretoria's role in BRICS has helped to legitimate repressive regimes in the other four partner countries, as the BRICS promote a kind of global governance reform (e.g. rising voting shares in the Bretton Woods Institutions) that both strengthens the Western pro-corporate grip and denudes poorer countries of influence (i.e. lower voting shares and ongoing structural adjustment, with no change in World Bank and IMF leadership). The BRICS' role in the United Nations Framework Convention on Climate Change has been especially invidious, in alliance with the West to prevent notions such as climate debt from being recognized. In these regards, Pretoria has chosen the path of playing sidekick to neoliberal BRICS and Western corporate interests, as opposed to serving Pan-Africanism in the struggle to attain sovereignty.

This positionality has also generated one of the most tragic contradictions: rampant xenophobia in the South African working class.

Urbanization under conditions of capitalist crisis is full of tensions and contradictions. High levels of unemployment, poverty and inequality force many people to move from one place to another, sometimes crossing provincial or national borders, in order to find economic opportunities. Many immigrants end up in the cities because capitalist economic development concentrates power and resources in the urban space. They often do not get help or support but are defined as ‘the Other’ and rejected, especially when involved in competition over commerce (small-scale trading), employment and housing. The first major attack was in 2008 in Alexandra township, Johannesburg, and then spread throughout the country leaving 63 people dead. Another national outbreak occurred in 2010 following the World Cup. Sporadic but quite frequent outbreaks of xenophobia continued through 2019.

The state is also to blame because of its poor treatment of immigrants, including a hostile, inefficient and corrupt Department of Home Affairs which makes it difficult for people to get their papers in order. Progressive social movements have opposed xenophobia, organizing marches especially during periods of high tension and in the aftermath of attacks. Xenophobia undermines the struggle of workers and working-class communities by dividing their ranks in the struggle for a better life. Africa cannot enjoy sovereignty so long as Africans attack other Africans instead of uniting and standing together to solve common problems.

Anti-immigrant and often brutally xenophobic attitudes characterize South Africa and the rest of the world in the early 21st century. Yet the South African economy was built upon the labor of people from Africa, India, China, Europe and other parts of the world. In Africa, national borders drawn by the colonizers in 1884–1885 are now the basis for perpetual division. The anti-colonial struggle saw many instances of social solidarity among Africans as crystallized in Pan-Africanism, and it is in ‘commoning’ mutual aid that we find hope for a different future, based on not only political and economic sovereignty, but also human solidarity and ecological sustainability.

Conclusion: Commoning for Change

A different path of development was and is still possible for South Africa, but if only the dead-end of neoliberal policies is abandoned, and if delinking from the most destructive circuits of the world economy is pursued. The quest for African sovereignty requires waging another liberation struggle — a second decolonization as it were — whereby the myriad forms of social resistance found in various African countries must come together at local, national, regional and continental level. In addition to delinking from imperialism and rejecting sub-imperial power, South Africa’s eco-socialist, feminist, anti-imperialist, anti-xenophobic tendencies of the movement for change can unite behind a project of ‘commoning’, that is, sharing the resources of the country and continent through ‘bottom up’ collective action that places the ecologically-sound satisfaction of human needs above the quest for private profit. The aim is to eradicate all forms of exploitation and oppression.

There are disputes, naturally, regarding how to tap into — and even measure — such activism. One indicator, relying upon mainstream media mentions of dissent, is a U.S. Pentagon-funded database (the ‘Minerva Project’) which suggests rising levels of protest from the early 2010s. The numeric peak was in September 2019 when both gender-based violence and xenophobia raged across South Africa, generating substantial resistance, as shown in Fig. 5.

These include, as noted above, daily battles over the conditions of labor’s production and social reproduction. The most notorious was the August 2012 Marikana Massacre, which catalysed waves of worker anger that led to a firestorm of wildcat strikes (e.g. in the Western Cape’s vineyards resulting in a doubling in the daily wage). If South African workers provide the best long-term antidote to the trends discussed above, even ANC leaders could not entirely suppress the energies of a working class often judged the world’s most militant¹⁰.

¹⁰ The Global Competitiveness Report 2017—2018 // World Economic Forum. Davos, 2017. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (accessed: 03.02.2020).

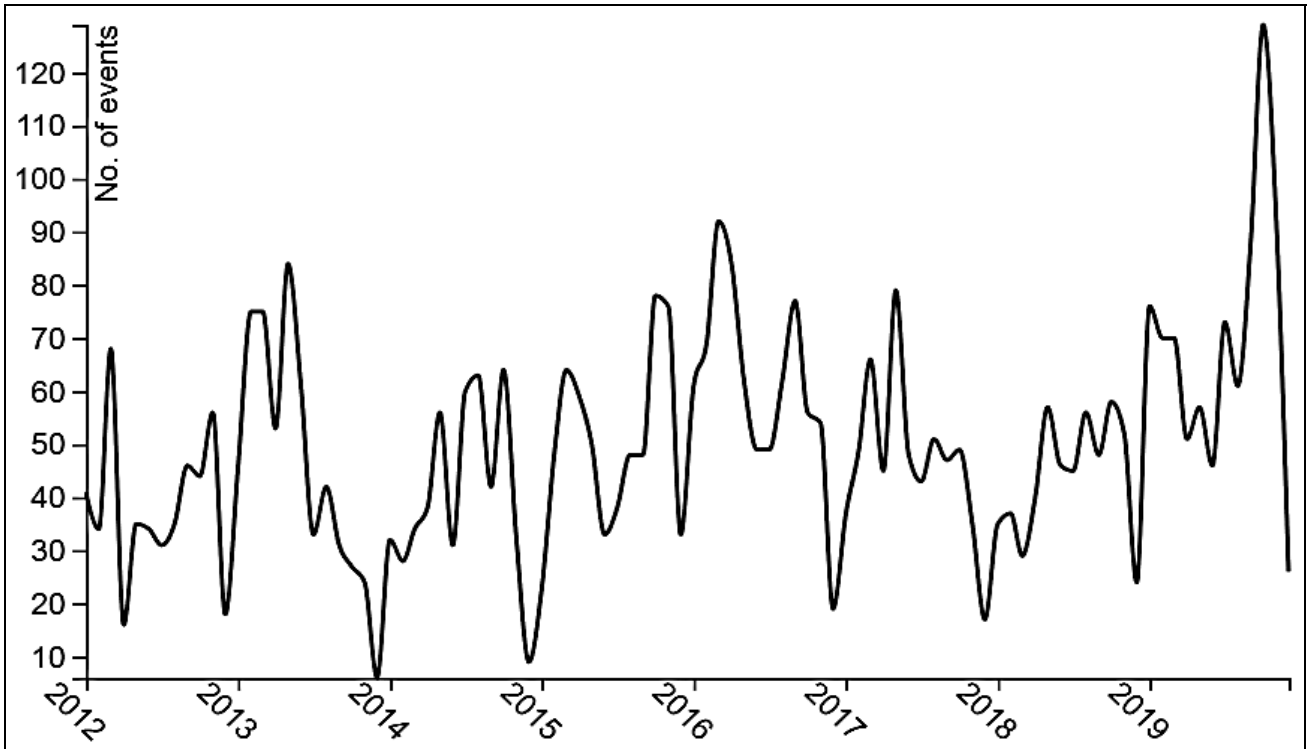

Fig. 5. Major protests in South Africa, 2012–2019 (monthly tally)

Source: Armed Conflict Location and Event Data (ACLED) Project. Brighton: University of Sussex, 2020. URL: <https://www.acleddata.com/dashboard> (accessed: 16.01.2020).

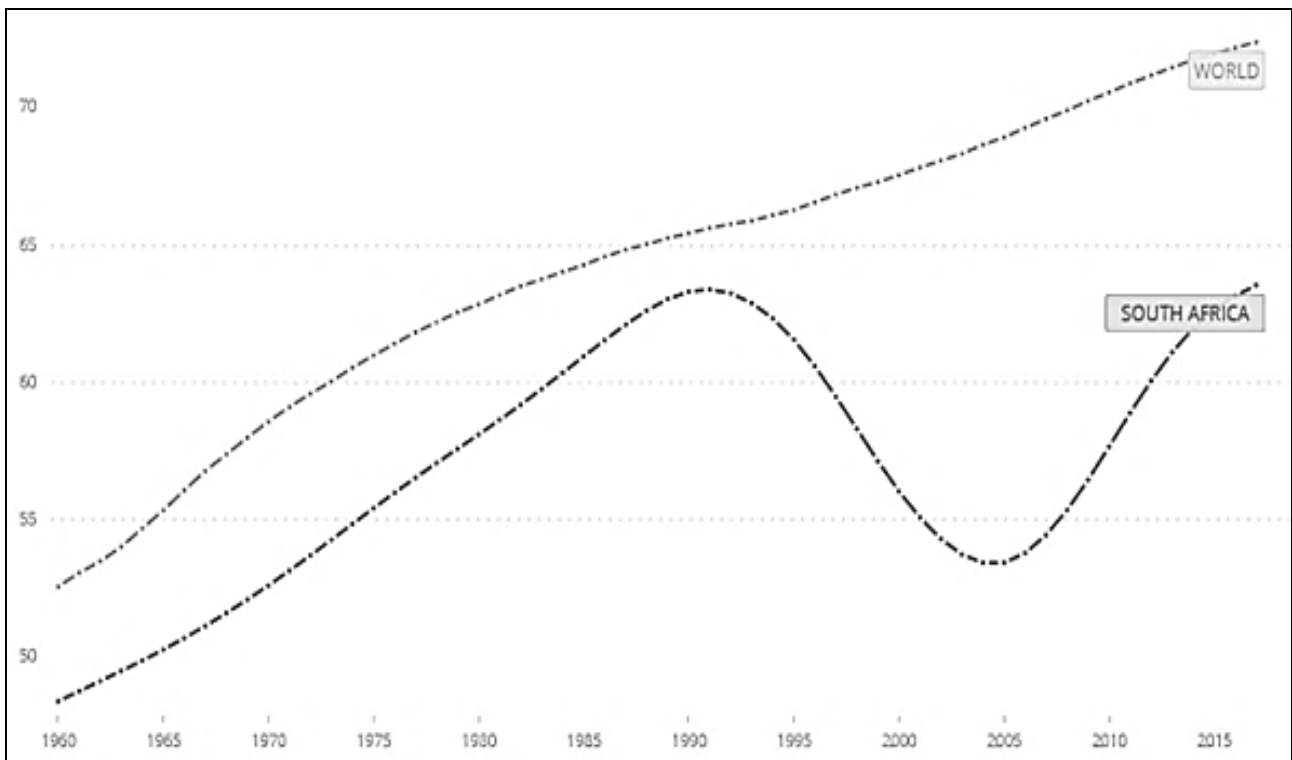

Fig. 6. South African and global life expectancy, 1960–2017¹¹

¹¹ Life expectancy at birth // World Bank. Washington, DC: World Bank Group, 2020. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=ZA-1W> (accessed: 02.02.2020).

Naturally, labor activists loyal to the ANC created divisions in major trade unions, leading to a 2013–2014 split of the largest federation into two, just as government imposed a new requirement that strikes first require a ballot, along with a subsidized sub-minimum wage for youth workers.

Also expressing disaffection — and suffering sometimes extreme repression — were radical social movements and prolific community protesters [Ngwane 2019]. In an earlier era of late 1990s dissent, these ‘service delivery protests’ won a major concession: a Free Basic Services policy providing minimal supplies of water and electricity (at least 25 liters/person/day and 50 kWh/household/month). More recently, the most important commoning victories include the free tertiary education provided to 90 % of university and technical-college students following their 2015–2017 national uprisings. The victory also included the ‘in-sourcing’ of low-paid workers, back into university employ.

But without question, South Africa’s most successful commoning strategy was the early-2000s acquisition of Anti-Retroviral medicines to combat AIDS. These are today provided free by the state, having once been the purview of global capital. They are responsible for reversing the dramatic early-2000s decline in South Africa’s life expectancy, as shown in Fig. 6.

Because hundreds of thousands of people died unnecessarily in the struggle to gain access to AIDS medicines, this example of commoning is most spectacular. The successful campaign reflected four features that any post-neoliberal project should embrace: *decommodification* (of drugs costing over 15.000 USD/year that are now free); *destratification* of access (now numbering over 5 mln South Africans); *delinking and deglobalisation of capital* (generic medicine production facilities now exist in many African cities); and *global solidarities* against powerful multinational forces. By jumping scale, South Africa’s Treatment Action Campaign confronted global Big Pharma, the South African and US governments, and the World Trade Organization. In 2004 prior to medicines access, life

expectancy was 52 years, and by 2019 it rose to 64: an extraordinary post-neoliberal victory.

Commoning is also increasingly common as a mode of day-to-day resistance. Throughout the townships of South Africa, activists interested in guaranteeing access to water and electricity have been attempting to evolve what was already a popular survival tactic at the time of apartheid: reconnecting water and electricity illegally, once it was disconnected by state officials due to non-payment; in Soweto alone, the share of illegal electricity connections had risen to 80 %¹².

The most serious problem with informal commoning, is that once the water infrastructure is tapped by township plumbers (many working for a small fee), leaks are exacerbated and water quality is sometimes compromised. Likewise, as electricity lines are commoned using illegal connections, the capacity of the entire township system is stressed and the power supply regularly trips. Accidental electrocutions become more frequent as live wires criss-cross pedestrian pathways. The typical short-term response from a Soweto Electricity Crisis Committee activist is to embark upon technical training stressing insulation and effective pipe repair.

In short, the challenge for South Africans committed to a different society, economy and ecology is to humbly combine the limited gains that social movements have won so far (in many cases matched by regular defeats on economic terrain) with the soaring ambitions that are needed to match the scale of the systemic crisis and the current extent of social protest. There are ideological, strategic and material problems that South Africa’s independent left has failed to overcome, including the division between autonomist and socialist currents, and the lack of mutual respect for various left traditions, including traditional Communism, Trotskyism, anarchism, syndicalism, Black Consciousness and feminism. A synthetic approach from the top down still appears impossible.

¹² Le Cordeur M. Eskom to Waive Soweto Users’ Deb — On Condition // Fin24. May 25, 2016. URL: <https://www.fin24.com/Debt/News/eskom-to-waive-soweto-users-debt-on-condition-20160525> (accessed: 07.02.2020).

Single-issue and single-community struggles are important building blocks in the campaign to keep the fires of struggle and hope burning among the various sections of the working class. But the militancy of the community protesters must combine with that of organized and unorganized workers, students and unemployed youth, women fighting against rape and patriarchy. A conscious and planned build-up for an uprising can provide a basis for joint work and knitting together campaigns, with the aim of winning partial victories and strengthening bonds between the different sections of the working-

class movement. An uprising will show a glimpse of what is possible when the working class movement is moving together in solidarity and action. It will liberate creative energy that will generate new ideas and methods of self-organisation and struggle. It will generate historical convulsions that can change the balance of forces, providing emerging movements with goals that can be generalized beyond the local and sectional. It will restore hope in the vision that things can be different, that a better world without oppression and exploitation is possible.

Received / Поступила в редакцию: 14.02.2020
Accepted / Принята к публикации: 17.03.2020

References / Библиографический список

- Alternative Report on Africa. (2019). *First Issue Terms of Reference for Country Studies*. Unpublished paper. Dakar: ENDA, February.
- Amin, S. (1990). *Delinking*. London: Zed Books.
- Averbach, M. (1936). A Comment on Trotsky's Letter to South Africa. *Revolutionary History*, 4 (4), 131—133.
- Bond, P. & Galvin, M. (2019). Water, Food and Climate Commoning in South African Cities. In: Vivero-Pol, J.L. & Ferrando, T. (Eds.). *Routledge Handbook of Food as a Commons*. London: Routledge. P. 231—248.
- Bond, P. & Malikane, C. (2019). Inequality Caused by Macro-Economic Policies during Overaccumulation Crisis. *Development Southern Africa*, 36 (6), 1—18. DOI: 10.1080/0376835X.2019.1701416
- Bond, P. (2014). *Elite Transition*. London: Pluto Press.
- Fine, B. & Rustomjee, Z. (1996). *The Political Economy of South Africa*. Johannesburg: Wits University Press.
- Fine, B. (2008). *The Minerals-Energy Complex is Dead: Long Live the MEC? Amandla Colloquium*. URL: <https://eprints.soas.ac.uk/5617/1/MineralEnergyComplex.pdf> (accessed: 02.02.2020).
- Keynes, J.M. (1933). National Self-Sufficiency. *The Yale Review*, 22 (4), 755—769.
- Kuhn, A. & Wolpe, A.M. (Eds.). (1978). *Feminism and Materialism*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Magubane, B. (2001). *The Social Construction of Race and Citizenship in South Africa*. Working paper, UN Research Institute for Social Development, Geneva. URL: [http://www.unrisd.org/unrisd/website/projects.nsf/\(httpAuxPages\)/F1E2C56AA5442BD7C1256BDE002FBDC9?OpenDocument](http://www.unrisd.org/unrisd/website/projects.nsf/(httpAuxPages)/F1E2C56AA5442BD7C1256BDE002FBDC9?OpenDocument) (accessed: 07.02.2020).
- Marini, R.M. (1965). Brazilian Interdependence and Imperialist Integration. *Monthly Review*, 17 (7), 14—24.
- Masondo, D. (2007). Capitalism and Racist forms of Political Domination. *Africanus*, 37 (2), 66—80.
- Mbeki, T. (2004). Two Worlds: Two Economies. *South African Labour Bulletin*, 28 (2), 10—11.
- Ngwane, T. (2019). Insurgent Democracy: Post-Apartheid South Africa's Freedom Fighters. *Journal of Southern African Studies*, 45 (1), 229—245.
- Spaull, N. (2013). *South Africa's Education Crisis*. Centre for Development and Enterprise Working Paper, Johannesburg, October.
- Wolpe, H. (1972). Capitalism and Cheap Labor Power in South Africa: From Segregation to Apartheid. *Economy and Society*, 1, 425—456.

About the authors: *Ngwane Trevor* — PhD in Sociology, Senior Lecturer in Sociology, University of Johannesburg, and President of the South African Sociological Association (e-mail: trevorngwane@gmail.com).
Bond Patrick — PhD in Economic Geography, Professor, School of Government, University of the Western Cape (e-mail: pbond@mail.ngo.za).

Сведения об авторах: *Нгване Тревор* — доктор социологии, старший преподаватель социологии Университета Йоханнесбурга, президент Южно-Африканской социологической ассоциации (e-mail: trevorngwane@gmail.com).

Бонд Патрик — доктор экономической географии, профессор, Школа управления, Университет Западной Капской провинции (e-mail: pbond@mail.ngo.za).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-84-96

Научная статья

Париж vs. Пекин: противостояние на Африканском континенте

В.Р. Филиппов

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

Предметом данного исследования являются конкурентные отношения в политической и экономической сферах, сложившиеся на Африканском континенте в двадцать первом столетии между Французской Республикой и Китайской Народной Республикой. Автор акцентирует внимание на основных конфликтогенных факторах, обусловивших латентное противостояние двух стран, возникшее в условиях изменения геополитической ситуации в мире вообще, и в Африке в частности. Методологической основой данного исследования является сравнительно-исторический метод; работа строится на принципах историзма, достоверности и научной объективности. Использование метода исторической реконструкции позволило автору проследить динамику взаимоотношений Франции и КНР с африканскими странами на протяжении двух последних десятилетий, а также рассмотреть антагонизмы, которые возникают между Пятой республикой и Китаем вследствие реализации последним весьма специфической экономической стратегии. Работа строится на изучении фактического исторического материала, хроники событий последнего десятилетия; использованы аналитические материалы, опубликованные на страницах французских и российских масс-медиа. Автор приходит к выводу, что в основе конфликтной ситуации между Парижем и Пекином лежит стремление Елисейского дворца не только сохранить политические, экономические и военно-стратегические предпочтения Франции в странах, бывших в прошлом колониями Французской империи, но и обеспечить защиту французских интересов в англоговорящих странах Восточной Африки. Быстрый рост влияния КНР на Африканском континенте, все более явная экспансия Поднебесной в экономику африканских стран вынуждает Францию менять парадигму своей внешней политики. Если предшественники Э. Макрона, отрекаясь на словах от политики «Франсафрик», делали ставку на использование военной силы и тайные операции французских спецслужб, то нынешний глава Пятой республики в своих отношениях с африканскими странами предпочитает использовать ресурсы политики «мягкой силы». Опыт, полученный Э. Макроном во время его первого (не слишком удачного) африканского турне 2017 г., побудил его изменить тональность общения с лидерами африканских стран с покровительственно-высокомерной на дружески-доверительную.

Ключевые слова: Франция, Китай, Африка, экономическая экспансия, политическое противостояние, Эммануэль Макрон, Си Цзиньпин

Для цитирования: *Филиппов В.Р.* Париж vs. Пекин: противостояние на Африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 84—96. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-84-96

Research article

Paris vs. Beijing: Confrontation on the African Continent

V.R. Filippov

Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The subject of this study is the competitive relations in the political and economic spheres that have developed on the African continent in the 21st century between the French Republic and the People's Republic of China.

© Филиппов В.Р., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The author focuses on the main conflict-generating factors that caused the latent confrontation between the two countries that arose in the face of a changing geopolitical situation in the world in general and in Africa in particular. The methodological basis of this study is the comparative historical method; the work is based on the principles of historicism, reliability and scientific objectivity. Using the method of historical reconstruction allowed the author to trace the dynamics of relations between France and China over the past two decades. The work is based on the study of factual historical material, a chronicle of the events of the last decade; analytical materials published on the pages of French and Russian mass media were used. The author concludes that the basis of the conflict between Paris and Beijing lies in the desire of the Champs Elysees not only to preserve the political, economic and military-strategic preferences of France in the countries that were formerly colonies of the French Empire, but also to protect French interests in the English-speaking countries of East Africa. The rapid growth of China's influence on the African continent, the ever more obvious expansion of the Heavenly Empire into the economies of African countries, forces France to change the paradigm of its foreign policy. If the predecessors of E. Macron, denying in words the policy of "Françafrique", relied on the use of military force and covert operations of the French security services then the current head of the Fifth Republic in his relations with African countries prefers to use his resources on "soft power" politics. The experience gained by E. Macron during his first (not very successful) African tour in 2017 prompted him to change the tone of communication with the leaders of African countries from patronically arrogant to friendly and trusting.

Key words: France, China, Africa, economic expansion, political confrontation, Emmanuel Macron, Xi Jinping

For citation: Filippov, V.R. (2020). Paris vs. Beijing: Confrontation on the African Continent. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 84—96. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-84-96

Китай и Франция. Изменение баланса сил

За последнее десятилетие геополитический ландшафт в мире претерпел серьезные изменения. «Рельефно обозначился процесс перераспределения в глобальных масштабах силы и влияния, укрепления новых полюсов формирующейся полицентричной международной системы» [Фитуни, Абрамова 2012: 3]. Не стала исключением ситуация на Африканском континенте: «Если тринадцать лет назад главными торговыми партнерами африканских государств были (в порядке убывания) США, Китай и Франция. Сегодня это Китай, затем Индия и США. Франция оказалась на седьмом месте»¹.

Экономическая экспансия Китая в Африку стала фактом уже в начале тысячелетия, но особенно ярко она проявилась во втором десятилетии нынешнего столетия. Если 20 лет назад перемены в Африке мало отражались на Китае, то сейчас «в силу растущей вовлеченности Китая в дела Африки события на континенте непосредственно затрагивают его интересы» [Дейч 2018: 96; Африка: современные стратегии... 2016: 359—370]. В начале

второго десятилетия XXI в. КНР установила тесные связи с такими странами, как Кот-д'Ивуар, Сенегал, Нигерия и Габон.

В настоящее время быстро развивается сотрудничество с Египтом, Кенией, Эфиопией, Джибути, Суданом и другими странами континента. Китайские компании наращивают свое присутствие в строительном секторе и добывающей промышленности африканских стран, а китайские инвесторы финансируют африканские проекты, прежде всего, в сфере энергетики и логистики. Китай активно борется за передел африканских ресурсов и рынков [Фитуни 2012: 248; Пономаренко, Соловьева, 2015; Дегтерев 2005]. Растущее влияние Китая в Африке во многом объясняется тем, что китайские технологии значительно дешевле европейских, а африканцы не так богаты, чтобы позволить себе технологические излишества. Китай готов вкладываться в долгосрочные инфраструктурные проекты, а европейцы, в свою очередь, предпочитают краткосрочные инвестиции [Иностранная помощь 2013]. В итоге «китайские деньги и технологии стали одними из главных драйверов развития африканских экономик»². Многие исследователи констатируют, что по мере становления «новой биполярности» КНР вы-

¹ Clemenceau F. Emmanuel Macron et la Chine en Afrique, un vrai sujet // *Le Journal du Dimanche*. 16.03.2019. URL: <https://www.lejdd.fr/International/emmanuel-macron-et-la-chine-en-afrique-un-vrai-sujet-3875261> (accessed: 09.01.2020).

² Шахвердов Р. Почему Макрон говорит о китайской угрозе // *Реалист*. 01.04.2019. URL: <http://realtribune.ru/news/world/1859> (дата обращения: 04.01.2020). См. также: [Sindzingre 2013].

шла на «лидирующие позиции среди доноров в целом ряде стран» [Дегтерев, Ли Янь, Трусова, Черняев 2018: 900].

Китай активно продвигает на Африканском континенте проект «Один пояс — один путь» [Cheng, Chen Lu, Degterev, Zhao 2019]. В 2014 г. был создан фонд (40 млрд долл. США), нацеленный на поддержку инфраструктурных проектов африканских стран. В декабре 2015 г. был подписан меморандум между КНР и Африканским союзом, который предусматривает строительство стратегически важных транспортных узлов, например, Чад — Судан или Найроби — Момбаса. В мае 2017 г. на форуме «Один пояс — один путь» в Пекине Си Цзиньпин объявил о готовности КНР вложить в этот проект дополнительно 124 млрд долл. США [Дейч 2018: 96]. Реализация этого проекта предполагает строительство железных дорог, реорганизацию авиационного сообщения, создание технопарков.

В сентябре 2018 г. в Пекине состоялся китайско-африканский саммит, на котором присутствовали лидеры практически всех африканских стран. По итогам этого масштабного форума была подписана «Пекинская декларация о построении китайско-африканского сообщества единой судьбы». Анонсируя подписание этого документа, Си Цзиньпин заявил: «Мы желаем совместно думать с народами Африки, более тесно строить совместную судьбу Китая и Африки, служить примером создания общества единой судьбы»³. По итогам саммита КНР объявила о своей готовности выделить ряду стран Африки финансовую помощь на 60 млрд долл. США⁴.

Все это не может не беспокоить руководство Франции: рост влияния КНР в африканских странах серьезно угрожает интересам Пятой республики. Для Франции потеря по-

литических и экономических преференций, которыми она пользовалась в странах, входивших некогда в состав Французской колониальной империи, станет, без преувеличения, катастрофой.

В стремлении во что бы то ни стало вернуть утраченные позиции в африканских странах Э. Макрон пытается опереться, прежде всего, на исторических «партнеров» Пятой республики [Basiru 2016]. В поисках новых рычагов влияния на юге и востоке континента он делает все, чтобы завоевать симпатии стран, ранее не входивших в сферу влияния Франции⁵. Этим, в частности, объясняется присутствие на саммите промышленно развитых стран (саммит G7), который проходил в конце августа 2019 г., лидеров пяти африканских стран. Во французский Биарриц в качестве почетных гостей были приглашены президенты Буркина-Фасо, ЮАР, Египта, Сенегала и Руанды; на саммите присутствовал также председатель Комиссии Африканского союза Мусса Факи. На полях саммита французская сторона предприняла попытку объяснить африканским партнерам, какую опасность представляет для них экономическая зависимость от «азиатского гиганта». Например, латентные и явные угрозы роста влияния КНР в Африке обсуждались на встрече Э. Макрона с его южноафриканским коллегой Сирилом Рамафосой на полях этого саммита⁶.

Турне Э. Макрона по странам Африканского Рога. Джибути

В марте 2019 г. президент Франции совершил четырехдневное турне по странам Африканского Рога, посетив Джибути, Эфиопию и Кению. Комментируя это событие,

³ Киселев Д. В Африку стали вкладывать буквально все // Вести.Ру. 27.10.2019. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3203922> (дата обращения: 09.01.2020).

⁴ Дейч Т.Л. Саммит Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОАС) в Пекине 3—4 сентября 2018 г. // ИМЭМО РАН. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4461&ret=640 (дата обращения: 09.01.2020).

⁵ Airault P. Comment Emmanuel Macron s'oppose à la Chine en Afrique // L'Opinion. 26.08.2019. URL: <https://www.lopinion.fr/edition/international/g7-comment-emmanuel-macron-s-oppose-a-chine-en-afrique-195735> (accessed: 09.01.2020).

⁶ President Cyril Ramaphosa ends G7 visit and turns focus to Japan-Africa Summit // South African Government. 26.08.2019. URL: <https://www.gov.za/speeches/president-cyril-ramaphosa-ends-g7-visit-and-turns-focus-japan-africa-summit-26-aug-2019> (accessed: 09.01.2020).

многие журналисты отмечали, что Э. Макрон стремится представить Францию как возможный противовес Китаю в Восточной Африке. В ходе переговоров с лидерами этих стран он говорил о возможных негативных для африканских стран последствиях экономического сотрудничества с КНР в долгосрочной перспективе и целесообразности развития экономических и политических отношений с Францией. Накануне визита представитель президентской администрации объявил, что визит призван отметить «силу нашего партнерства» на фоне растущего влияния Китая в Джибути и на всем континенте.

В силу своего особого географического положения Джибути вызывает большой интерес у так называемых «великих держав», стремящихся к геополитическому и экономическому доминированию в Восточной Африке. Джибути контролирует выход к Баб-эль-Мандебскому проливу, соединяющему Красное море и Аденский залив, а это ворота, открывающие путь к Суэцкому каналу. Именно поэтому здесь располагаются две крупнейшие по численности контингента военные базы Франции за рубежом, а также военно-морские базы США, Германии, Италии, Японии и Саудовской Аравии. Ситуацию осложняет то, что недалеко от стратегически важного порта Дорале разместились первая и пока единственная зарубежная база КНР.

Военное присутствие Поднебесной в Джибути стало возможным в силу масштабных инвестиций в экономику страны: за 2016—2018 гг. они составили 1,4 млрд долл. США. За эти годы здесь был реализован ряд крупных инфраструктурных проектов, включая реконструкцию и модернизацию железной дороги, связавшей столицу страны со столицей Эфиопии Аддис-Абебой, восстановление инфраструктуры порта Дорале, создание крупнейшей в Африке Джибутийской международной зоны свободной торговли. Эта зона с оборотом в 1 млрд долл. США занимает площадь 4800 га. Зона ориентирована на логистику, оказание финансовой поддержки и беспрошленную торговлю. В 2017 г. на встрече с Си Цзиньпином президент Исмаил

Омар Гелле позиционировал Джибути как «великого друга Китая»⁷.

Присутствие КНР в Восточной Африке стало главным сюжетом на переговорах Э. Макрона с И.О. Гелле. Президент Франции посулил своему коллеге преференции в экономических отношениях с Пятой республикой, намекнув на то, что при условии улучшения делового климата Джибути может рассчитывать на долгосрочные инвестиции французских компаний. При этом он назвал Китай угрозой суверенитету африканских стран вообще и Джибути в частности. Э. Макрон акцентировал внимание своего коллеги на том, что задолженность Джибути перед КНР достигла угрожающих масштабов, отметив, что 70 % двустороннего долга страны приходится на Китай⁸.

Однако по итогам встречи лидеров двух стран никаких торговых или иных соглашений подписано не было. Кроме туманных намеков на грядущие инвестиции французский президент ничего не смог предложить своему коллеге. В Елисейском дворце заметили по этому поводу: «Мы идем туда (в Восточную Африку. — Прим. авт.) с другим проектом, более позитивным, возможно, несколько менее меркантильным, чем китайский»⁹. Президент Джибути, в свою очередь, был весьма сдержан в оценке результатов встречи с президентом Франции: «У французских компаний есть возможности, особенно в области инфраструктуры»¹⁰.

⁷ Airault P. Comment Emmanuel Macron s'oppose à la Chine en Afrique // L'Opinion. 26.08.2019. URL: <https://www.lopinion.fr/edition/international/g7-comment-emmanuel-macron-s-oppose-a-chine-en-afrique-195735> (accessed: 09.01.2020).

⁸ Clemenceau F. Emmanuel Macron et la Chine en Afrique, un vrai sujet // Le Journal du Dimanche. 16.03.2019. URL: <https://www.lejdd.fr/International/emmanuel-macron-et-la-chine-en-afrique-un-vrai-sujet-3875261> (accessed: 09.01.2020).

⁹ Гулиа К. Борьба за Африканский Рог: Эммануэль Макрон посетит Джибути, Эфиопию и Кению // RFI. 11.03.2019. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20190311-tri-strany-za-tri-dnya-emmanyuel-makron-posetit-dzhibuti-efiopiya-i-keniyu> (дата обращения: 09.01.2020).

¹⁰ Emmanuel Macron lands in Kenya for historic State visit // DailyNation. 13.03.2019. URL: <https://www.nation.co>

Французские масс-медиа комментировали этот визит Э. Макрона с заметной долей иронии. Le Monde поместила следующий ироничный комментарий джибутийского дипломата: «У французов нет денег, с коммерческой точки зрения они не имеют большого значения для нас, даже если они важны с точки зрения дипломатии, культуры и военного сотрудничества... Макрон прибежал к нам от “желтых жилетов”»¹¹.

Визит Э. Макрона в Эфиопию

Следующей страной, которую посетил Э. Макрон, стала Эфиопия. Французская пресса накануне визита обращала внимание, что Эфиопия — страна, переживающая сейчас политический и экономический ренессанс¹². Действительно, находясь у власти с апреля 2018 г., премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед успел сделать многое: он назначил коалиционное правительство и приступил к либерализации экономики страны, отменил чрезвычайное положение, в течение нескольких месяцев освободил тысячи политических заключенных. В стране создана Комиссия по национальному примирению, оппозиционные движения исключены из списка террористических организаций. Новый глава правительства анонсировал проведение свободных выборов в 2020 г. и назначил своего политического оппонента главой избирательной комиссии. А. Ахмед положил конец конфликту с Эритреей, возобновил связи с Сомали, инициировал совместные проекты с Кенией, Джибути, Суданом, Южным Суданом, приступил к диалогу с Египтом¹³.

ke/news/Macron-arrives-in-Kenya/1056-5023526-p4526wz/index.html (accessed: 07.07.2019).

¹¹ Semo M. Pour Macron, la France est un «possible contrepoids» à la Chine en Afrique de l’Est // Le Monde. 12.03.2019 URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2019/03/12/emmanuel-macron-veut-une-place-en-afrique-de-l-est-a-cote-des-chinois_5434673_823448.html (accessed: 03.06.2019).

¹² Châtelot C. Ethiopie : le réformateur Abiy Ahmed face au défi ethnique // Le Monde. 11.03.2019. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/03/11/ethiopie-le-reformateur-abiy-ahmed-face-au-defi-ethnique_5434373_3212.html (accessed: 03.06.2019).

¹³ Ibid.

Журналисты, освещая этот визит, писали, что Э. Макрон нашел в А. Ахмеде воплощение той Африки, с которой он хочет строить отношения¹⁴.

Символом возникшего доверия журналисты назвали новое оборонное соглашение между странами. 12 марта 2019 г. Французская Республика и Федеративная Демократическая Республика Эфиопия впервые в истории заключили рамочное соглашение о военном сотрудничестве. «Это беспрецедентное соглашение о военном сотрудничестве открывает возможность для оказания Францией помощи Эфиопии в создании военно-морских частей»¹⁵, — объявил на пресс-конференции президент Пятой республики. Необходимо добавить, что Эфиопия не имеет военного флота: после предоставления в 1991 г. независимости Эритрее она утратила выход к морю.

В документ также были включены пункты о сотрудничестве в области военной авиации, проведения совместных войсковых операций и учений, а также о закупке Эфиопией французских вооружений. Кроме того, Э. Макрон обсудил ряд экономических проблем и вопросы безопасности с Сахле-Ворк Зевде — единственной на Африканском континенте женщиной-президентом. Французский лидер пообещал выделить 85 млн евро в виде кредитов для поддержки строительства открытой экономики в Эфиопии¹⁶.

В ходе визита было заявлено о намерении Парижа предоставить Аддис-Абебе 100 млн евро для продолжения демократических реформ, инициированных А. Ахмедом после его прихода к власти в 2018 г.

¹⁴ Dahir A.L. Macron has brought his global charm offensive to an unlikely region: East Africa // Quartz Africa. 14.03.2019. URL: <https://qz.com/africa/1573217/french-president-macron-visits-djibouti-ethiopia-kenya/> (accessed: 03.06.2019).

¹⁵ Reuters: Франция и Эфиопия подписали первое соглашение о военном сотрудничестве // ТАСС. 13.03.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6210880> (дата обращения: 10.08.2019).

¹⁶ Macron pledges closer French economic ties on first-ever visit to Kenya // France 24. 13.03.2019. URL: <https://www.france24.com/en/20190313-france-kenya-macron-visit-economy-trade-kenyatta> (accessed: 03.01.2020).

Руководители двух стран договорились также развивать сотрудничество в области культуры. В завершение переговоров они посетили подземные церкви Лалибелы. Э. Макрон обещал помощь в реализации нескольких музейных проектов, в том числе в реставрации так называемого Юбилейного дворца в Аддис-Абебе.

Французская пресса писала о том, что Э. Макрон и А. Ахмед воспринимают действия друг друга в позитивном ключе, что «все складывается удачно между этими лидерами, которые любят взламывать коды»¹⁷. Во время итоговой пресс-конференции гость и хозяин обменялись любезностями. Когда журналист упомянул о нелестном для А. Ахмеда положении Эфиопии в международных рейтингах, Э. Макрон встал на его защиту: «У вас есть премьер-министр, который несколько месяцев назад вступил в эту должность. На форсированном марше он модернизирует страну, делает все, чтобы умиротворить ее, восстановить мир в регионе. Дайте ему время, чтобы он продолжил движение по этому пути и добился успеха»¹⁸.

Вместе с тем в оценке итогов визита Э. Макрона в Эфиопию французскими СМИ звучал и известный скепсис. Высказывается сомнение в том, что Франция сможет потеснить в этой африканской стране таких игроков, как Китай, США, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. «Сомнительно, что использование французского ноу-хау в области сохранения наследия, применяемого к церквям Лалибелы, достаточно, чтобы дать Франции возможность сыграть ведущую роль в предстоящих изменениях в Эфиопии»¹⁹.

¹⁷ Lattier A. *Ethiopie: Emmanuel Macron et Abiy Ahmed affichent leur entente parfaite* // RFI. 12.03.2019. URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20190312-ethiopie-emmanuel-macron-abiy-ahmed-affichent-entente-parfaite> (accessed: 12.08.2019).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Lavergne M. *Corne de l'Afrique: «Le voyage de Macron ne pèse pas lourd face à la Chine et aux Emirats»* // Le Monde. 11.03.2019. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/03/11/corne-de-l-afrique-le-voyage-de-macron-ne-pese-pas-lourd-face-a-la-chine-et-aux-emirats_5434575_3212.html (accessed: 12.03.2019).

Визит в Эфиопию можно было бы отнести к серьезным внешнеполитическим успехам Э. Макрона, если бы не одно обстоятельство. Он не решил главной задачи, а именно — не подверг сомнению позиции Китая в этой африканской стране. Пока Елисейский дворец представляет Эфиопии проекты будущих инициатив, «Китай превращает Эфиопию в гигантскую фэшн-фабрику»²⁰. Для Китая создание сети текстильных и швейных предприятий в Эфиопии — это крупный эксперимент в сфере аутсорсинга, для Эфиопии — это возможность привлечь 10 млрд долл. США инвестиций. Спустя полгода после запуска индустриального парка Хавасса в 2017 г. в нем трудилось уже 1,4 тыс. местных жителей, предполагается, что в 2020 г. эта цифра достигнет в общей сложности 20 тыс. Благодаря налоговым льготам, возможностям инфраструктурных инвестиций и дешевизне рабочей силы торговые компании, ранее размещавшие производство в Китае и Шри-Ланке, теперь разворачивают в Эфиопии выпуск товаров Guess, Levi's, H&M и других брендов.

Индустриальный парк Хавасса — это лишь часть проекта: с 2014 г. Эфиопия открыла четыре гигантских государственных промышленных парка. В 2020 г. планируется завершение строительства еще восьми. Это стало возможным исключительно благодаря китайским кредитам: по некоторым данным, в 2010—2015 гг. сумма кредитов составила 10,7 млрд долл. США²¹. При этом большая часть денег идет на выгодные для китайских компаний контракты. Привлекая местную рабочую силу, они строят в Эфиопии плотины, дороги и сотовые сети. Китайская государственная компания построила железную дорогу, соединяющую Аддис-Абебу и Джибути, вложив в этот проект 3,4 млрд долл. США. Эфиопское правительство полагает, что создание инфраструктуры при финансовой поддержке КНР позволит стране присоединиться

²⁰ Горин Д. *Китай превращает Эфиопию в гигантскую фэшн-фабрику* // Лаовай.ру. 2019. URL: <https://laowai.ru/kitaj-prevrashhaet-efiopiya-v-gigantskuyu-feshn-fabriku/> (дата обращения: 15.01.2020).

²¹ Там же.

к мировому среднему классу. «План заключается в том, чтобы создать в общей сложности два миллиона рабочих мест в обрабатывающей промышленности к концу 2025 г.»²².

4 января 2019 г. член Госсовета КНР, министр иностранных дел Ван И провел переговоры с главой МИД Эфиопии Воркнехом Гебейеху. Китайский чиновник на переговорах подчеркнул, что Эфиопия выступает одним из ключевых партнеров Китая в Африке по проекту «Один пояс — один путь», и выразил надежду, что стороны используют проводимый в 2019 г. в КНР 2-й Форум высшего уровня по международному сотрудничеству в рамках «Одного пояса — одного пути» как новый шанс для продвижения взаимовыгодного сотрудничества. Было заявлено, что «китайская сторона готова оказать сильную поддержку и помощь в национальном развитии Эфиопии и улучшении условий жизни ее народа»²³.

В. Гебейеху в ответной речи заявил, что «Эфиопия считает Китай самым важным партнером по всеобъемлющему стратегическому сотрудничеству» и что эфиопская сторона высоко оценивает инициативы по сотрудничеству с Африкой, выдвинутые председателем КНР Си Цзиньпином на Пекинском саммите Форума китайско-африканского сотрудничества. В заключение он пригласил еще больше китайских предприятий инвестировать в экономику Эфиопии²⁴.

Отметим, что в ноябре 2019 г. Эфиопия и Китай подписали соглашение о таможенном сотрудничестве. При этом министр таможенного управления Китая Ни Юйфэн заявил, что «Эфиопия является ключевым торговым партнером Китая»²⁵. На фоне этих событий

²² Горин Д. Китай превращает Эфиопию в гигантскую фэшн-фабрику // Лаовай.ру. 2019. URL: <https://laowai.ru/kitaj-prevrashhaet-efiopiю-v-gigantskuyu-feshn-fabriku/> (дата обращения: 15.01.2020).

²³ Китай. Эфиопия. Внешнеэкономсвязи, политика // Poplred. 04.01.2019. URL: https://poplred.com/?ns=1&ns_id=2849642 (дата обращения: 09.01.2020).

²⁴ Там же.

²⁵ Эфиопия и Китай договорились о таможенном сотрудничестве // Регнум. 15.11.2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2779764.html> (дата обращения: 19.11.2019).

государственный долг Эфиопии увеличился в 4 раза за 10 лет. Наряду с Кенией и Мозамбиком Эфиопия вошла в тройку африканских стран, имеющих наибольшую задолженность перед Китаем²⁶. С 2000 г. Эфиопия взяла в долг у Китая 12,1 млрд долл. США²⁷.

На этом фоне договоренности Э. Макрона с эфиопскими лидерами бледнеют и выглядят достаточно скромными. То же самое можно сказать и об успешности переговоров французского президента с президентом Кении.

Борьба за влияние в Кении

Нынешний глава Пятой республики — это первый президент Франции, который посетил Кению с момента обретения независимости от британской короны в 1963 г. В Твиттере президент этой страны Ухуру Кениата высказался достаточно сдержанно: «Я рад принять моего друга... во время его исторического визита в Кению. Кения и Франция поддерживают теплые отношения, которые способствовали процветанию в различных областях на благо наших людей»²⁸.

В результате франко-кенийских переговоров были подписаны соглашения о развитии государственного и частного партнерства на сумму более 3 млрд долл. США. Эти договоренности призваны улучшать инфраструктуру Кении, а также оптимизировать ситуацию с ее продовольственной безопасностью. Наряду с прочим с компанией «Vinci-led» был заключен крупный контракт стоимостью 1,6 млрд долл. США на реконструкцию шоссе, соединяющего Найроби с районами

²⁶ Clemenceau F. Emmanuel Macron et la Chine en Afrique, un vrai sujet // Le Journal du Dimanche. 16.03.2019. URL: <https://www.lejdd.fr/International/emmanuel-macron-et-la-chine-en-afrique-un-vrai-sujet-3875261> (accessed: 09.01.2020).

²⁷ Александрова К. Китай согласился реструктурировать долг Эфиопии // РЖД. Партнер ру. 07.09.2018. URL: <https://www.rzd-partner.ru/other/news/kitay-soglasilsya-restrukturizirovat-dolg-efiopii/> (дата обращения: 09.01.2020).

²⁸ Emmanuel Macron lands in Kenya for historic State visit // DailyNation. 13.03.2019. URL: <https://www.nation.co.ke/news/Macron-arrives-in-Kenya/1056-5023526-p4526wz/index.html> (accessed: 07.07.2019).

Западной Кении²⁹. Компания «Voltaia» подписала контракт стоимостью 70 млн евро на строительство нескольких электростанций, работающих на солнечной энергии.

Э. Макрон подчеркнул, что Франция намерена сотрудничать с Кенией в деле внедрения новейших технологий получения «зеленой энергии»³⁰. Он отметил, что Кения добилась «потрясающих результатов в борьбе с изменением климата»³¹. (Заметим, что Кения — единственная африканская страна, в которой возобновляемая энергия составляет 75 % всего энергетического баланса.) Успехом французского президента можно считать и то, что консорциум, работающий под эгидой «Airbus», заключил соглашение об организации контроля над кенийским воздушным пространством; на это французская сторона готова выделить 200 млн долл. США. Среди прочих было подписано соглашение о строительстве железной дороги, которая должна соединить центр Найроби с международным аэропортом столицы³².

В завершение переговоров Э. Макрон продемонстрировал кенийскому коллеге новую модель внедорожника, которую, как предполагается, будут собирать на дочернем предприятии Peugeot в Кении.

Но не экономическое сотрудничество двух стран было лейтмотивом этих переговоров. На итоговой пресс-конференции Э. Макрон подчеркнул, что главными среди обсуждаемых вопросов были безопасность и борьба с терроризмом. Стоит вспомнить, что

вооруженные силы Кении оказывают содействие армии Сомали в борьбе с террористической группировкой «Аш-Шабаб». Это бандформирование базируется на территории Сомали; за пределами этой страны от ее деятельности страдает именно Кения. Очевидно, что для Э. Макрона противодействие исламистскому экстремизму — задача первостепенной важности, поскольку только при условии эффективности такого противодействия возможно хоть как-то ограничить неконтролируемый приток мигрантов во Францию.

Оценивая результаты переговоров, Э. Макрон заявил: «То, что мы хотим сделать, — это стать частью вашей новой программы роста». У. Кениата в свою очередь достаточно сдержанно высказался по поводу результатов встречи: «Это хороший день для Кении и для нашего развития», добавив, что визит главы Пятой республики окажет «положительное влияние на туризм и бизнес в Кении»³³.

Сдержанность президента Кении вполне объяснима. Он отчетливо осознавал, что Э. Макрон прибыл в Восточную Африку с целью создания «санитарного кордона», призванного воспрепятствовать росту влияния КНР в этом регионе. У. Кениата предполагал, что излишняя восторженность в оценках франко-кенийских отношений так же, как излишняя интенсификация этих отношений, не вызовут сочувствия в Пекине. Дело в том, что экономика Кении уже давно и прочно завязана на китайские инвестиции и кредиты.

Дружеские отношения и экономическое сотрудничество между Китаем и Кенией имеют давнюю историю: Китай стал четвертой страной, признавшей суверенитет Кении и открывшей посольство в Найроби.

На рубеже веков интенсифицировалось политическое и военное сотрудничество между странами³⁴. С 2000 по 2011 г. зафиксировано около 65 случаев финансирования

²⁹ Morangi L. Kenya, France agree \$3 billion deals as Macron visits // China Daily. 16.03.2019. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2019-03/16/content_37448571.htm (accessed: 30.08.2019).

³⁰ Macron pledges closer French economic ties on first-ever visit to Kenya // France 24. 13.03.2019. URL: <https://www.france24.com/en/20190313-france-kenya-macron-visit-economy-trade-kenyatta> (accessed: 03.09.2019).

³¹ Macron in Kenya. 1st French leader there since independence // City News 1130. 13.03.2019. URL: <https://www.citynews1130.com/2019/03/13/macron-in-kenya-1st-french-leader-there-since-independence/> (accessed: 09.08.2019).

³² Mumbere D. Macron in East Africa: Kenyatta, World Bank, AfDB commit to tackling climate change // AfricaNews. 14.03.2019. URL: <https://www.africanews.com/2019/03/14/macron-s-east-african-tour-djibouti-ethiopia-kenya/> (accessed: 22.08.2019).

³³ Macron pledges closer French economic ties on first-ever visit to Kenya // France 24. 13.03.2019. URL: <https://www.france24.com/en/20190313-france-kenya-macron-visit-economy-trade-kenyatta> (accessed: 03.09.2019).

³⁴ China to promote cooperation with Kenya // Peoples' Daily. 19.08.2005. URL: http://en.people.cn/200508/19/eng20050819_203345.html (accessed: 24.12.2019).

Китаем кенийских проектов развития [Dreher, Fuchs, Parks, Strange, Tierney 2017]. Уже в 2002 г. Китай экспортировал в Кению товаров на сумму 180,576 млн долл. США, в то время как импортировал только лишь на 5,798 млн долл. США. В начале 2006 г. Кения подписала контракт с китайской государственной корпорацией на разведку нефти в стране. В апреле 2007 г. китайская государственная металлургическая корпорация Jinchuan Group стала первой китайской компанией, которая вошла в горнодобывающий сектор Кении, купив 20 % акций компании Tiomin Kenya³⁵. В 2013 г. президент У. Кениата посетил Китай и провел переговоры со своим китайским коллегой Си Цзиньпином. В ходе этого визита Кения и Китай подписали сделки на сумму 5 млрд долл. США³⁶. В следующем году Найроби посетил премьер-министр Китая Ли Кэцян. На встрече было подписано 17 многомиллиардных сделок, открывших финансирование ряда крупных инфраструктурных проектов и иных соглашений, включая создание китайско-африканского банка развития³⁷.

Кения входит в число стран, подписавших соглашения о сотрудничестве в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» [Blanchard, Flint 2017]. Китай предоставил Кении значительные кредиты на строительство железной дороги между Момбасой и Найроби, а также на строительство важнейших автомагистралей в Кении³⁸. В декабре 2018 г. появились сообщения о том, что правительство Кении готово отказаться от

суверенного иммунитета своего крупнейшего и наиболее прибыльного порта Момбаса. Теперь он будет использоваться в качестве обеспечения китайских займов³⁹.

5 декабря 2019 г. танзанийское новостное издание «Zanzibarleo» сообщило, что в Кении, на острове Ламу, начал работать новый порт, построенный китайской компанией «СССС». В конце декабря он принял первое судно датской компании «Maersk». Этот порт станет центром морских грузовых перевозок в регионах Дар-эс-Салам, Занзибар и Мапуту и значительно расширит возможности порта Момбаса⁴⁰. Он позволит интенсифицировать грузоперевозки из иностранных государств, прежде всего из Китая, в Кению, и подтвердит статус Кении как регионального центра морских перевозок [Amuhaya, Degterev 2019].

В целом в контексте продвижения интересов Поднебесной на Африканском континенте, успехи Э. Макрона, достигнутые в ходе его вояжа по странам Восточной Африки, выглядят достаточно скромно. Они не изменили и, теперь уже очевидно, не изменят общей тенденции в противоборстве Пекина и Парижа за доминирование в Африке. Даже французские аналитики признают, что это «путешествие Макрона не имеет большого значения для Китая и Эмиратов»⁴¹, что нет особых оснований для того, чтобы рассматривать Францию как «возможный противовес Китаю в Восточной Африке»⁴². И, тем не

³⁵ Фирма Jinchuan берет контроль над месторождением минеральных песков Kwale // Ильменит. 22.05.2009. URL: <http://www2.ilmenite.ru/news/details/2270> (дата обращения: 13.10.2019).

³⁶ Kenya's Kenyatta and China's Xi sign \$5bn deals // BBC. 20.08.2013. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-23768488> (accessed: 12.12.2019).

³⁷ Kenya signs 17 multi-billion deals with China // Business Daily. 10.05.2014. URL: <https://www.businessdailyafrica.com/Kenya-signs-17-multi-billion-deals-with-China/-/539546/2310366/-/1514laoz/-/index.html> (accessed: 02.12.2019).

³⁸ Liqiang H. Chinese company helps build new railway in Kenya // China Daily. 20.09.2015. URL: http://africa.chinadaily.com.cn/africa/2015-09/20/content_21926960.htm (accessed: 05.01.2020).

³⁹ DeAeth D. China's African Debt-trap: Beijing Prepares to Seize Kenya's Port of Mombasa // Black Christian News Network 1. 29.12.2018. URL: <https://blackchristiannews.com/2018/12/chinas-african-debt-trap-beijing-prepares-to-seize-kenyas-port-of-mombasa/> (accessed: 09.01.2019).

⁴⁰ В Кении откроется порт, построенный китайской компанией // Регнум. 15.11.2019. URL: <https://regnum.ru/news/2768888.html> (дата обращения: 09.01.2020).

⁴¹ Lavergne M. Corne de l'Afrique: «Le voyage de Macron ne pèse pas lourd face à la Chine et aux Emirats» // Le Monde. 11.03.2019. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/03/11/corne-de-l-afrique-le-voyage-de-macron-ne-pese-pas-lourd-face-a-la-chine-et-aux-emirats_5434575_3212.html (accessed: 12.03.2019).

⁴² Semo M. Pour Macron, la France est un «possible contrepoids» à la Chine en Afrique de l'Est // Le Monde.

менее, визиты нынешнего хозяина Елисейского дворца в страны Африканского Рога важны для понимания новаций в африканской политике Пятой республики.

Вместо заключения. Новая парадигма африканской политики Франции?

Визиты Э. Макрона в страны Восточной Африки весьма показательны: они продемонстрировали его повышенный интерес к англоязычным странам, которые до того не входили в сферу интересов Франции на Африканском континенте. Отметим, что перед этим в 2017 г. Э. Макрон посетил Гану, а в 2018 г. — Нигерию.

В 2019 г., выступая в Найроби, президент Пятой республики неожиданно объявил: «У нас нет прошлого и, следовательно, никаких обязательств в этом регионе (в Восточной Африке. — *Прим. авт.*), в этой стране (в Кении. — *Прим. авт.*), и естественно, что Франция будет рассматриваться здесь как партнер, возможно, в большей степени, чем где-либо еще в Африке»⁴³. Это было очень важное признание, оно фактически ознаменовало смену парадигмы африканской политики Пятой республики.

Впрочем, в данной ситуации Э. Макрон позволил себе лукавить. Ведь говорить следовало не об «обязательствах» Франции, не о туманном «прошлом», а о политике «Франсафрик», которую проводила Пятая республика в своих бывших колониях после распада Французской империи [Филиппов 2016; 2017]. Историческая память народов, несколько столетий находившихся в колониальной зависимости от Франции, а затем подвергавшихся жесткому экономическому и политическому прессингу со стороны бывшей метрополии, представляет собой серьезное препятствие на пути выстраивания нормальных отношений Франции с франкоговорящими африканскими странами.

12.03.2019 URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2019/03/12/emmanuel-macron-veut-une-place-en-afrique-de-l-est-a-cote-des-chinois_5434673_823448.html (accessed: 03.06.2019).

⁴³ Ibid.

Это понимали и предшественники Эммануэля Макрона. Однако, на словах отрекаясь от политики «Франсафрик», они делали ставку на использование военной силы и тайные операции французских спецслужб в африканских странах [Powell 2017; Wyss 2013]. Э. Макрон осознал всю бесперспективность такой политики в изменившемся мире. Будучи вынужденным сохранять значительный воинский контингент в Африке южнее Сахары, он в своих отношениях с африканскими странами делает ставку на политику «мягкой силы» [Филиппов 2018: 110—112].

Есть основания думать, что осознание необходимости изменения парадигмы африканской политики пришло к Э. Макрону еще в 2017 г. во время его первого турне по странам Тропической Африки. Его визит в столицу Буркина-Фасо проходил на фоне демонстраций протеста. (Напомним, что в этой стране еще свежа память о преступлениях французских спецслужб и об убийстве легендарного президента этой страны Томаса Санкары [Филиппов 2013: 424—438].) У стен столичного университета, в котором выступал Э. Макрон, студенты скандировали: «Долой Французские войска из Буркина-Фасо, из Африки», «Нет французским базам в Буркина-Фасо и Африке»⁴⁴.

И в Кот-д'Ивуаре президента Франции ожидало еще одно показательное событие. В столичном аэропорту его не встретил президент этой страны Алаассан Уаттара, пришедший к власти благодаря активной поддержке Франции.

Первое африканское турне французского президента завершилось в Гане, бывшей колонии Британской империи. Чиновник из администрации Елисейского дворца объявил тогда, что «выбор Ганы иллюстрирует наш подход к Африке и наше желание создать связи с англоговорящей Африкой»⁴⁵.

⁴⁴ Macron publicly 'humiliates' Burkina Faso president as French leader's Africa trip goes wrong // Russia Today. 28.11.2017. URL: <https://on.rt.com/8tb9> (accessed: 09.07.2017).

⁴⁵ Au Ghana Macron s'adressé à nouveau à la jeunesse africaine // Capital. 30.11.2017. URL: <https://www.capital.fr/economie-politique/au-ghana-macron-sadresse-a-nouveau-a-la-jeunesse-africaine-1258517> (accessed: 01.10.2017).

Заметим, что визит Э. Макрона в эту страну также трудно назвать успешным. Событием стал не факт появления здесь главы Пятой республики, а слова президента Ганы Наны Акуфо-Аддо, адресованные его французскому коллеге. Отвечая на вопрос журналиста о «поддержке» Францией стран, не входивших в состав Французской империи, он заявил: «Мы не можем основывать политику в наших странах, в наших регионах, на нашем континенте на поддержке, которую хотел бы оказать нам Западный мир, Франция или ЕС». Нана Акуфо-Аддо призвал избавиться «от менталитета, который заставляет задаваться вопросом о том, что Франция может сделать для нас» и добавил: «Франция должна делать то, что она захочет делать для своей же пользы, если это совпадает с нашими интересами». Журналисты отметили, что эти слова «смутили Макрона, который не знал, в какой угол комнаты смотреть и был заметно взволнован»⁴⁶.

⁴⁶ Kouassi C. Macron au Ghana: le discours mémorable du président ghanéen sur l'autonomie africaine viral sur les

В африканских социальных сетях эту речь Н. Акуфо-Аддо расценили как экстраординарную. Блогеры восхищались мужеством ганского лидера и провозглашали его «новым рупором Африки», африканцем, который в силах покончить с неокOLONИализмом.

Отказ от неокOLONИализма и изменение модели африканской политики уже ничего не смогут изменить в соотношении сил Франции и Китая на Африканском континенте. Слишком несопоставимы сейчас политическое влияние, экономическая мощь и военное могущество этих стран в мире вообще и в Африке в частности, особенно если принимать во внимание актуальные отношения Пятой республики с США. При этом все более самостоятельная политика африканских стран, находившихся в зависимости от Елисейского дворца, обусловлена именно присутствием Поднебесной в Африке.

réseaux sociaux // AfricaNews. 06.12.2017. URL: <http://fr.africanews.com/2017/12/06/macron-au-ghana-le-discours-memorabile-du-president-ghanéen-sur-l-autonomie/> (accessed: 03.10.2018).

Поступила в редакцию / Received: 16.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 20.02.2020

Библиографический список

- Африка: современные стратегии экономического развития* / под ред. И.О. Абрамовой, Е.В. Морозенской. М.: Институт Африки РАН, 2016.
- Дегтерев Д.А. Китай — Африка: важные аспекты отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 5. С. 84—91.
- Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А., Черняев М.С. Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно-сопоставительный анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 4. С. 888—905. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905
- Дейч Т.Л. Политика Китая в странах Северной Африки и Средиземноморья // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2018. № 2 (43). С. 95—110. DOI: 10.31132/2412-5717-2018-43-2-95-110
- Иностранная помощь* / под ред. Л.М. Капицы. М.: МГИМО, 2013.
- Пономаренко Л.В., Соловьева Т.М. КНР — Африка: новые ориентиры взаимоотношений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2015. № 1. С. 32—42.
- Филиппов В.Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2. С. 402—415. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415
- Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. Институт Африки РАН. Москва, 2016.
- Филиппов В.Р. Африканская политика Э. Макрона: «мягкая сила» или сила оружия? // *Международные отношения*. 2018. № 2. С. 110—122. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.25868
- Филиппов В.Р. Буркина-Фасо: политический кризис 2011 года // *Международные отношения*. 2013. № 4. С. 424—438. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9721

- Фитуни Л.Л. Африка: ресурсные войны XXI века. М.: Институт Африки РАН, 2012.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 3—15.
- Amuhaya C., Degterev D. Foreign Aid as Foreign Policy Tool: Competition of Aid Allocation Projects to Kenya between Japan and China // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 12. С. 68—74. DOI: 10.31857/S032150750007660-8
- Basiru A. Extra-African Powers and the Crisis of Regionalism in Africa: Background to and Reflections on France's Engagement with Africa // *Africa Review*. 2016. Vol. 2. No. 8. P. 96—107. DOI: 10.1080/09744053.2016.1193941
- Blanchard J.-M., Flint C. The Geopolitics of China's Maritime Silk Road Initiative // *Geopolitics*. 2017. Vol. 22. No. 02. P. 223—245. DOI: 10.1080/14650045.2017.1291503
- Cheng G., Chen Lu, Degterev D.A., Zhao J. Implications of "One Belt, One Road" Strategy for China and Eurasia // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 1. С. 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
- Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset // *AidData*, 2017. Working Paper 46. URL: <https://www.aiddata.org/publications/aid-china-and-growth-evidence-from-a-new-global-development-finance-dataset> (accessed: 09.01.2020).
- Powell N.K. Battling Instability? The Recurring Logic of French Military Interventions in Africa // *African Security*. 2017. No. 10. P. 47—72. DOI: 10.1080/19392206.2016.1270141
- Sindzingre A. The Ambivalent Impact of Commodities: Structural Change or Status Quo in Sub-Saharan Africa? // *South African Journal of International Affairs*. 2013. No. 20. P. 23—55. DOI: 10.1080/10220461.2013.780327
- Wyss M. The Gendarme Stays in Africa: France's Military Role in Côte d'Ivoire // *African Conflict and Peacebuilding Review*. 2013. No. 3. P. 81—111. DOI: 10.2979/africonfpeacevi.3.1.81

References

- Abramova, I.O. & Morozenskaya, E.V. (Eds.). (2016). *Africa: Current Economic Development Strategies*. Moscow: Institut Afriki RAN publ. (In Russian).
- Amuhaya, C. & Degterev, D.A. (2019). Foreign Aid as Foreign Policy Tool: Competition of Aid Allocation Projects to Kenya between Japan and China. *Asia and Africa Today*, 12, 68—74. DOI: 10.31857/S032150750007660-8
- Basiru, A. (2016). Extra-African Powers and the Crisis of Regionalism in Africa: Background to and Reflections on France's Engagement with Africa. *Africa Review*, 2 (8), 96—107. DOI: 10.1080/09744053.2016.1193941
- Blanchard, J.-M. & Flint, C. (2017). The Geopolitics of China's Maritime Silk Road Initiative. *Geopolitics*, 22 (02), 223—245. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1291503>
- Cheng, G., Chen, Lu, Degterev, D.A. & Zhao, J. (2019). Implications of "One Belt, One Road" Strategy for China and Eurasia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (01), 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
- Degterev, D.A. (2005). China — Africa: Important Aspects of Relations. *World Economy and International Relations*, 5, 84—91. (In Russian).
- Degterev, D.A., Li, Yan, Trusova, A.A. & Chernyaev, M.S. (2018). Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (04), 888—905. (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905
- Deych, T.L. (2018). China' Policy in North African and Eastern Mediterranean Countries. *Journal of the Institute for African Studies*, 2 (43), 95—110. (In Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2018-43-2-95-110
- Dreher, A., Fuchs, A., Parks, B., Strange, A. & Tierney, M. (2017). *Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset*. AidData. Working Paper 46. URL: <https://www.aiddata.org/publications/aid-china-and-growth-evidence-from-a-new-global-development-finance-dataset> (accessed: 09.01.2020).
- Filippov, V.R. (2013). Burkina Faso: The Political Crisis of 2011. *International Relations*, 4, 424—438. (In Russian). DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9721
- Filippov, V.R. (2016). Франcafrique: the Shadow of the Champs Elysees over the Black Continent. Moscow: Institut Afriki RAN publ. (In Russian).
- Filippov, V.R. (2017). Франcafrique and Ethics in International Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 402—415. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415

- Filippov, V.R. (2018). E. Macron's African Politics: "Soft Power" or the Power of Weapons? *International Relations*, 2, 110—122. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.25868
- Fituni, L.L. & Abramova, I.O. (2012). Patterns of Formation and Change of Models of World Economic Development. *World Economy and International Relations*, 7, 3—15. (In Russian).
- Fituni, L.L. (2012). *Africa: 21st Century Resource Wars*. Moscow: Institut Afriki RAN publ. (In Russian).
- Kapitsa, L.M. (Eds.). (2013). *Foreign Aid*. Moscow: MGIMO publ. (In Russian).
- Ponomarenko, L.V. & Soloveva, T.M. (2015). China — Africa: New Directions of Cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (1), 32—42. (In Russian).
- Powell, N.K. (2017). Battling Instability? The Recurring Logic of French Military Interventions in Africa. *African Security*, 10, 47—72. DOI: 10.1080/19392206.2016.1270141
- Sindzingre, A. (2013). The Ambivalent Impact of Commodities: Structural Change or Status Quo in Sub-Saharan Africa? *South African Journal of International Affairs*, 20, 23—55. DOI: 10.1080/10220461.2013.780327
- Wyss, M. (2013). The Gendarme Stays in Africa: France's Military Role in Côte d'Ivoire. *African Conflict and Peacebuilding Review*, 3, 81—111. DOI: 10.2979/africonfpeacrevi.3.1.81

Сведения об авторе: Филиппов Василий Рудольфович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН (e-mail: fvrd@rambler.ru).

About the author: Philippov Vasily Rudolfovich — PhD, Dr. of Sc. (History), Leading Researcher, Centre of Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Science (e-mail: fvrd@rambler.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-97-114

Научная статья

Локальная гегемония: китайские СЭЗ в Маврикии и Замбии

А.Д. Несмашный, Ю.А. Никитина

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Специальные экономические зоны (СЭЗ) Китая в Африке, тесно связанные с проектом «Один пояс, один путь», представляют собой слабо изученный феномен в международных отношениях. Авторы исходят из того, что традиционные для тематики СЭЗ направления исследований не учитывают специфики данного типа экономических зон, создаваемых на территории страны зарубежным государством (иностранных СЭЗ). Зачастую такие зоны возникают на территориях с ограниченной государственностью. Концепция территориальности, через призму которой некоторые исследователи рассматривают иностранные СЭЗ, на настоящий момент не в полной мере учитывает особенности этого феномена, что препятствует проведению глубокого анализа.

Цель настоящего исследования заключается в представлении нового теоретического осмысления иностранных СЭЗ и разработке соответствующего понятийно-концептуального аппарата. Предлагается обратиться к концепции гегемонии, основанной на обширной теоретической базе как китайских, так и западных исследователей, включая теорию гегемонистической стабильности, трихотомию власти Я. Сюэтуна и работы, в которых нашли отражение идеи А. Грамши. В развитие данных подходов авторами предлагается концепция «локальной гегемонии».

На основе эмпирического материала о СЭЗ, созданных Китаем в Маврикии и Замбии, проводится сравнительное исследование для выявления факторов успеха таких зон и изучения эффекта перетекания, который способствует развитию африканских стран. Отмечается высокий уровень развития институтов в Маврикии и сравнительно низкий — в Замбии. Подчеркивается роль месторождений меди в успешном функционировании СЭЗ в Замбии. В результате сравнения указываются причины неэффективности СЭЗ в Маврикии. Авторами делается вывод об эффективной применимости концепции локальной гегемонии к иностранным СЭЗ, выдвигается гипотеза об устойчивости таких зон и их эффективности с точки зрения развития государства, в котором они располагаются.

Ключевые слова: экономическая деятельность Китая в Африке, особые экономические зоны (ОЭЗ), СЭЗ, гегемония, экономическое сотрудничество, территории с ограниченной государственностью, международные режимы, новая схватка за Африку

Для цитирования: Несмашный А.Д., Никитина Ю.А. Локальная гегемония: китайские СЭЗ в Маврикии и Замбии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 97—114. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-97-114

Research article

Local Hegemony: China's Special Economic Zones in Mauritius and Zambia

A.D. Nesmashnyi, Y.A. Nikitina

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Chinese Special Economic Zones (SEZs) in Africa are part of the Belt and Road Initiative. They account for a fledgling research area in International Relations, with not much research on the topic. The authors regard traditional

© Несмашный А.Д., Никитина Ю.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

approaches in research of SEZs as incapable of grasping the difference between domestic (designed by the state on its own territory) and foreign (designed by a foreign state) SEZs. The concept of territoriality, though applicable only to foreign SEZs, has little to offer in terms of generating new knowledge.

The research paper endeavours to offer new theoretical and conceptual frameworks for the study of foreign SEZs. The research is based on concepts of hegemony by different schools of thought, including Hegemonic Stability Theory, the three types of hegemony by Yan Xuetong and Neo-Gramscianism. The authors introduce the concept of “local hegemony”. The authors also highlight the fact that most foreign SEZs emerge in territories of limited statehood (or create them).

In order to prove vitality of the concept, comparative research of China’s SEZs in Mauritius and Zambia is conducted. The authors point out relatively poor institutional development of Zambia and the existence of stable democratic institutions in Mauritius. The success of the Chinese SEZ in Zambia is also partially attributed to copper mining. Deriving from economic and institutional empirical data the authors try to detect success conditions of SEZs and analyze the related spillover effects that contribute to the development of African nations. The reasons behind the failure of the Chinese SEZ in Mauritius are traced. Authors conclude that the concept of local hegemony is suitable for studying foreign SEZs and suggest that zones of local hegemony could be sustainable and effective in terms of development.

Key words: Chinese economic activity in Africa, SEZ, Special Economic Zones, hegemony, economic cooperation, territories of limited statehood, regime theory, new scramble for Africa

For citation: Nesmashnyi, A.D. & Nikitina, Y.A. (2020). Local Hegemony: China’s Special Economic Zones in Mauritius and Zambia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 97—114. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-1-97-114

Введение

Многомодальный по своей сути китайский проект «Один пояс, один путь» (*кит. упр.*: 一带一路, *пиньинь*: yīdài yīlù) стал ответом коммунистического руководства на замедление темпов экономического роста КНР¹, которое говорит об исчерпании потенциала нынешней экономической модели страны [Гринин 2012]. Китай уже открылся для мира, активно выводя капитал на внешние рынки (уже в 2010 г. КНР занимала 5-е место в мире по прямым зарубежным инвестициям)². После объявленной в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь» китайские проекты вышли как на новый количественный (совокупные зарубежные инвестиции составили 566 млрд долл. США за 2008–2012 гг., 1076 млрд долл. США за 2013–2017 гг.³), так и на новый качественный уровень.

¹ Рост ВВП Китая замедлился до минимума за 27 лет // РБК. 15.07.2019. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d2c0e729a794760cc6089a0> (дата обращения: 12.10.2019).

² China Go Abroad (7th Issue) // EY. April 2018. URL: <https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-china-overseas-investment-report-issue-7-en/%24FILE/ey-china-overseas-investment-report-issue-7-en.pdf> (accessed: 12.10.2019).

³ China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. 2019. URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed: 16.02.2019).

При этом КНР выходит на мировую арену не только с финансовыми ресурсами, но и с немаловажной в современном мире толерантностью к любого рода относительно устойчивым политическим режимам. Поскольку Китаю удалось выйти из группы догоняющих стран, он обладает уникальным опытом в экономической сфере, которым готов делиться. Механизмы, успешно работавшие в Шэньчжэне⁴ (специальные экономические зоны — СЭЗ), при перенесении, к примеру, на территорию Маврикия преследуют цели экономического развития местной экономики через привлечение иностранных инвестиций. Однако при этом они также предусматривают внешнее управление (со стороны КНР).

В обмен на помощь в развитии Китай стремится получить контроль и за счет него обеспечить конкурентные преимущества для своих компаний на быстрорастущих рынках, а также создать удобные логистические возможности, позволяющие организовать торговлю с соседними государствами. Рассматривая созданные в странах Африки китайские специальные экономические зоны, сохраняющие формальную открытость для инвесторов из любых стран, но преимущественно за-

⁴ Шэньчжэнь — одна из первых СЭЗ на территории КНР, средние темпы роста которой составили 37,14 % в 1980—2012 гг. [Тер-Акопов 2013].

действовавших именно компаниями из КНР, авторы статьи задаются вопросом, каким образом Китаю удастся или, в иных случаях, не удастся конвертировать свой потенциал [Арутюнова, Кирова, Попова 2014] в политэкономические выгоды.

Китайские СЭЗ в Африке изначально создавались в рамках политики предыдущего поколения — «Стратегии выхода» (*кит. упр: 走出去战略, пиньинь: zǒuchūqù zhànlüè*) [Dannenberg, Yejo, Schiller 2013], но отлично вписались в философию «Одного пояса, одного пути» и стали одним из основных элементов этой стратегии на Африканском континенте [Demissie 2017]. Начиная с 2007 г. китайские СЭЗ создавались в Замбии, Египте, Нигерии, Эфиопии, Джибути и на Маврикии. И если для Египта подобный проект является скорее уже привычным типом взаимодействия (отчасти такой аргумент применим и для рассматриваемого ниже Маврикия), для стран Африки южнее Сахары китайские СЭЗ представляют собой скорее новую форму сотрудничества, что позволяет актерам из Китая устанавливать свои правила игры.

Теоретическое осмысление СЭЗ

Специальные экономические зоны (иногда, в частности, в российской нормативной практике — особые экономические зоны (ОЭЗ)⁵) не являются новым феноменом, однако до сих пор в международных отношениях рассматриваются в рамках очень широких подходов. Данные зоны становятся местом взаимодействия различных субъектов мировой политики, важнейшими из которых являются государство и ТНК. СЭЗ, в которых доминирует государство, на территории которого и функционирует экономическая зона (назовем их «домашние СЭЗ» в противовес «иностранным СЭЗ»), не представляют интереса с точки зрения мировой политики. Напротив, иностранные СЭЗ⁶, функционирующие

в основном на территориях с ограниченной государственностью (иногда даже создавая их)⁷, являются новым, слабо исследованным феноменом.

Литература по иностранным СЭЗ немногочисленна и ориентируется только на анализ кейсов. Не проводя различий между двумя видами СЭЗ (домашними и иностранными), можно выделить три основных подхода к ним.

Первый подход близок к экономической географии и связан с проблематикой развития: изучаются вопросы эффективности СЭЗ и их влияния на экономическое и социальное развитие регионов и стран. В этой области представлены работы китайских [Zeng 2011; Wei 2000], индийских [Aggarwal 2012; Tantri 2013], российских [Zverev 2015; Maslikhina 2016; Корнейко, Пестерева 2016], западных [Sigler 2014; Sosnovskikh 2017] и других исследователей из незападных государств [Peña, Cruz, Moreno 2017; Pidorycheva 2017; Pastusiak, Bolek, Jasiniak, Keller 2018].

Второй подход предлагает иную перспективу — СЭЗ рассматриваются с точки зрения государственного управления. Поднимаются вопросы эффективности администрирования СЭЗ [Khan, Anwar 2017; Liuhto 2009], выделения земли под нужды СЭЗ [Ramachandraiah, Venkateswarlu 2011], режимов налогообложения. Значительная часть работ написана в контексте индустриальной политики [Galiullina, Sharamko, Andreeva 2018], государственного регулирования экономики [Oda 1984; Wang, Li 2013; Bakakin 2016].

созданные под влиянием ПИИ и программ содействия развитию) в классификации UNCTAD (см.: Special Economic Zones. Chapter IV. // UNCTAD World Investment Report 2019. 2019. P. 137. URL: https://unctad.org/en/PublicationChapters/WIR2019_CN4.pdf (accessed: 12.10.2019), одновременно большинство таких зон являются экспортно-производственными [Костюнина 2015: 61—62].

⁷ Под территориями с ограниченной государственностью понимаются субгосударственные территориальные единицы, в которых государство не обладает всей полнотой власти. Данная концепция представляет собой развитие понятия «несостоявшееся государство», однако более нейтральна, предполагая наличие подобных территорий как в странах Глобального Юга, так и в странах Глобального Севера (например, гетто в пригородах крупных городов) [Харкевич 2014].

⁵ Об особых экономических зонах: ФЗ от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 18.07.2017). СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (дата обращения: 12.10.2019).

⁶ Следует указать на то, что иностранным СЭЗ будут соответствовать OFDI/ODA-driven zones (зоны,

Третий подход наиболее близок к политической географии и заключается в рассмотрении СЭЗ через призму территориальности и пространственных практик. Территориальность может быть определена как наличие у организованной группы лиц претензий на власть над определенной территорией⁸. Данная тематика в настоящее время активно развивается в социальных науках в рамках исследований политических институтов, а также критической геополитики [Loewen, Raagmaa 2018; Окунев 2018].

В теории международных отношений наиболее весомой работой по территориальности является статья Дж. Рагги «Территориальность и прочее: проблематизируя модерн в международных отношениях», опубликованная в 1993 г. в журнале «International Organization» [Ruggie 1993]. Со статусом СЭЗ несколько перекликается описываемый Дж. Рагги статус дипломатических представительств [Ruggie 1993]. Работы в этой области предлагают не универсальные теории, а лишь анализ конкретных случаев [Arnold 2012; Doucette, Lee 2015; Shvetsov 2017; Brown 2019]. Впрочем, этот подход применим и к изучению иностранных СЭЗ.

Некоторые работы рассматривают правовые аспекты функционирования СЭЗ⁹. Наконец, отдельные работы, близкие к критическому подходу, рассматривают вопросы гендерного равенства [Pun 2004], соблюдения прав человека¹⁰.

⁸ Storey D. Territory and Territoriality // Oxford Bibliographies. 2017. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0076.xml;jsessionid=5646030E8298DDADC90ABB005C85D59E> (accessed: 26.05.2019).

⁹ Creskoff S., Walkenhorst P. Achieving WTO compliance for special economic zones in developing countries // Washington, DC: World Bank PREM Notes: Trade. N 134, 2009. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/11122/483790BRI0prem10Box338903B01PUBLIC1.pdf> (accessed: 12.10.2019). См. также: [Zhang, Booth 2001].

¹⁰ Bain S. Special Economic Zones in Myanmar and the State Duty to Protect Human Rights. Geneva: International Commission of Jurists, 2017. URL: https://themimu.info/sites/themimu.info/files/documents/Executive_Summary_Myanmar-SEZ_Assessment-ICJ-Feb2017.pdf (accessed: 12.10.2019).

Литература, которая фокусируется на китайских СЭЗ в Африке, имея свои особенности, в основном вписывается в указанные подходы [Davies 2008; Bräutigam, Farole, Xiaoyang 2010; Bräutigam, Tang 2014; Scott 2013; Zeng 2015; Meng 2017], несмотря на совершенно другой статус этих зон. Например, статья Д. Брэutigама и Тан Сяояна в журнале «International Affairs» фокусируется на анализе СЭЗ через призму внешней политики Китая, его «мягкой силы» и энергетической безопасности [Bräutigam, Xiaoyang 2012]. Помимо рассмотрения в рамках исследований внешней политики Китая [Nicolas 2017] китайские СЭЗ в Африке были также затронуты в исследованиях по глобализации [Dannenberg, Yejoo, Schiller 2013].

Наличие политической проблематики китайских иностранных СЭЗ указывает на недостаточность подходов развития и госуправления для раскрытия этой тематики. Территориальность представляется недостаточно подходящей концепцией: за 20 лет с момента формулирования концепции Дж. Рагги в ее рамках не было разработано подходов, которые бы позволили исследовать СЭЗ. Поэтому предлагается обратиться к концепции гегемонии, которая успешно применяется для анализа глобальных и региональных международных систем в рамках теории гегемонистической стабильности [Gilpin 1981; Kindleberger 1981; Webb, Krasner 1989; Keohane 1984; Snidal 1985] и исследований в традиции Антонио Грамши [Cox 1981; 1983; Gramsci, Historical Materialism... 1993; Ариги 2006]. Китайские СЭЗ за рубежом представляют собой случаи гегемонии на локальном уровне.

Условия локальной гегемонии Китая

Для государств, которые наиболее зависимы от внешних инвестиций ввиду малого размера экономики, технологического отставания и своей репутации как коррумпированных недемократических плутократий (например, Замбия — 77-е место и статус «гибридного режима» в рейтинге The Economist за

2016 г.¹¹, 87-е место в рейтинге восприятия коррупции за 2016 г.¹², 98-е место в рейтинге Doing Business — 2016¹³), практически невозможен отказ от китайских инвестиций. Так, китайские инвестиции в Египет в 2016 г. составили около 2 млрд долл. США, или 0,6 % ВВП страны, а в Замбию — уже 3,5 млрд долл. США, или 16,6 % ВВП страны¹⁴. Данная ситуация ставит их в зависимость от Китая и заставляет принимать его условия. Благодаря этому Пекин получает возможность устанавливать свои собственные правила функционирования СЭЗ, которые имеют сходство с колониальными механизмами.

Тем не менее, обладая формальным суверенитетом и определенной свободой действий (отказ от инвестиций — тем более частичный — хоть и несет значительные издержки, почти во всех случаях не влечет за собой фатальных последствий), африканские государства отличаются от традиционных колоний. Складывается ситуация неполного подчинения Китаю, но его гегемонии, причем территориально ограниченной площадью специальных экономических зон. Для описания этого явления в статье вводится термин *локальная гегемония*. Территория, на которую она будет распространяться, называется *локусом*, а актор, который пользуется соответствующим положением, — *локальным гегемоном*.

Теоретическое осмысление гегемонии Китая

Концепция «гегемонии» на мировом уровне стала в последнее время достаточно

¹¹ Democracy Index 2016 // The Economist. 2016. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2016 (accessed: 02.03.2019).

¹² Corruption Perceptions Index 2016 // Transparency International. 2016. URL: https://www.transparency.org/whatwedo/publication/corruption_perceptions_index_2016 (accessed: 02.03.2019).

¹³ Doing Business 2016 Measuring Regulatory Quality and Efficiency // World Bank Doing Business. 2016. URL: <http://russian.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB16-Full-Report.pdf> (accessed: 02.03.2019).

¹⁴ China Global Investment. GDP data // World Bank. 2019. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=EG-ZM> (accessed: 22.02.2019).

употребляемой в научном дискурсе по отношению к Китаю. Многими западными авторами Китай воспринимается как держава, бросающая вызов американской гегемонии [Layne 2008; 2018; Allan, Vucetic, Hopf 2018; Kim 2019], причем особо выделяется Африканский континент как сфера наиболее острого противостояния между США как текущим мировым гегемоном и Китаем как претендующим на гегемонию [Campbell 2008]. Даже китайские авторы поднимают вопрос китайского вызова американской гегемонии, присоединяясь к этому дискурсу [Xuetong 2006; Starrs 2018].

Отдельно хотелось бы обратить внимание на понимание гегемонии директором международного исследовательского института Университета Цинхуа Янь Сюэтуном. Опираясь на трихотомию власти в традиции древнекитайской философии, которая восходит к Сунь Цзы [Андерсон 2018: 215–216], Янь Сюэтун выделяет три типа гегемонии в ее западном понимании: «тирания», собственно «гегемония» и «гуманная власть» (*humane authority*). В его понимании в настоящее время США являются гегемоном, а Китаю в будущем необходимо осуществлять именно «гуманную власть». Принимая во внимание явную нормативность последнего понятия, в данной работе целесообразно объединить «гегемонию» и «гуманную власть» в одно понятие гегемонии, двумя видами которой являются принудительная и благожелательная гегемония (по аналогии с классификацией, которую в своей работе использовал Д. Снидал [Snidal 1985]). При этом на практике возможно сочетание обоих видов одним актором в системе.

Другая китайская концепция, хорошо знакомая русскоязычному читателю, — Поднебесная (*кит. упр. 天下, пиньинь: tiānxià*) — также заняла значительное место в современных китайских исследованиях по тематике международных отношений. Однако в их понимании концепция Поднебесной связана с «мандатом небес» (*кит. упр. 天命, пиньинь: tiānmìng*) и не так уже далека от концепции гегемонии, принятой в западном мире

[Callahan 2008]. Это вновь подтверждает уместность термина для описания активности Китая.

Новизна используемого в данной статье подхода состоит в переносе концепции гегемонии на локальный уровень. В отличие от региональной и глобальной гегемонии в данной статье идет речь лишь о гегемонии на ограниченной территории.

Гегемония, несмотря на частое некорректное использование термина, не является абсолютным «владычеством» (термин является наиболее удачным переводом противопоставлявшегося гегемонии древнегреческого «*arkhē*» [Андерсон 2018: 10–11]), но гораздо ближе к понятию «лидерство», которое, впрочем, также не в полной мере отражает весь инструментарий ведущего субъекта в системе. Следует отличать владычество, когда ни один другой субъект или ряд субъектов в системе не может действовать вразрез с интересами владыки, и гегемонию, при которой такое развитие событий возможно. Гегемон является самым сильным актором в системе и до определенной степени способен навязывать свою волю посредством принуждения и благожелательных действий. Ключевым понятием, необходимым для различения владычества, гегемонии и равновесия, является развитие конкуренции: чем больше власть крупнейшего субъекта, тем слабее конкуренция в системе.

Локальная гегемония: концептуальный аппарат

Необходимым условием возникновения и успешного функционирования режима локальной гегемонии является определенный уровень конкуренции. В случае ее отсутствия экстрактивные институты могут принимать наихудшие свои формы. Наличие же конкуренции вынуждает локального гегемона не только эксплуатировать ресурсы, но и обращать внимание на инвестиции в человеческий капитал, проявлять социальную ответственность, что несет для локуса, а в некоторых случаях (за счет эффекта перетекания¹⁵) и для

¹⁵ Эффект перетекания (также «эффект перелива», англ. *spillover effect*) — понятие из неофункционализма,

окрестных территорий положительные экстерналии (внешние эффекты), среди которых могут быть улучшение условий охраны труда, снижение социальной напряженности из-за повышения уровня занятости, снижение уровня заболеваемости из-за проводимой вакцинации сотрудников и членов их семей, улучшение качества образования населения и др.

Таким образом, режим локальной гегемонии относится к тому промежутку, когда, с одной стороны, конкуренция существует и ограничивает действия наиболее сильного актора, а с другой — его возможностей достаточно для установления правил игры и извлечения выгод из своего положения.

В свою очередь, конкуренция возможна не только между акторами одного уровня, но и между акторами разных уровней. Так, в случае СЭЗ нельзя не принимать во внимание локального актора — государство, на территории которого и предполагается соответствующая деятельность. Отдельно имеет смысл рассматривать региональных и глобальных акторов, причем издержки первых на создание и поддержание режима локальной гегемонии ниже по целому ряду причин (помимо применимости такого классического понятия, как градиент силы [Boulding 1963: 245—247], причину можно объяснить культурной близостью и схожестью институтов).

Локальная гегемония: китайская практика

Переходя от теории к практике, следует заметить, что в рассматриваемых случаях ключевую роль в формировании режима локальной гегемонии играют, как будет показано ниже, китайские компании с госучастием (англ. *SOE, State-owned enterprise*). Помимо основных экономических целей (открытие рынков, доступ к ресурсам, содействие модернизации) китайское правительство, исходя из своей общей стратегии на континенте [Дейч 2018], ставит перед ними имиджевые

связанное с распространением эффектов успешного сотрудничества за пределы областей сотрудничества [Панченко 2009].

цели, связанные с социальной ответственностью, защитой окружающей среды, трудовыми правами. Для контроля за соблюдением этих пунктов используются партийные ячейки в госкомпаниях [Haglund 2009]. Подобные формы надзора не могут заменить общественный контроль и открытость, характерные для некоторых компаний в западных государствах, однако заставляют данные предприятия как минимум создавать видимость соблюдения соответствующих норм и реализации программ развития.

Специальная экономическая зона Китая в Замбии

Замбия богата минеральными ресурсами, в частности, страна обладает 56 % африканских запасов меди и 6 % — палладия [Корендясов 2012]. Около 84 % экспортной корзины составляют именно полезные ископаемые¹⁶. Замбия давно была одним из ключевых партнеров Китая в регионе, который входил в число основных импортеров меди из этой страны¹⁷. Данное обстоятельство послужило отправной точкой для перехода отношений между двумя странами на новый качественный уровень.

Помимо Китая в регионе действуют и другие инвесторы. В частности, за 2 года до КНР, в 2005 г. помощь в создании СЭЗ в Замбии (в данном случае в литературе применяется термин «*многоцелевая экономическая зона*» — *Multi-Facility Economic Zone*, MFEZ) оказала Япония [Jegathesan, Ono 2013]. Следует, однако, отметить, что такая форма технической помощи не предполагает возникновения локальной гегемонии. Япония, предлагая техническое содействие, не предоставляла достаточный объем инвестиций. Японские прямые зарубежные инвестиции во все

страны Африки в 2007 г. составили 1,1 млрд долл. США¹⁸, что намного меньше китайских инвестиций в одну только СЭЗ в Замбии за несколько лет. Таким образом, локальным актором является правительство Замбии, а глобальными — Китай, Япония, Индия [Haglund 2009] и др. Региональные же акторы, такие как Маврикий, не были для них конкурентами в 2007 г. Однако по состоянию на 2019 г. Маврикий участвует в организации СЭЗ в других странах на Африканском континенте (Кот-д'Ивуар, Гана, Мадагаскар и Сенегал)¹⁹.

Первые предложения об учреждении специальной зоны прозвучали еще в 2004 г. от работающей в Замбии специализирующейся на добычи меди китайской SOE CNMCL (China Non-ferrous Metal Corporation Limited). СЭЗ была открыта в феврале 2007 г., уже после внедрения соответствующего законодательства, став первой среди китайских СЭЗ на континенте [Zeng 2016]. Примечательно, что CNMCL вела переговоры при поддержке Китайского министерства коммерции (по сути, именно представители китайского правительства вели основные переговоры) [Haglund 2009].

Положения Акта о развитии Замбии (2006 г.) и Соглашения по ZCCZ (Zambia — China Economic & Trade Cooperation Zone), по информации ряда исследователей, предусматривают: 1) аренду земли в Восточной Лусаке на 76 лет и в Чамбиши — на 80 лет по низкой стоимости; 2) льготный налоговый режим (0 % первые 5 лет, 50 % базовой налоговой ставки на 6—8-й год, 75 % ставки — на 9—10-й год); 3) нулевые ввозные пошлины для сырья и станков на 5 лет; 4) 0 % ставка НДС на импорт; 5) обязательства CNMCL обеспечить необходимую инфраструктуру; 6) обязанность инвесторов по регистрации

¹⁶ Zambia: Country Profile // The Observatory of Economic Complexity. 2017. URL: <https://oec.world/en/profile/country/zmb/> (accessed: 12.10.2019).

¹⁷ Alves A.C. The Zambia — China Cooperation Zone at a Crossroads: What Now? // SAIIA China in Africa Project. Policy Briefing. 2011. No. 41. URL: <https://www.africaportal.org/publications/the-zambiachina-cooperation-zone-at-a-crossroads-what-now/> (accessed: 12.10.2019).

¹⁸ Japan's Outward FDI by Country and Region (Balance of Payments basis, net and flow) // Japan External Trade Organization. 2019. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/statistics/data/country1_e_18cy.xls (accessed: 12.10.2019).

¹⁹ Special Economic Zones. Chapter IV // UNCTAD World Investment Report 2019. 2019. P. 157. URL: https://unctad.org/en/PublicationChapters/WIR2019_CH4.pdf (accessed: 12.10.2019).

компаний; 7) открытость СЭЗ для всех инвесторов²⁰.

Что касается последнего пункта, есть основания считать, что Китай имеет своего рода право вето на инвестиции, особенно в горнодобывающем секторе [Carmody, Hampwaye, Sakala 2012], что снижает уровень конкуренции и тем самым экономическую эффективность СЭЗ.

Зона в Восточной Лусаке площадью 5,7 км² находится в непосредственной близости к международному аэропорту, а зона в Чамбиши площадью 11,58 км² располагается на территории, богатой медными рудами.

Таким образом, CNMCL получила в долгосрочную аренду два участка земли, однако некоторые положения (в частности необходимость регистрации) соглашений привели к тому, что зона неполностью автономна от регулирования со стороны Замбии.

В настоящий момент можно говорить об успехе первой такого рода зоны в Африке [Zan 2013; Huang, Zhang 2019]. На 2019 г. объем привлеченных инвестиций достиг 2,2 млрд долл. США, было создано 9 067 рабочих мест для населения Замбии²¹.

Создание СЭЗ способствует экономическому развитию Замбии благодаря улучшению макроэкономических показателей и эффектам перетекания из СЭЗ в экономику Замбии, которые связаны с развитием экономики и человеческого капитала. В частности, можно отметить развитие предприятий за пределами СЭЗ в результате поставок товаров и услуг в ZCCZ от местных поставщиков (объем поставок на 2016 г. составил 26,7 млн долл. США и затронул 152 компании)²².

²⁰ Alves A.C. The Zambia — China Cooperation Zone at a Crossroads: What Now? // SAIIA China in Africa Project. Policy Briefing. 2011. No. 41. URL: <https://www.africaportal.org/publications/the-zambiachina-cooperation-zone-at-a-crossroads-what-now/> (accessed: 12.10.2019).

²¹ Republic of Zambia report of the Committee on national economy, trade and labour matters for the third session of the Twelfth National Assembly // National Assembly of Zambia. 2019. URL: http://www.parliament.gov.zm/sites/default/files/documents/committee_reports/National%20Economy%20Final%20Report%202019.pdf (accessed: 12.10.2019).

²² China Nonferrous Metal Corporation Limited. 2016 Annual report // China Nonferrous Metal Corporation Limited. 2016. P. 73. URL: <http://www.cnmc.net/Managed/>

Кроме того, растет уровень образования местного населения благодаря обмену опытом в результате общения местных работников с китайцами, а также специальным программам²³.

Также в контексте образования нельзя не отметить деятельность Института Конфуция, который является широко применяемым инструментом китайской «мягкой силы»²⁴. Трудовые практики в локусе также способствуют улучшению положения трудящихся [Sautman, Yan 2012] за счет увеличения конкуренции за рабочую силу. Отдельно стоит упомянуть создание современного медицинского учреждения для сотрудников и членов их семей²⁵. Вместе с тем существуют и некоторые проблемы: так, обмен опытом ограничен из-за языковых барьеров, отсутствуют программы обучения местных рабочих в Китае [Haglund 2009].

Специальная экономическая зона Китая на Маврикии

Маврикий является дееспособным государством с развитыми институтами, занимая 150-е из 178 мест (178-е место является лучшим показателем) в рейтинге государственной недееспособности²⁶. Режим локальной гегемонии там, как будет показано ниже, не был установлен. Отчасти это связано именно с низкими дополнительными выгодами от установления режима и развития инфраструктуры, которые не привлекли на территорию достаточно инвесторов.

Маврикий представляет собой остров на юге акватории Индийского океана, заселенный в основном индо-маврикийцами, исповедую-

[Resources/docs/reports/e2016annual.pdf](https://www.africaportal.org/resources/docs/reports/e2016annual.pdf) (accessed: 09.05.2019).

²³ Ibid. P. 81.

²⁴ Ibid. P. 89.

²⁵ Rediscovering Africa ep19: Zambia — China Cooperation Zone boosts local growth // China Global Television Network on YouTube. 26.11.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=988PI9ck9dM> (accessed: 09.05.2019).

²⁶ Country Dashboard: Mauritius // Fragile States Index (2006—2019). URL: https://public.tableau.com/shared/B5F7QBFPT?:display_count=y&:origin=viz_share_link&:embed=y&:showVizHome=no (accessed: 12.10.2019).

щими преимущественно индуизм [Eisenlohr 2002], однако присутствует на Маврикии и китайское меньшинство (3 %) ²⁷. Находясь на морском пути из Азии в Африку, архипелаг является значимым с военно-стратегической и логистической точек зрения.

Свои базы в западной части Индийского океана имеют США, Великобритания и Франция ²⁸, которые заинтересованы в недопущении усиления влияния Китая в регионе. Маврикий является демократией ²⁹, которая обладает суверенитетом и контролем над своей территорией (кроме архипелага Чагос, который занимают Великобритания и США). Страна поддерживает особые отношения с Индией ³⁰. Наконец, следует отметить, что в особых экономических зонах острова действует большое количество частных иностранных предприятий, которые генерировали в 2006 г. 43 % экспорта страны [Baissak 2015: 236]. Таким образом, конкуренция на Маврикии достаточно развита, что может служить ограничением власти гегемона. К акторам, имеющим значительные интересы на острове, относятся: на локальном уровне — правительство Маврикия, на региональном — Индия, на глобальном — Китай, США, Франция, Великобритания.

Китай, помимо уже перечисленных обших для Африки целей, руководствуется возможным участием Маврикия в проекте «Один пояс, один путь» ³¹. Необходимо подчеркнуть,

что Маврикий имеет низкобарьерный доступ на рынки Евросоюза, Сообщества развития Юга Африки и Общий рынок Восточной и Южной Африки ³², что делает это островное государство удобным плацдармом для обхода торговых барьеров при экспорте китайских товаров и услуг.

«Tianli Spinning Co. Ltd», китайская компания с госучастием со штаб-квартирой в китайской провинции Шаньси, занималась на острове бизнесом с 2001 г. и в 2006 г. стала инициатором создания СЭЗ на Маврикии, найдя отклик со стороны местных официальных лиц ³³. В качестве территории было предложено 211 гектаров (2,1 км²) в пригороде Порт-Луи, столицы государства. Данный участок земли имеет выгодное расположение, не является изолированным от основной территории острова, что не должно создать проблем ввиду того, что уровень преступности на острове невелик.

Соглашение о «Tianli Project», подписанное между «Tianli» (при поддержке Министерства коммерции Китая) и правительством Маврикия в марте 2007 г., предположительно предусматривало: 1) аренду земельного участка на 99 лет по низкой цене (3 долл. США /гектар в год с последующим увеличением); 2) на территории сохранялся 15 %-ный налог на прибыль корпораций (базовые условия для инвесторов на Маврикии); 3) статус свободного порта — освобождение от необходимости прохождения таможи при импорте сырья; 4) предоставление паспортов Маврикия крупным инвесторам; 5) Маврикий обязался обеспечить всю необходимую инфраструктуру (дороги, водо- и электроснабжение) ³⁴. Позже зона получила название «JinFei».

²⁷ Alves A.C. Chinese Economic and Trade Cooperation Zones in Africa: The Case of Mauritius // SAIPA China in Africa Project. Occasional paper. 2011. No. 74. URL: https://www.africaportal.org/documents/2776/saia_sop_74_alves_20110131.pdf (accessed: 12.10.2019).

²⁸ Бокарев Д. Индия, Китай и США: ситуация вокруг Маврикия // Новое Восточное Обозрение. 23.10.2017. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/10/23/indiya-kitaj-i-ssha-situatsiya-vokrug-mavrikiya/> (дата обращения: 01.05.2019).

²⁹ Democracy Index 2016 // The Economist. 2016. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2016 (accessed: 02.03.2019).

³⁰ Sinha N. India — Mauritius: An Umbilical Relation // Vivekananda International Foundation. 24.05.2017. URL: <http://www.vifindia.org/article/2017/may/24/india-mauritius-an-umbilical-relation> (accessed: 28.10.2019).

³¹ Wang Yi. Meets with Minister of Foreign Affairs, Regional Integration and International Trade Vishnu Lutchmeenaraidoo of Mauritius // The Commissioner's

Office of China's Foreign Ministry in the Hong Kong S.A.R. 05.08.2018. URL: <http://www.fmco.org.hk/eng/Topics/gjtz/t1463480.htm> (accessed: 01.05.2019).

³² Alves A.C. Chinese Economic and Trade Cooperation Zones in Africa: The Case of Mauritius. URL: https://www.africaportal.org/documents/2776/saia_sop_74_alves_20110131.pdf (accessed: 12.10.2019).

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

Первоначально Маврикий настоял на том, что доступ в СЭЗ будут иметь только китайские инвесторы (исходя из наличия других СЭЗ на острове). Однако уже в 2009 г., очевидно на фоне отсутствия каких-либо прорывов, проект был открыт для не китайских инвестиций, а в 2012 г. — для местных компаний с иностранным руководством [Cowaloosur 2015: 197]. При этом Министерство коммерции Китая считает желательным для всех таких зон присутствие китайских компаний на уровне не менее 70–80 % [Bräutigam, Xiaoyang 2011].

В результате проект СЭЗ обернулся провалом, не принеся Маврикию обещанные 750 млн долл. США инвестиций [Cowaloosur 2015: 196] и не позволив Китаю реализовать свои задачи. В то время как «Tianli» освоила выделенные средства, что означает своего рода успех для менеджмента компании, неудача проекта СЭЗ обернулась издержками именно для Китая.

Причины такого провала следует, прежде всего, искать в экономике, однако косвенно они связаны и с развитой системой государственных институтов, в отличие от проблемной государственности в Замбии (40-е место в рейтинге *Fragile State Index 2019*³⁵). Маврикий и до создания китайской СЭЗ удовлетворял требованиям инвесторов. Выгоды от избегания рисков, как в случае ZCCZ [Qiao 2014], были минимальны. Хотя Китаю удалось получить условия, сравнимые с режимом локальной гегемонии, а Маврикий практически не вмешивался в управление локусом (несмотря на недовольство части слоев населения) [Cowaloosur 2015: 182], созданная в локусе инфраструктура и институты не давали компаниям, которые там бы расположились, уровень прибыли, существенно превышавший альтернативные возможности других экономических зон.

Другой причиной неудачи можно назвать действия Китая, который проявил себя достаточно пассивно. Локальный гегемон не сформулировал четко своих целей и задач,

³⁵ Country Dashboard: Mauritius // *Fragile States Index (2006–2019)*. URL: https://public.tableau.com/shared/2Z83D9KS9?:display_count=y&:origin=viz_share_link&:embed=y&:showVizHome=no (accessed: 12.10.2019).

отдав все на откуп «Tianli». Будучи инструментом его политики, «Tianli», тем не менее, преследовала не политические, а собственные экономические интересы максимизации прибыли. Например, компания получала щедрые субсидии от китайского правительства за сообщения об успехах. В случае, если Китай действовал бы напрямую, отсутствие экономических выгод не остановило бы развитие локуса из политических соображений.

Кроме того, хотя можно с уверенностью сказать, что режим имеет признаки локальной гегемонии, в ходе переговорного процесса Маврикий смог добиться распространения на СЭЗ налоговой ставки 15 %, чего не могло бы произойти, не обладай он достаточно развитым суверенитетом, который не позволяет создавать территории, «выпадающие» из-под контроля государства.

Наконец, важно отметить и отсутствие на Маврикий месторождений минеральных ресурсов: такой экономический фактор, как наличие полезных ископаемых, создает предпосылки для извлечения прибыли, что впоследствии будет благоприятствовать деятельности локального гегемона. Если агентом гегемонии является предприятие коммерческого характера (например, «Tianli»), фактор стабильной прибыли является еще более важным.

Примечательно, что, несмотря на отсутствие заметных внешних экстерналий для экономики Маврикия, государство потратило ресурсы на создание инфраструктуры локуса, ожидая, что данные инвестиции окупятся.

Что касается эффекта перетекания, он также не наблюдается в случае Маврикия. В противном случае могла бы быть применена методология для оценки эффекта перетекания при прямых иностранных инвестициях³⁶. Хотя, конечно, нельзя этим ограничиваться, и в случае успеха локальной гегемонии можно

³⁶ Эффект перетекания при прямых иностранных инвестициях определяется как повышение производительности местных фирм в результате присутствия иностранных фирм в экономике (см.: Leshner M., Miroudot S. *FDI Spillovers and Their Interrelationships With Trade* // *OECD Trade Policy Working Paper No. 80*. Paris: OECD Publishing, 2008. DOI: 10.1787/235843308250).

было бы выделить и иные эффекты, связанные не только с экономическим, но и с социальным развитием.

Заключение

На основе сравнения двух СЭЗ можно выделить следующие факторы, влияющие на успех локальной гегемонии: привлекательность для инвесторов, открытость для третьих стран, разница в качестве институтов между СЭЗ и страной, в которой она располагается, а также вовлеченность локального гегемона в администрирование СЭЗ.

Специальные экономические зоны Китая в Африке следует рассматривать как зоны локальной гегемонии. Такой подход позволяет разграничить действительно неокOLONиальные механизмы, нацеленные на эксплуатацию ресурсов, от форм сотрудничества, способствующих развитию. В первом случае внешний игрок, действующий в Африке, доминирует на определенной территории, не преследуя никаких целей, кроме экономических. Во втором случае конкуренция (пусть даже ограниченная), характерная для режима локальной гегемонии, вынуждает внешнего

игрока вносить свой вклад в развитие африканского общества.

Кроме того, для гегемонии характерна стабильность. А. Уотсон доказал, что состояние гегемонии, находящееся между состояниями анархии и владычества, является одним из составляющих наиболее стабильной конфигурации общественной системы [Watson 1992: 324]. Хотя утверждение, что стабильность также характерна для локальной гегемонии, требует дополнительных подтверждений, организация иностранных специальных экономических зон является перспективной формой содействия развитию африканских стран благодаря наблюдаемым эффектам перетекания. Среди них можно выделить развитие человеческого капитала, предприятий в соседних с СЭЗ регионах и улучшение условий охраны труда.

В заключение следует отметить, что в качестве теоретической концепции локальная гегемония позволяет обратиться к многочисленным концептуальным работам по гегемонии при объяснении недостаточно изученного в международных отношениях феномена иностранных специальных экономических зон.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2019

Принята к публикации / Accepted: 30.12.2019

Библиографический список

- Андерсон П. Перипетии гегемонии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
- Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория Будущего, 2006.
- Арутюнова И.А., Кирова И.В., Попова Т.Л. Факторы успехов Китая в Африке // Актуальные вопросы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3—4. С. 152—158.
- Гринин Л.Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 43—61.
- Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 119—141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141
- Корендясов Е.Н. Новые рубежи Африки на рынках минерального сырья // Металлы Евразии. 2012. № 5. С. 1—18.
- Корнейко О.В., Пестерева А.В. Опыт развития специальных экономических зон и промышленных кластеров в Китае // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26. № 6. С. 34—40.
- Костюнина Г.М. Специальные экономические зоны в мире и в России. М.: Б.м., 2015. URL: <http://www.ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=99044B3D-B93D-6C66-93F1-D97C2781EBCE> (дата обращения: 01.10.2019).
- Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 18—25.

- Панченко М.Ю.* Неолиберальные модели управления региональным международным порядком // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). 2009. № 3. С. 35—44.
- Тер-Акопов С.Г.* Специальные экономические зоны Китая как важная часть экономического роста // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2013. № 24. С. 38—43.
- Харкевич М.В.* Управление в условиях ограниченной государственности: постановка проблемы // Право и Управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 110—111.
- Aggarwal A.* SEZ-led Growth in Taiwan, Korea, and India: Implementing a Successful Strategy // *Asian Survey*. 2012. Vol. 52. No. 5. P. 872—899. DOI: 10.1525/as.2012.52.5.872
- Allan B.B., Vucetic S., Hopf T.* The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects // *International Organization*. 2018. Vol. 72. No. 4. P. 839—869. DOI: 10.1017/S0020818318000267
- Arnold D.* Spatial Practices and Border SEZs in Mekong Southeast Asia // *Geography Compass*. 2012. Vol. 6. No. 12. P. 740—751. DOI: 10.1111/gec3.12012
- Baissak C.* Planned Obsolescence? Export Processing Zones and Structural Reform in Mauritius // *Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions* / Ed. by T. Farole, G. Akinci. Washington, DC: The World Bank, 2015. P. 227—244.
- Bakakin R.N.* Features of State Regulation of Economy with the Use of the System of Special Economic Zones // *Экономика и социум*. 2016. Т. 5. № 1. С. 5—9.
- Boulding K.E.* Conflict and Defense: A General Theory. New York: Harper, 1963.
- Bräutigam D., Farole T., Xiaoyang T.* China's Investment in African Special Economic Zones: Prospects, Challenges, and Opportunities. Washington, DC: The World Bank Economic Premise, 2010.
- Bräutigam D., Tang X.* "Going Global in Groups": Structural Transformation and China's Special Economic Zones Overseas // *World Development*. 2014. No. 63. P. 78—91. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.10.010
- Bräutigam D., Xiaoyang T.* African Shenzhen: China's Special Economic Zones in Africa // *The Journal of Modern African Studies*. 2011. Vol. 49. No. 1. P. 27—54. DOI: 10.1017/S0022278X10000649
- Bräutigam D., Xiaoyang T.* Economic Statecraft in China's New Overseas Special Economic Zones: Soft Power, Business or Resource Security? // *International Affairs*. 2012. Vol. 88. No. 4. P. 799—816. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2012.01102.x
- Brown J.A.* Territorial (In) Coherence: Labour and Special Economic Zones in Laos's Border Manufacturing // *Antipode*. 2019. Vol. 51. No. 2. P. 438—457. DOI: 10.1111/anti.12462
- Callahan W.A.* Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10. No. 4. P. 749—761. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.00830.x
- Campbell H.* China in Africa: Challenging US Global Hegemony // *Third World Quarterly*. 2008. Vol. 29. No. 1. P. 89—105. DOI: 10.1080/01436590701726517
- Carmody P., Hampwaye G., Sakala E.* Globalisation and the Rise of the State? Chinese Geogovernance in Zambia // *New Political Economy*. 2012. Vol. 17. No. 2. P. 209—229. DOI: 10.1080/13563467.2011.552107
- Cowaloosur H.* Re-inscribing Dependency: The Political Economy of Mauritius Jinfei Economic and Trade Cooperation Zone Co. Ltd.: PhD Thesis. St Andrews, 2015. URL: <http://hdl.handle.net/10023/6444> (accessed: 27.10.2019).
- Cox R.* Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method // *Millennium: Journal of International Studies*. 1983. Vol. 12. No. 2. P. 162—175. DOI: 10.1177/03058298830120020701
- Cox R.* Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory // *Millennium: Journal of International Studies*. 1981. Vol. 10. No. 2. P. 125—155. DOI: 10.1177/03058298810100020501
- Dannenberg P., Yejo K., Schiller D.* Chinese Special Economic Zones in Africa: A New Species of Globalization? // *African East-Asian Affairs*. 2013. Vol. 0. No. 2. P. 4—14.
- Davies M.* China's Developmental Model Comes to Africa // *Review of African Political Economy*. 2008. Vol. 35. No. 115. P. 134—137.
- Demissie A.* Special Economic Zones: Integrating African Countries in China's Belt and Road Initiative // *Rethinking the Silk Road* / Ed. by M. Mayer. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. P. 69—84. DOI: 10.1007/978-981-10-5915-5_4
- Doucette J., Lee S.O.* Experimental Territoriality: Assembling the Kaesong Industrial Complex in North Korea // *Political Geography*. 2015. Vol. 47. P. 53—63. DOI: 10.1016/j.polgeo.2015.04.001
- Eisenlohr P.* Language and Identity in an Indian Diaspora: "Multiculturalism" and Ethno-linguistic Communities in Mauritius // *Internationales Asienforum*. 2002. Vol. 33. No. 1–2. P. 101—114.

- Galiullina G.F., Sharamko M.M., Andreeva F.I.* Institutional-Synergetic Approach in Benchmarking of Territorial Industrial Policy // *R-Economy*. 2018. Vol. 3. No. 3. P. 167—175. DOI: 10.15826/recon.2017.3.3.019
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Gramsci, Historical Materialism and International Relations* / Ed. by S. Gill. New York: Cambridge University Press, 1993. DOI: 10.1017/cbo9780511558993
- Haglund D.* In It for the Long Term? Governance and Learning among Chinese Investors in Zambia's Copper Sector // *The China Quarterly*. 2009. No. 199. P. 627—646. DOI: 10.1017/S0305741009990130
- Huang M., Zhang X.* Construction of the Zambia–China Economic and Trade Cooperation Zone and South–South Cooperation // *South–South Cooperation and Chinese Foreign Aid* / Ed. by Meibo Huang, Xiuli Xu, Xiaojing Mao. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. P. 257—273. DOI: 10.1007/978-981-13-2002-6_16
- Jegathesan D.J., Ono M.* Strategic Action Initiatives for Economic Development: Trade and Investment Promotion in Zambia // *Eastern and Western Ideas for African Growth: Diversity and Complementarity in Development Aid* / Ed. by K. Ohno, I. Ohno. London: Routledge, 2013. P. 205—228.
- Keohane R.* After Hegemony. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Khan K., Anwar S.* Special economic zones (SEZs) and CPEC: Background, challenges and strategies // 33rd AGM and conference on redefining prosperity paths in changing global economy: Opportunities and challenge for Pakistan. 2017. Vol. 12. P. 69—84. URL: <https://www.pide.org.pk/psde/pdf/AGM32/papers/Special-Economic-Zones-SEZs.pdf> (accessed: 12.12.2019).
- Kim M.* A Real Driver of US–China Trade Conflict: The Sino-US Competition for Global Hegemony and Its Implications for the Future // *International Trade, Politics and Development*. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 30—40. DOI: 10.1108/itpd-02-2019-003
- Kindleberger C.* Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides // *International Studies Quarterly*. 1981. Vol. 25. No. 2. P. 242—254. DOI: 10.2307/2600355
- Layne C.* China's Challenge to US Hegemony // *Current History*. 2008. Vol. 107. No. 705. P. 13.
- Layne C.* The US–Chinese Power Shift and the End of the Pax Americana // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 89—111. DOI: 10.1093/ia/iix249
- Liuhto K.* Russia's Innovation Reform — the Current State of the Special Economic Zones // *Revista de Management Comparat Internațional*. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 85—94.
- Loewen B., Raagmaa G.* Introduction to the Special Issue: Territoriality and Governance in the Globalizing European Eastern Peripheries // *Administrative Culture*. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 89—101. DOI: 10.32994/ac.v18i2.175
- Maslikhina V.Y.* Special Economic Zones in Russia: Results Evaluation and Development Prospects // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6. No. S1. P. 275—279.
- Meng G.* Construction and Development of the Zambia–China Economic and Trade Cooperation Zone // *Tropical Geography*. 2017. Vol. 37. No. 2. P. 246—257.
- Nicolas F.* Les investisseurs chinois en Éthiopie: l'alliance idéale? Paris: Notes d'Ifri, 2017. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/nicolas_investissements_chinois_ethiopie_2017.pdf (accessed: 12.12.2019).
- Oda H.* The Administration of Foreign Trade in the People's Republic of China // *The Developing Economies*. 1984. Vol. 22. No. 2. P. 155—168. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1984.tb00657.x
- Pastusiak R., Bolek M., Jasiniak M., Keller J.* Effectiveness of Special Economic Zones of Poland // *Zbornik Radova Ekonomski Fakultet u Rijeka*. 2018. Vol. 36. No. 1. P. 263—285. DOI: 10.18045/zbefri.2018.1.263
- Peña D.L.B., Cruz A.A., Moreno P.G.* Política Fiscal para Desarrollo: Implementación de Zonas Económicas Especiales en México // *Líder*. 2017. Vol. 19. No. 31. P. 67—84.
- Pidorycheva I.* Special Economic Zones: Key Lessons Learned from Global Experience // *Экономический вестник Донбасса*. 2017. № 4 (50). С. 52—59.
- Pun N.* Women Workers and Precarious Employment in Shenzhen Special Economic Zone, China // *Gender & Development*. 2004. Vol. 12. No. 2. P. 29—36. DOI: 10.1080/13552070412331332170
- Qiao H.* Lun woguo jingwai jingmao hezuoqu de fengxian fangfan wenti — yi Zambiya-Zhongguo jingmao hezuoqu wei shijiao // *Shangye shidai* [On the Question of Risk Prevention in China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zone — the Case of China's Economic and Trade Cooperation Zone in Zambia // *The Trade Age*]. 2014. No. 15. P. 19—21.
- Ramachandriah C., Venkateswarlu A.* Dispossessing Tribals and the Poor from Lands: Land Laws and Administration in Andhra Pradesh, India. UU Report Submitted to the IS Academy Land Governance. Begumpet: Centre for Economic and Social Studies, 2011.

- Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. 1993. Vol. 47. No. 1. P. 139—174. DOI: 10.1017/s0020818300004732
- Sautman B., Yan H. The Chinese Are the Worst?: Human Rights and Labor Practices in Zambian Mining // *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*. 2012. No. 3. P. 1—100.
- Scott E. China Goes Global in Egypt: A Special Economic Zone in Suez. Stellenbosch: Centre for Chinese Studies, 2013.
- Shvetsov A.N. Growth Points or Black Holes: How Efficient Are State Stimulation Tools for Territorial Development? // *Regional Research of Russia*. 2017. Vol. 7. No. 2. P. 108—119. DOI: 10.1134/s2079970517020071
- Sigler T.J. Panama's Special Economic Zones: Balancing Growth and Development // *Bulletin of Latin American Research*. 2014. Vol. 33. No. 1. P. 1—15. DOI: 10.1111/clar.12035
- Snidal D. The Limits of Hegemonic Stability Theory // *International Organization*. 1985. Vol. 39. No. 4. P. 579—614. DOI: 10.1017/s002081830002703x
- Sosnovskikh S. Industrial Clusters in Russia: The Development of Special Economic Zones and Industrial Parks // *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 174—199. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.06.004
- Starrs S.K. Can China Unmake the American Making of Global Capitalism? // *Socialist Register* 2019. 2018. Vol. 55. P. 173—200.
- Tantri M.L. Trajectories of China's Integration with the World Economy through SEZs: A Study on Shenzhen SEZ // *China Report*. 2013. Vol. 49. No. 2. P. 227—250. DOI: 10.1177/0009445513491526
- Wang J. Q., Li B.L. Service-oriented Government Building Research Based on the Background of the “New SEZ” // *Applied Mechanics and Materials*. Series Trans Tech Publications. 2013. Vol. 380—384. P. 4461—4465. DOI: 10.4028/www.scientific.net/amm.380-384.4461
- Watson A. *The Evolution of International Society*. London, New York: Routledge, 1992.
- Webb M., Krasner S. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment // *Review of International Studies*. 1989. No. 75. P. 183—198. DOI: 10.1017/s0260210500112999
- Wei X. Acquisition of Technological Capability Through Special Economic Zones (SEZs): The Case of Shenzhen SEZ // *Industry and Innovation*. 2000. Vol. 7. No. 2. P. 199—221. DOI: 10.1080/713670253
- Xuetong Y. The Rise of China and Its Power Status // *The Chinese Journal of International Politics*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 5—33. DOI: 10.1093/cjip/pol002
- Zan B. Zanzhong jingmao hezuoqu jianshe: pingtai zuoyong yu fazhan qianjing // *Guoji jingji hezuo* [The Construction of Zambia-Chinese Economic and Trade Cooperation Zone: The Role and Prospects of the Framework // *International economic cooperation*]. 2013. No. 12. P. 19—23.
- Zeng D.Z. *Global Experiences with Special Economic Zones: Focus on China and Africa*. Washington, DC: The World Bank, 2015. DOI: 10.1596/1813-9450-7240
- Zeng D.Z. How Do Special Economic Zones and Industrial Clusters Drive China's Rapid Development? // *World Bank Policy Research Paper*. 2011. No. 5583. DOI: 10.1596/1813-9450-5583
- Zeng D.Z. *Special Economic Zones: Lessons from the Global Experience* // *PEDL Synthesis Paper Series*. 2016. No. 1. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/586f9727e5274a130700012d/PEDL_Synthesis_Paper_Piece_No_1.pdf (accessed: 12.12.2019).
- Zhang X., Booth C.D. Chinese Bankruptcy Law in an Emerging Market Economy: The Shenzhen Experience // *Columbia Journal of Asian Law*. 2001. Vol. 15. No. 1. P. 1—33.
- Zverev Y. The Kaliningrad Region's Industry, Problems and Prospects of Development and Restructuring in the Context of a Special Economic Zone (SEZ) // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 6. P. 321—327. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s7p321

References

- Aggarwal, A. (2012). SEZ-led Growth in Taiwan, Korea, and India: Implementing a Successful Strategy. *Asian Survey*, 52 (5), 872–899. DOI: 10.1525/as.2012.52.5.872
- Allan, B.B., Vucetic, S. & Hopf, T. (2018). The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects. *International Organization*, 72 (4), 839—869. DOI: 10.1017/S0020818318000267
- Anderson, P. (2018). *The Peripeteia of Hegemony*. Moscow: Gaidar Institute publ. (In Russian).
- Arnold, D. (2012). Spatial Practices and Border SEZs in Mekong Southeast Asia. *Geography Compass*, 6 (12), 740—751. DOI: 10.1111/gec3.12012

- Arrihi, G. (2006). *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Time*. Moscow: Territorija Budushhego publ. (In Russian).
- Arutjunova, I.A., Kirova, I.V. & Popova, T.L. (2014). Factors of China's Success in Africa. *Current Issues of Humanitarian and Natural Sciences*, 3—4, 152—158. (In Russian).
- Baissak, C. (2015). Planned Obsolescence? Export Processing Zones and Structural Reform in Mauritius. In: Farole, T. & Akinici, G. (Eds.). *Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions*. Washington, DC: The World Bank. P. 227—244.
- Bakakin, R.N. (2016). Features of State Regulation of Economy with the Use of the System of Special Economic Zones. *Ekonomika i socium*, 5 (1), 5—9.
- Boulding, K.E. (1963). *Conflict and Defense: A General Theory*. New York: Harper.
- Bräutigam, D. & Tang, X. (2014). "Going Global in Groups": Structural Transformation and China's Special Economic Zones Overseas. *World Development*, 63, 78—91. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.10.010
- Bräutigam, D. & Xiaoyang, T. (2012). Economic Statecraft in China's New Overseas Special Economic Zones: Soft Power, Business or Resource Security? *International Affairs*, 88 (4), 799—816. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2012.01102.x
- Bräutigam, D., & Xiaoyang, T. (2011). African Shenzhen: China's Special Economic Zones in Africa. *The Journal of Modern African Studies*, 49 (1), 27—54. DOI: 10.1017/S0022278X10000649
- Bräutigam, D., Farole, T. & Xiaoyang, T. (2010). *China's Investment in African Special Economic Zones: Prospects, Challenges, and Opportunities*. Washington, DC: The World Bank Economic Premise.
- Brown, J.A. (2019). Territorial (In) Coherence: Labour and Special Economic Zones in Laos's Border Manufacturing. *Antipode*, 51, 438—457. DOI: 10.1111/anti.12462
- Callahan, W.A. (2008). Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? *International Studies Review*, 10 (4), 749—761. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.00830.x
- Campbell, H. (2008). China in Africa: Challenging US Global Hegemony. *Third World Quarterly*, 29 (1), 89—105. DOI: 10.1080/01436590701726517
- Carmody, P., Hampwaye, G. & Sakala, E. (2012). Globalisation and the Rise of the State? Chinese Geogovernance in Zambia. *New Political Economy*, 17 (2), 209—229. DOI: 10.1080/13563467.2011.552107
- Cowaloosur, H. (2015). *Re-inscribing Dependency: The Political Economy of Mauritius Jinfei Economic and Trade Cooperation Zone Co. Ltd.* [PhD Thesis]. St Andrews. URL: <http://hdl.handle.net/10023/6444> (accessed: 27.10.2019).
- Cox, R. (1981). Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium: Journal of International Studies*, 10 (2), 125—155. DOI: 10.1177/03058298810100020501
- Cox, R. (1983). Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method. *Millennium: Journal of International Studies*, 12 (2), 162—175. DOI: 10.1177/03058298830120020701
- Dannenberg, P., Yejo, K. & Schiller, D. (2013). Chinese Special Economic Zones in Africa: A New Species of Globalization? *African East-Asian Affairs*, 0 (2), 4—14. DOI: 10.7552/0-2-103
- Davies, M. (2008). China's Developmental Model Comes to Africa. *Review of African Political Economy*, 35 (115), 134—137. DOI: 10.1080/03056240802021450
- Demissie, A. (2017). Special Economic Zones: Integrating African Countries in China's Belt and Road Initiative. In: Mayer, M. (Eds.). *Rethinking the Silk Road*. Singapore: Palgrave Macmillan, 69—84. DOI: 10.1007/978-981-10-5915-5_4
- Deych, T.L. (2018). China in Africa: Neocolonial Power or "Win-Win" Strategy? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11 (5), 119—141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141 (In Russian).
- Doucette, J. & Lee, S.-O. (2015). Experimental Territoriality: Assembling the Kaesong Industrial Complex in North Korea. *Political Geography*, 47, 53—63. DOI: 10.1016/j.polgeo.2015.04.001
- Eisenlohr, P. (2002). Language and Identity in an Indian Diaspora: 'Multiculturalism' and Ethno-linguistic Communities in Mauritius. *Internationales Asienforum*, 33 (1—2), 101—114.
- Galiullina, G.F., Sharamko, M.M. & Andreeva, F.I. (2018). Institutional-Synergetic Approach in Benchmarking of Territorial Industrial Policy. *R-Economy*, 3 (3), 167—175. DOI: 10.15826/recon.2017.3.3.019
- Gill, S. (Eds.). (1993). *Gramsci, Historical Materialism and International Relations*. New York: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/cbo9780511558993
- Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grinin, L.E. (2012). Chinese Model and Prospects of China's Global Leadership. *Age of Globalization*, 2, 43—61. (In Russian).

- Haglund, D. (2009). In It for the Long Term? Governance and Learning among Chinese Investors in Zambia's Copper Sector. *The China Quarterly*, 199, 627—646. DOI: 10.1017/S0305741009990130
- Huang, M. & Zhang, X. (2019). Construction of the Zambia—China Economic and Trade Cooperation Zone and South—South Cooperation. In: Meibo, H., Xiuli, X. & Xiaojing, M. (Eds.). *South-South Cooperation and Chinese Foreign Aid*. Singapore: Palgrave Macmillan, 257—273. DOI: 10.1007/978-981-13-2002-6_16
- Jegathesan, D.J. & Ono, M. (2013). Strategic Action Initiatives for Economic Development: Trade and Investment Promotion in Zambia. In: Ohno, K. & Ohno, I. (Eds.). *Diversity and Complementarity in Development Aid: East Asian Lessons for African Growth*. London: Routledge. P. 205—228.
- Keohane, R. (1984). *After Hegemony*. Princeton: Princeton University Press.
- Khan, K. & Anwar, S. (2017). Special economic zones (SEZs) and CPEC: Background, challenges and strategies. In: *33rd AGM and conference on redefining prosperity paths in changing global economy: Opportunities and challenge for Pakistan*, 12, 69—84. URL: <https://www.pide.org.pk/psde/pdf/AGM32/papers/Special-Economic-Zones-SEZs.pdf> (accessed: 12.12.2019).
- Kharkevich, M.V. (2014). Problematizing Governance in Territories of Limited Statehood: Formulation of the Problem. *Journal of Law and Administration*, 2 (31), 110—111. (In Russian).
- Kim, M. (2019). Real Driver of US—China Trade Conflict: The Sino-US Competition for Global Hegemony and Its Implications for the Future. *International Trade, Politics and Development*, 3 (1), 30—40. DOI: 10.1108/itpd-02-2019-003
- Kindleberger, C. (1981). Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides. *International Studies Quarterly*, 25 (2), 242—254. DOI: 10.2307/2600355
- Korendyasov, E.N. (2012). New Prospects for Africa in Mineral Markets. *Eurasian Metals Magazine*, 5, 1—18. (In Russian).
- Korneiko, O.V. & Pestereva, A.V. (2016). Special Economic Zones and Industrial Clusters Development in China. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 26 (6), 34—40. (In Russian).
- Kostjunina, G.M. (2015). *Special Economic Zones in the World and in Russia*. URL: <http://www.ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=99044B3D-B93D-6C66-93F1-D97C2781EBCE> (accessed: 01.10.2019). (In Russian).
- Layne, C. (2008). China's Challenge to US Hegemony. *Current History*, 107 (705), 13—18.
- Layne, C. (2018). The US—Chinese Power Shift and the End of the Pax Americana. *International Affairs*, 94 (1), 89—111. DOI: 10.1093/ia/iix249
- Liuhto, K. (2009). Russia's Innovation Reform — the Current State of the Special Economic Zones. *Revista de Management Comparat Internațional*, 10 (1), 85—94.
- Loewen, B. & Raagmaa, G. (2018). Introduction to the Special Issue: Territoriality and Governance in the Globalizing European Eastern Peripheries. *Administrative Culture*, 18 (2), 89—101. DOI: 10.32994/ac.v18i2.175
- Maslikhina, V.Y. (2016). Special Economic Zones in Russia: Results Evaluation and Development Prospects. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 6 (S1), 275—279.
- Meng, G. (2017). Construction and Development of the Zambia—China Economic and Trade Cooperation Zone. *Tropical Geography*, 37 (2), 246—257. (In Chinese).
- Nicolas, F. (2017). *Les investisseurs chinois en Éthiopie: l'alliance idéale?* Paris: Notes d'Ifri. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/nicolas_investissements_chinois_ethiopie_2017.pdf (accessed: 12.12.2019).
- Oda, H. (1984). The Administration of Foreign Trade in the People's Republic of China. *The Developing Economies*, 22 (2), 155—168. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1984.tb00657.x
- Okunev, I.Yu. (2018). Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts. *Comparative Politics Russia*, 9 (1), 18—25. (In Russian).
- Panchenko, M.Yu. (2009). Neoliberal Governance Models of Regional International Order. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 3, 35—44. (In Russian).
- Pastusiak, R., Bolek, M., Jasiniak, M. & Keller, J. (2018). Effectiveness of Special Economic Zones of Poland. *Zbornik Radova Ekonomskog Fakulteta u Rijeci*, 36 (1), 263—285. DOI: 10.18045/zbfri.2018.1.263
- Peña, D.L.B., Cruz, A.A. & Moreno, P.G. (2017). Política Fiscal para Desarrollo: Implementación de Zonas Económicas Especiales en México. *Líder*, 19 (31), 67—84.
- Pidorycheva, I. (2017). Special Economic Zones: Key Lessons Learned from Global Experience. *Ekonomicheskii vestnik Donbassa*, 4 (50), 52—59.

- Pun, N. (2004). Women Workers and Precarious Employment in Shenzhen Special Economic Zone, China. *Gender & Development*, 12 (2), 29—36. DOI: 10.1080/13552070412331332170
- Qiao, H. (2014). Lun woguo jingwai jingmao hezuoqu de fengxian fangfan wenti — yi Zanziya-Zhongguo jingmao hezuoqu wei shijiao. *Shangye shidai* [On the Question of Risk Prevention in China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zone — the Case of China's Economic and Trade Cooperation Zone in Zambia. *The Trade Age*], 15, 19—21. (In Chinese).
- Ramachandraiah, C. & Venkateswarlu, A. (2011). *Dispossessing Tribals and the Poor from Lands: Land Laws and Administration in Andhra Pradesh, India*. UU Report Submitted to the IS Academy Land Governance. Begumpet: Centre for Economic and Social Studies.
- Ruggie, J.G. (1993). Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. *International Organization*, 47 (1), 139—174. DOI: 10.1017/s0020818300004732
- Sautman, B. & Yan, H. (2012). The Chinese Are the Worst?: Human Rights and Labor Practices in Zambian Mining. *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*, 3, 1—100.
- Scott, E. (2013). *China Goes Global in Egypt: A Special Economic Zone in Suez*. Stellenbosch: Centre for Chinese Studies.
- Shvetsov, A.N. (2017). Growth Points or Black Holes: How Efficient Are State Stimulation Tools for Territorial Development? *Regional Research of Russia*, 7 (2), 108—119. DOI: 10.1134/s2079970517020071
- Sigler, T.J. (2014). Panama's Special Economic Zones: Balancing Growth and Development. *Bulletin of Latin American Research*, 33 (1), 1—15. DOI: 10.1111/blr.12035
- Snidal, D. (1985). The Limits of Hegemonic Stability Theory. *International organization*, 39 (4), 579—614. DOI: 10.1017/s002081830002703x
- Sosnovskikh, S. (2017). Industrial Clusters in Russia: The Development of Special Economic Zones and Industrial Parks. *Russian Journal of Economics*, 3 (2), 174—199. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.06.004
- Starrs, S.K. (2018). Can China Unmake the American Making of Global Capitalism? *Socialist Register 2019*, 55, 173—200.
- Tantri, M.L. (2013). Trajectories of China's Integration with the World Economy through SEZs: A Study of Shenzhen SEZ. *China Report*, 49 (2), 227—250. DOI: 10.1177/0009445513491526
- Ter-Akopov, S.G. (2013). China's Special Economic Zones as Important Driver of Economic Growth. *Bukhgalterskii uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh*, 24, 38—43. (In Russian).
- Wang, J.Q. & Li, B.L. (2013). Service-Oriented Government Building Research Based on the Background of the "New SEZ". *Applied Mechanics and Materials*, 380—384, 4461—4465. DOI: 10.4028/www.scientific.net/amm.380-384.4461
- Watson, A. (1992). *The Evolution of International Society*. London, New York: Routledge.
- Webb, M. & Krasner, S. (1989). Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment. *Review of International Studies*, 15 (2), 183—198. DOI: 10.1017/s0260210500112999
- Wei, X. (2000). Acquisition of Technological Capability Through Special Economic Zones (SEZs): The Case of Shenzhen SEZ. *Industry and Innovation*, 7 (2), 199—221. DOI: 10.1080/713670253
- Xuetong, Y. (2006). The Rise of China and Its Power Status. *The Chinese Journal of International Politics*, 1 (1), 5—33. DOI: 10.1093/cjip/pol002
- Zan, B. (2013). Zanzhong jingmao hezuoqu jianshe: pingtai zuoyong yu fazhan qianjing. *Guoji jingji hezuo* [The Construction of Zambia-Chinese Economic and Trade Cooperation Zone: the Role and Prospects of the Framework. *International Economic Cooperation*], 12, 19—23. (In Chinese)
- Zeng, D.Z. (2011). *How Do Special Economic Zones and Industrial Clusters Drive China's Rapid Development?* World Bank Policy Research Paper, 5583. DOI: 10.1596/1813-9450-5583
- Zeng, D.Z. (2015). *Global Experiences with Special Economic Zones: Focus on China and Africa*. The World Bank Policy Report Working Paper. DOI: 10.1596/1813-9450-7240
- Zeng, D.Z. (2016). *Special Economic Zones: Lessons from the Global Experience*. PEDL Synthesis Paper Series. No. 1. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/586f9727e5274a130700012d/PEDL_Synthesis_Paper_Piece_No_1.pdf (accessed: 12.12.2019).
- Zhang, X. & Booth, C.D. (2001). Chinese Bankruptcy Law in an Emerging Market Economy: The Shenzhen Experience. *Columbia Journal of Asian Law*, 15 (1), 1—33.
- Zverev, Y.M. (2015). The Kaliningrad Region's Industry, Problems and Prospects of Development and Restructuring in the Context of a Special Economic Zone (SEZ). *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (6), 321—327. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s7p321

Сведения об авторах: *Несмашный Александр Дмитриевич* — стажер Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (email: alexnesmash@yandex.ru).

Никитина Юлия Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (e-mail: seminar-nikitina@yandex.ru).

About the authors: *Nesmashnyi Alexander Dmitrievich* — Trainee, Institute for International Studies, MGIMO University (email: alexnesmash@yandex.ru).

Nikitina Yulia Aleksandrovna — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of World Politics, Leading Research Fellow, Center for the Post-Soviet Studies, MGIMO University (e-mail: seminar-nikitina@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-115-130

Research article

African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project Part 1

H.G. Campbell

Syracuse University, Syracuse, USA

Abstract. Silences in the discipline of International Relations on genocide amount to a form of genocide denial, which is one of the foundations of future genocide. The paper posits that in the era of militarized global apartheid, progressive scholars are challenged to critique and expose the past and current crimes against humanity that are occurring in Africa. Drawing from the consolidation of an alternative analysis in the context of the Bandung Project, the paper analyzed the contributions of the ideas that emerged out of the anti-apartheid struggles and the struggles for reparative justice. Struggles from the Global South had culminated in the World Conference against Racism (WCAR) process, elevating the anti-racist battles as a core challenge of Africa's International Relations. This rejuvenation and energies coming out of the protracted struggle for bread, peace and justice took the form of the transition to the African Union leaving behind the concept of the noninterference in the internal affairs of states. The paper analyzed the ways in which afro-pessimism was being reinforced by the constructivist path in African International Relations. The contributions of radical African feminists are presented as one new direction where there is the coalescence of the progressive anti-imperialist intellectual traditions with radical feminisms. These two traditions open possibilities for an emancipatory project. This project has taken on extra importance in the period of the fragility of global capital when the precariousness of capitalism threatens new and endless wars and destabilization in Africa. Modern humanitarianism forms one component of the weaponization of everything and it is within this ensemble of ideas that scholars need to deconstruct the discussion of 'failed states' in Africa.

Key words: Bandung Project, Africa, anti-Imperialism, Non-Western IR Theories, genocidal histories, radical feminism, reparative justice, emancipatory project

For citation: Campbell, H.G. (2020). African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 1. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 115—130. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-115-130

Научная статья

Международные отношения в Африке, истории геноцида и эмансипации Часть 1

Х. Кэмпбелл

Сиракузский университет, Сиракьюс, США

Умолчание проблемы геноцида в международных отношениях — это одна из форм отрицания геноцида, которая в будущем может привести к новым масштабным преступлениям. В статье утверждается, что в эпоху глобального милитаризованного апартеида перед прогрессивными учеными стоит задача критиковать и разоблачать прошлые и нынешние преступления против человечности, которые происходят в Африке. Опираясь

© Campbell H.G., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

на альтернативный анализ в рамках Бандунгского проекта, в статье был проанализирован вклад идей, возникших в результате борьбы против апартеида и за репаративное правосудие. Борьба Глобального Юга достигла кульминации в ходе Всемирной конференции против расизма (WCAR), в результате чего антирасистская проблематика стала центральной в международных отношениях в Африке. Новая энергия, появившаяся в результате затяжной борьбы за хлеб, мир и справедливость, приняла форму перехода к Африканскому союзу, оставив позади концепцию невмешательства во внутренние дела государств. В статье анализируется усиление афропессимизма в контексте конструктивистских подходов в африканских международных отношениях. Вклад радикальных африканских феминисток представлен как новое направление, в котором происходит слияние прогрессивных антиимпериалистических интеллектуальных традиций с радикальными формами феминизма. Эти две традиции открывают возможности для эмансипативного проекта. Этот проект приобрел особое значение в период хрупкости глобального капитала, когда неустойчивость капитализма угрожает новыми и бесконечными войнами и дестабилизацией в Африке. Современный гуманизм является оружием против этого, и именно в этом направлении ученые должны вести дискуссию о «несостоявшихся государствах» в Африке.

Ключевые слова: Бандунгский проект, Африка, западные теории международных отношений, антиимпериализм, геноцид, радикальный феминизм, репаративное правосудие, эмансипативный проект

Для цитирования: *Campbell H.G. African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 115—130. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-115-130*

Introduction

The teachers of the discipline of International Relations are faced with the stark choice of continuing to downplay genocidal economics embedded in neorealism and neoliberalism or join the worldwide opposition to racial capitalism [Hudson 2017; Robinson 1983] and environmental destruction. After the bloody 20th century, the African people at home and abroad had anchored the Bandung Project and strengthened another branch of the discipline of International Relations that focused on the self-determination of colonized persons. The Non-Aligned Movement that had emerged out of the Bandung Project was fertilized by the global anti-racist struggles so that by the end of the Century, the end of formal apartheid inspired new concepts of social emancipation within the field of International Relations [Prashad 2014; Amin 2006: 169–181]. Radical feminists implicated masculinity and rape as central questions of International Relations enriching international law and the fight against militarism and gender-based violence.

A brand of international relations focusing on the opposing the intersecting oppressions of racism, exploitation of labor, gendered oppression and oppression of peoples of differing sexual orientation emerged slowly by the end of the 20th century [Crenshaw 1989; Steans 2013]. It was the global solidarity against apartheid that sharpened the differences between IR ideas of

self-determination of states and the emancipation of people. Out of the solidarity that coalesced from the Mass Democratic Forces and the military defeat of the apartheid state at Cuito Cuanavale¹ emerged the thrust for reparative justice. Divisions within African intellectuals with respect to the differences between reconciliation and justice were played out in the debates about Ubuntu in South Africa and later in the differences between differing intellectuals over the International Criminal Court (ICC) [Clarke 2019; Agwu 2019].

Pan African scholars who had anchored the opposition to realism in the era of anti-colonialism soldiered on with a new emphasis on imperialism in the 21st century. Samir Amin had expanded on the genocidal potentialities of modern capitalism in his book [Amin 2004]. This study had outlined how globalization had been formulated to blunt opposition to the new tactics of imperialism to intervene through international organs such as the World Trade Organization (WTO), the International Monetary Fund (IMF), and the International Bank for Reconstruction

¹ The Battle of Cuito Cuanavale was between August 1987 and March 1988 near the town of Cuito Cuanavale (Angola) between the People's Armed Forces for the Liberation of Angola (FAPLA, the armed wing of the MPLA) and insurgents of the National Union for the Total Independence of Angola (UNITA) supported by South African Army during the Angolan Civil War and South African Border War (*Editor's Note*).

and Development (IBRD). African scholars who faced the deleterious impacts of Structural Adjustment Programs (SAPs) were at the forefront of offering alternative interpretations of the current phase of imperialism².

This body of work on Africa could be distinguished from left scholars who were challenging capitalism but completely erased Africa from the discussions on the fragility of contemporary capitalism [Rasmus 2015]. Samir Amin not only challenged the use of the term “marginalization” with respect to the contribution of Africa to the enrichment of the capitalist centers, but also pointed to the importance of delinking from capitalism in an era when monopoly capitalism has reached a new phase [Amin 2014: vii — viii; Amin 2013]. The call for delinking found resonance in the field of International Relations with the publication of texts on the need to decolonize International Relations. There emerged a spate of texts from Africans challenging the theoretical hegemony claimed by scholars from the global North. The authors of edited book, *Decolonizing International Relations* [Jones 2006], had noted the imperial and male centered nature of the discipline comparing the discipline to that of anthropology, asserting that, “the architects of IR’s self-construction not only have ignored the imperial context of the discipline’s modern origins but also have self-consciously located IR’s heritage or canon in classical European thought from ancient Greece through to the Enlightenment-Thucydides, Machiavelli, Bodin, Grotius, Hobbes, Rousseau, Kant, Hegel, and so on” [Jones 2006].

Within the study of IR in Africa, there have been realists who believed that Africa should decolonize IR, but develop states with real power instead of cooperation. Scholars such as Ali Mazrui had started out as a realist [Mazrui 1977]. After apartheid, Professor Adebajo Adekeye represented himself as a foremost realist arguing whether South Africa or Nigeria should be a

dominant force in Africa [Adebajo, Adedeji, Landsberg 2007]. Statehood, anarchy, corruption, and the racist concept of “sub Saharan Africa” dominate the curriculum as the imperial realists are now buttressed by Third World Realists [Brown 2006; Dunn, Shaw 2001].

Inside the Third World, neo realism has been dominant in societies such as Brazil and India. In the face of the unilateral projection of power since the end of the Cold War, these scholars from the Brazil, Russia, India, China, and South Africa (BRICS) societies rely largely on the discourse of realist balance of power and geopolitical diplomacy. This kind of realism is also manifest in the body of Chinese scholarship that believes that China should become a super power in the 21st century [Xuetong 2011]. Neoliberalism in economics and neorealism in analyzing the international context dominated the teaching of International Relations in China to the point where the top University (Tsinghua) established a Cecil Rhodes type of leadership training center in alliance with Stephen Schwarzman, Chairman, CEO and Co-Founder of Blackstone, one of the leading investment firms of Wall Street³.

Competition between differing factions of global capital, massive technological change in the midst of ecocide, xenophobic ideas, white supremacy, the plunder of human and natural resources in the context of realist scholars pontificating on a “Thucydides Trap” unleashed new forms of warfare across the planet and the weaponization of everything⁴. There has not been enough scholarship on the nature of interdependence in the era of global warming and the urgency of retreating from genocide and genocidal traditions. It is from the Pan African

² African Alternative Framework to Structural Adjustment Programs for Socio Economic Recovery and Transformation (AAF — SAP). Addis Ababa: UNECA, 1989. See also: [Mkandawire, Olukushi 1995].

³ A Cecil Rhodes type program to train future leaders was established by Schwartzman with funding of US \$350million to establish this center in Tsinghua University // Schwartzman Scholars Web-Site. URL: <https://www.schwarzmanscholars.org/about/tsinghua-university/> (accessed: 10.01.2020).

⁴ Hudson M. The Weaponization of Economic Theory // Global Research. July 18, 2012. URL: <https://michael-hudson.com/2012/07/the-weaponization-of-economic-theory/> (accessed: 10.01.2020). See also: [Brooks 2016].

feminists where there is a rigorous analysis of the implications of genocidal histories [Daley 2008].

Patricia Daley's work on genocidal histories made a modest contribution to the study of African International Relations and was a break from the popularization of genocidal history in states that emerged out of conquest. Of the theories of contemporary IR in the West, realist, constructivist, Marxist and liberal, it was the Marxists and the Feminists who centered mass slaughter and genocidal thinking in IR. Feminists in general, and radical African feminists, in particular, made the essential break with male centered concepts of the State and International Relations that is central to the realist paradigm of failed states [Lintock 1995]. African feminists who start from the position that IR theory has to deal with the dignity of human beings deepened the critique of orthodox IR that had developed by feminists within the discipline of IR. From this body of literature came articles such as "Africa and International Relations" [Nkiwane 2001].

The dramatic interventions of radical women in all parts of Africa, especially Algeria, Egypt, Sudan and Tunisia inspired an urgency on the part of scholars to make a break with the lopsided celebration of "liberation leaders" and the Afro-pessimism implicit in the study of constructivism [Schorr 2011]. At the intellectual level, the philosophy of Ubuntu underlined this emancipatory approach where there was a convergence between the progressive South — South position and the radical feminist orientation. Reparative justice, healing and reconstruction are new guides for this emancipatory approach. Kwame Nkrumah had argued that the unification and emancipation of Africa was one of the first steps in the emancipation of humanity [Nkrumah 2007]. The shared values of the struggles for human dignity that informed and inspired the rejection of genocidal violence and constituted one component of the long road ahead for humanization of the African [Agwu 2009].

It is within this context of theoretical contributions from the global struggle for the humanization of the planet that this discussion seeks to locate itself drawing on the development of the paradigm of emancipatory politics. This paradigm builds on the insights of radical feminist

scholarship, the struggles for human dignity and the environmentalists such as Wangaari Mathaai⁵ who are struggling for a planet where humans can breathe. Reparative politics and the concept of truth in international relations highlighted the principle of *Ubuntu*, meaning forgiveness, willingness to share and reconciliation [Campbell 2018]. Michael Neocosmos had echoed the calls of Wamba dia Wamba for emancipatory politics in Africa [Neocosmos 2016]. One limitation of this work was the scant attention paid to genocide and genocidal histories in Africa. The conclusion seeks to grasp the relationship between African unity, new sites for the retraining of leadership and reparations for reconstruction in the era of the information economy. It is here where one will draw from the voices of freedom and the attempts to harness the voices of freedom to unleash the creative potential of the producers in new movements and new organs. The challenge for the new actors will be to transform the African Union to be a union of peoples instead of a union of states.

Context of the Legacies of Genocide Denial

Even before the end of the "Cold War" there have been systematic efforts to clarify the meaning of the history and legacies of genocidal violence in Africa in order to make a drastic break with the denial of genocide which made genocidal violence continue in Africa. One of the most important aspects of African International Relations has been genocide denial. Gregory Stanton had identified 8 stages of genocide: Classification, Symbolization, Dehumanization, Organization, Polarization, Preparation, Extermination and Denial⁶. The issue of denial is as fundamental as dehumanization or extermination as far as those perpetrators who deny that they committed any crimes, often blame what happened on the victims. Mainstream scholars of International Relations had for over 50 years

⁵ Wangaari Mathaai (1940—2011) — Kenyan activist and first African woman to get the Nobel prize (2004 Nobel Peace Prize) (*Editor's Note*).

⁶ Stenton G. The 8 Stages of Genocide // Genocide Watch. 1998. URL: <http://genocidewatch.net/2013/03/14/the-8-stages-of-genocide/> (accessed: 10.01.2020).

promoted genocide denial. From books on the White Man's burden to the Modernization mantra, the specialists on African IR had seen no contradiction between the genocidal histories and the pacification pogroms in Africa. The hypocrisy was clear in Africa when IR scholars saw no contradiction between the practices of apartheid and the Universal Declaration of Human Rights (UDHR). The apartheid state had been a signatory to the UDHR in 1948.

This hypocrisy was fed into the feedback loop of white supremacy and imperial plunder from the era of colonialism to the current neocolonial phase. Recursive phases of violence and mass killings dotted the landscape throughout the era now written about as the "Cold War". There were hot wars all over Africa. Promoting massive destabilization and destruction was most recently manifest in the machinations and lies that were deployed for the NATO intervention and destruction of Libya. The invasion and destruction of Libya brought to the fore the ways in which theories such as constructivism had matured in the field of International Relations to justify imperial interventions under the banner of humanitarianism and "responsibility to protect" [Campbell 2013; Kuperman 2013]. It is now well established that behind the constructivist norm of humanitarianism was a NATO campaign to empower social forces in Libya that the West had labeled as "terrorists" [Kuperman 2019].

Scholars of African International Relations in Africa had taken the lead to write an Open letter to the United Nations to oppose the carnage in Libya⁷. There are continuing discussions on the "new scramble for Africa" with the 2020 Berlin Conference in Germany⁸, the oppressed peoples of Africa continue to press for the African Union to give concrete meaning to the plans for a united, prosperous and peaceful

⁷ Libya: Joint Open Letter: UN Human Rights Council should establish a Commission of Inquiry, or similar mechanism, for Libya // Amnesty International. December 4, 2019. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/mde19/1523/2019/en/> (accessed: 10.01.2020).

⁸ The Libya conference and the new scramble for Africa // World Socialist Web Site. 18 January 2020. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2020/01/18/pers-j18.html> (accessed: 10.01.2020).

Africa as articulated in Agenda 2063⁹. Agenda 2063 had spelt out the goals for the freedom of Africa at a moment when the militarized global apartheid [Besteman 2018] had taken center stage in international politics.

After the defeat of crude apartheid, the constructivist developed a narrative that the end of apartheid had come from the new international norms and ideas that had developed in the "international community" in the aftermath of the "Cold War" [Klotz 1995]. The Bandung Project had strengthened the global anti-apartheid struggle that was carried forward by the Mass Democratic Struggles of the liberation movements. These struggles were crystalized with the military defeat of the South African Army at Cuito Cuanavale. North American scholars such as Chester Crocker who had mobilized the academy and the US government to support the South African State under a policy of "Constructive engagement"¹⁰ waded in after the military defeat to represent the end of apartheid as the work of "negotiations" and "conflict resolution" specialists from the West who understood that apartheid had to end [Crocker 1992]. Denying the agency of the African peoples in bringing to an end the odious system of apartheid was also evident in the otherwise excellent book by Piero Gleijeses [2013]. Despite the intervention and sacrifices, decolonization was represented as a process where African men and women were not actors in the historical process, but acted upon. Even the language used in many texts about the end of colonization represented Africans as lackluster bystanders.

Since the end of apartheid, there has been very little work in the field of International Relations on the role of the scholars who pushed the neo-liberal turn in the politics of Africa with the World Bank trope of "good governance". Prior to the formal end of apartheid the dominant

⁹ Agenda 2063: The Africa We Want // African Union. URL: <https://au.int/en/agenda2063/overview> (accessed: 10.01.2020).

¹⁰ "Constructive Engagement" is a policy of the US Reagan administration towards the apartheid regime in South Africa in the early 1980s (*Editor's Note*).

ideas of South — South cooperation and a New International Economic Order (NIEO) had informed the thinking of many scholars of African International Relations. In the wake of the reversals for white supremacy in Africa, western foundations, think tanks and governments financed scholars and scholarships with hundreds of millions of dollars to shape concepts of Africa's International Relations [Hearn 2000]. The ideas of Ubuntu and Reconciliation were robbed of their emancipatory content with the new African capitalist class inside the African National Congress (ANC) maintaining that the party is not about revenge, but reconciliation. Reconciliation with capital incorporated the “discourses on democracy and good governance” at the same moment when the political leaders and intellectuals internalized the xenophobia that had been implanted in the society by the apartheid state.

It was the same thinking that induced the South African intellectuals to turn their backs on the Agenda of the World Conference against Racism (WCAR). This third WCAR in September 2001 had emerged from global solidarity between African descendants, the Dalits, Indigenous peoples, Palestinians and the Roma and Sinti peoples. The victory of the declaration that slavery constituted a crime against humanity was buttressed by the Durban Declaration and Program of Action which called for a vigorous education program to bring to the fore genocidal histories¹¹.

While the International Relations of Pan African scholarship in Global Africa has produced new texts and the establishment of a Reparations Centre for Research at the University of the West Indies¹², European diplomats and politicians have been active in Africa, claiming that the enslavement of Africans was perfectly legal and moral. Those Africans whose

ancestors were complicit in this criminal enterprise argued that the matter was simply a commercial activity.

Constructivism and the Challenges of Genocide in Africa

Constructivism as one of the contemporary branches of African International Relations had matured in Africa sucking out the energies that had been generated by scholars such as Samir Amin, Amilcar Cabral, Archie Mafeje, Eduardo Mondlane, Walter Rodney, C.L.R. James and Nawal El Sadawi. In fact, in the development of constructivism as one of the branches of postmodernism in African scholarship sought to canonize thinkers such as Frantz Fanon and C.L.R. James in order to denude their work of the anti-imperialist content. It is this contestation that has arisen in the debates on postcoloniality and the relationship to genocidal histories.

Postmodern scholars of International Relations have sought to turn the works of James and Fanon into personal reflections about “racialized subjectivity”. In selectively reading Fanon, these scholars have diminished his analysis of genocidal histories and his call for a new human being. In the last Chapter of the *Wretched of the Earth* [Fanon 1961], Fanon had been explicit about the genocidal traditions of Europe: “We must leave our dreams and abandon our old beliefs and friendships of the time before life began. Let us waste no time in sterile litanies and nauseating mimicry. Leave this Europe where they are never done talking of Man, yet murder men everywhere they find them, at the corner of every one of their own streets, in all the corners of the globe. For centuries they have stifled almost the whole of humanity in the name of a so-called spiritual experience. Look at them today swaying between atomic and spiritual disintegration” [Fanon 1961].

Fanon had explicitly linked anti-black racism to genocide in his analysis of *Black Skins White Masks* [Fanon 2008]. The body of the work of Fanon interrogated the Lived Experiences of the black person under racism and underlined the necessity to be humanized to transcend racism. This meant that thinkers had to

¹¹ Durban Declaration and Program of Action (DDPA) // United Nations, Human Rights Council. 2001. URL: https://www.un.org/en/durbanreview2009/pdf/DDPA_full_text.pdf (accessed: 10.01.2020).

¹² Centre for Reparation Research. The University of the West Indies. URL: <http://www.reparationresearch.org/> (accessed: 10.01.2020).

develop the theoretical and conceptual tools to be liberated from Eurocentrism and racial essentialism. Karl Marx had grasped this reality at the time of the US Civil War when he wrote: “Labor cannot emancipate itself in the white skin, when in the black it is branded” [Marx 1867/1967: 301].

It was C.L.R. James who had adequately summed up this interconnection between race and liberation when he wrote in the *Black Jacobins*, that “the race question is subsidiary to the class question, and to think of imperialism in terms of race is disastrous. But to neglect the racial factor as merely incidental, is an error only less grave than to make it fundamental” [James 1989: 283].

Both James and Fanon had implicated the primitive accumulation of capital in the refinement of racist ideas and centralized racism in the development of Europe in the period that is called the era of modernity. For C.L.R. James [1989], what was called modernity was thus a celebration of genocide and genocidal histories. There were many scholars of IR who did not represent the genocide of the Roma peoples in Europe as Genocide. This was the forgotten genocide. Z. Bauman’s study on *Modernity and the Holocaust* [Bauman 1989] broke new ground in exposing the centrality of mass murder in the ideation platform of efficiency, scientific rationality and enlightened humans. Systematized mass murder had been a characteristic of states of conquest and the German capitalists took this systematized murder to the industrial stage.

Genocide, Realism and European “Civilization”

The dehumanization of the African has been central to the racist past and present of Europe and North America. It is this dehumanization that is at the heart of the genocidal histories of western capitalism. All of the preeminent European capitalist states carried out genocidal violence in the spread of capital. In the scholarly works on Africa, the genocide of ten million Africans in the Congo by the Belgians in the 19th century had been represented as a humanitarian effort [Hochschild 1998]. Belgium as a small state in Europe had embarked on mass killings, torture and scorched earth policies in the

Congo to make a claim for sovereignty in Europe 40 years after its independence in 1830. The Hobbesian ideas of aggressive nationalism, militarism, rival alliances, spheres of influence and economic competition informed and influenced the international relations of Europe in the era of monopoly capitalism 1870–1920 with disastrous results for the rest of humanity. It was in this period where Europe completed the seizure of colonies in all parts of the globe [Rodney 1970]. The 20th century started from the shadows of the violent interventions and genocidal wars in Africa that were called pacification, and these wars paved the way for the traditions of war and genocide of the 20th century. In fact, the genocide of the Herero peoples in Namibia proved to be a dress rehearsal for the Nazi Holocaust.

E.J. Hobsbawm, a prominent Marxist scholar of International Relations called the 20th century, *The Age of Extremes* and many others noted that this was one of the most violent centuries in human history [Hobsbawm 1996; Shaw 2003]. What Hobsbawm and other students of war failed to do was to connect the specificity of the genocide of the 20th century to Social Darwinism, dehumanization of nonwhites and eugenics. W.E.B. Du Bois had implicated the ideas of white racism in the outbreak of World War I in a little known pamphlet outlined *The African Roots of War* [Du Bois 1915]. Racism and eugenic thinking in International relations had erased the writings on international relations and African knowledge of the earth that had been documented in the 16th century by travelers and given a 20th century rendition by Du Bois in *The World and Africa An Inquiry Into the Part which Africa Has Played in World History* [Du Bois 1947; Smith 2009]. African knowledge of earth and the experiences of African International Relations prior to the era of capitalism have been documented by UNESCO in the *General History of Africa*¹³, but in the main, this historical foundation of Africa’s IR is not well known.

What has been understood in the fields of natural sciences on Africa’s contribution to

¹³ General History of Africa Project // UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/general-history-africa> (accessed: 10.01.2020).

science and mathematics [Eglash 1999] has not yet been grasped in the field of social sciences, so that the ideas of the scientific method influence positivism and the principal methodological approaches to the study of International Relations. As a field of intellectual inquiry, the study of International Relations started many centuries ago and Cheikh Anta Diop in his characterization of pre-colonial African States pointed to the nature of state formation in Africa and ancient Greece and the influences on the subsequent theories of International Relations [Diop 1991].

Up to the present the study of precolonial African international relations remains underdeveloped in so far it is the European conception of IR that is reproduced in the text books. There is a difference between the studies of Cheikh Anta Diop and Martin Bernal [1987], on the one hand, and the schools of International Relations that developed in Europe after the First World War. Errol Henderson had critiqued this racism in IR and in studying the relations between states and wrote how “racism was hidden in plain sight in international Relations Theory” [Henderson 2013; Shepherd 1998].

It was in Southern Africa where western capitalism had locked in the system of apartheid to super exploit black labor in the gold mines where the rationale for the semi-slavery conditions was legitimized. Britain and European control of gold was one of the main mechanisms of imperial power in the beginning of the twentieth century and the super exploitation of Black labor in the mines in Southern Africa had been the prop for the international capitalist system [Magubane 1979]. After the carnage of the First World War, the anti-slavery sentiments of the 19th century had been carried forward into the formation of the International Labor Organization (ILO) in the context of the League of Nations.

African scholars such as N.T.A. Nzula had worked hard to bring the questions of forced Labor to the forefront of International Relations, but imperial scholars whether realists or liberals justified colonialism, racism and forced labor in the name of bringing civilization to Africans [Nzula 1979]. All of the colonial states in Africa

were propped up by servitude, forced labor, unjust taxation and differentially valuing people’s lives and labor setting the stage for the kind of hierarchy of humans that still continues in the 21st century. When the Italians had invaded Abyssinia in 1935, African radicals organized in formations such as the International African Service Bureau and the Council on African Affairs (CAA), opposed Italian fascism and produced a formidable amount of texts on African International Relations that is now relevant in the era of white supremacy [Lynch 1978; Padmore 1969]. The Italian invasion was followed by the Spanish Civil War, the Japanese massacres at Nanjing and the full-blown fascism in Germany under the National Socialists.

German Chauvinism and Genocide in International Law

Universities in the United States had patterned themselves after European Universities so that forced labor and mass murders had been celebrated as “progress”. The experience of the Belgians in the Congo had been replicated by the British in Kenya, by the Portuguese in Angola, by the Germans in Namibia and by the French in all parts of Africa. The Armenian genocide in the early 20th century exposed the linkages between militarism, war and genocidal violence. It was only in 2019 that the French president apologized to the Algerian peoples for the killing of more than one million in the war of independence. These instances of mass murder were not called genocide and it was after the Nazi Holocaust that the concept of genocide entered into the field of International Law.

“The simplest definition of modern genocide is that it is mass murder conceived and perpetrated by modern states and organization” [Gellately, Kiernan 2003].

In the aftermath of the Holocaust, the United Nations adopted the Genocide Convention in 1948¹⁴. The outlines of the UN Convention have

¹⁴ The Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Genocide Convention) // United Nations. December 9, 1948. URL: <https://www.un.org/en/genocideprevention/genocide-convention.shtml> (accessed: 10.01.2020).

been well documented and contested. The Edited book on *The Specter of Genocide* [Gellately, Kiernan 2003] goes beyond the empirical data on the genocides committed in the 20th century to analyze the ideation system that justified genocide.

African Americans had intervened at the United Nations in 1948 to bring the charge of genocide against the government of the United States. The famous petition launched by William Z. Patterson, *We Charge Genocide* [Patterson 1952], was directed to the UN, to demand its inspection and intervention into Jim Crow racism within the USA [Horne 2013]. William Patterson and Paul Robeson had been diplomats of the anti-racist struggles in the aftermath of World War II bringing to the world the reality of genocidal violence beyond Germany.

Writing from the USA where genocide had been represented as “progress” for centuries and popularized in the national consciousness by Hollywood and the film industry, Errol Henderson in his analysis of racism in IR theory had deepened the work of scholars such as Oliver Cox and Cedric Robinson [Henderson 2013]. It was the Pan African rendition of IR theories that inspired the African nationalists such as Kwame Nkrumah and Patrice Lumumba. When Patrice Lumumba rejected the rendition of the realities of the genocide of the peoples of the Congo, he was removed from office and later executed. This form of intervention to justify genocide was also legitimized in the language of anticommunism and Cold War politics [De Witte 2001]. Beth Elise Whitaker and John F. Clark recently represented episodes of western mass murders as aspects of the Cold War [Whitaker, Clark 2018]. Mobutism and the dictatorship of Mobutu Sese Seko became the logical outcome of the destabilization of the Congo. This ensured the remarkable continuity in imperial machine-tions in the Congo from King Leopold II to the present.

One of the more important chapters in *King Leopold's Ghost* is the final chapter, “The Great Forgetting” that captured the realities of Genocidal histories in Europe [Hochschild 1998]. Hochschild recounted how monuments are built in European cities to forget the history of genocide. Hochschild spelt out the efforts by

the Belgian state to celebrate the genocide of Africans in the Congo with the glorification of genocide that is implicit in the Royal Museum of Central Africa in Brussels. Brussels remains the administrative seat of the European Union. Throughout Europe, the traditions of genocide, murders, exploitation and imperial conquest are memorialized as “civilizing missions”.

In the main, universities in the United States tended to reproduce the ideation systems of Western Europe in the teaching of International Relations. Henry Kissinger as one of the leading theorists of IR in the USA had famously argued in 1969 that whites were there to stay in Southern Africa, justifying the military, economic and diplomatic support for British, French, Portuguese colonialism and the system of minority white rule. Mainstream U.S. scholars such as Anthony Lake had broken with Henry Kissinger over this policy and wrote a very critical book [Lake 1976]. Other scholars and realists who believed that the Cold War was the most important question for humanity embraced the *Tar Baby option* and enthusiastically sought to find ways to support the apartheid regime. One such scholar was Chester Crocker who had been an apprentice in the service of Henry Kissinger.

The genocidal traditions of Europe had been internalized in North America and as states of conquest, the European capitalists carried out widespread genocide and enslavement of Africans. According to the scholarship of David Stannard in the *American Holocaust*, “Before the conquest of the New World the Indian population may have numbered from 8,000,000 to 110,000,000; perhaps even 145,000,000. A moderate population estimate consistent with the latest research is of 55,000,000 Indians. Almost totally as a result of several waves of disease carried to the Americas by the conquering and colonizing Europeans, the Indian population dropped steeply by tens of millions, even possibly by as much as 95 percent. In Mexico alone the Indian population may have fallen by 23,000,000 to under 2,000,000. Including those Indians who were killed in warfare and democide, perhaps 60,000,000 to 80,000,000 Indians of Central and South

American and the Caribbean died as ‘a result of the European invasion’” [Stannard 1992].

African Scholars and scholars from the First Nation peoples of the world had introduced the importance of reparative justice in the field of International Relations to bring to the fore the traditions of mass killings [Cook-Lynn 2011]. Not only was physical elimination of the indigenous peoples carried out, but it was popularized by Hollywood. This popularization reinforced on going cultural genocide. “Cultural genocide involved the systematic destruction of traditions, values, language, and other elements which make a one group of people distinct from other groups”. Howard Zim in reflecting on physical and cultural genocide in North American scholarship had observed that the easy acceptance of atrocities as deplorable but a necessary price for progress has been rationalized to the point that western societies accept genocide and destruction of other peoples as normal. He noted in his book, *A Peoples History of the United States* that “one reason these atrocities are still with us is that we have learned to bury them in the mass of other facts, as radioactive wastes are buried in containers in the earth. We have learned to give them exactly the same proportion of attention that teachers and writers often give them in the most respectable of classrooms and textbooks. The learned sense of moral proportion, coming from the apparent objectivity of the scholar, is accepted more easily than when it comes from politicians at press conferences” [Zim 1980].

IR in the Context of the Bandung Project

When the Egyptians nationalized the Suez Canal in 1956, Gamal Abdel Nasser was putting into practice the call for self-empowerment that had been issued from the Bandung Conference that had been held in Indonesia in 1955. Egypt and Ghana were front and center of this Bandung gathering and out of this emerged another understanding of the need for cooperation in the Global South. Samir Amin had written extensively on the deployment of the Bandung Project in African International Relations [Amin 2006: 169–181]. Vijay Prashad had summed up

this project as the struggles for bread, peace and justice by former colonial states. African intellectuals and freedom fighters had adopted this position in order to influence the General Assembly of the United Nations and the Group of 77. It was from this platform that UNCTAD was created and Africans joined the call for a New International Economic Order (NIEO). One of the high points of this international solidarity was laying the foundations for the intervention of the General Assembly of the United Nations and the Human Rights Council [Prashad 2014]. From this activism of African Scholars and diplomats within the international system emanated the Conventions against racism and the labelling of apartheid as a crime against humanity.

The International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (ICERD) is a United Nations convention. A third-generation human rights instrument, the Convention commits its members “to the elimination of racial discrimination and the promotion of understanding among all races”¹⁵.

Adopted at the end of the sixties at the height of the Cold War, this Convention blunted the diplomacy of IR scholars in North America and Europe who were active supporters of global racism. It was in this same moment with the energies of the Non-Aligned Movement and the global anti-racist movements that in 1973, the United Nations General Assembly opened for signature and ratification the International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid. It defined the crime of apartheid as “inhuman acts committed for the purpose of establishing and maintaining domination by one racial group of persons over any other racial group of persons and systematically oppressing them”¹⁶.

¹⁵ International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination // United Nations Human Rights. December 21, 1965. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cerd.aspx> (accessed: 10.01.2020).

¹⁶ International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid // United Nations. November 30, 1973. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201015/volume-1015-I-14861-English.pdf> (accessed: 10.01.2020).

This diplomatic victory was a necessary component of the global anti-apartheid struggles that involved diplomacy, international sanctions, supporting the liberation movements and the mass actions of the oppressed in Southern Africa. All of these four aspects of the global anti-apartheid struggles anchored African International Relations within the field of the study of self-determination and inspired a moment of the rejuvenation of African and Pan African scholarship. During April 1994, the peoples of South Africa celebrated the end of apartheid and centuries of institutionalized racism and white supremacy. The promise of a new era of African International Relations was, however, shattered by the news, that same month, of the start of the genocide in Rwanda. Genocidal violence had been rampant in Burundi but the President of Tanzania was thwarted from intervening to stop genocide in Burundi in 1972 when President Michel Micombero argued that he had the legitimate right to kill his own people.

Full scale genocide in Rwanda in 1994 brought the question on nonintervention in the internal affairs of states and issues of sovereignty out from the shadows of the OAU borrowings from conventional international relations theory. War, violence and the avalanche of murders in the Great lakes region of Africa made the traditions of genocide a burning question for the new question of IR that transcended the low respect for human life in Africa. The process of self-determination and self-rule had been inspired by a social movement that wanted a different relationship between the peoples and their governments but in the aftermath of the assassination of Patrice Lumumba in 1961, the Organization of African Unity had been created as a compromise to protect African leaders [Tandon 1972].

Briefly, it can be stated that though the processes of decolonization and independence were inspired by the theories of self-determination, the political leaders had internalized the ideas of territorial integrity and sovereignty of states, instead of conceptions of sovereignty of the people. In so far as centers such as the Nigerian Institute of International Affairs (NIIA) in Lagos and the South African Institute of

International Affairs (SAIIA) were linked organically to similar Institutes in London, Paris, and Washington, the interns on international diplomacy were taught the ideas of Machiavelli, Thomas Hobbes, John Locke, Hans Morgenthau and Henry Kissinger (in short, the ideas of realism). Realists had argued in Europe and the USA that rather than concentrating on disarmament as a route to peace, states and governments should prepare for war in order to maintain balance of power. These ideas were translated into policies that viewed the African military as vehicles for modernization and stabilization. Lucien Pye's writings on the Military and modernization were very influential in this period [Pye 1971].

It was in Dar es Salaam, Tanzania where there were efforts to introduce the theories of Amilcar Cabral, Samora Machel, Kwame Nkrumah and the thinking that informed the liberation process. The Mozambique-Tanzania Centre for Foreign Relations (CFR)¹⁷, as a higher learning institution in Dar es Salaam, Tanzania did not teach the writings of Thucydides, that "the strong do what they can, the weak suffer what they must". As one of the designated least developed States, the political leadership of Tanzania under Julius Nyerere opposed genocide and the Tanzanian candidate for the Secretary General of the United Nations, Salim Ahmed Salim exposed the possibilities of principled diplomats from the Global South.

It was in this environment of national liberation where Marxism as an alternative explanatory tool emerged within the teaching of African International Relations. However, as the publications of the Dar es Salaam debates showed, there was a crude and mechanistic application of Marxism that did not break from the determinism of classical Marxist thought [Tandon 1982; Tandon 1984]. In states such as Egypt, Sudan, Nigeria and Ethiopia there were Marxist scholars who attempted to carve out alternative spaces for intellectual reproduction but the savagery of the repression of the Cold War killed many scholars and drove hundreds

¹⁷ Center for Foreign Relations official website. URL: <https://cfr.ac.tz/> (accessed: 10.01.2020).

into exile. Nigerian Marxists had come in for special opprobrium with international capital going overboard to coopt and exploit the stillborn Nigerian Socialist movement [Mayer 2016]. Most of the leaders of the liberations movements such as Amilcar Cabral, Agostino Neto, Mario Andrade, Deolinda Rodrigues, Samora Machel, Marcelino Dos Santos, Aquino de Braganza, Robert Mugabe, Chris Hani, Joe Slovo and Ruth First had adhered to some variant of Marxist thought. Of the eleven thinkers named above, five lost their lives as imperialism sought to crush ideas of African freedom. Those South African Marxists who had survived because of exile returned after 1994 but were no match for the millions of dollars being spent to entrench neo liberalism and post modernity into the South African academy.

By the time of the fall of the Berlin Wall in 1989, the Marxist methodology had been vigorously debated in Africa and the philosophical explorations that were inspired by the end of apartheid brought to the fore ideas of the *African Renaissance* and *Ubuntu*. Even with the debates on the African Renaissance, the intellectual subservience the ideas of the stages of human development were very clear in the Thabo Mbeki's rendition of African Renaissance. It was thus not accidental that neoliberal projects such as the New Partnership for Africa's Development (NEPAD) were developed within the intellectual traditions of the World Bank prescriptions for Africa. Patrick Bond had captured the duplicity implicit in the neoliberal proposals of NEPAD [Bond 2004].

Within the discipline of African International Relations, there have been conferences and meetings grappling with the question of the relationship between the epistemological frameworks and easy justification of genocide and mass murder. This has taken the form of a critical assessment of the methodologies used in the teaching of contemporary International Relations theory. However, the traditions of realism and positivism have such a firm root within the University as neo colonial capitalism has a firm root in the body politic that there is still equivocation over the issues of the realities of genocidal histories in Africa. This kind of

equivocation is best expressed in books such as *International Theory: Positivism and Beyond* [Smith, Booth, Zalewski 1996]. The search for alternative paradigms beyond positivism has taken many forms and found expression in the publications of African scholars in organizations such as the African Association of Political Scientists (AAPS) and the Council for the Development of Social Science Research in Africa (CODESRIA) [Mafeje 1992].

Mahmood Mamdani sought to explore the implications of the realist ideas of citizenship in his book, *Citizens and Subjects: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism* [Mamdani 1996]. As one of the participants of the Marxist debates of the seventies, Mamdani was aware of the importance of academic work in the area of policy making. His intervention in the book, *When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism, and the Genocide in Rwanda* complicated the questions raised by the media discourse on the origins of the Rwanda genocide [Mamdani 2002]. Michael Barnett in his work on *Eyewitness to a Genocide: The United Nations and Rwanda* had attributed the failure to act as a result of the "Bureaucratic Infrastructure of Indifference" [Barnett 2002]. The conception of indifference was never related to genocidal histories in Central Africa, nor the complicity of the French state and mainstream intellectuals in France who orchestrated French support of the ruling Hutu Habyarimana regime, Belgian supply of arms, as well as the humanitarian aid these nations proffered. Phillip Gourevitch in his study of the Rwanda Genocide determined that the non-intervention by the USA and the United Nations was a success in so far as the USA did not see intervention in the national interest of the USA [Gourevitch 1999]. General Romeo Dallaire, the former force commander of the UN mission to Rwanda in 1993–1994 determined that the Rwanda genocide was the *Failure of Humanity* [Dallaire 2004].

However, there has been some attention to the violence perpetrated by women with the participation of women as killers described as "unprecedented anywhere in the world". The presence of "female génocidaires", exposed the power of propaganda in mobilizing even

oppressed women to participate in genocidal violence [Jones 2002]. The realities of this genocide have been so massive that many social scientists have steered clear of the subject and novelists represent these violent genocidal experiences as acts of evil [Diop 2014]. More recently, some scholars have resorted to the Kantian concept of *Radical Evil* to be able to grasp war crimes and crimes against humanity in Africa [Agwu 2019]. Professor Agwu in his book on the ICC implored the African Union to remain in the ICC when leaders in countries such as Kenya and the Sudan had tapped into African nationalism to argue that the International Criminal Court is illegitimate because it was targeting Africans. This author had waded in to argue that Pan Africanists from the grassroots cannot await the legal processes of the International Criminal Court (ICC) to organize against criminality and genocide in Africa.

Scholars of International Relations were critiqued for not exposing the post-election violence of Kenya in 2008 where political leaders had mobilized the African Union to withdraw support for the ICC. Scholars will have to take the lead to ensure that those who commit genocidal violence and crimes against humanity are tried in the court of public opinion and

isolated in every way. In this way all of the resources available within the Pan African Movement must be deployed to ensure that the members of criminal syndicates involved in drug running, gun running and money laundering cannot use these resources to corrupt the political processes.

Mahmoud Mamdani argued that, “there is no doubt that the perpetrators of violence should be held accountable, but when and how is a political decision that cannot belong to the ICC prosecutor. More than the innocence or guilt of the president of Sudan, it is the relationship between law and politics, including the politicization of the ICC, which poses a wider issue, one of greatest concern to African governments and peoples” [Mamdani 2010: 273].

Feminists have enriched the research on genocide liberating the study from its male centered preoccupations. These scholars have researched the reality that systemic gender persecution and violence against women “do not constitute a crisis for international lawyers” [Starr 2007]. Ifi Amadiume in her scholarship not only introduced new conceptions of gender but also explored the relationship between *The Politics of Memory: Truth, Healing and Social Justice* [Amadiume, An-Na’im 2000].

Received / Поступила в редакцию: 28.01.2020

Accepted / Принята к публикации: 10.03.2020

References / Библиографический список

- Adebajo, A., Adedeji, A. & Landsberg, C. (2007). *South Africa in Africa: The Post-Apartheid Era*. Scottsville: University of KwaZulu-Natal Press.
- Agwu, F.A. (2009). *National Interest, International Law and Our Shared Destiny*. Ibadan: Spectrum Books.
- Agwu, F.A. (2019). *Africa and International Criminal Justice: Radical Evils and the International Criminal Court*. London: Taylor and Francis. DOI: 10.4324/9780429342738
- Amadiume, I. & An-Na’im, A.A. (2000). *The Politics of Memory: Truth, Healing and Social Justice*. London: Zed Books.
- Amin, S. (2004). *The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World*. New York: Monthly Review Press.
- Amin, S. (2006). *A Life Looking Forward: Memoirs of an Independent Marxist*. London: Zed Books.
- Amin, S. (2013). *The Implosion of Contemporary Capitalism*. New York: Monthly Review Press.
- Amin, S. (2014). *Capitalism in the Age of Globalization*. London: Zed Press.
- Barnett, M. (2002). *Eyewitness to a Genocide: The United Nations and Rwanda*. New York: Cornell University.
- Bauman, Z. (1989). *Modernity and the Holocaust*. New York: Cornell University Press.
- Bernal, M. (1987). *Black Athena: Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. Vol. I: The Fabrication of Ancient Greece, 1785—1985. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Besteman, C. (2018). Militarized Global Apartheid. *Current Anthropology*, 60 (19), 26—38. DOI: 10.1086/699280

- Bond, P. (2004). *Talk Left, Walk Right: South Africa's Frustrated Global Reforms*. Scottsville: University of KwaZulu-Natal Press.
- Brooks, R. (2016). *How Everything Became War and the Military Became Everything*. New York: Simon & Schuster.
- Brown, W. (2006). Africa and International Relations: A Comment on IR Theory, Anarchy and Statehood. *Review of International Studies*, 32 (01), 119—143. DOI: 10.1017/S0260210506006954
- Campbell, H. (2018). Nelson Mandela and the Universalist Spirit. In: Shubin, V.G. & Zelenova, D.A. (Eds). *South Africa: Pages of History and Contemporary Politics*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
- Campbell, H.G. (2013). *Global NATO and the Catastrophic Failure in Libya: Lessons for Africa in the Forging of African Unity*. New York: Monthly Review Press.
- Clarke, K.M. (2019). *Affective Justice: The International Criminal Court and the Pan-Africanist Pushback*. Durham: Duke University Press.
- Cook-Lynn, E. (2011). *A Separate Country: Postcoloniality and American Indian Nations*. Lubbock: Texas Tech University Press.
- Crenshaw, K. (1989). Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *University of Chicago Legal Forum*, 1, 139—167. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1052&context=uclf> (accessed: 10.01.2020).
- Crocker, C. (1992). *High Noon in Southern Africa: Making Peace in a Rough Neighborhood*. New York: Norton.
- Daley, P. (2008). *Gender and Genocide in Burundi: The Search for Spaces of Peace in the Great Lakes Region*. London: James Currey.
- Dallaire, R. (2004). *Shake Hands with the Devil. The Failure of Humanity*. New York: Carroll and Graf Publishers.
- De Witte, L. (2001). *The Assassination of Lumumba*. New York: Verso Books.
- Diop, B.B. (2014). *Murambi, le livre des ossements*. Paris: Zulma Editions.
- Diop, C.A. (1991). *Civilization or Barbarism: An Authentic Anthropology*. New York: Lawrence Hill.
- Du Bois, W.E.B. (1915). The African Roots of War. *Atlantic*, May, 707—714. URL: <http://scua.library.umass.edu/digital/dubois/WarRoots.pdf> (accessed: 10.01.2020).
- Du Bois, W.E.B. (1947). *The World and Africa: An Inquiry into the Part Which Africa Has Played in World History*. New York: Viking Press.
- Dunn, K.C. & Shaw T.M. (Eds). (2001). *Africa's Challenge to International Relations Theory*. New York: Palgrave.
- Eglash, R. (1999). *African Fractals: Modern Computing and Indigenous Design*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Fanon, F. (1961). *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press.
- Fanon, F. (2008). *Black Skin, White Masks*. New York: Grove Press.
- Gellately, R. & Kiernan, B. (2003). *The Specter of Genocide: Mass Murder in Historical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511819674
- Glejjeses, P. (2013). *Visions of Freedom: Havana, Washington, Pretoria, and the Struggle for Southern Africa, 1976—1991*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Gourevitch, P. (1999). *We Wish to Inform You That Tomorrow We Will Be Killed with Our Families: Stories from Rwanda*. New York: Picador Books.
- Hearn, J. (2000). Aiding Democracy? Donors and Civil Society in South Africa. *Third World Quarterly*, 21 (05), 815—830. DOI: 10.1080/713701079
- Henderson, E.A. (2013). Hidden in Plain Sight: Racism in International Relations Theory. *Cambridge Review of International Affairs*, 26 (01), 71—92. DOI: 10.1080/09557571.2012.710585
- ways that support the vThe Age of Extremes: A Short History of the World. New York: Vintage Books.
- Hochschild, A. (1998). *King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial Africa*. New York: Mariner Books.
- Horne, G. (2013). *Black Revolutionary: William Patterson and the Globalization of the African American Freedom Struggle*. Champaign: University of Illinois Press.
- Hudson, P.J. (2017). Racial Capitalism and the Dark Proletariat. *Boston Review*, Winter. URL: <http://bostonreview.net/forum/remake-world-slavery-racial-capitalism-and-justice/peter-james-hudson-racial-capitalism-and> (accessed: 10.01.2020).
- James, C.L.R. (1989). *The Black Jacobins: Toussaint L'Ouverture and the San Domingo Revolution*. New York: Vintage Books.

- Jones, A. (2002). Gender and Genocide in Rwanda. *Journal of Genocide Research*, 4 (01), 65—94. DOI: 10.1080/14623520120113900
- Jones, G.B. (Eds.). (2006). *Decolonizing International Relations*. Lanham: Rowman and Littlefield.
- Klotz, A. (1995). Norms Reconstituting Interests: Global Racial Equality and U.S. Sanctions against South Africa. *International Organization*, 49 (03), 451—478. DOI: 10.1017/S0020818300033348
- Kuperman, A.J. (2013). A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign. *International Security*, 38 (01), 105—136. DOI: 10.1162/ISEC_a_00126
- Kuperman, A.J. (2019). America's Little-Known Mission to Support Al Qaeda's Role in Libya. *National Interest*, August 13. URL: <https://nationalinterest.org/feature/americas-little-known-mission-support-al-qaedas-role-libya-73271> (accessed: 10.01.2020).
- Lake, A. (1976). *The "Tar Baby" Option: American Policy toward Southern Rhodesia*. New York: Columbia University Press.
- Lintock, A. (1995). *Imperial Leather: Race Gender and Sexuality in the Colonial Context*. London: Routledge.
- Lynch, H.R. (1978). *Black American Radicals and the Liberation of Africa: The Council on African Affairs, 1937–1955*. New York: Cornell University.
- Mafeje, A. (1992). *In Search of an Alternative: A Collection of Essays on Revolutionary Theory and Politics*. Harare: SAPES Books.
- Magubane, B.M. (1979). *The Political Economy of Race and Class in South Africa*. New York: Monthly Review Press.
- Mamdani, M. (1996). *Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Princeton: Princeton University Press.
- Mamdani, M. (2002). *When Victims Become Killers: Colonialism, Nativism, and the Genocide in Rwanda*. Princeton: Princeton University Press.
- Mamdani, M. (2010). *Saviors and Survivors: Darfur, Politics, and the War on Terror*. New York: Doubleday.
- Marx, K. (1867/1967). *Capital*. New York: International Publishers.
- Mayer, A. (2016). *Naija Marxisms: Revolutionary Thought in Nigeria*. London: Pluto Press.
- Mazrui, A. (1977). *Africa's International Relations: The Diplomacy of Dependency and Change*. Boulder: Westview Press.
- Mkandawire, T. & Olukushi, A. (Eds.) (1995). *Between Liberalisation and Oppression: The Politics of Structural Adjustment in Africa*. Dakar: CODESRIA.
- Neocosmos, M. (2016). *Thinking Freedom in Africa: Toward a Theory of Emancipatory Politics*. Johannesburg: Wits University Press.
- Nkiwane, T. (2001). Africa and International Relations: Regional Lessons for a Global Discourse. *International Political Science Review*, 22 (03), 279—290. DOI: 10.1177/0192512101223005
- Nkrumah, K. (2007). *Africa Must Unite*. London: Panaf Books.
- Nzula, A.T. (1979). *Forced Labour in Colonial Africa*. Chicago: Lawrence Hill Books.
- Padmore, G. (1969). *How Britain Rules Africa*. New York: Negro Universities Press.
- Patterson, W.L. (1952). *We Charge Genocide: The Historic Petition to the United Nations for Relief from a Crime of the United States Government Against the Negro People*. Detroit: Civil Rights Congress.
- Prashad, V. (2014). *The Poorer Nations: A Possible History of the Global South*. New York: Verso Books.
- Pye, L. (1971). *Warlord Politics: Conflict and Coalition in the Modernization of Republican China*. New York: Praeger.
- Rasmus, J. (2015). *Systemic Fragility in the Global Economy*. Atlanta: Clarity Press.
- Robinson, C. (1983). *Black Marxism: The Making of the Black Radical Tradition*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Rodney, W. (1970). The Imperialist Partitioning of Africa. *Monthly Review*, 21 (11), 103—114.
- Schorr, V. (2011). Economics of Afro-Pessimism: The Economics of Perception in African Foreign Direct Investment. *Nokoko*, 2, 23—62.
- Shaw, M. (2003). *War and Genocide: Organized Killing in Modern Society*. Oxford: Polity Press.
- Shepherd, G.W. (1998). The Study of Race in American Foreign Policy and International Relations. In: Krenn, M. (Eds.). *Race and U.S. Foreign Policy from Colonial Times through the Age of Jackson*. New York: Garland Publishers.
- Smith, K. (2009). Has Africa Got Anything to Say? African Contributions to the Theoretical Development of International Relations. *The Round Table*, 98 (402), 269—284. DOI: 10.1080/00358530902895378
- Smith, S., Booth, K. & Zalewski, M. (Eds.). (1996). *International Theory: Positivism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Stannard, D. (1992). *The American Holocaust: Columbus and the Conquest of the New World*. Oxford: Oxford University Press.
- Starr, S. (2007). Extraordinary Crimes at Ordinary Times International Justice beyond Crisis Situations. *Northwestern University Law Review*, 101 (03), 1257—1314.
- Steans, J. (2013). *Gender and International Relations*. Oxford: Polity Books.
- Tandon, Y. (1972). The Organization of African Unity: A Forum for African International Relations. *The Round Table*, 62 (246), 221—230. DOI: 10.1080/00358537208453021
- Tandon, Y. (1982). *University of Dar es Salaam: Debate on Class, State and Imperialism*. Dar es Salaam: Tanzania Publishing House.
- Tandon, Y. (1984). Arguments within African Marxism: the Dar es Salaam Debates. *Journal of African Marxists*, 5, 31—43.
- Whitaker, B.E. & Clark, J.F. (2018). *Africa's International Relations, Balancing Domestic and Global Interests*. Boulder: Lynne Rienner.
- Xuetong, Y. (2011). *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*. Princeton: Princeton University Press.
- Zim, H. (1980). *A People's History of the United States*. New York: Harper & Row.

About the author: *Campbell Horace G.* — PhD, Professor of Political Science and African American Studies, Maxwell School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University, New York, USA (e-mail: hgcampbe@syr.edu).

Сведения об авторе: *Кэмпбэлл Хорас* — доктор философии, профессор политологии и афро-американских исследований, Школа гражданства и публичной политики им. Дж. Максвелла, Сиракузский университет, Нью-Йорк, США (e-mail: hgcampbe@syr.edu).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-131-146

Research article

Narrative and Critical Imaginations in International Relations*

J. da S.C. de Oliveira

Pontifical Catholic University of Minas Gerais, Poços de Caldas, Brazil

Abstract. Narrative strategies have gained growing attention in IR. One key promise is mobilizing a diversity of interpretations and exploring the politics contestedness in ways that support the view of IR as focused on the multiplicity of the world(s) of international and global affairs. This article brings a broad map of the use of narrative approaches in IR and connects it with Edward Said's notion of "worldliness" in order to highlight the political aspects of writing and representation within academia. It situates this "narrative turn" within the complexities of a broader context of crisis in Eurocentric forms of knowledge and representation. In addition, it reveals a double movement of scholarly disenchantment and re-enchantment that signals towards the productivity of intellectual unease about representational practices and the place of the "I" voice in academic writing. Bearing in mind these reactions and shared pursuit of a more empathetic relationship between researcher and researched, scholars and the public in general, teachers and students, I thus briefly tell the experience of openly discussing and practicing a narrative approach in the classroom and how students tended to engage (or not) with narrative as a way of making sense of their "I" in IR.

Key words: narrative, International Relations (IR), subalternization of knowledge, Edward Said, postcolonialism, methodology

For citation: De Oliveira, J. da S.C. (2020). Narrative and Critical Imaginations in IR. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 131—146. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-131-146

Научная статья

Нарративные и критические образы в международных отношениях

Дж.С.К. де Оливейра

Папский католический университет Минас-Жерайс, Посос-де-Кальдас, Бразилия

Нарративные подходы привлекают все большее внимание исследователей международных отношений. Одной из ключевых предпосылок данного подхода является рассмотрение разнообразных толкований и изучение противоречивости политики таким образом, чтобы рассматривать международные отношения как множественность мира(ов) в рамках мировой политики. Эта статья содержит анализ использования нарративных подходов к изучению международных отношений и связывает их с понятием «приземленности» Эдварда Саида, которое позволяет подчеркнуть политические аспекты литературных произведений и репрезентации в академических исследованиях. «Поворот к нарративу» помещается в более широкий контекст кризиса евроцентризма знаний и представлений о международных отношениях. Кроме того, в статье демонстрируется растущее значение демонстрации «Я» исследователя в научных текстах. Имея в виду общее стремление к более чутким отношениям между

* A previous version of this article was presented at the Brazilian Association of International Relations (ABRI) 2019 conference held at the Pontifical Catholic University of Minas Gerais (PUC Minas), Belo Horizonte, MG, Brazil, under the title "Narrative IR, Worldly IR: The Politics of the Recent Turn to Narrative Approaches in IR". Some parts of the argumentation were also developed in more depth somewhere else. See: De Oliveira J. da S. C. *Postcolonial Maghreb and the Limits of IR*. London: Palgrave Macmillan, 2019.

© De Oliveira J. da S.C., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

исследователем и предметом исследования, учеными и общественностью в целом, преподавателями и студентами, автор кратко излагает опыт открытого обсуждения и практики нарративного подхода в учебной аудитории, когда студенты проявляют тенденцию использовать (или нет) нарративный подход как способ осмыслить свое «Я» в изучении международных отношений.

Ключевые слова: нарратив, международные отношения, субальтернализация знаний, Эдвард Саид, постколониализм, методология

Для цитирования: *De Oliveira J. da S.C. Narrative and Critical Imaginations in International Relations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 131—146. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-1-131-146*

The world of international politics is filled with narratives. When the US government justified its so-called war on terror after the September 11, 2001 attacks, they told a story so powerful that our view on the world is in many ways still imprisoned by it today [Campbell et al. 2007; Wibben 2011]. In an article published in 1987, feminist theorist Carol Cohn brings a brilliant and ground-breaking account on the practices and language deployed by nuclear defense professionals in a research centre and shows how this everyday politics is central to producing a particular way of thinking, talking about, and dealing with weapons, wars and people's lives, as well as to sustaining the US government's nuclear strategy itself [Cohn 1987].

Another interesting example in this sense can be found in Helle Malmvig's study exploring the contrasts in the language employed within the international community during the succession bloody events in two contemporaneous conflicts during the 1990s, one in a North African country, Algeria, and the other in an Eastern European country, Kosovo¹. Focusing on the articulations of the concept of sovereignty by the international community and the different practices of either intervention (in Kosovo) or non-intervention (in Algeria) they entailed in each case, Malmvig [2006] manages to show the complex ways that discourse and political concepts evolve over time and vary according to circumstances of time and space. Thus, narratives serve to either encourage or undermine certain responses — as well as the political and ethical grounds on which they rely — in the international arena.

Narratives thus “tell us a lot about the limits and possibilities of political life” [Moulin 2016:

¹ Russian Federation does not recognize Republic of Kosovo's independence (*Editor's Note*).

138]. As discipline, International Relations (IR) is built upon a set of narratives about the formation and expansion of the international system/society and how international actors perform their roles and actions within it. As Bartelson [1995], Inayatullah & Blaney [2004], Walker [1993], and Weber [2001], to name a few, highlighted in their works, it seems only fair to suggest that IR is “product of competing and contesting narratives, some of which have become so dominant that they have... been taken to represent the sole explanation for the realities and nature of international political life” [Moulin 2016: 139]. When reflecting upon the constraints to “our capacity to imagine” and speak of the world of international and global affairs and type of reactions they have generated in a certain corner of the discipline, Wanda Vradi has recently summarized: “The stories IR likes to tell are often the same ones that we encounter in foreign affairs reporting and policy-making”, these stories “deal with balance of powers, security alliances, and geopolitical calculations in a world of limited resources and thin sociality” [Vradi 2017: 273].

The use of narratives strategies — ranging from autoethnography, autobiography, storytelling, fictional IR, among other approaches — has gained growing attention in the study of global politics [Brigg, Bleiker 2010; Dauphinee 2010; 2013a; 2013b; 2015; Doty 2004; 2010; Inayatullah 2011; Muppidi 2013; Park-Kang 2015; Shindo 2012; Vradi 2010; Wibben 2011]. Along with this movement, stories other than the ones we hear from diplomats, politicians, mainstream media and IR theorists are brought to center stage in order to expose the myths shaping the world of international politics, as well as the violence and silences encouraged and perpetrated

by those myths. One key promise in “Narrative IR” [Dauphinee 2013a] is mobilizing a diversity of interpretations and exploring the politics contestedness in ways that support the view of IR as a field focused on the multiplicity of the world(s) of international and global affairs.

As a method for both/either thinking IR and/or writing IR, narrative strategies might even assist researchers, teachers and students in making sense of what Edward Said would describe as the “worldly” aspects of IR theories and concepts — which, as we know, are sometimes excessively abstract, convoluted, and disconnected from particularities of time and space and the materiality of the world of global and international relations. The narrative “I” voice, for instance, has been adopted in many occasions as means to expose the researcher’s own motivations and limits in what comes to knowledge production in general, and her relationship with her subject of research in particular. Moreover, these approaches also help to expose the narrative nature of truth claims when writing the political, encouraging deeper engagements not only with narratives as written, oral, or even sensorial substrata, but also with the political aspects of narratives as “knowledge stories”.

This article aims to explore how the notion of narrative has been incorporated into the world(s) of IR. In the first section, I briefly discuss some of the epistemological and methodological implications of taking narratives seriously in the study of international and global affairs. In the second section, I connect this broad map, key concepts and problematizations regarding academic writing and the politics of representation with Edward Said’s notion of “worldliness” in order to highlight the political aspects of narrative strategies within academia.

By reading what Dauphinee has called “Narrative IR” in parallel with Said’s explorations of the relationship between the world and the text, one is able to situate this “turn” towards narratives within the complexities of a broader context of crisis in Eurocentric forms of representation and the subalternization of knowledge that came along with it. In this sense, the notion of “worldliness” allows us to better

understand these reactions and the shared pursuit of a more empathetic relationship between researcher and researched, scholars and the public in general, teachers and students. Moreover, it assists us in addressing the anxieties, desires and ambivalences of those who have been openly deploying narrative approaches. In the last section, I briefly narrate the experience of openly discussing and practicing a narrative approach in the classroom and how students tend to engage (or not) with narrative as a way of making sense of and situating their “I” in IR.

Narrative IR

The politicization of language and textual practices is by no means new in the study of international and global politics². Neither is the problematization of the interpretive categories that are key to social thought in general, including the study of international and global affairs, such as gender, class, race, power, state, ideology, to name a few³. Feminists, postcolonial and postmodern approaches have been pioneers in the deployment of a discursive approach and the articulation of alternative methodological strategies in their critiques of science, including, of course, Political Science and International Relations. Speaking from, and usually combining insights emerging at the intersections of the fields of Literature, Philosophy, Anthropology and Cultural Studies, to name a few, these critical voices problematize IR as a field of inquiry that “erase the political status of women, colonized and indigenous people, and racialized objects as being secondary, ‘before’ or ‘outside’ of normative state politics” [Vrasti 2017: 273]. The strategies and more particular aims of those approaches are manifold and as broad as the definitions one can provide for the term ‘narrative’ itself. However, a major point of connection among them seems evident in their

² In what concerns critical engagements with a discursive approach in IR, see, for example: [Campbell 1992; Der Derian, Shapiro 1989; Milliken 1999].

³ In what concerns critical engagements with the tropes of class, gender and race in the study of international and global politics, for example, see: [Anievas, Manchanda, Shilliam 2015; Enloe 2004; 2014; Henderson 2013; Vitalis 2005; Wibben 2011].

attempts at articulating epistemologies and methodologies that acknowledge the complexity, contingency, multiplicity and ambiguity of political realities.

In a brief mapping of the engagements with “critical methodological and narrative developments in IR” as resulting from the discussions during a workshop held in 2012 at the York University (Canada), Elizabeth Dauphinee [2013a] recalls how the sort of reflexive narrative approach inaugurated in feminist theorist Carol Cohn’s 1987 article stood quite forgotten by IR scholarship for at least two decades. As Dauphinee observes, Cohn’s narrative approach was widely acclaimed and cited, but “recognized mainly as a commentary on the limits of scholarship rather than as a legitimate scholarly contribution in its own right”. I think Dauphinee was referring to Cohn’s more radical reflexive attitude when adopting an autoethnographic stance — an innovative writing strategy in the field of IR in the late 1980s — and to how she manages to expose aspects of her own position as researcher, drawing the reader’s attention to the perks and pitfalls of her process of discovery rather than opting for a one-way road toward a conclusion that simply stresses the limits of academic enquiry.

As Vrasti highlights, the hyphenated triad ethnography-autoethnography-autobiography has been broadly mobilized in a number of interventions attempting “to come to terms with difference, subjectivity, and the desire of language” in engaging and writing IR. They are all examples of narrative approaches in IR and, although there are considerable differences among them — including how each of them is understood in the scope of particular research designs where they are employed, — sometimes they may overlap as academic writing genres in their attempts at “textual translation” of fieldwork and personal experience. Vrasti herself has been an advocate of ethnography as a participatory and dialogical mode of writing rather than mere methodology — specially in the more traditional meaning of the word — to be applied during fieldwork. In this perspective, although ethnography surely appears as a “process for organizing knowledge and communicating

experience” whose methods can sometimes “look in places and pick up on details other methods would not register” — the reason why it became a darling among feminist, postcolonial and indigenous studies, to name a few, — it may also encourage “an extractive relation to the surrounding world” — as Vrasti cautions us. That is to say, it might fall into the same “documentalist” and truth-seeking “temptations” already present in realist anthropology and in conventional approaches to political science and IR [Vrasti 2017: 275].

The stance encouraged by Vrasti’s narrative approach fosters research that reorients the questions of authority and subjectivity in international and global affairs through efforts that may start from questions as simple (and simultaneously ground-breaking) as “where are the women?” — as Cynthia Enloe [2004; 2014] has emblematically done in her work. Moreover, it may help to open up the field to “the multiplicity of unauthorized narrators and voices — collective, singular, fragmented and unsigned — that continue to creep in the cracks of the interstate relations” [Moulin 2016: 142]. In addition, it opens the ground to questions related to “narrative conventions” and to the “explanatory authority” of the researcher [Vrasti 2010: 87].

In other words, if we draw our attention to the politics of writing as Vrasti suggests, it becomes possible to address the relations between researcher and researched, narrator and narrative, and the ways they are linked to issues of power and authority. Interestingly enough, in doing so, it can open up possibilities to address the realms of restlessness, guilt, and even anger that may have led some critics towards a search for alternative truths — i.e. a truth of a very different nature than scientific truth.

Instigation around narratives as not only means of communication but also as appropriate material for academic knowledge in IR has been theme of recent academic forums and journals. To name a few, and as mentioned above, in 2012 the York Centre for International and Security Studies (Canada) held a workshop on “Critical Methodologies, Narrative Voice and the Writing of the Political: The Limits of Language”. The

reflections by some of the attendees was published in a mini-forum on critical methodologies and narrative IR at the webpage *The Disorder of Things*. In 2010, *Review of International Studies* published a number of forum articles on the subject; and the same path was followed in 2016 by *Crítica Contemporánea — Revista de Teoría Política* in the launching of a dossier on “Narrative (and) Politics” containing pieces in English, Portuguese and Spanish. New IR journals such as *Critical Studies on Security* (2013) and *Critical Military Studies* (2015) have maintained submission policies that accept fiction and poetry in their special sections. A space was also recently formalized in the *Journal of Narrative Politics*, an interdisciplinary publication sponsored by York University and edited by Elizabeth Dauphinee, Jenny Edkins, Naeem Inayatullah, Narendra Kumarakulasin-gam, Dan Öberg, and Paulo Ravecca.

Perhaps now one of the most militant voices among those advocating autoethnographic writing as one way to come to terms with the questions of power and authority between researcher and researched, as well as with the fictitious absence of the researcher’s “I” in the academic text, Roxanne Lynn Doty alerts that “we lose our humanity when we write for the ‘discipline’” [Doty 2004: 383]. As she problematizes, “the voice that echoes from our journals is all too often cold, detached, devoid of soul and human identity. As academic writers we have no personality on the page, no connection to the world of human beings” [Doty 2004: 381]. The absence of the self / “I” she mentions in academic writing is thus deeply political, since the series of exclusions and sanitizations occurring in this mode of detached, objective style of narration is nothing less than an unsuccessful attempt to conceal “the elusive thing called desire that lurks within all of us” [Doty 2004: 379].

In a nutshell, by calling attention to the artificiality and violence inherent to traditional academic writing in its efforts to erase emotions and the inevitable connections between the writer and the world she desires to reach/speak of/write about, Doty is making the case of the inherent political value of a movement towards what

Shapiro [1989] called “insurrectional textuality” instead. That is to say, to a “writing practice that is resistant to familiar modes of representation, one that is self-reflective enough to show how meaning and writing practices are radically entangled” [Shapiro 1989: 13]. The absence of the academic’s “I” is (and can only be) fictitious, for “there is always voice in writing even if the voice is one of absence” [Shapiro 1989: 383].

Doty then highlights the potential of autoethnographic writing to shed light on the “other voices” in a text⁴. Doty’s understanding of “other voices” relates to the possibility of writing in other ways that disrupt and differ from the emotionless style that prevails in academic writing. Doty’s urge undoubtedly comprises “the need to transform academic international relations in a more inclusive intercultural dialogue that would... include voices from below, and ask[s] what such an inclusion could mean” [Doty 2004: 381].

Nonetheless, what seems to concern the author the most is the “other voices” of her own. That is to say, the voices that scholars are often encouraged to bury beneath the authority of the academic voice and “the sterility of the stories” they tell. More to the point, even though Doty states that opening the discipline to “other” voices in the sense of the numerous human beings who are excluded from is one step towards the more complicated path of “making connections in our writings” [Doty 2010: 1050], the movement she proposes may indeed sound as a search for the cure of “the maladies of our [academic] souls”.

However, another possible reading of Doty’s plea is that the healing process of the “maladies of our souls” must include the exposure of academic writing, theories and

⁴ It is important to note that what Doty understands by “voice” does not necessarily refer only to an individual author, but rather to the text itself. As a scholar with a considerable poststructuralist background in most of her works, it seems quite unlikely that Doty would bring up the issue of voice as a feature of an individual author, for, as she herself points out, that would “presuppose the individual author/subject”, which seems far from her intentions. On this specific matter, see, for example: [Foucault 1969/1984: 101—120].

“scholarly identities” — which are largely defined by the absence of these “other voices” — to a continuous commitment to “real people”. “Real people” here would include not only ourselves, “who ‘we’ are and what ‘we’ are about as ‘we’ engage in ‘our’ scholarship” [Doty 2004: 381], but also those others who are subjects of representational practices within academic discourse. However, Doty seems to be much more focused on the “academic we/us” than on anything else.

The impetus in Elizabeth Dauphinee’s approach to autoethnography is slightly different. Hers sounds as a more openly stated attempt to cope with the guilt and anger of having advanced her career on the backs of the Yugoslavian war. Dauphinee’s now acclaimed book *The Politics of Exile* [2013b] comes across as a hybrid between a novel and an academic autoethnographic account wherein she traces her own encounter with her research subject — the Bosnian War and its aftermath. She narrates in an affective tone the impossible conundrums encircling and connecting the life of a young and insecure scholar (in the book, the unnamed professor of International Relations, probably Dauphinee’s avatar) and the lives of the soldiers and civilians involved in the bloody conflict she struggles to make sense of.

The opening paragraphs of Dauphinee’s beautiful narrative gives us a glimpse of the impossible choices one has to face when in a researcher’s position — one of the key subjects in a book that also reads as a story about the complexities of people’s lives and the pains and hopes that both (and simultaneously) differentiate and connect us as human beings. The author herself would later describe her move away from the argumentative approach that predominates in her previous book *The Ethics of Researching War* [Dauphinee 2007] to a narrative constructed at the border of what could be defined as either novel, memoir, or even an autobiographical account as coming out of “a politics of hope” [Dauphinee 2013c]. In this sense, Dauphinee’s approach to autoethnography seems to go further with Doty’s initial urge for an intellectual ethics of encounter, that is to say, from a commitment

to writing as an exercise at connecting with the “real” world. If the “world” to which Doty was referring is still confined to the multiple voices of our-selves as scholars in practices of academic writing, Dauphinee’s approach touches upon “a deep and abiding awareness of the real difficulty of what that ethics attempted to do, which was to expose the researcher to the accusation of the researched in a way that recognized trauma while still resisting the meaning... [the researcher] hoped to find” [Dauphinee 2013c: 350].

Autoethnographic exercises in writing IR have shown that there is a great challenge in attempting to make sense of “all the many layers of reasons and motives” why we act or write. In later reflections on her 2013 book, Dauphinee alerts us that “prioritiz[ing] them in any fixed or trans-historical way” is also dangerous [Dauphinee 2013c: 349]. This is just another way of saying that “the ‘I’ always risks to stand for self / ‘I’ indulgence” that may terminate in replications of the distance between researcher and researched [Vrasti 2017: 278]; the “critic”, her critique, and “the world”. In this sense, autoethnographic writing can be embraced as a starting point for a deep analysis of the relationship between scholar-writers and the worlds they encounter and help to create. With the risk of becoming a matter of “self-indulgent purification” [Brigg, Bleiker 2010: 276], the hope that this sort of reflexivity awakes is that it can eventually “break the barrier and flatten the power relations that separates the academy from the people, communities and places it studies” [Vrasti 2017: 277].

Similar motivations and setbacks seem to haunt those few who dared to resort to autobiography as an alternative form of writing and means to face the erasure of the scholar-writer’s personal voice and other complex aspects of people’s stories in IR. Both autoethnographic and autobiographical writing are politically and emotionally engaged modes of writing operating in the interface between personal components and research expertise⁵. In

⁵ In one footnote to his 2015 article *Fictional IR and Imagination: Advancing Narrative Approaches*, Sungju Park-Kang brings an insightful observation on how the

autoethnographic accounts, however, the commitment “to make connections with others and the world” [Park-Kang 2015: 365] is often more explicit and demanding, especially in what touches the particular realm of the encounter between researcher and researched in the field, especially when the first starts writing the field (see: [Vrasti 2010; 2017]).

The collective project *Autobiographical International Relations: I, IR* edited by Naeem Inayatullah [2011] is exemplary of such movement. Inayatullah starts by telling us his own trajectory “towards the cliff of autobiography” [Inayatullah 2011: 1] and how other IR scholars’ individual wanderings met one another in the collection of fifteen essays. As the author remarks, “academic writing supposes a precarious fiction”, that is, that the author’s absence is prerequisite for objective and scientific forms. The exposure of this “fictive distance” then becomes the string connecting the essays in the ways they demonstrate how personal narratives influence theoretical articulations, and how authors’ “theoretical/practical engagements” are not apart from “their needs and wounds” as human beings and political subjects [Inayatullah 2011: 5—6].

More recently, Naeem Inayatullah and Elizabeth Dauphinee co-edited a collection of essays following a similar line to the one taken in Inayatullah’s volume on autobiography and IR. In the short introductory chapter to *Narrative Global Politics — Theory, History and the Personal in International Relations* [2016], the editors reinforce the “urgency” to put the “narrative question” at centre stage in its quality as a theoretical problem to academic writing and being in the world. Autobiography is just one among the narratological conundrums to be taken

seriously when writing the political from a global perspective. The lines between autobiography, autoethnography, or the more general notion of narrative itself are blurred and regarded as less important than the politics of writing IR itself.

Thus, conceiving IR accounts as political narratives rather than scientific and uncontested explanations allows one to not only expose aspects of “the myth function in IR theory” [Weber 2001: 7]. As advocates of such positioning have pointed out, by doing so, one is indeed allowed to improve scholarly research less in terms of achieving the truth about a world “out there” waiting to be impartially observed and assessed than in terms of the explanations and understandings aimed (see: [Suganami 2008]). Through this brief review of works that have remarkably adopted a narrative approach in IR, it is possible to infer that they share the belief (or at least the hope) that narrative methodologies allow IR researchers to rethink the “fictions” of academic truth, technical-prone writing, and language in a broad sense. In addition, it also allows researchers to reconsider the place of the political in IR, acknowledging the multiverse of loci of enunciation and action shaping global politics both from its centres of power and from its margins. In a similar fashion, it may encourage the adoption of a more reflexive and ethically-bound stance towards the research subject, as well as towards the scholar’s own position as researcher and political subject herself.

Thus, there seems to be a double-edged movement of, on the one hand, a symptomatic disenchantment with the persisting shortcomings in the practices of knowledge production in IR as a field of inquiry; and, on the other hand, of a number of attempts at coming to terms with such discontent, in “a sort of re-enchantment of the world of global politics with a greater diversity of voices, characters and stories” [Vrasti 2017: 273]. In my view, it is in this double movement of scholarly disenchantment and re-enchantment that one may trace the growing interest in narrative approaches and alternative ways of writing in the field of IR (see: [De Oliveira 2020]).

issue of the “self” has frequently haunted academic publications across disciplines, and importantly enough, even those which are not even close to a conscious engagement with autoethnography and autobiography as scholarship. He writes: “Consider acknowledgements or prefaces of books (and sometimes articles). They usually reveal authors’ struggles to publish, ‘personal’ stories, research networks/interlocutors, families and even lovers, all of which could constitute the above auto-scholarship to some extent” [Park-Kang 2015: 366, footnote 42].

Intellectual (Dis)Engagement and the World

As argued above, the movement towards “Narrative IR” is offspring of the critical engagements and fierce criticism of how the discipline has been dealing with its object of knowledge, its linkages with strongly oppressive and state-oriented projects and world views, and its “provincial imagination” undeniably rooted in a history of global hierarchies [Muppidi 2013]. From this perspective, narratives are not only ontologically defining in the ways we perceive and act onto the world. Narratives also appear as productive strategies, a mode of knowing and questioning the prevalent dynamics and inherent violent traits of knowledge production and transmission within academia, and a non-indifferent attitude towards the audiences IR researchers are trying to reach. At stake here is not only an epistemological rupture with traditional positivist criteria of knowledge production, but the articulation of an ethical-political commitment to shortening the distance between the institutionalized space of knowledge production that is academia and the world it tries to understand and speak of/to.

Edward Said has thoroughly explored the theme of (symptomatic) scholarly isolationism — perhaps indifference — in his writings, especially in his later works addressing literary criticism from a perspective that highlights the connections between texts and the world they purport to represent. Said’s notion of “worldliness”, as well as his related discussion on what means to link text to context, knowledge to (the hope) of social change, and his plea for intellectual “wakefulness” — translated in the concept of “secular critical consciousness” — as an ethical-political stance that is opposite to disembodied scholarly criticism are all particularly relevant in this sense. Of course, Said’s insights should be taken up critically as well as situated. My only suggestion here is that some of his interventions may help us to better situate the motivations and operating forces — of either/both complicity and/or resistance — that have led to the movement towards narrative approaches in IR.

In his attempts to understand how the current elements of hegemonic cultural forms

and authoritarianism could be addressed and resisted, the author draws attention to the ways “Western knowledge” — to use Linda Tuhiwai Smith’s [1999] terminology — have constructed historical narratives that manage to establish limits to what is knowable, speakable, and desirable as such. Naturally, these limits also demarcate who is entitled to know and speak in the name of valuable knowledge. In *The World, the Text and the Critic* [Said 1983], for example, the author addresses some examples of “the canon” of modern European thought as “textual instances” of the ethnocentrism that had been complicit and continually reinforced the hegemonic culture behind European imperial and colonial enterprises — an effort that is analogous to the discussions he had inaugurated in *Orientalism* [Said 1978] and continued in later explorations.

An important point to be noted is that Eurocentric sciences and traditional academia establishes and constantly reinforces the circumstances and jargons under what critique must come into surface as the legitimate contradiction that is eligible to becoming valuable knowledge. In this sense, according to Said, the authority of this cultural system comes not only from its canons, its appearance of political neutrality — for it deals with the pursuit of objective, uncontested and detached “truth”, — its “camouflaging jargons” and institution of criticism, but also “from the way this continuity reproduces the filial continuity of the chain of biological procreation” [Said 1983: 22]. Even critique is an academic institution that can easily fall into “out-worldly” contemplative exercises, formalism, and professional opportunism encouraged by the very interpretive community where it belongs.

According to Said, the problem lies not in exercises on high theorization and abstraction themselves, which are indeed parts of the “academic thing”, but in the unsurmountable disconnection that “camouflaging jargons” and “hermetic systems” tend to generate [Said 1983: 25–26]. Said then suggests two set of opposites to make his case for the adoption of a what he calls a “secular critical consciousness” as means to (re)connect scholarship to the world, and to

conceive texts as significant political forms; in other words, to rethink texts — what, of course, includes academic writing — in their worldliness.

The notion of “secular critical consciousness”, brings to the fore his emphasis on secularism — the “worldliness” of cultural and social forms. It relates with the mindset that “human beings make their own history” [Said 2001: 501, quoted in Giroux 2004: 345] and, for that very reason, that one must “recognize the multiple sites in which a mindless appeal to scripture, divine authority, and other extrasocial forms of dogmatism... undermine the possibility of human agency” [Giroux 2004: 345]. Evidently, one may also include amidst “extrasocial forms of dogmatism” all those complex theoretical discourses that drain out the worldliness of texts, language, and public life.

Thus, Said’s notion of secular critical consciousness cannot but be intimately connected to a “politics of crisis”, as Henry A. Giroux (after Sheldon Wolin) suggests. The urgency that the notion of crisis brings to surface implies a call to “connect matters of knowledge and scholarship to the worldly space of politics” as means to oppose “a concept of criticism among many academics, which implies a narrowing of the definition of politics and an inattentiveness to the public space of struggle, politics, and power” [Giroux 2004: 339].

Said’s understanding of “individual consciousness” and its proneness to bringing about change seems to be less about individual subjects than a social force in itself. It is invariably embedded in the cultural system where the dynamics of affiliation takes place. Therefore, agency here may tend toward either resistance or complacency. The terms of resistance, in turn, may operate either from within the limits of the established language and its replication — which can often disguise as deep critique and significant change of order whereas it is actually none — or from attempts to carving out a language of itself⁶. This is where

Said discusses the differences between “the critic” and “the public intellectual”. Ultimately, the role of the public intellectual is not to consolidate authority of any kind but to understand, interpret and question it in meaningful, worldly ways.

This intimate connection between the role and responsibility of the public intellectual and secular criticism in Said appears even more clearly, for instance, in his engagements with the work of Frantz Fanon, the Martinique-born leading theorist of the Algerian revolution. In *Les Damnés de La Terre [The Wretched of the Earth]*, Fanon’s now classic statement against colonial domination and its capillarities, anticolonial resistance concerns not only with the immediate need for independence from the foreign colonial occupier, but also, and importantly, with liberation from a nationalist

tique of modernity” — and the critique articulated from the interstices of colonial difference, i.e. “decolonial” approaches. The latter can be more closely related to what Dussel and others have pursued, that is, a project of intellectual liberation from Eurocentric social sciences which does not emerge from inside Eurocentrism and modernity, but from tensions that the Eurocentric border is not able to capture within its logic to either incorporate or simply exclude; that is to say, they point towards the critique that emerges from its exteriority and that does not presuppose Eurocentrism as totality. As Mignolo [2008] explains (borrowing insights from Dussel’s work more specifically, but also from Aníbal Quijano’s, Orlando Fals-Borda’s, and Abdelkebir Khatibi’s, to name a few), this philosophy of liberation stemming from colonial difference stands for a delinking from the tendency toward Eurocentric critiques of Eurocentrism (e.g. poststructuralism, world-systems analysis) while taking coloniality and colonial difference into serious account both as constitutive components of modernity and (importantly) as loci of enunciation. It is aimed at not only turning visible the “variety of local histories that Western thought, from the Right and the Left, hid and suppressed” — a move that can turn out to “reproduce the blind epistemic ethnocentrism that makes difficult, if not impossible, any political philosophy of inclusion” beyond Eurocentrism, — but also at contributing to the reinscription of experience and “the making of diversity” (as opposed to “a new abstract universal project”) [Mignolo 2008: 234, 256—257]. According to Mignolo, it is an effort that includes discontinuity, crisis and (colonial) difference as key in the pursuit of “a network of planetary confrontations with globalization in the name of justice, equity, human rights, and epistemic diversity” [Mignolo 2008: 256].

⁶ Some aspects of Said’s argumentation regarding the different forms that criticism can assume resembles the differentiation that Walter Mignolo’s suggests between critical approaches articulated from inside Eurocentrism — what Enrique Dussel characterized as a “Eurocentric cri-

bourgeoisie that perpetuates the subjugation of subaltern groups within the former colony.

According to Fanon, without a transition from an undiscriminating nationalist consciousness to a deeper social and economic awareness, the oppressive nationalist elite remains entrenched and the postcolonial society stays permanently trapped in a peripheral position in the world system. In that matter, it is worth noticing that Fanon understands this revolutionary, deeper awareness, in terms of a universal humanist socioeconomic consciousness that stands in clear opposition to, and as a reaction against, the contradictions in European universalist discourse. And that's precisely why, according to Fanon, resistance must be a bifocal enterprise: a nationalist struggle against the colonial invader and a universal struggle against the bourgeoisie [Fanon 1963/2004]. In this aspect, Said seems to take Jean-Paul Sartre's reading of Fanon in the preface to *The Wretched* into serious account. There, Sartre wrote that, from a Fanonian perspective, "the only true culture is that of revolution; that is to say, it is constantly in the making" [Sartre 1963/2004: 12].

Once again, the politics of crisis is brought to the front line, since crisis here could read as another description for being "constantly in the making"⁷, and thus attentive to the public space of struggle, politics, and power. In what concerns the space of knowledge production and knowledge narratives (which are Said's main focus), feelings of unease and uncertainty in the face of the worldliness of human relations and aspirations thus appear as a productive force, nurturing critical consciousness while preventing closure.

While Said is undoubtedly inspired by Fanon's account on the connection between the

need for a critical consciousness and decolonization, the latter brings an important counterpoint to Said's depiction of the postcolonial/diasporic/public intellectual as the main mediator, or perhaps the incarnation, of this revolutionary culture in the making. In fact, Fanon is deeply critical of the ambivalent position of the colonized intellectual who is caught between the experience of colonization and he called "the famous dialogue on [Western] value" to which he/she is inevitably attached due to his/her education [Fanon 1963/2004: 9]. Thus, there would be a significant distance between Said's and Fanon's ultimate answer to the question: *if the only true culture is a revolution always in the making, who are the true revolutionaries?*⁸

Although both Fanon's obstinate judgement of the colonized intellectual and Said's almost uncontested faith in the figure postcolonial (diasporic) public intellectual may come across as precipitated, I find Fanon's suspicion regarding the proximity to Western values is worthy to bear in mind. It signals towards an important dimension in grasping the unequal relationship between the intellectual and the others he/she claims to represent — i.e. subaltern subjects, such as migrant workers, women (especially non-Western women), peasants, etc.

However, I do find Said's point regarding the importance of thinking beyond matters of "survival" in contexts of political unrest and struggles for liberation compelling. On the one hand, it draws attention to the problem of intellectual disengagement towards grass-roots emancipatory projects and viewpoints, specifically, and towards the world he/she claims to engage in knowledge narratives, in general. On the other hand, there is a value in Said's perception that the intellectual must have in mind the ethical-political implications of his/her positioning in what regards social movements

⁷ The passage is quoted as it appears in the 1963 translation of *Les Damnés de la Terre* (1961), by Constance Farrington. My choice for maintaining the words as they appear in that previous edition was simply to remain faithful to Said's engagement with Fanon's work, in which the idea of revolution as something "constantly in the making" is crucial. In the 2004 translation by Richard Philcox, for example, the same passage from Sartre's preface to Fanon's book reads: "The true culture is the revolution, meaning it is forged while the iron is hot" [Fanon 1963/2004: xlvii].

⁸ If in Said there is a certain ambivalence towards this answer, and intellectual critical imagination often seems to somehow precede or at least walk side by side with grass-roots political struggles, for Fanon, the answer is straightforward: the peasantry (which appears as the ultimate consciousness of the colonized intellectual). See: [Fanon 1963/2004].

and struggles, which, of course, must also include committed meditations on the forms of domination and tyranny that might emerge out of these alternative, once marginal sites and world-framings. Therefore, the need for an “ironic” attitude against any and all forms of tyranny and domination — even when claimed as resistance [Said 2001].

Thus, another key dimension of the worldliness of critique that Said emphasizes translates as an ethical-political stance (by the public intellectual) that manages to put knowledge, first and foremost, in service of humanity beyond privileged spaces — such as Western knowledge, academia, and institutional politics. The point here is not that all intellectuals must embrace the role of political activists in the traditional sense of the term, altogether. It relates more to the ethical-political value behind a constant exercise of critique that includes self-criticism as one of its key dimensions, yes, but remains vigilant against solipsism and “synoptic knowledge” — which, as Sankaran Krishna [1993] came to alert us, are both symptoms of the ethics of otherness adopted by critical approaches too focused on textuality, on practices of representation and signification, while remaining inattentive to the “physicalistic sense of violence” that accompanies contexts of material and epistemic inequality in international and global relations. Ultimately, it connects the cognitive-political craft that academia must be/become, with an open attitude toward the multiverse of worldviews and modes of political action acting upon the world.

Therefore, if on the one hand Said’s approach to culture seems to suggest that dominant discourses are incapacitating *ad infinitum* in their persistence and replication, on the other hand, he also attempts to show that hegemony necessarily finds its limits when confronted with the complexity of social experience. Paradoxically, by trying to suppress complexity, the hegemonic culture actually leads to the emergence of fissures and the strengthening spaces for imagining alternative orders and enacting opposition. Here, one can find elements of the politics of hope that Dauphinee [2013c] talks about and which is embedded in her attempts to come to terms with

her research and her privileged position as an intellectual and IR scholar.

Hope towards change — and toward the possibility of playing a meaningful role at least in the process of envisioning change — is an important feature in what I understand as a trendy “re-enchantment” with the multiple worlds of international and global politics in current critical approaches to IR (narrative approaches among them). Nonetheless, the remaining question (and difficulty) is always whether these high hopes can translate into concrete platforms and “resources to people in and out of the academy who struggle on multiple fronts against the rising forces of authoritarianism both at home and abroad”, or somewhere in between [Giroux 2004: 345].

As scholars interested in this alternative approach (for some, methodology) have pointed out, with the promise of a more inclusive IR, there are also the dangers of transforming this “narrative turn” into a romanticised frame for subaltern voices and subjectivities and in gestures based on intellectual guilt rather than on the desire (and courage) to open spaces for genuine dialogue and different or even opposing worldviews [Muppidi 2013]. The line between the potential transformation and democratization of spaces for knowledge production and mere “exercises of self-indulgence” excessively focused on “personal and confessional without a sustained political motive” [Dauphinee 2013a] is, therefore, very tenuous.

Narratives in the Classroom: Reflections on Narrative Approaches, Critical Imaginations and the “I” in IR

Narrative IR starts with the assumption that narratives provide ways of contributing to critical engagements and movements of re-reading IR’s common places and authoritative voices. It highlights important aspects of power-knowledge conundrums and allows room for (re)imagination. Once I mention this potentiality of taking narrative and writing into seriously account and, relatedly, the possibility of mobilizing writing styles other than one loaded with academic

jargon and a desirable writer-reader/researcher-researched split, I notice student's spontaneous excitement. Of course, excitement here should be qualified as ranging from curiosity to suspicion, and from embrace to resistance (sometimes followed by strong refusal). "The related issues of voice and academic writing", I start telling them, "once only ghost matters in our field, have been moved to the forefront of a debate in which academic subjectivity (one dimension of the "I" in "IR") is questioned".

The experiences briefly described here were originally thought as mere complementary activities to spice up methodology classes and, hopefully, bring students closer to their research themes — which, as we know, can easily pass as sanitized and "out-world" field of inquiry. This way, neither the activities proposed nor the questions I brought up in class to stimulate the students to expose their perceptions were completely structured beforehand. In addition to open discussions in class about the question of narrative in scholarly life, undergraduate students assigned in my Methodology II course — focused on methodological approaches after the "Reflexivist turn" in IR (see: [Jackson 2011; Luceli, Sula 2016]) — were encouraged to perform two different activities, one individually, at home, and the other collectively, in class.

For the first activity, students were asked to make an assessment of the narrative strategy and reflect upon the methodological and political (!) implications of such strategies after reading Elizabeth Dauphinee's *The Politics of Exile*. The second activity, in turn, was an open group discussion in which students were firstly encouraged to talk about "the place of the 'I' when one is thin-king/doing IR", and, secondly, asked to articulate about the connections and disconnections between their individual life experiences and the themes they have chosen for monography projects.

Generally speaking, the first activity was marked by two major trends. On one side, there was a number of students simply marvelled at the young professor's trajectory in Dauphinee's book after she meets the mysterious man who not only embodies her very object of research, but also carries an alternative perspective on

everything upon what she built her academic career. As one student brilliantly observed, one way of interpreting the plot is understanding it as the process of a young researcher becoming a "reflexivist" regarding her object of study and the very field of IR. On the other side, there was another major trend: students who focused specifically on the personal relationship between the young professor and the Serbian ex-combatant.

Within this group, there was a relatively small number of students who confessed their difficulty in connecting the narrative in the book with IR as a field of knowledge. For most of these students, it seems, the events narrated by the professor in Dauphinee's book evolved as a "closed" reality, a particular case not necessarily connected to or symptomatic in the task of thinking/doing/writing international politics.

One remarkable comment made by one student was that she could not help seeing IR themes and research objects as "a distant reality", something "external and hardly reachable, specially for undergrads who... you know... undergrads like us!". Even though the student never completed her sentence, I can only hypothesize that she meant something like "undergrads who grew up in the countryside of Brazil", "undergrads who have never travelled outside the country so far", or, perhaps, "undergrads who have just begun making sense of the world(s) of international and global politics". In this same regard, another — perhaps less pessimistic — student pointed that she was convinced by Dauphinee's book that it is possible to empathize with "distant others" and, thus, starting thinking of them as subjects, individuals with life trajectories and experiences of their own rather than simply distant objects of study.

The second activity was conducted during class. The topic of the class was "the place of the 'I' in IR" ("o lugar do eu nas RIs", in Brazilian Portuguese) and students were asked beforehand to reflected about their connection with their research themes and the relationship between their life experience and their choice of studying IR in general. I decided to be the first one to speak in order to break the ice and, hopefully,

transmit what I intend to be a mix of confidence and solidarity to the group. Results were mixed in all the three times I taught this specific class — with three different student groups. From what I noticed, students were more prone to open themselves to reflection and to share parts of such reflections with their colleagues when there was a sense of bonding among most of them, i.e. a “we feeling” as a group.

In all three sections — conducted with three different groups of students throughout the three consecutive semesters I taught Methodology II — there was quite an equilibrium in the number of students who were able to articulate without resorting to academic jargon and those who had to resort to concepts and theories in order to explain their research choices and make themselves clear to the others. Whereas most students within the second major trend mentioned that they did not see a direct connection between their life experience and choosing IR as profession or a specific subject as research theme; students who were more successful in articulating what they thought to be their “I” in “IR” even mentioned that narrating to colleagues their reflections was more helpful than shameful and that it was a fruitful exercise in motivation to pursue their research projects. Some students mentioned that they have realized that studying and thinking IR was more a way of coping with specific parts of their life stories than anything else. A number of them even connected the idea of the “international” with the aim of being away from home.

In one of the sections, one student mentioned that after putting herself into this guided reflection, she could think of IR as something closer to her and beyond the image of academia and the “science” of analysing international politics. A few of them also connected their choice for IR and their current research theme as a way of being professionally successful — and, curiously enough, “being successful” was sometimes portrayed as a synonym of working and making a life abroad.

As one might expect, there was a number of students adopting a more skeptical — sometimes genuinely indifferent — attitude regarding the role of narrative in academic research.

Nonetheless, during the three sections of these same two activities involving students’ engagements with narrative IR, most students reported in various ways how they became more aware of their situation (some would call “positionality”) as IR students and, thus, could start perceiving the tasks of thinking and writing IR as “worldlier” experiences after performing these exercises in Narrative IR.

Concluding Remarks

This article was aimed at exploring some of the epistemological and methodological — and, I would add, ontological — implications of taking narratives seriously in the study of international and global affairs. Said’s insights regarding the worldliness of texts helped to highlight the connection between text and context, and to understand the gap that scholars resorting to narrative approaches are trying to fill.

Conceiving IR as a field of knowledge and of IR theory itself as a “ensemble of stories” we tell about the world [Weber 2001: 129–130] appears as the fundamental assumption for those engaged with the discursive aspects of world politics and with narrative approaches in IR. In this sense, as Michael Shapiro argued almost three decades ago, what seems to be at stake in the narrative turn is “a change in the self-understanding that constitutes the field of social and political analysis”, in which “part of what must be rejected is that aspect of the terrain predicated on a radical distinction between what is thought of as fictional and scientific genres of writing” [Shapiro 1989: 7, quoted in Wibben 2011: 46].

The attention to how narratives make the world of international relations and, relatedly, the more emphatic turn to narrative approaches in IR thus address the politics of representation in the field in more than one dimension: i.e., what/who we understand to be within the realm of international and global studies (what is the world of international affairs); the terms under which episodes, voices and practices are deemed relevant in different world-framings within the discipline; and, more generally, how rethinking all these aspects in terms of representation reorients and complicates not only the way we

understand global politics but also the very practice of narrating the international and the global as politically relevant. Among other things, such movement might open up spaces for reimagining IR (and its objects of knowledge) from other locations besides the great centers of knowledge production and decision-making — one necessary step towards the search for decolonizing IR and other fields.

The last section of the paper tells the experience of teaching an IR Methodology course by using a narrative approach and focusing on questions regarding the place of the “I” in IR. Although results were mixed in terms of the number of students willing to connect with the activity and the task of thinking the connections and disconnections between their life experiences and their trajectory as IR

students as well as their place as subjects in the world(s) of international and global relations, the overall outcome of the activity — from both the student groups’ reports on the activity and my own point of view — was the possibility of opening spaces for reflections on positionality, theories and disciplines — and borders between disciplines — as knowledge stories/narratives in themselves, and academic research and writing as autobiographical endeavors. Opening up spaces for such themes and exercises in the classroom can pave the way for the “pluriversal” IR some scholars have been advocating for (see: [Blaney, Tickner 2017]), as it makes room for unauthorized voices and world frames to emerge — may they be of small groups of young students in Brazil or of other subjects and groups in different parts of the so-called Global South.

Received / Поступила в редакцию: 12.01.2020

Accepted / Принята к публикации: 06.02.2020

References / Библиографический список

- Anievas, A., Manchanda, N. & Shilliam, R. (Eds). (2015). *Race and Racism in International Relations — Confronting the Global Colour Line*. London & New York: Routledge.
- Bartelson, J. (1995). *A Genealogy of Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blaney, D. & Tickner, A. (2017). Worlding, Ontological Politics and the Possibility of Decolonial IR. *Millenium: Journal of International Studies*, 45 (3), 293–311. DOI: 10.1177/0305829817702446
- Brigg, M. & Bleiker, R. (2010). Autoethnographic International Relations: Exploring the Self as a Source of Knowledge. *Review of International Studies*, 36 (3), 779—798. DOI: 10.1017/S0260210510000689
- Campbell, D. (1992). *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Campbell, D., Bialasiewics, L., Elden, S., Graham, S., Jeffrey, A. & Williams, A.J. (2007). Performing Security: The Imaginative Geographies of Current US Strategy. *Political Geography*, 26, 405—422. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.12.002
- Cohn, C. (1987). Sex and Death in the Rational World of Defense Intellectuals. *Signs*, 12 (4), 687—718.
- Dauphinee, E. (2010). The Ethics of Autoethnography. *Review of International Studies*, 36 (3), 799—818. DOI: 10.1017/S0260210510000690
- Dauphinee, E. (2007). *The Ethics of Researching War: Looking for Bosnia*. Manchester University Press.
- Dauphinee, E. (2013a). *Critical Methodological and Narrative Developments in IR: a Forum*. URL: <https://thedisorderofthings.com/2013/03/12/critical-methodological-and-narrative-developments-in-ir-a-forum/> (accessed: 11.11.2016).
- Dauphinee, E. (2013b). *The Politics of Exile*. London & New York: Routledge.
- Dauphinee, E. (2013c). Writing as Hope: Reflections on the Politics of Exile. *Security Dialogue*, 44 (4), 347—361. DOI: 10.1177/0967010613492838
- Dauphinee, E. (2015). Narrative Engagement and the Creative Practices of International Relations. In: Steele, B.J. & Amoureux, J. (Eds.). *Reflexivity and International Relations: Positionality, Critique, and Practice*. London: Routledge. P. 44–60.
- De Oliveira, J. da S.C. (2020). *Postcolonial Maghreb and the Limits of IR*. London: Palgrave Macmillan.
- Der Derian, J. & Shapiro, M. (Eds.). (1989). *International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics*. Lexington, MA: Lexington.
- Doty, R.L. (2004). *Maladies of Our Souls: Voice and the Writing of Academic International Relations*. *Cambridge Review of International Affairs*, 17 (2), 377—392. DOI: 10.1080/0955757042000245951

- Doty, R.L. (2010). Autoethnography — Making Human Connections. *Review of International Studies*, 36 (3), 1047–1050. DOI: 10.1017/S026021051000118X
- Enloe, C. (2004). *The Curious Feminist: Searching for Women in a New Age of Empire*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.
- Enloe, C. (2014). *Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics*. Berkeley: University of California Press.
- Fanon, F. (1963/2004). *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Weidenfeld.
- Foucault, M. (1969/1984). What is an Author? In: Rabinow, P. (Eds.). *The Foucault Reader*. New York: Pantheon Books. P. 101—120.
- Giroux, H.A. (2004). Edward Said and the Politics of Worldliness: Toward a “Rendezvous of Victory”. *Cultural Studies/Critical Methodologies*, 4 (3), 339—349. DOI: 10.1177/1532708603262783
- Henderson, E.A. (2013). Hidden in Plain Sight: Racism in International Relations Theory. *Cambridge Review of International Affairs*, 26 (1), 71—92. DOI: 10.1080/09557571.2012.710585
- Inayatullah, N. & Blaney, D. (2004). *International Relations and the Problem of Difference*. New York/London: Routledge.
- Inayatullah, N. (2011). Falling and Flying: an Introduction. In: Inayatullah, N. (Eds.). *Autobiographical International Relations — I, IR*. London & New York: Routledge. P. 1—12.
- Jackson, P.T. (2011). *The Conduct of Inquiry in International Relations*. London & New York: Routledge.
- Krishna, S. (1993). The Importance of Being Ironic: A Postcolonial View on Critical International Relations Theory. *Alternatives*, 18, 385—417. DOI: 10.1177/030437549301800306
- Luceli, C. & Sula, E. (2016). Survival ‘Beyond Positivism’? The Debate on Rationalism and Reflectivism in International Relations Theory. *Politikon Journal of Political Science*, 30, 43—55. DOI: 10.22151/politikon.30.3
- Malmvig, H. (2006). *State Sovereignty and Intervention: A Discourse Analysis of Interventionary and Non-Interventionary Practices in Kosovo and Algeria*. London & New York: Routledge.
- Mignolo, W. (2008). The Geopolitics of Knowledge and the Colonial Difference. In: Moraña, M., Dussel, E. & Jáuregui, C.A. (Eds.). *Coloniality at Large — Latin America and the Postcolonial Debate*. Durham & London: Duke University Press. P. 225—258.
- Milliken, J. (1999). The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods. *European Journal of International Relations*, 5 (2), 225—254. DOI: 10.1177/1354066199005002003
- Moulin, C. (2016). Narrative. In: Mhurchú, A.N. & Shindo, R. (Eds.). *Critical Imaginations in International Relations*. London/New York: Routledge. P. 136–152.
- Muppidi, H. (2013). *Reflections on Narrative Voice*. URL: <https://thedisorderofthings.com/2013/03/23/reflections-on-narrative-voice/> (accessed: 07.05.2017).
- Park-Kang, S. (2015). Fictional IR and Imagination: Advancing Narrative Approaches. *Review of International Studies*, 41 (2), 361–381. DOI: 10.1017/S0260210514000291
- Said, E. (1978). *Orientalism*. New York: Vintage Books.
- Said, E. (1983). *The World, the Text and the Critic*. Massachusetts: Harvard University Press.
- Said, E. (1994). *Culture and Imperialism*. New York: Vintage Books.
- Said, E. (2001). Beginnings. In: Viswanathan, G. (Eds.). *Power, Politics, and Culture — Interviews with Edward W. Said*. New York: Vintage Books. P. 3—38.
- Sartre, J. P. (1963/2004). Preface. In: Fanon, F. *The Wretched of the Earth*. New York: Grove Weidenfeld. P. xliii–lxii.
- Shapiro, M. (1989). Textualizing Global Politics. In: Der Derian, J. & Shapiro, M. (Eds.). *International/Intertextual Relations — Postmodern Readings of World Politics*. New York: Lexington Books. P. 11—22.
- Shindo, R. (2012). *Rethinking Community: Translation Space as a Departure from Political Community*. *International Political Sociology*, 6 (2), 149—164. DOI: 10.1111/j.1749-5687.2012.00156.x
- Smith, L.T. (1999). *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous People*. London & New York: Zed Books.
- Suganami, H. (2008). Narrative Explanation and International Relations: Back to Basics. *Millennium — Journal of International Studies*, 37 (2), 327—356. DOI: 10.1177/0305829808097643
- Vitalis, R. (2005). Birth of a Discipline. In: Long, D. & Schmidt, B.C. (Eds.). *Imperialism and Internationalism in the Discipline of International Relations*. New York: SUNY Press. P. 159—181.
- Vrasti, W. (2010). Dr. Strangelove or How I Learned to Stop Worrying about Methodology and Love Writing. *Millennium: Journal of International Studies*, 39 (1), 79—88. DOI: 10.1177/0305829810371017

- Vrasti, W. (2017). *Ethnography/Autoethnography/Autobiography*. In: Guillaume, X. & Bilgin, P. (Eds.). *Routledge Handbook of International Political Sociology*. London/New York: Routledge. P. 272—280.
- Walker, R.B.J. (1993). *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weber, C. (2001). *International Relations Theory: A Critical Introduction*. London/New York: Routledge.
- Wibben, A.T.R. (2011). *Feminist Security Studies: A Narrative Approach*. New York: Routledge.

About the author: *De Oliveira Jessica da Silva C.* — PhD (International Relations), Lecturer, the Department of International Relations, Pontifical Catholic University of Minas Gerais, Poços de Caldas (PUC Minas Poços de Caldas) (e-mail: jessicascoliveira@gmail.com, jessicas@pucpcaldas.br).

Сведения об авторе: *Де Оливейра Джессика да Силва К.* — доктор философии (международные отношения), преподаватель, факультет международных отношений, Папский католический университет Минас-Жерайс, Посос-де-Калдас (e-mail: jessicascoliveira@gmail.com, jessicas@pucpcaldas.br).

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-147-157

Research article

Nigeria — South Africa Rivalry in Quest for Regional Power Status: from Material Potential to UN Security Council Membership

I. Omoruyi

University of Benin, Benin City, Nigeria

S.O. Idahosa, M.M. Mugadam, O. Sidibe

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper explores the role and the power potential of Nigeria and South Africa with special attention to their comparatively high military, economic, political capabilities that enable them to shape and dominate regional agenda. It also analyses the internal, regional and external dynamics within Africa, particularly in Economic Community of West African States (ECOWAS) and Southern African Development Community (SADC). The paper further thoroughly examines the hegemonic contest for the UN Security Council membership among the dominant African states through the lens of Ezulwini Consensus, as well as the Pan-African credentials of Nigeria and South Africa in accordance to their contribution to ensuring peace, stability and development on continental and sub-regional levels. Nigeria and South Africa are the most important actors on the African continent, but there are obvious constraints undermining their ability to play an effective regional role. Thus, the research was guided by the comparison case-study of Nigeria and South Africa in crucial for understanding power potential areas. The study concludes that although Pan-Africanism stands of Nigeria and South Africa are commendable, both powers mostly follow this strategy for advancing their national interests. Taking into account the whole set of internal and external factors, both countries need to unite their efforts and practical strategies to advance the common goal of Africa development, peace and security.

Key words: Africa, regional power, hegemon, Nigeria, South Africa, CINC, UN Security Council, Ezulwini Consensus, ECOWAS, SADC, African Union (AU)

For citation: Omoruyi, I., Idahosa, S.O., Mugadam, M.M. & Sidibe, O. (2020). Nigeria — South Africa Rivalry in Quest for Regional Power Status: from Material Potential to UN Security Council Membership. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1). 147—157. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-147-157

© Omoruyi I., Idahosa S.O., Mugadam M.M., Sidibe O., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Соперничество Нигерии и ЮАР за статус региональной державы: от материального потенциала до членства в Совете Безопасности ООН

И. Оморуйи

Университет Бенина, Бенин-сити, Нигерия

С.О. Идахоса, М.М. Мугадам, О. Сидибэ

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

В статье сопоставляются роль и потенциал Нигерии и Южной Африки, особенно их сравнительно высокие показатели в военной, экономической, политической сферах, что позволяет обоим государствам формировать и существенно воздействовать на региональную повестку. Авторы рассматривают внутреннюю и региональную динамику Африки преимущественно в рамках региональных интеграционных группировок Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) и Сообщество развития Юга Африки (САДК), а также воздействие внешних факторов на ситуацию в регионе. В работе оцениваются возможности и амбиции крупных африканских государств на членство в Совете Безопасности ООН в контексте общей африканской позиции, известной как «Консенсус Эзулвини», а также panafricanские инициативы Нигерии и Южной Африки в соответствии с их вкладом в обеспечение мира, стабильности и развития на континентальном и субрегиональном уровнях. Нигерия и Южная Африка являются наиболее важными акторами на Африканском континенте. Вместе с тем ведущие региональные державы сталкиваются с объективными ограничениями, подрывающими их потенциал и возможности в эффективной реализации своего лидерства. Исследование было проведено преимущественно на основе сравнительного анализа опыта Нигерии и Южной Африки, в частности показателей, ключевых для определения потенциала государств. В исследовании подчеркивается, что хотя panafricanские амбиции Нигерии и Южной Африки заслуживают одобрения, обе державы продвигают данную стратегию исходя из собственных национальных интересов. Учитывая внутренние и внешние факторы, обеим странам необходимо объединить свои усилия и практические стратегии для достижения общей цели развития, мира и безопасности в Африке.

Ключевые слова: Африка, региональная держава, гегемон, Нигерия, Южная Африка, CINC, Совет Безопасности ООН, «Консенсус Эзулвини», ЭКОВАС, САДК, Африканский союз (АС)

Для цитирования: *Omoruyi I., Idahosa S.O., Mugadam M.M., Sidibe O. Nigeria — South Africa Rivalry in Quest for Regional Power Status: from Material Potential to UN Security Council Membership // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 147—157. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-147-157*

Introduction

Starting off the regional power hierarchies and the regional security complex theory (RSCT), B. Buzan and O. de Waever clearly differentiate between superpowers and great powers, acting and having influence on the global (or system) level, and regional powers whose influence may be large in their respective regions but is not projected heavily at the global level [Buzan, Waever 2003]. A regional power is a state that projects its influence in a specific region. If this power capability is unrivaled in its region, the state could rise to the level of a regional hegemon. The regional powers display comparatively high military, economic, political, and ideological capabilities enabling them to

shape their regional security agenda. Regional powers define the structure (polarity) of any regional security complex. Their power capabilities might be considerable, but they are restricted to the regional context [Nolte 2010].

The category of regional powers includes Brazil, Egypt, India, Iran, Iraq, Israel, Pakistan, Saudi Arabia, and Turkey. Based on Buzan — Waever approach Nigeria and South Africa are also qualified as regional powers. But scholarly analysis of regional hegemony in Africa is characterized by contestation. This stems from the fact that no single state has sufficient power to be labelled an uncontested hegemon on the continent, as there is no significant gap between the major powers' capability and influence [Adebajo 2008; Alden, Schoeman 2015; Prys 2010].

While Nigeria, South Africa, Algeria, Egypt, Morocco, and Kenya and to a lesser extent Angola, Ethiopia and Tanzania are cited as the major actors in Africa, most analysts agree that, to a large extent, Nigeria and South Africa fulfill the prerequisites to be regarded as a hegemon [Adebajo 2008; Alden, Le Pere 2009; Tella 2018].

South Africa and Nigeria are playing leading roles in the economy of the continent. Only two economic giants account for about one third of regional GDP, although conflicting economic and social relations often arise between them.

The emergence of regional powers that are expected to provide security, stability and other public goods in their respective regions identifies the following criteria that regional powers need to meet in order to play these roles [Nolte 2010: 890; Prys 2010]:

i. The internal dynamics of such a state should allow it to play a stabilizing and leading role in its region;

ii. Such a state should indicate and demonstrate its willingness, and, of course, also its capacity or ability, to assume the role of regional leader, stabilizer and, if not peacekeeper, or at least peacemaker;

iii. It should be acceptable to its neighbors — the members of the security complex in which it operates — as a leader responsible for regional security.

While broader or extra-regional acceptance is perhaps a necessary condition, it is not sufficient, even if supported and promoted by major world powers.

The issue of regional powers and regionalism is treated as IR top-agenda. Although the concept of regional power is frequently used, the defining characteristics and sources of regional power status, as well as its connections to the global power structure and security, lead to different perspectives and interpretations. Some experts offer outstanding interdisciplinary surveys revealing the pluralism and the richness of theoretical debates and relevant case studies [Börzel, Risse 2016; Söderbaum, Shaw 2003]. The regional power status stems from the ability to shape a region within which one may be great. There is also the

interaction among self- and other-ascribed identity, structural position in the system, goals, behavior, and the ultimate impact on international processes. In assessing the factors that determine the sources of regional power status, one can conclude that solely building a military or economic power base does not suffice for the attainment of regional power status [Neumann 1992].

Comparison of Material Power

Nigeria and South Africa are arguably the most powerful and influential Sub-Saharan African states in terms of hard (material) power (see table 1) which is proven by comparison of Composite Index of National Capability (CINC) scores. The widely-used CINC index is based on the share (rate) of the country in global population (*TPR*), urban population (*UPR*), iron and steel production (*ISPR*), energy consumption (*ECR*), military expenditure (*MER*) and military personnel (*MPR*), which is calculated according to the formula (1), though the last update of CINC index was made for 2012:

$$CINC = \frac{TPR + UPR + ISPR + ECR + MER + MPR}{6}. \quad (1)$$

Table 1
Top 10 African Countries in Material Capacity¹

Countries	% of global potential	% of AU potential
Egypt	0.99	12.8
Nigeria	0.91	11.2
South Africa	0.69	9.0
DR Congo	0.47	6.1
Algeria	0.42	5.4
Morocco	0.39	5.0
Ethiopia	0.38	5.0
Sudan	0.30	3.9
Angola	0.24	3.1
Eritrea	0.22	2.9

Source: Composite Index of National Capability (CINC) (v5.0) // The Correlate of War Projects. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 15.02.2020).

¹ Composite Index of National Capability (CINC) // The Correlate of War Projects. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 15.02.2020).

In Africa, Egypt has come to the forefront in terms of material potential, projecting its power mainly in North Africa. Nigeria, being dominant in the framework of ECOWAS and South Africa, projects power in the countries of South and East Africa [Degterev 2020: 164].

Our personal calculations of CINC for 2018 (see table 2) shows that the share of Nigeria in global potential increased during 6 years from 0.91 to 0.94 % while that of South Africa decreased from 0.69 to 0.61 %.

Nigeria largely dominates South Africa in military personal (118 thousand against 66), in total population (195 mln against 57 mln), as well as in urban population (98 mln against 38 mln), while South Africa maintains leadership in military expenditure (3.6 bln USD against 1.7 bln USD), in steel production and energy consumption.

Table 2

Nigeria and South Africa CINC Scores for 2018

Countries	MER	MPR	ISPR	ECR	TPR	UPR	CINC
Nigeria	1 746	118	100	7 135	195 875	98 611	0.009445
South Africa	3 678	66	6 327	197 130	57 398	38 087	0.006174

Source: calculated by the authors.

Fig. 1. Nigeria overtakes South Africa

Source: World Bank. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/307811542818500671/Global-Economic-Prospects-Jan-2019-Sub-Saharan-Africa-analysis.pdf> (accessed: 13.02.2020).

Economic Power Rivalry

Nigeria and South Africa are the largest economies in Africa with a combined GDP of around 750 billion USD². Nigeria with an estimated population of 202 million, the West African country boast of 376.284 billion USD in GDP, making Nigeria the highest GDP in Africa. While, South Africa with a GDP of 349.299 billion USD, is the second largest economy in the continent (Fig. 1).

Nigeria is a key regional player in West Africa [Omo-Ogbebor, Sanusi 2017], it accounts

for about half of West Africa’s population and one of the largest populations of youth in the world³. While Nigeria has made some progress in socio-economic terms in recent years, its human capital development remains weak due to under-investment and the country was only ranked 152 of 157 countries in the World Bank’s 2018 Human Capital Index⁴. Inequality in terms of income and opportunities has been growing rapidly and has adversely affected poverty reduction. The North — South divide has

² Oyekunle O. The Largest Economies in Africa by GDP, 2019 // The African Exponent. February 6, 2020. URL: <https://www.africanexponent.com/post/9786-top-six-countries-with-the-biggest-gdp-in-africa> (accessed: 15.02.2020).

³ Overview of Nigeria // The World Bank in Nigeria. 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/nigeria/overview#1> (accessed: 15.02.2020).

⁴ Human Capital Project // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (accessed: 15.02.2020).

widened in recent years due to the Boko Haram insurgency and a lack of economic development in the northern part of the country⁵. Nigeria is the first contributor of wealth creation in the ECOWAS region (75 % of regional GDP), but does not feature in the top performing countries on regional integration. At the same time Côte d'Ivoire, being the top performer on regional integration, represents only 6 % of regional GDP⁶.

Over the years, Nigeria has been able to use its economic strength as a hard and soft power resource to project its power status, particularly within Africa. For instance, in 1975, at the peak of its economic recovery following a devastating civil war, Nigeria nudged other sub-regional states to establish ECOWAS. Then Nigerian leader, Yakubu Gowon, not only played a pivotal role, but also pledged that the country would be responsible for a full one-third of ECOWAS' financial needs. The unexpected oil boom of the 1970s, which brought about a buoyant economy, increased the impetus for Nigeria's rising continental prominence. The confident posture of its leadership clearly manifested in the leading role it played during the struggle to secure independence for Angola, Guinea-Bissau, Namibia and Zimbabwe, as well as the dismantling of apartheid in South Africa [Tella 2019].

Nigeria is the biggest oil exporter in Africa and has the largest reserve of natural gas on the continent. In the geopolitical realm, Nigeria's significance is intrinsically tied to its economic superiority and comparative economic advantage, particularly within the West and Central African subregions. In essence, Nigeria wields the financial power to assert influence on an international scale.

South Africa's economic strength is illustrated by the spread of its multinational companies across Africa. More than 150 South

African companies are currently operating in Nigeria and Tanzania, and its banks, including the Absa Group, First National Bank, Nedbank and Standard Bank are visible in countries such as Botswana, Ghana, Kenya, Lesotho, Malawi, Mauritius, Namibia, Nigeria, Seychelles, Tanzania, Zambia and Zimbabwe [Ogunnubi, Tella 2017]. South African companies have thus penetrated African economies including those with large markets such as Nigeria and Tanzania. Economic strength has been critical to South Africa's pursuit of its foreign policy objective of providing aid and development assistance to fellow African countries. It has also engendered its promotion of a liberal economic order on the continent.

Nigeria and South Africa have both elevated their image with the unusual roles they have played in respect of economic development in Africa generally and their sub-regions in particular. Unavoidably in their pursuit of their national interests, their paths considerably intertwine as they both pursue regional power status on the African continent [Odubajo, Akinboye 2017].

Military Capabilities: Changing Roles

According to 2020 Global Fire Power (GFP) index, Nigeria is ranked 42 of 138 out of the countries considered and ranked 4 in Africa for the annual GFP review⁷. While, South Africa is ranked 29 of 138 out of the countries considered and ranked 3 in Africa for the annual GFP review⁸.

Military expenditure in Nigeria increased in 2018 from 1621 mln USD in 2017. This was done to accommodate more funds to boost the country's expenditure on security to combat rising militancy and kidnapping⁹. Military

⁵ Overview of Nigeria // The World Bank in Nigeria. 2019. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/nigeria/overview#1> (accessed: 15.02.2020).

⁶ Africa Regional Integration Index // ECOWAS — Economic Community of West African States. URL: <https://www.integrate-africa.org/rankings/regional-economic-communities/ecowas/> (accessed: 15.02.2020).

⁷ Nigeria Military Strength // Global Fire Power. 2020. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=nigeria (accessed: 15.02.2020).

⁸ South Africa Military Strength // Global Fire Power. 2020. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=south-africa (accessed: 15.02.2020).

⁹ Ojekunle A. 5 countries with the biggest and smallest military budgets in Africa // Pulse. September 8, 2019.

expenditure in South Africa decreased in 2018 from 3639 mln USD in 2017. According to Trading Economics, global macro models and analysts' expectations in the long-term, the Nigeria military expenditure is projected to trend around 2 bln USD in 2020¹⁰. While the South Africa military expenditure is projected to trend around 3050 mln USD in 2020¹¹.

Currently, Nigeria lags behind other comparable countries in self-sufficiency in indigenous weapons production. For instance, South Africa through painstaking efforts and proper political policies has developed a world class defense industry¹². South Africa has progressed from manufacturing of mere ammunition to combat helicopters, armored vehicles, and light combat aircraft¹³.

More than 55 years after Nigeria's independence, the country should be able to boast of a flourishing industrial military complex able to manufacture sophisticated weapons as well as dual use of military equipment. The protracted war to defeat the dreaded Boko Haram terrorists exposes the flaw in lacking a viable indigenous defense industrial complex.

The above statistics on Nigeria and South Africa's military capability (Fig. 2) explains how their foreign policy behavior aligns with the consideration of the perceived acceptance by other actors.

URL: <https://www.pulse.ng/bi/politics/5-countries-with-the-biggest-and-smallest-military-budgets-in-africa/1q3lbn1> (accessed: 15.02.2020).

¹⁰ Nigeria Military Expenditure. 1960–2018 Data, 2019–2020 Forecast // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/nigeria/military-expenditure> (accessed: 15.02.2020).

¹¹ South Africa Military Expenditure. 1960–2018 Data, 2019–2020 Forecast // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/south-africa/military-expenditure> (accessed: 15.02.2020).

¹² Lionel E. South African made weapons // Military Africa. November 28, 2017. URL: <https://www.africanmilitaryblog.com/2017/11/here-are-some-of-south-african-made-weapons> (accessed: 15.02.2020).

¹³ Lionel E., Rooivalk D. South Africa's indigenous attack helicopter // Military Africa. January 5, 2018. URL: <https://www.africanmilitaryblog.com/2018/01/denel-rooivalk-africas-indigenous-attack-helicopter> (accessed: 15.02.2020).

Nigeria's economic strength has been vital to its acquisition of military hardware and projection of its soft power in the form of peace keeping and aid. Similarly, South Africa is the sole African country with the capacity to manufacture significant arms and ammunition and has been active in peace-making and peace keeping across Africa. The development of local defense industry was government's top priority since the establishment of democratic state in the 1990s, when Defense Related Industries White Paper was adopted¹⁴. Major actors of South Africa defense industry are Armscor and AMD. Armaments Corporation of South Africa Ltd (Armscor, Act 51 of 2003) is the officially appointed acquisition organization for the SA Department of Defence and of other government departments and public entities which promotes the local defense-related industry in its acquisition policy. AMD is the South African Aerospace, Maritime and Defence Industries Association which is focused primarily on representation in the South African as well as global markets¹⁵.

African Eligibility for UN Elective Office Holdings

The two largest African economies, Nigeria and South Africa, are the leading contenders for the UN Security Council (SC) membership. But, were there to be a real prospect for an African permanent seat, other rivals would likely emerge¹⁶. However, African leaders have also held the UN General Assembly (UN GA) presidency on several occasions, such as Joseph

¹⁴ South African Defence Related Industries White Paper // South African Government. 1998. URL: <https://www.gov.za/documents/south-african-defence-related-industries-white-paper> (accessed: 15.02.2020).

¹⁵ South African Defence Industry // Embassy of the Republic of South Africa to the Kingdom of Belgium. URL: <http://www.southafrica.be/south-african-defence-industry/> (accessed: 15.02.2020).

¹⁶ Campbell J. Global Peacekeeping Operations Overwhelmingly African and in Africa // Council on Foreign Relations. July 10, 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/global-peacekeeping-operations-overwhelmingly-african-and-africa> (accessed: 15.02.2020).

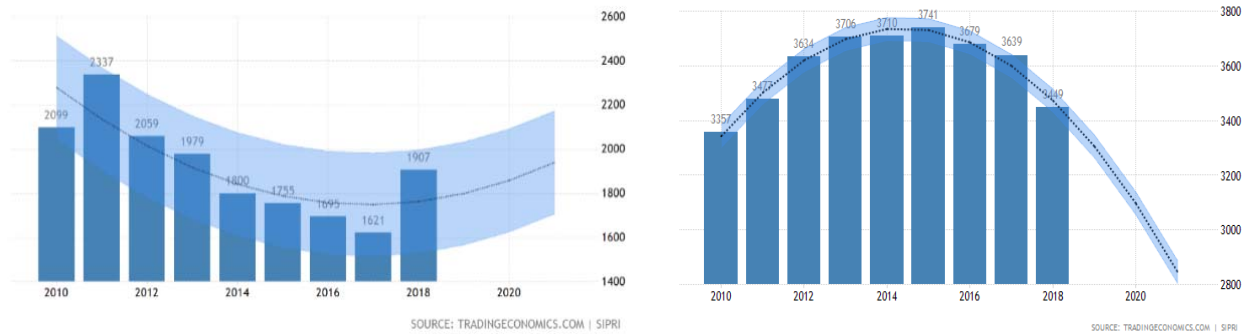

Fig. 2. South Africa (left) and Nigeria (right) Military Expenditure's Projection

Source: TradingEconomics.Com / SIPRI. URL: <https://tradingeconomics.com/nigeria/military-expenditure>; <https://tradingeconomics.com/south-africa/military-expenditure> (accessed: 03.02.2020).

N. Garba (Nigeria, 1978)¹⁷, with the most recent four being Sam Kutesa (Uganda, 2014), Ali Abdussalam Treki (Libya, 2009), Jean Ping (Gabon, 2004) and Tijjani Muhammad-Bande (Nigeria, 2019 till date)¹⁸, as well as Amina Mohammed — Deputy Secretary-General of the United Nations (2017 till date)¹⁹.

Africa has also produced two UN Secretary Generals, i.e. Boutros Boutros-Ghali (Egypt, 1992–1996) and Kofi Annan (Ghana, 1997–2006). In the 54-member Economic and Social Council (ECOSOC) of the UN, Africa has been allocated 14 seats, further illustrating the continent's participation in and contribution to the UN [Tella 2019]. On a seat at the UN SC African Union members hope to redress through its call for reform and the adoption of its Common African Position (CAP) on African representation on the UN SC, the so-called *Ezulwini Consensus*. It was adopted by the AU in 2005 as he common position on the proposed reform of the United Nations, and advocates that Africa be fully represented in all UN organs, specifically the UN Security Council (SC): that

is, that the continent should be granted no fewer than two permanent seats on the UN SC with all privileges, including veto power, and an additional five non-permanent member seats [Maseng, Lekaba 2014].

Although the Ezulwini Consensus indicates that the AU should be responsible for the selection of the African representatives on the UN SC, it is silent with regards to which African states should occupy the two permanent seats [Maseng, Lekaba 2014]. It is worth noting that there exists what can be called a region-based factor. During the nomination and election of the AU Commission chairperson in 2012, the continent voted along regional lines. This shows a regional division on the continent. South Africa received its overwhelming support from the South African Development Community (SADC) region, while Jean Ping, the Gabonese candidate, received his support from the ECOWAS region [Maseng 2013: 22]. To this effect, the hegemonic contest for UN SC seats between dominant African states such as South Africa and Nigeria becomes probable.

Hegemonic Contest for UN SC: 3 Criteria Revised

In order to evaluate the eligibility of Nigeria and South Africa for UN SC membership we will use three concrete criteria for comparison [Tella 2019: 44–45], two of them (1 & 2) were outlined in High-Level Panel Report²⁰. They are:

¹⁷ Joseph N. Garba — Elected President of the forty-fourth session of the General Assembly // UN. URL: <https://www.un.org/en/ga/president/bios/bio44.shtml> (accessed: 15.02.2020).

¹⁸ Newly-elected Nigerian UN General Assembly President pledges focus on 'peace and prosperity' for most vulnerable // UN News. June 4, 2019. URL: <https://news.un.org/en/story/2019/06/1039801> (accessed: 15.02.2020).

¹⁹ Sanni K. Nigeria: Another Nigerian Gets Top UN Position // Premium Times. June, 2018. URL: <https://www.premiumtimesng.com/news/more-news/271499-another-nigerian-gets-top-un-position.html> (accessed: 15.02.2020).

²⁰ A more secure world: Our shared responsibility. Report of the Secretary General's High-level Panel on threats, challenges and change. New York: United Nations, 2014.

— Criterion 1: in line with Article 23, among others participation in mandated peace operations, contributions to voluntary activities of the United Nations in the areas of security and development, and diplomatic activities in support of UN objectives and mandates;

— Criterion 2: bring into the decision-making process countries more representative of the broader membership, especially of the developing world;

— Criterion 3: Pan-African credentials of Nigeria and South Africa.

Criterion 1: Contributions to the UN and its Activities. Alex J. Bellamy and Paul D. Williams pointed out five reasons why states contribute to UN peacekeeping, these are: political, economic, security, institutional and normative reasons [Bellamy, Williams 2013]. Politically, peacekeeping contribution enhances the national status of the nation on the security issues or it can strengthen a country's bid for an elected seat in the UN Security Council. The security benefit would be due to the fact that usually peace operations being more likely to receive contributions from states in the immediate neighborhood or region than those further afield. Neighboring states are likely to contribute to contain armed conflicts that might affect them.

While earlier references were made to both states' contribution of troops to the UN missions, this criterion is assessed by evaluating the contributions of Nigeria and South Africa. It also evaluates the contribution of both states to Peace Support Operations (PSOs) mandated by the UNSC, as well as their voluntary mediation efforts.

Nigeria and South Africa have consistently projected their militaries in furthering the objectives of their regional bodies — ECOWAS and SADC — as well as those of the AU and the UN. As a result of these efforts, Nigeria and South Africa are ranked among the top contributing countries to UN missions.

Criterion 2: Broader Representation. Both, Nigeria and South Africa are indeed part of the developing world. With a population of more than 200 mln, Nigeria is by far the most populous country in Africa, leaving South Africa in the fifth place with less than 60 mln citizens.

Nigerian scholars often use this fact to argue its permanent representation in the UN SC. Nigeria views herself as the most representative of the African continent and also the most populous black nation on earth [Akpotor, Agbebaku 2010: 53]. On the other hand, although South Africa's population is dominated by black Africans, with 79.4 %²¹, it has the highest white population (approximately 9.2 %, 8.8 % colored and 2.6 % Indian or Asian) of all African states. Consequently, Nigerian critics argue that it should thus not be allowed to represent a largely black continent in the UN SC [Tella 2019].

While this may be true, the use of population in terms of national size or composition cannot be used as an accurate measure of who should represent Africa in the UN SC. In terms of population size, Nigeria outnumbers all other members of the P5, save the United States and China. Stepping away from using the population size as a criterion, W. Okumu suggests that “whichever country is chosen to represent Africa has to see itself as African first, and seek to promote the interests of the whole continent equally”²².

In addition, South Africa has been rewarded with a number of leadership positions in and membership of international groupings such as the Brazil, Russia, India, China, South Africa (BRICS) grouping, IBSA, the Group of 20 (G20) and the UN SC; an instance of “symbolic representivity” as the international community views South Africa as being worthy to lead [Alden, Schoeman 2015: 241].

Although Nigeria has been gifted with groupings such as Organization of Islamic Cooperation [Kayaoglu 2015], UN SC, nevertheless, Nigeria still has an edge over South Africa considering her role in anti-colonialism across the continent. It is worth noting that as a newcomer, South Africa has done well to become one of the major role players in Africa.

²¹ South Africa Population 2020 // World Population Review. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/south-africa-population/> (accessed: 15.03.2020).

²² Okumu W. Africa and the UN Security Council permanent seats // Pambazuka News. April 28, 2005. URL: <http://pambazuka.org/en/category/aumonitor/27913> (accessed: 15.02.2020).

Criterion 3: Pan-African Credentials. The pan-African credentials of Nigeria and South Africa can be assessed in accordance to their contribution towards African peace, stability and development. Nigerian postcolonial administrations placed the liberation of Africa as the centerpiece of their foreign policies. This manifested in their vigorous fight for the decolonization of Africa and, in particular, the liberation of all people of Southern Africa. With its assistance to Angola, Zimbabwe, Mozambique, Namibia and South Africa, Nigeria effectively made itself a frontline state even though it was not in the Southern African region [Akpotor, Agbebaku 2010: 54; Raimi 2016: 318].

Not only did Nigeria contribute immensely to the OAU's African Liberation Coordination Committee, but it also provided direct financial, material, military and moral support to the nationalist liberation movements in South Africa. As a result of its dedication and commitment towards dismantling apartheid in South Africa, Nigeria chaired the UN Anti-Apartheid Committee from the early 1970s until all apartheid laws were repealed in 1994 [Adebajo 2008]. While pursuing decolonization of the African continent, Nigeria also embarked on other programs such as the OAU-backed Lagos Plan of Action for the Development of Africa (1980–2000), aimed primarily at increasing Africa's self-sufficiency. Nigeria's role in conflict resolution in West Africa was evident in its operations in Liberia and Sierra Leone, where it not only contributed troops but also almost single-handedly funded the operations.

After the fall of apartheid in the 1990s, it was a foregone conclusion that a democratic South Africa would be a newcomer to African affairs. Even though virtually a newcomer to Africa's political landscape, South Africa's political clout has risen rapidly since the dawn of the democratic era, making her a major actor in the Southern African Development Community region, the continent and the globe. Amos notes

that the Southern African Development Community has been the “most important priority of its foreign relations”, illustrated by its “commitment to all spheres of the SADC agenda including political, social and economic wellbeing of the region...” [Amos 2010: 124]. With its readmission to world and African affairs, South Africa has pursued an “Africa-first” policy, indicated by diplomatic representation in 46 of Africa's 54 countries. Although it was not a founding member of the Organization of African Unity, South Africa played a key role in its transformation to the AU. South Africa has to varying degrees of success, and often at the request of the AU or the concerned parties, been requested to mediate in conflict situations in countries such as Burundi, the DR Congo, Côte d'Ivoire, Lesotho and Zimbabwe, among others [Miti 2012].

O. Abegunrin notes that the Western powers look more favorably at South Africa than Nigeria since due to its all-races democratic institution [Abegunrin 2009: 32]. This preference for South Africa is proven by its invitation to join BRICS, a group of major emerging economies and the G20, in addition to the role already fulfilled in the UN [Alden, Schoeman 2015: 113].

Conclusion

Consequent upon the analysis above, the paper posits that, although both countries Pan-Africanism stands are commendable, they are mostly criticized for advancing first their national interests under the guise of Pan-Africanism by bullying some of their regional partners [Amos 2010: 127]. Nigeria and South Africa are arguably the most important states in Sub-Saharan Africa. However, there are constraints undermining their ability to play an effective regional role. In order to provide African development, peace and security both countries need to unite their efforts, plans and strategies.

Received / Поступила в редакцию: 18.02.2019
 Accepted / Принята к публикации: 05.03.2020

References / Библиографический список

- Abegunrin, O. (2009). *Africa in Global Politics in the Twenty-First Century. A Pan-African Perspective*. New York: Palgrave Macmillan.
- Adebajo, A. (2008). Hegemony on A Shoestring: Nigeria's Post-Cold War Foreign Policy. In: Adebajo, A. & Mustapha, A.R. (Eds.). *Gulliver's Troubles: Nigeria's Foreign Policy after the Cold War*. Kwazulu-Natal: University of Kwazulu-Natal.
- Akpotor, A.S. & Agbebaku, P.E. (2010). The United Nations Reforms and Nigeria's Quest for a Permanent Seat. *Journal of Social Science*, 24 (01), 51—55. DOI: 10.1080/09718923.2010.11892836
- Alden, C. & Le Pere, G. (2009). South Africa in Africa: Bound to Lead? *Politikon*, 36 (01), 145—169. DOI: 10.1080/02589340903155443
- Alden, C. & Schoeman, M. (2015). South Africa's Symbolic Hegemony in Africa. *International Politics*, 52 (02), 239—254. DOI: 10.1057/ip.2014.47
- Amos, S. (2010). The Role of South Africa in SADC Regional Integration: The Making or Breaking the Organization. *Journal of International Commercial Law and Technology*, 5 (06), 124—130.
- Bellamy, A.J. & Williams, P.D. (Eds.). (2013). *Providing Peacekeepers. The Politics, Challenges, and Future of United Nations Peacekeeping Contributions*. Oxford: Oxford University Press.
- Börzel, T. & Risse, T. (Eds.). (2016). *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Buzan, B. & Waever, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511491252
- Degterev, D.A. (2020). *Evaluation of Current Balance of Power at the International Arena and Formation of a Multipolar World*. Moscow: RuScience publ. (In Russian).
- Kayaoglu, T. (2015). *The Organization of Islamic Cooperation: Politics, Problems, and Potential*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315751467
- Maseng, J.O. (2013). Integrating Africa and the Politics of Inclusion and Exclusion in the Process of UNSC Reform. *Conflict Trends*, 4, 19—25.
- Maseng, J.O. & Lekaba, F.G. (2014). United Nations Security Council Reform and the Dilemmas of African Continental Integration. *African Security Review*, 23 (04), 395—404. DOI: 10.1080/10246029.2014.948896
- Miti, K. (2012). South Africa and Conflict Resolution in Africa: From Mandela to Zuma. *Southern African Peace and Security Studies*, 1 (01), 26—42.
- Neumann, I. (Eds.). (1992). *Regional Great Powers in International Politics*. New York: St. Martin's.
- Nolte, D. (2010). How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topics. *Review of International Studies*, 36, 881—901. DOI: 10.1017/S026021051000135X
- Odubajo, T. & Akinboye, S. (2017). Nigeria and South Africa: Collaboration or competition? *South African Journal of International Affairs*, 24 (01), 61—77. DOI: 10.1080/10220461.2017.1314224
- Ogunnubi, O. & Tella, O. (2017). Framing South Africa's Soft Power through Non-State Sources. *Strategic Analysis*, 41 (05), 478—495. DOI: 10.1080/09700161.2017.1343228
- Omo-Ogbebor, O.D. & Sanusi, H.A. (2017). Asymmetry of Ecowas Integration Process: Contribution of Regional Hegemon and Small Country. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (01), 59—73. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-59-73
- Prys, M. (2010). Hegemony, Domination, Detachment: Differences in Regional Powerhood. *International Studies Review*, 12 (04), 479—504. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2010.00957.x
- Raimi, A.L. (2016). The Reform and Democratization of the Security Council of the United Nations: The Viability of Nigeria's Quest for a Permanent Seat in the Council. *International Journal of Humanities and Social Science*, 6 (11), 313—321.
- Söderbaum, F. & Shaw T. (Eds.). (2003). *Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader*. New York: Palgrave Macmillan.
- Tella, O. (2018). Space as a Fulcrum of Nigeria's External Relations and Regional Hegemony. *Space Policy*, 46 (01), 1—7. DOI: 10.1016/j.spacepol.2018.05.001
- Tella, O. (2019). *Nigeria — South Africa Relations and Regional Hegemonic Competence*. Berlin: Springer Nature. DOI: 10.1007/978-3-030-00081-3

About the authors: *Omoruyi Ikponmwonsa* — Professor, Department of International Law, Faculty of Law, University of Benin, Benin City, Nigeria (e-mail: ikponmwonsa.omoruyi@uniben.edu).
Idahosa Stephen Osaherumwen — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: idahosa8@gmail.com).
Mugadam Mahamat Mugadam — Postgraduate Student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: mmougadamamahamat@gmail.com).
Sidibé Oumar — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: omersidibe@gmail.com).

Сведения об авторах: *Оморуйи Икпонмвонса* — профессор, департамент международного права, факультет права, Университет Бенина, Бенин-Сити, Нигерия (e-mail: ikponmwonsa.omoruyi@uniben.edu).
Идахоса Стефан Осахерумвен — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: idahosa8@gmail.com).
Мугадам Махамат Мугадам — аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (e-mail: mmougadamamahamat@gmail.com).
Сидибэ Омар — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: omersidibe@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-158-169

Research article

Small Arms and Light Weapons (SALW) and Transnational Crime in Africa

A.J. Falode

Lagos State University, Lagos, Nigeria

Abstract. This paper analyses the role of the arms trade in the growth and spread of transnational crime in Africa. The work shows that the proliferation and ready availability of Small Arms and Light Weapons (SALW) on the continent is contributing in no small measure to political, economic and social insecurity in Africa. Major transnational crimes that the work identifies in Africa include drug trafficking, human and people trafficking, environmental crimes, arms trafficking and stolen vehicle trafficking. The work uses qualitative research methodology, which involves the extensive collection, collation and analysis of secondary data, to capture the essence and scope of the impacts of SALW on the growth and spread of transnational crime on the continent. A major and significant contribution of the work is the crucial connection that it establishes between the proliferation of SALW and the high incidence and recurrence of transnational crime in Africa. The work shows the destabilizing impacts of the proliferation of SALW in Africa and how these are contributing to the recurrence of conflicts and criminal activities on the continent. In its conclusion, the work recommends that in order for states on the continent to be able to proactively tackle transnational crime and the proliferation of SALW, they will have to do the following: carry-out an extensive and critical survey to create a database that will identify the nature of the different transnational crime that is carried-out in each regions; create (where it does not exist) and strengthen and implement (where it exist) legislations and laws designed to tackle transnational crime; and encourage interagency cooperation and coordination among the affected states in the regions.

Key words: small arms and light weapons (SALW), Africa, transnational crime, instability

For citation: Falode, A.J. (2020). Small Arms and Light Weapons (SALW) and Transnational Crime in Africa. Vestnik RUDN. International Relations, 20 (1), 158—169. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-158-169

Научная статья

Влияние распространения стрелкового оружия и легкого вооружения на транснациональную преступность в Африке

А.Дж. Фалоде

Государственный университет Лагоса, Лагос, Нигерия

В данной статье анализируется роль торговли оружием в росте и распространении транснациональной преступности в Африке. Автор показывает, что распространение и доступность стрелкового оружия и легких вооружений (СОЛВ) на континенте в немалой степени способствуют политической, экономической и социальной нестабильности в Африке. В качестве основных видов криминальной деятельности в Африке в данной работе выделяются торговля наркотиками, торговля людьми, экологические преступления, торговля оружием и сбыт краденых транспортных средств. В работе используется методология качественных исследований, которая включает в себя сопоставление и анализ вторичных данных, что позволило раскрыть сущность и масштабы воздействия распространения СОЛВ на рост и распространение транснациональной преступности на континенте. Автору удалось показать связь, которая существует между распространением СОЛВ и высоким уровнем транснациональной преступности в Африке. Доступность СОЛВ, а также торговля оружием создают дестабилизирующую обстановку, в которой практически невозможно успешно бороться с транснациональными криминальными сообществами.

© Falode A.J., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В заключение автор приходит к выводу, что для активной и успешной борьбы с транснациональной преступностью и распространением СОЛВ на Африканском континенте государствам необходимо сделать следующее: провести обширный и критический опрос населения для создания базы данных, которая определит характер различных транснациональных преступлений, совершаемых в каждом регионе Африки; создавать (там, где его нет) и укреплять и применять (там, где оно существует) законодательство и законы, направленные на борьбу с транснациональной преступностью; поощрять межведомственное сотрудничество и координацию между пострадавшими государствами в отдельно взятых регионах.

Ключевые слова: стрелковое оружие и легкие вооружения (СОЛВ), Африка, транснациональная преступность, нестабильность

Для цитирования: Falode A.J. Small Arms and Light Weapons (SALW) and Transnational Crime in Africa // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 158—169. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-158-169

Introduction

Transnational crimes are crimes that are committed across the national boundaries of states [Sheptycki, Wardack 2005: 146]. Such crimes are sometimes committed by individuals or groups in one state across the borders of several others [Brown 2020: 1—12]. This has come to define the nature of most crimes committed across borders in Africa in the 21st century. Transnational crime is diverse, and it includes: drug trafficking, human and people trafficking, advanced fee and internet fraud, maritime piracy, illegal manufacture of firearms, trafficking in firearms, banditry, theft, oil smuggling and cattle-rustling¹. Most of these transnational crimes are carried-out using small arms and light weapons (SALW). Small arms and light weapons refer to those weapons that can be carried by one or two persons, mounted on a vehicle or lugged by an animal from one place to another [Kumar 2008: 787]. These weapons include revolvers, rifles and sub-machine guns. The use of SALW has contributed to the breakdown of law and order, institutions, socio-economic and political life across the African continent. The major impacts of transnational crime in Africa, like in other regions of the world that is affected, has been the collapse of state institutions, emergence and prevalence of civil wars, ethnic religious crisis, piracy, banditry and farmers—herders conflicts across the continent [Reitano 2018: 23—35].

¹ Transnational Organized Crime in the West African Region // United Nations Office on Drugs and Crime, 2005. P. 19—31. URL: https://www.unodc.org/pdf/transnational_crime_west-africa-05.pdf (accessed: 02.07.2019).

Guns and Transnational Crime in Africa: Conspectus

There is an abundance of literature on the topic of guns, arms trade and transnational crime in Africa. C. Pumphrey and R. Schwartz-Barcett show the different origins of conflicts in various parts of the continent [Pumphrey, Schwartz-Barcett 2003]. Apart from providing a general overview of the nature and forms of conflicts, they also analyse its typology. The authors further identify the important role that non-governmental organizations can play in the mitigation and eradication of conflicts and conclude that a holistic and systemic continent-wide approach is needed to tackle the menace.

F.L. Keili traces the origins and proliferation of small arms and light weapons (SALW) in West Africa [Keili 2008]. The author identifies the various factors such as lax arms control and porous borders that have enabled the spread and availability of dangerous SALW in the region. F.L. Keili argues that West Africa had been particularly hard-hit by the proliferation of SALW. Apart from the fact that the availability of SALW has led to the frequent occurrences of conflicts in the region, SALW has also affected socio-economic and political development.

P. Lloyd, B. Simmons and B. Stewart argue that the best way to tackle transnational crime is through the strengthening of the rule of law [Lloyd, Simmons, Stewart 2012]. This rule of law has both domestic and international dimension, according to the authors. Since transnational crime cuts across states boundaries, the authors posit that a credible domestic law and a strengthened international or regional law, arrived at through multilateral diplomacy, will go

a long way to tackle an important aspect of transnational crime known as human trafficking.

A. Ayissi and I. Sall show the different aspects of the origin, growth, impact and challenges that SALW pose in West Africa [Ayissi, Sall 2005]. The authors, among other things, details the mechanism that the regional body, Economic Community of West African States (ECOWAS) has put in place to tackle and check the proliferation of illegal arms [Ayissi, Sall 2005: 31—34]. It further shows the various efforts that Nigeria has put in place to combat the proliferation of SALW in the country and the West African sub-region. Such efforts include the creation of dedicated military and para-military agencies and the inclusion of civil society and the media in the fight against the proliferation of illegal arms [Ayissi, Sall 2005: 111—117].

E. Chelule has shown the impacts of proliferation on socio-economic and political development on the continent [Chelule 2014]. The author traces the sources of SALW in Africa and further identifies the various factors responsible for its proliferation. Chelule argues that the spread and easy availability of SALW has been responsible for the incessant and long-duration of conflicts on the continent. According to the author, the mechanisms, such as Firearms Protocol of 2005², is both inadequate and ineffective. A major factor responsible for this is the fact that weapon-producing states like the United States, Russia, China and Egypt have actively undermined the effectiveness of the Protocol since it directly affects their overall economic profitability.

From the foregoing, one can see that there is plenty of literature on SALW and transnational crime in Africa. However, what is missing from the reviewed works is a research that focuses on the link or the symbiotic or enabling relationship between the proliferation of SALW and transnational crime on the continent. Thus, it is this lacuna that this research tackles.

² Protocol against the Illicit Manufacturing of and Trafficking in Firearms, Their Parts and Components and Ammunition, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (Firearms Protocol), 11 July 2001 // The United Nations. URL: https://treaties.un.org/doc/source/RecentTexts/18-12_c_E.pdf (accessed: 02.07.2019).

Methodology

The research relies heavily on qualitative research methodology. This involves the collection, collation, review and interpretation of secondary materials like textbooks, journal articles, gazettes, white papers and internet articles on transnational crime and proliferation of SALW in Africa. It further involves the carrying-out of extensive and critical content analysis of extant literature on uncontrolled arms, impacts of SALW on governance and economic development, and the different types and impacts of transnational crime on Africa. The qualitative methodology used ensured the collection, collation and interpretation of data on both SALW and transnational crime. White papers and official documents from both within and outside the continent on countering the proliferation of SALW and combating transnational crime from such international governmental organizations like the

United Nations (UN), African Union (AU) and ECOWAS were extensively used in the analysis. The integration and analysis of multiple data sources provides the most accurate picture of what is occurring on the continent. Moreover, the use of multiple data sources allowed for cross-referencing, information verification and corroboration. However, the research is limited by the non-availability of accurate, reliable, consistent and up-to-date empirical data on the extent and volume of the two vices. This is not surprising since the main actors involved in the illicit transnational trade and arms proliferation are predominantly non-state actors, who, due to the nature of their transactions, would not want such data to be readily and easily accessible.

Transnational Crime

Transnational crime covers virtually all profit-motivated criminal actions of an international nature where more than one country is involved³. A crime is transnational if it is

³ Transnational Organized Crime — The Globalized Illegal Economy // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2012. URL: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201207/20120717ATT49047/20120717ATT49047EN.pdf> (accessed: 02.07.2019).

perpetrated in more than one state and it has substantial effect in more than one state. Transnational crime threatens peace and human security, leads to human rights being violated and undermines the economic, social, cultural, political and civil development of societies all over the world⁴.

Although, there is no universal definition of transnational crime, researchers have agreed that it has some basic discernible features: perpetrators, objects, motive, digital signals and subjects [Stoica 2016: 14]. The perpetrators are those who carry-out the crime across national boundaries; the object is the illicit good that is traded across national borders — this could be manufactured within the country or the country could be used as a transit hub; the subject is the foreign element that is engaged in the illicit act; the motive refers to the gains to be had from such acts — this could be monetary, political, economic or religious; and the digital signals refer to the use of electronic means to steal or wire money from financial institutions.

Transnational crime has three distinct features:

- it has extensive trans-border connections;
- it has the capacity to challenge national and international authorities;
- it operates at both regional and global levels [Stoica 2016: 14].

These three features, as will be shown, have been displayed in the nature of the transnational crime that is obtainable in Africa. Different theoretical models have been used to explain the occurrence of transnational crime [Ellis, Shaw 2015: 515]. However, two of these models, Realism and Liberal theories that are applicable to Africa will be explained here. The Realism model argues that transnational crime at its core is a continuation of economic activities using illicit methods like violence, blackmailing and intimidation. The Liberal model argues that globalization and economic liberalization are in

the core of the paradigm that have encouraged and enabled transnational crime to flourish. The ease of trans-border communications and multilateral trading agreements between and among states have made it possible for perpetrators to carry-out their illicit activities. This is particularly true for Africa where regional arrangements like the ECOWAS have made it possible for SALW to proliferate unchecked in the sub-region. These two major models provide the theoretical rationale for the high incidence and successes of transnational crime that has been recorded in Africa.

Factors Responsible for Transnational Crime in Africa

The following factors are responsible for transnational crime in Africa: Relative Deprivation, Globalization, Demand and Supply Cycle and Regional Commitments.

1. *Relative Deprivation*. Most economies in Africa are poor and the governments on the continent have done a poor job of lifting the citizen out of the poverty trap. Unemployment that is rife in most cities on the continent has created a high level of social inequality and disparity. The desire to escape the poverty trap is a major driver for such transnational crimes like maritime piracy, human trafficking, drug trafficking and arms trafficking on the continent. This explains the high incidence of transnational crimes in both West and East Africa. Countries like Nigeria, Niger, Sierra Leone, Somalia and Guinea have been plagued by arms trafficking and maritime piracy, among others.

2. *Globalization*. Globalization removes borders between states and promotes economic interdependence that is devoid of any serious artificial trade barrier [Zabyelina 2009: 11–22]. This is in itself a good thing, however, it then becomes a problem when the perpetrators put the free movement of people and capital into nefarious uses. These include human trafficking, arms trafficking and other illegal and illicit activities. Countries like Nigeria, Somalia, Kenya and Libya have experienced these aspects of transnational crime in one form or the other, contributing to political and economic instability

⁴ Transnational Organized Crime — The Globalized Illegal Economy // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2012. URL: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201207/20120717ATT49047/20120717ATT49047EN.pdf> (accessed: 02.07.2019).

in the sub-regions where these countries are located.

3. *Demand and Supply Cycle*. This is a very important factor that is responsible for the high incidence of transnational crime in Africa [Madsen 2009]. The continent is riven with pockets of conflicts that range from civil wars to ethno-religious conflicts, from terrorism to boundary disputes and farmers–herders conflicts. These conflicts require that the combatants have adequate resources (weapons) to prosecute their wars. This is the demand aspect of the cycle. The perpetrators now step in to provide the needed weapons. This is the supply aspect of the cycle. Of course, the more the demand is met, the more the conflict rages and the more the combatants demand for more weapons from the supplier. This has led to an unending circle of violence on the continent. Moreover, such conflicts that have been enabled by the proliferation of SALW will further ensure the commission of other transnational crime like drug trafficking and human trafficking, and the violation of human and international rights. This point shows the important connection between guns (SALW) and transnational crime on the African continent. The guns aid the commission of these crimes on a greater and larger scale. This is the experience of Somalia in the Horn of Africa and Nigeria in West Africa.

4. *Regional Integrative Organizations*. This is another major factor that has aided the spread of transnational crime on the continent. Most countries on the continent belong to various regional and continental organizations. For example, there is ECOWAS in West Africa and Southern African Development Commission (SADC) in Southern Africa. By virtue of their memberships of these economic unions, African states have little or no barrier to the free flow of goods, services and capital in the sub-regions. Since border security checks are often relaxed as a result, or with some being poorly manned, perpetrators have found it easier to move illicit goods in the regions from one state to another [OECD 2018]. This has been the experience of Nigeria with its neighbours such as Benin, Chad and Niger in West Africa. Illegal weapons have flowed through Nigeria's borders because its membership of ECOWAS made it compulsory

for her to grant unimpeded access to goods entering from neighbouring countries.

Guns: Small Arms and Light Weapons (SALW)

Most transnational crime in Africa are carried-out with the aid of SALW. Civil wars in both Nigeria and the Democratic Republic of the Congo in the 1960s were fought with SALW. Maritime piracy on both the Gulf of Guinea and the Horn of Africa are carried-out using SALW. Small arms and light weapons have aided and enabled the spread and commission of transnational crimes on the continent [Bourne 2005]. It facilitates and enables armed conflict, terrorism and transnational crime in Africa. So, what are SALW?

Small arms are those weapons that can be carried by one or two persons that is mounted on a vehicle or carried by a pack animal from one place to the other [Kumar 2008: 787]. The term is used for three major sub-divisions of weaponry: small arms, light weapons and ammunition and explosives [Kumar 2008: 787]. Examples of small arms are revolvers, self-loading pistols, rifles, sub-machine guns and light machine guns.

All these weapons, it should be noted have featured regularly in the transnational crime that has ravaged Africa since the 1960s. For example, in the West African states of Nigeria, Cameroon, Chad and Niger, Boko Haram has used sub-machine guns, light machine guns and explosives in its various criminal attacks. Al-Shabaab has used small arms like explosives, sub-machine guns, rifles and light machine guns in its attacks against East African states like Somalia and Kenya. Heavy machine guns, hand grenades and mounted grenade launchers, anti-tank guns, and portable launchers of anti-aircraft missile system are good examples of light weapons. Light weapons have been used by various terrorist groups in East, Central and West Africa. Such weapons have aided and prolonged the duration of civil conflicts that have ravaged different countries on the continent. Small arms and light weapons are used by various groups across Africa: militaries, insurgents, terrorists, vigilantes, herders, bandits and transnational criminals.

Such weapons have some basic characteristics that make them to be appealing to perpetrators who carry-out transnational crime in Africa [Jeffrey, Klare 1998]:

— They are of low cost and widely available. The porous nature of Africa's borders makes it easier for such weapons to be transferred from one state to the other;

— They are easy to use and maintain. The maintenance requires little or no technical skill. This characteristic of the SALW is significant in the African setting because most of those that use such weapons in transnational criminal enterprises are from the unskilled or educationally disadvantaged section of the society;

— They are concealable and easy to carry from one location to the other.

The highlighted characteristics show why SALW has been the weapon of choice for perpetrators like terrorists, bandits, herders and criminals that have been involved in such transnational crime like maritime piracy, human trafficking, cattle rustling, drug trafficking and mineral trafficking across the borders of some states in Africa. There is no hard data on the total number of SALW on the continent. Different scholars, agencies, non-governmental organizations and governmental organizations have given various estimates as to the total number of SALW on the continent. Some non-governmental organizations that tracks the proliferation of arms all over the world have put the tally in the world at approximately 875 million⁵. While a Gun Policy data puts the total number of licit and illicit arms in Africa at 100 million in 2016⁶.

But, a 2019 Small Arms Survey (SAS) and AU study titled “Weapons in Compass: Mapping Illicit Small Arms Flows in Africa” estimates the illegal SALW floating around on the continent at 40 million⁷. As it is, it's very difficult to put a

specific number to the amount of illicit SALW in Africa. However, what is not in doubt, as this research will subsequently show, is the fact that the proliferation of SALW has contributed to political, economic and social instability, and the high incidence of transnational crime on the continent.

Transnational Crime in Africa: An Overview

Two major defining features of the 21st century are market liberalization and political democracy [Lloyd, Simmons, Stewart 2012: 153–180]. The Market liberalization aspect that guarantees a more open and almost borderless trading environment among the different states on the continent is a major factor responsible for the exponential growth of transnational crime in Africa. As cost of undertaking transactions has fallen, the opportunities for illicit traders to operate unrestricted across borders has also grown [Mystris 2019: 482—487].

Transnational crime in turn creates growing challenges for national authorities at all levels, from foreign policy and security establishments to law enforcement authorities and border control officials [Lloyd, Simmons, Stewart 2012: 153]. This has constituted a serious threat to good governance and state sovereignty across the continent. The major transnational crimes in Africa are drug trafficking, human trafficking, environmental crime, artefact trafficking, financial crimes, counterfeit goods, counterfeit pharmaceuticals, cyber-attacks hacks on financial institutions, maritime piracy and automobile trafficking⁸. The connection between these transnational crime and guns is that SALW enables the commission of some of the more egregious crimes and further makes it difficult for the various national security agencies on the continent to combat them.

⁵ Weapons and Market // Small Arms Survey. URL: smallarmssurvey.org/weapons-and-markets.html (accessed: 07.01.2020).

⁶ Armed Violence and Guns in Africa // GunPolicy.org. URL: <https://www.gunpolicy.org/firearms/region/africa> (accessed: 07.01.2020).

⁷ Kuwonu F. Small Arms Fuelling Deadly Communal Violence // African Renewal. December — March 2019–2020. URL: <https://www.un.org/africarenewal/>

[magazine/december-2019-march-2020/small-arms-fueling-deadly-communal-violence](https://www.un.org/africarenewal/magazine/december-2019-march-2020/small-arms-fueling-deadly-communal-violence) (accessed: 08.01.2020).

⁸ Overview of Serious and Organized Crime in Africa // Interpol. 29.10.2018. P. 10–28. URL: <https://www.interpol.int/content/download/12850/file/Overview%20of%20Serious%20and%20Organized%20crime%20in%20Africa-EN.pdf> (accessed: 02.07.2019).

1. *Drug Trafficking*. The African continent is both a growing global transit hub for the trafficking of illegal drugs en route to other continents and a market where drugs are abused. Drugs like cocaine, heroin, cannabis, and synthetic drugs like Tramadol and methamphetamine are trafficked within and outside the continent. For example, Western, Eastern and Northern Africa are transit regions for cocaine and other drugs from South America⁹. Africa is also the transit hub for heroine destined for Europe and coming from Asia. Likewise, cannabis is both trafficked within and outside the continent. In 2016, Nigeria was discovered to be the main hub for the production and distribution of methamphetamine in the sub-region¹⁰. The link between drug trafficking and SALW is that the transnational criminals would need such weapons to protect their merchandise during transit across the different African borders. In the process, such weapons are allowed to proliferate unchecked across the continent's borders.

2. *Human and People Trafficking*. These are two important transnational crime that occur across Africa. Women (for labour and sex), men (for labour) and boys and girls (for labour, sex and child soldiers) are trafficked across different borders on the continent; and at other times trafficked to Western Europe and the Middle East. For example, Cameroon is an important collation and transit point for women and girls from Western Africa destined for Europe¹¹. Ivorian nationals are trafficked to North Africa, especially Tunisia, to be exploited as labour and sex slaves¹². Almost all African countries are

⁹ World Drug Report 2017 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). URL: <https://reliefweb.int/report/world/unodc-world-drug-report-2017> (accessed: 02.07.2019).

¹⁰ Super Laboratory: NDLEA Arraigns 4 Mexicans, 5 Nigerians // National Drug Law Enforcement Agency Official Website. 2016. URL: <https://www.ndlea.gov.ng/new-and-event/super-laboratory-ndlea-arraigns-4-mexicans-5-nigerians/> (accessed: 02.07.2019).

¹¹ 2017 Trafficking in Persons Report — Cameroon // United States Department of State Official Website. URL: <https://cm.usembassy.gov/official-reports/trafficking-persons-report-cameroon/> (accessed: 02.07.2019).

¹² Victims of Trafficking in the central Mediterranean Route: Focus on Women from Cote d'Ivoire, from the

affected by this particular crime due to the labour-intensive extractive industries, porosity of the borders and poverty¹³. This particular transnational crime also contributed to the proliferation of SALW on the continent due to the fact that the perpetrators require such weapons to protect their subjects from one African border to the other. Additionally, the subjects are sometimes killed, and their organs harvested and trafficked across the continent's borders.

3. *Environmental Crimes*. Environmental crimes are of two types: exploitation of natural resources and wildlife crimes¹⁴. Exploitation of natural resources cover illegal lumbering and that of wildlife covers that of poaching of different species of animals. Illegal lumbering not only leads to deforestation with serious environmental consequences, it also leads to the loss of tax revenue and economic opportunities that will further entrench poverty. This is an important transnational crime with serious deleterious ramifications for the countries in Africa. For example, over 120 companies were found to be guilty of illegal logging activities in Mozambique alone in March 2017¹⁵. Cameroon made close to 82.6 mln euros in 2016 from the fines of companies found culpable of violating the country's forestry law¹⁶.

Interestingly, terrorist groups like Al-Shabaab in Somalia (East Africa) and rebel

Trafficking in Tunisia to the Risk of Re-trafficking in Italy // IOM Briefing. September 2019. URL: https://italy.iom.int/sites/default/files/news-documents/IOM_Briefing_Victims_of_Trafficking.pdf (accessed: 02.07.2019).

¹³ Overview of Serious and Organized Crime in Africa // Interpol. 29 October 2018. P. 10—28. URL: <https://www.interpol.int/content/download/12850/file/Overview%20of%20Serious%20and%20Organized%20crime%20in%20Africa-EN.pdf> (accessed: 02.07.2019).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Mozambique Battles Illegal to Save Tropical Forests // Agence France — Presse. April 27, 2017. URL: <https://www.news24.com/Africa/News/mozambique-battles-illegal-logging-to-save-tropical-forests-20170426> (accessed: 02.07.2019).

¹⁶ Cameroon publishes data on illegal logging cases and fines // FLEGT. August 8, 2016. URL: <http://www.flegt.org/news/content/viewItem/cameroon-publishes-data-on-illegal-logging-cases-and-fines/08-08-2016/22> (accessed: 02.07.2019).

groups like anti-Balaka Movement (Central Africa) embarked on this kind of resource trafficking to generate direly needed revenue¹⁷. In the process of committing such transnational crimes, these groups use SALW to protect the movement of their subjects from one border location to the other. It is via this means that such weapons are allowed to proliferate across the borders and are then used to destabilize states and create insecurity in the different regions on the continent. SALW has greatly enhanced the trapping and killing of such wild animals like apes, pangolins and elephants [Vandome, Vines 2018]. Apes like gorillas, orangutans, bonobos and chimpanzees are targeted for both their meat and for human entertainment. Pangolins and elephants are targeted for both their scales and tusks, respectively. These commands premium prices within the international markets. The accessibility of SALW has made it possible for this transnational criminals (poachers) to track and kill these animals with ease and has also made it easier for them to challenge and ward-off the rangers sent to check them [Krause 2015]. This has been the terrible situation for these wild animals in countries like Liberia, Nigeria, Ghana, Ethiopia, Mali, Sierra Leone, Uganda and Kenya.

4. *Stolen Motor Vehicle Trafficking*. There are of two types: intra- and inter-continental trafficking. Intra-continental deals with stolen vehicles that are trafficked within the continent from one border region to the other. This affects almost all the regions on the continent. The inter-continental dimension deals with those cars that are brought from Europe, North America and Asia into Africa. Different models of stolen cars, trucks and buses are trafficked within the continent. Stolen cars are driven across several borders for resale in final destination countries. For example, cars stolen in Uganda have been recovered in the Democratic Republic of the Congo and those stolen in Kenya and South Sudan were recovered in Uganda¹⁸. In West

Africa, ECOWAS, the regional economic arrangement that has encouraged the free movement of people, goods and services across borders in the region has aided this kind of transnational crime in the region. Trafficking in stolen vehicles has aided the proliferation of SALW in West Africa because such weapons are sometimes smuggled through the porous borders into the countries in the region. Nigeria has been negatively impacted by this kind of crime. Stolen vehicles coming in from Benin and Ghana have been used to smuggle SALW into Nigeria at various times.

5. *Maritime Piracy*: Maritime piracy occurs in the Gulf of Guinea basin countries in West and Central Africa and the shores of the Gulf of Aden and horn of Africa countries in the East. Piracy is particularly deadly on the continent because it not only leads to disruption in intra- and inter-continental maritime trade, it also drives the proliferation of SALW. Indeed, pirates on the continent have become very adept at kidnapping for ransoms, attacks on oil tankers and vessels, and hijacking and boarding of cargo vessels. To this mix has been added the trafficking of illicit SALW. In almost all the attacks, the weapon of choice of the perpetrators has always been SALW. The easy accessibility and portability of SALW on the continent have facilitated and enabled the high incidence of piracy on the waters in Africa. In 2017, there were 7 incidents involving a vessel coming under fire in the Gulf of Guinea¹⁹. In the Niger Delta of Nigeria, pirates attack oil tankers to steal the crude which are then sold to refineries in both the country and the West African sub-region²⁰.

co.ug/News/National/Interpol-recover-seven-stolen-motor-vehicles/688334-4047128-23jpjr/index.html (accessed: 02.07.2019).

¹⁹ Off West Africa, Navies Team Up in Fight Against Piracy // Times Live. March 7, 2018. URL: <https://www.timeslive.co.za/news/africa/2018-03-07-off-west-africa-navies-team-up-in-fight-against-piracy> (accessed: 02.07.2019).

²⁰ Maritime Piracy Hotspots Persist Worldwide despite Reductions in Key areas // International Chambers of Commerce. February 2, 2016. URL: <https://www.icc-ccs.org/index.php/1154-imb-maritime-piracy-hotspots-persist-worldwide-despite-reductions-in-key-areas> (accessed: 02.07.2019).

¹⁷ Extending Arms Embargoes on Somalia, Eritrea, Security Council Adopts Resolution 2385 (2017) by 11 votes in Favour, 4 Abstentions // United Nations Publication. November 14, 2017. URL: <https://www.un.org/press/en/2017/sc13065.doc.htm> (accessed: 02.07.2019).

¹⁸ Interpol Recovers Seven Stolen Motor Vehicles // Daily Monitor. August 6, 2017. URL: <http://www.monitor>.

Maritime pirates in all the regions in Africa rely heavily on the SALW in carrying-out their nefarious transnational activities.

Impacts of Transnational Crime in Africa

Transnational crime has affected socio-economic and political development in Africa. In its various formats, transnational crime has ensured that the issues of governance, security, socio-economic and political development have become intractable on the continent. The following is the analysis of how transnational crime has retarded social, economic and political growth and development in Africa.

1. *Impact on Governance.* Transnational crime has made the issues of governance and legitimacy an onerous one for the different governments in Africa [Shaw 2014: 93—99]. The proliferation of SALW has aided the growth and spread of transnational criminals on ungoverned spaces in countries on the continent. These ungoverned spaces, usually in the border regions, have allowed transnational criminal enterprises such as human, arms and drug trafficking to fester and flourish.

In some cases, these transnational criminal enterprises have been responsible for the economic survival and sustenance of most communities and towns in the periphery of the states. This means that such communities allegiances will not be to the states but to the perpetrators of such transnational criminal enterprises that is responsible for their socio-economic survival. Once any of these transnational criminal enterprises has been sufficiently developed, it will affect the relationship between the constitutionally recognized authority in the state and the citizens in this border region. In the long-term, this will affect the overall ability of the government to exercise control over all the regions in the state since its legitimacy will now be in doubt [Bruinsma 2015]. This impact of transnational crime is being felt in the West African countries like Nigeria, Chad, Mali and Niger and in Somalia in East Africa.

2. *Impact on conflict.* The transnational crime of trafficking in SALW has affected both the duration, character and intensity of conflicts

in Africa. The proliferation and portability of SALW has made the phenomenon of child soldiers to become a permanent feature of conflicts on the continent. For example, civil conflicts in Liberia, Sierra Leone, Uganda and the Democratic Republic of the Congo have witnessed the use of children as active combatants using SALW like pistols, AK-47 and rifles. Being the first weapons of choice for both state and non-state combatants on continent, SALW has made it possible for non-state actors like militants, terrorists and herders to effectively challenge states in conventional engagements. This is true for the conflict situation in the West African state of Nigeria in its confrontation with the terrorist group known as Boko Haram. This is also true for the long-running conflict between the Lord's Resistance Army (LRA) and the Ugandan security forces in East Africa. The point here is that the easy access to SALW and its trafficking across the different porous borders on the continent is a major factor responsible for the high incidences and long duration of conflicts on the continent.

3. *Impact on Security.* The widespread availability of trafficked SALW on the continent has created serious human security challenges. This is because the presence of such weapons has encouraged state and non-state actors to readily resort to violence and force rather than negotiation, diplomacy and persuasion to resolve their differences²¹. The unregistered nature of such weapons makes it easier for both state and non-state actors to use such to violate human rights and international humanitarian law. Additionally, since most states in Africa did not have credible and viable disarmament and demobilization programs at the end of any major conflict, SALW in the hands of the erstwhile combatants then become a tool that enables the commission of transnational crime like hijacking, piracy, arms, drug and human trafficking.

²¹ Integrated Disarmament, Demobilization and Reintegration Standards: Module 4.11 SALW Control, Security and Development // United Nations Inter-Agency Working Group on Disarmament, Demobilization and Reintegration (UNDDR). 2006. URL: http://www.poa-iss.org/BPD/Upload/IDDRS_411.pdf (accessed: 02.07.2019).

4. *Impact on Socio-Economic Development.*

Transnational crime is a major factor responsible for socio-economic underdevelopment in Africa [Shaw, Wannenburg 2005: 368—386]. Socio-economic underdevelopment in developmental studies is a breeding ground for most of the vices that confronts Africa. Poverty, social and economic inequality in the different societies in Africa encourages perpetrators to engage in transnational crime to the detriment of the states. It has also encouraged the proliferation of SALW that has the multiplier effect of the commission and enablement of other transnational crime like piracy, human and drug trafficking. The long-term costs of SALW in terms of human and economic development affect societies as a whole; and the adverse effects on armed violence on poverty, social spending and economic development perpetuates human suffering. This affects the overall impact on human development, knowledge and education, income, standard of living and community participation²².

Recommendations

Since the challenges posed by the proliferation of SALW and transnational crime in Africa are interconnected and intertwined, it is only logical for the countries on the continent to provide solutions that will tackle the two concurrently and simultaneously. In order for the governments on the continent to be able to proactively and effectively curb and contain the proliferation of both SALW and transnational crime, they will have to:

1. Establish a continent-wide database that can identify the different transnational organizations, their mode of operations, specific transnational criminal enterprise and the form of their strategic alliances. This is necessary because as my research has shown, transnational crime is a scourge that affects the whole of Africa, but each region experience different shades of the crime. For example, maritime

piracy and oil smuggling are two transnational crime that affects East and West Africa more compared to the other regions [Siebels 2020]. Animal poaching is more restricted to East and South Africa. Hence, the assertion that a continent-wide database will have to be established to identify the transnational crime that is specific to a particular region so that it can be easier to provide targeted solutions.

2. At the regional level, effort must be made to strengthen legislations and laws that have already been created to tackle transnational crime and the proliferation of SALW. Where such laws and legislations exist, they must be judiciously and rigorously implemented. A cursory look at some of the extant literature on the prevention of transnational crime and the proliferation of SALW show that such laws and legislations exist [Idowu 2019: 28]. However, they are largely observed in the breach. For example, ECOWAS has such a legislation called Convention on Small Arms and Light Weapons, Their Ammunition and Other Related Materials²³ signed in 2006 and entered into force in 2009 [Rogers 2009: 101] and Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peacekeeping and Security²⁴, signed in 1999 to tackle the proliferation of SALW. However, most of the member states have refused to fully enforce the provisions of the two laws²⁵ because profits from such illegal

²³ ECOWAS Convention on Small Arms and Light Weapons, Their Ammunition and Other Related Materials // SIPRI. June 14, 2006. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/research/disarmament/dualuse/pdf-archive-att/pdfs/ecowas-convention-on-small-arms-and-light-weapons-their-ammunition-and-other-related-materials.pdf> (accessed: 02.07.2019).

²⁴ ECOWAS Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peacekeeping and Security. December 10, 1999. URL: https://www.zif-berlin.org/fileadmin/uploads/analyse/dokumente/ECOWAS_Protocol_ConflictPrevention.pdf (accessed: 02.07.2019).

²⁵ Berkol I. Analysis of the ECOWAS Convention on Small Arms and Light Weapons and recommendations for the development of an Action Plan // Group for Research and Information on Peace and security (GRIP). April 1, 2007. URL: http://archive.grip.org/en/siteweb/images/NOTES_ANALYSE/2007/NA_2007-04-01_EN_I-BERKOL.PDF (accessed: 02.07.2019).

²² People Safe from Guns in South Sudan: A Training for Local Stakeholders // Bonn International Centre for Conversion (BICC). 2005. URL: https://www.bicc.de/uploads/tx_bicctools/salw_booklet_sudan.pdf (accessed: 02.07.2019).

trades are veritable sources of needed revenue for some of these states.

3. Since transnational crime is a crime that negatively affects every state in the different regions, it will be necessary for countries on the continent to intensify interagency coordination and cooperation. This will facilitate the pooling of the scarce but crucial resources that are needed to curb and contain the proliferation of SALW and the commission of transnational crime. Importantly, such interagency coordination and cooperation will enhance the timely dissemination of vital information and intelligence that will be needed to create and deploy effective institutional mechanism to curb and contain the twin menace.

Conclusion

Transnational crime is not a uniquely African phenomenon. It is felt in the different

continents of the world in varying degrees. However, a combination of factors such as a dysfunctional political system, poverty, ill-equipped security forces, well organized criminal groups and porous borders have made its effects to be more pronounced in Africa. In the same vein, the easy access, unregulated nature and portability of SALW has made it possible for perpetrators to commit the different variants of the crime in Africa. Small arms and light weapons have both enabled and ensured the commission of transnational crime like human and drugs trafficking, maritime piracy and arms trafficking in Africa. Guns like SALW are not just used to commit transnational crime but they also enable it. In other for Africa to be able to escape its unending transnational crime and conflict traps, concerted effort is needed to holistically and effectively tackle the problem of the proliferation of SALW.

Received / Поступила в редакцию: 20.01.2019

Accepted / Принята к публикации: 16.02.2020

References / Библиографический список

- Ayissi, A. & Sall, I. (2005). *Combating the Proliferation of Small Arms and Light Weapons in West Africa: Handbook for the Training of Armed and Security Forces*. United Nations: Programme for Coordination and Assistance for Development, United Nations Institute for Disarmament Research (UNIDIR). URL: <https://unidir.org/files/publications/pdfs/combating-the-proliferation-of-small-arms-and-light-weapons-in-west-africa-handbook-for-the-training-of-armed-and-security-forces-326.pdf> (accessed: 02.07.2019).
- Bourne, M. (2005). The Proliferation of Small Arms and Light Weapons. In: Krahmann, E. (Eds.). *New Threats and New Actors in International Security*. New York: Palgrave Macmillan. P. 155—176. DOI: 10.1057/9781403981660_8
- Brown, S.S. (2020). Introduction: Setting the Stage. In: Brown, S.S. & Hermann, M.G. *Transnational Crime and Black Spots: Rethinking Sovereignty and Global Economy*. UK: Palgrave Macmillan. P. 1—12. DOI: 10.1057/978-1-137-49670-6_1
- Bruinsma, G. (2015). *Histories of Transnational Crime*. New York: Springer-Verlag. DOI: 10.1007/978-1-4939-2471-4
- Chelule, E. (2014). Proliferation of Small Arms and Light Weapons: Challenge to Peace, Development and Security in Africa. *IOSR Journal of Humanities and Social Sciences (IOSR-JHSS)*, 19 (5), 80—87. DOI: 10.9790/0837-19558087
- Ellis, S. & Shaw, M. (2015). Does Organized Crime Exist in Africa? *African Affairs*, 114 (457), 505—528. DOI: 10.1093/afraf/adv035
- Idowu, O.I. (2019). Legal and Regulatory Challenges to Effective Implementation of the Firearms Act in Nigeria. *Ede: Journal of Humanities and Social Sciences*, 1 (2), 26—39.
- Jeffrey, B. & Klare, M. (1998). Small Arms and Light Weapons: Controlling the Real Instruments of War. *Arms Control Today*. URL: https://www.armscontrol.org/act/1998_08-09/mkas98 (accessed: 02.07.2019).
- Keili, F.L. (2008). Small Arms and Light Weapons Transfer in West Africa: A Stock-Taking. *Disarmament Forum*. URL: <https://www.unidir.org/files/publications/pdfs/the-complex-dynamics-of-small-arms-in-west-africa-en-329.pdf> (accessed: 02.07.2019).
- Krause, K. (2015). *Small Arms Survey: Weapons and the World*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Kumar, S. (2008). Small Arms and Light Weapons: A Global Health to Human Security and Development. *The Indian Journal of Political Science*, 69 (4), 787—800.
- Lloyd, P., Simmons, B. & Stewart, B. (2012). Combating Transnational Crime: The Role of Learning and Norm Diffusion in the Current Rule of Law Wave. In: Nolkaemper, A., Zurn, M. & Peerenboom, R. (Eds.). *Rule of Law Dynamics. In an Era of International and Transnational Governance*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 153—180. DOI: 10.1017/CBO9781139175937.011
- Madsen, F. (2009). *Transnational Organized Crime*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203875827
- Mystris, D. (2019). Transnational Crime in the African Union. In: Mitsilegas, V., Hufnagel, S. & Moiseienko, A. (Eds.). *Research Handbook on Transnational Crime*. Edward Elgar Publishing. P. 482—488. DOI: 10.4337/9781784719449
- OECD. (2018). *Illicit Financial Flows: The Economy of Illicit Trade in West Africa*. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/9789264268418-en
- Pumphrey, C. & Schwartz-Barcett, R. (2003). *Armed Conflict in Africa*. Scarecrow Press.
- Reitano, T. (2018). Organized Crime as a Threat to Sustainable Development: Understanding the Evidence. In: Comolli, V. (Eds.). *Organized Crime and Illicit Trade: How to Respond to this Strategic Challenge in Old and New Domains*. New York: Palgrave Macmillan. P. 23—35. DOI: 10.1007/978-3-319-72968-8_2
- Rogers, D. (2009). *Postinternationalism and Small Arms Control: Theory, Politics, Security*. Bodmin: Ashgate. DOI: 10.4324/9781315601687
- Shaw, M. & Wannenburg, G. (2005). Organized Crime in Africa. In: Reichel, P. & Albanese, J. (Eds.). *Handbook of Transnational Crime and Justice*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications Inc. P. 367—386. DOI: 10.4135/9781412976183.n18
- Shaw, M. (2014). Transnational Organized Crime in Africa. In: Albanese, J. & Reichel, P. (Eds.). *Transnational Organized Crime: An Overview from Six Continents*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications Inc. P. 93—117. DOI: 10.4135/9781483349091.n6
- Sheptycki, J. & Wardack, A. (2005). *Transnational and Comparative Criminology*. London: Glasshouse. DOI: 10.4324/9781843146049
- Siebels, D. (2020). *Maritime Security in East and West Africa: A Tale of Two Regions*. Switzerland: Palgrave Pivot. DOI: 10.1007/978-3-030-22688-6
- Stoica, I. (2016). Transnational Organized Crime: An (Inter)national Security Perspective. *Journal of Defence Resources Management*, 7 (2), 14—15.
- Vandome, C. & Vines, A. (2018). Tackling Illegal Wildlife Trade in Africa: Economic Incentives and Approaches. *The Royal Institute of International Affairs*. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/2018-10-11-VandomeVines-Illegal-wildlife-WEB.pdf> (accessed: 09.01.2020).
- Zabyelina, Y. (2009). Transnational Organized Crime in International Relations. *Central European Journal of International and Security Studies*, 3 (1), 11—22.

About the author: *Falode Adewunmi James* — PhD, Department of History and International Studies, Lagos State University, Nigeria (e-mail: adewunmi.falode@lasu.edu.ng).

Сведения об авторе: *Фалоде Адевуни Джеймс* — доктор философии, доцент кафедры истории и международных отношений Государственного университета Лагоса, Нигерия (e-mail: adewunmi.falode@lasu.edu.ng).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-170-183

Научная статья

Десятилетия развития ООН (1961—2000 гг.): эволюция систем оценки в контексте теорий развития

М.В. Ларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается динамика систем оценки в период с первой по четвертую «Декады развития» ООН в контексте эволюции доминирующих теорий развития. Для выявления взаимосвязи были использованы методы сравнительного анализа и периодизации. Работа опирается на анализ документов сессий ГА ООН с 1960 по 2000 г., экспертные материалы, академические исследования и доклады международных организаций. Концепции развития, возникшие в рассматриваемый исторический период, оказали безусловное влияние на практику сотрудничества для развития и параметры системы оценки. Теории стадий экономического роста и модернизации определили приоритеты и параметры Первой программы международного экономического сотрудничества (1961—1970). В 1970-е гг. усиление экономической взаимозависимости, разрядка напряженности, результаты Первого десятилетия определили рост влияния концепции зависимости и другого развития. Новое мышление нашло отражение в параметрах Международной стратегии развития на Второе десятилетие. Положения Международной стратегии развития на Третье десятилетие (1981—1990) стали результатом компромисса позиций приверженцев концепции зависимости, концепции модернизации и концепции другого развития. Впервые конкретизированы параметры социального развития, обеспечения благополучия, преодоления бедности и неравенства. В положениях Стратегии Четвертого десятилетия прослеживается влияние принципов неолиберализма в его ринкарнации в виде «пост-Вашингтонского консенсуса» и концепции устойчивого развития. Под воздействием теории экономики благосостояния развитие человека стало рассматриваться как фундаментальная основа решения проблем неравенства, обеспечения благополучия и свободы. В повестку дня и практику сотрудничества для развития интегрированы социальные аспекты и индикаторы.

Ключевые слова: ООН, международная помощь, теории развития, Декады развития ООН, концепция зависимости, концепция другого развития, неолиберализм, теория экономики благосостояния, концепция устойчивого развития, параметры оценки

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-014-00008 «Эволюция многостороннего сотрудничества по содействию развитию под эгидой ООН: от декады развития к Целям устойчивого развития (ЦУР)».

Для цитирования: Ларионова М.В. Десятилетия развития ООН (1961—2000 гг.): эволюция систем оценки в контексте теорий развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 170—183. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-170-183

© Ларионова М.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The UN Development Decades (1961—2000): Evolution of Appraisal Systems in the Context of Development Theories

M.V. Larionova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article explores the review and appraisal systems' dynamics in the period from the First to the Fourth UN Development Decades in the context of the dominant developmental theories' evolution. To reveal possible interrelations the author uses the methods of comparative assessment and periodization. The overview draws on analysis on resolutions and documents of the UN General Assembly adopted in 1960—2000, expert materials, academic research and international institutions' reports. Development concepts which emerged in 1960—2000 had an undoubted influence on cooperation for development and the review and appraisal parameters. Developmental stages theory and modernization theory defined the priorities and parameters of the First Development Decade's (1961—1970). In 1970s, growing economic interdependence, detente and the outcomes of the First Decade's which showed that development could not be driven exclusively by modernization, industrialization and economic growth, determined emergence of the dependence theory and the alternative development concept. The new thinking was reflected in the provisions of the Second Development Decade. The Third Development Decade (1981—1990) provisions were built on a compromise between the dependence theory, modernization theory and the alternative development concept. For the first time concrete parameters of social development, eradication of poverty and inequality were specified. The Fourth Development Decade provisions revealed the influence of the neoliberalism in its "post-Washington consensus" reincarnation and the sustainable development concept. In the nineties the human development discourse put equality, wellbeing and freedom at the core of the development, bringing a new focus on the social and human development indicators.

Key words: United Nations, development cooperation, theories of development, UN Development Decade, dependency theory, alternative development, neoliberalism, human development discourse, sustainable development, review and appraisal

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project No. 18-014-00008 «The evolution of multilateral development cooperation under the auspices of the UN: from a decade of development to the Sustainable Development Goals (SDGs)».

For citation: Larionova, M.V. (2020). The UN Development Decades (1961—2000): Evolution of Appraisal Systems in the Context of Development Theories. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 170—183. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-170-183

Введение

Реализация Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. включает всеобъемлющую систему оценки прогресса на основе 232 индикаторов Целей устойчивого развития (ЦУР), разработанных Межучрежденческой и экспертной группой по показателям достижения ЦУР¹. Оценка стала объектом исследований экспертных центров [Evaluating the Impact... 2019] и инструментом, нацеленным на повышение

эффективности программ развития [OECD 2015: 10].

В системе ООН история оценивания результатов сотрудничества для развития² насчитывает почти 60 лет. Она начиналась с подготовки первой «Декады развития» ООН — Программы международного экономического сотрудничества 1961—1970 гг.,

² Сотрудничество для развития понимается как деятельность, которая поддерживает национальные и международные приоритеты развития, осуществляется в интересах развивающихся стран, не имеет целей получения выгоды, опирается на отношения сотрудничества, которые обеспечивают усиление солидарности и ответственности развивающихся стран [Alonso, Glennie 2015].

¹ Revised list of global Sustainable Development Goal indicators // United Nations. 2017. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Official%20Revised%20List%20of%20global%20SDG%20indicators.pdf> (accessed: 18.12.2019).

определившей в качестве целевых показателей достижение объемов международной помощи и капитала в размере 1 % от общей суммы национального дохода развитых стран³ и достижение развивающимися странами к концу десятилетия коэффициента роста совокупного национального дохода не менее 5 %⁴.

В статье рассматривается эволюция систем оценки в период с первой по четвертую «Декады развития». Предпринята попытка проследить, как менялись параметры оценки в зависимости от эволюции доминирующих теорий, позиций основных участников и внешних условий сотрудничества для развития. Для выявления взаимосвязи между эволюцией понимания роли таких факторов (источников) развития, как международная торговля, финансовая помощь, капитал и инвестиции, развитие сельского хозяйства и индустриализация, человеческий капитал и научно-техническое развитие, качество институтов и управления, и изменением параметров оценки используются методы сравнительного анализа и периодизации.

Первая «Декада развития»: модернизация и экономический рост

Первая «Декада развития» стала периодом «расцвета модернизации и оптимизма в теориях развития» [Knutsson 2009: 12]. 19 декабря 1961 г. ООН была принята первая программа международного экономического сотрудничества. Дискуссии в Генеральной Ассамблее (ГА) и Экономическом и социальном совете (ЭКОСОС) относительно приоритетов программы отражали различия в научных и идеологических подходах делегатов⁵.

³ Резолюция ГА ООН A/RES/1710 «Декада развития» Организации Объединенных Наций — программа международного экономического сотрудничества // ООН. 1961. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1710%28XVI%29> (дата обращения: 18.12.2019).

⁴ Резолюция A/RES/1711 «Подтверждение резолюции 1522 (XV) Генеральной Ассамблеи относительно ускорения притока капитала и технической помощи в развивающиеся страны» // ООН. 1961. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1711%28XVI%29> (дата обращения: 18.12.2019).

⁵ В статье представлены теории, оказавшие наиболее существенно влияние на подходы к формированию

В теории стадий экономического роста У.У. Ростоу урбанизация, индустриализация и торговля рассматриваются в качестве ключевых факторов развития [Rostow 1991]. Согласно модели У. Ростоу, развитие проходит через пять последовательных стадий: традиционное, преимущественно сельскохозяйственное, общество; создание предпосылок для роста на основе производства; рост на основе индустриализации, сконцентрированный вокруг новой промышленности; движение к зрелости на основе новых технологий и диверсификации экономики; зрелое капиталистическое общество массового производства и потребления. Модернизация «сверху вниз» по западной модели должна повлиять на развитие экономики в целом, при этом инвестиции являются критическим фактором в создании условий для роста.

Другая влиятельная теория, теория модернизации [Hirschman 1958: xiii, 217], предполагала также модернизацию политической системы и общества по западной модели. Сторонники двух этих теорий считали, что внешняя помощь должна играть значительную роль в данных процессах, государству необходимо создавать необходимые условия для развития. Практическим результатом влияния теорий стал акцент на развитие инфраструктуры (дороги, порты, генерация энергетики) и индустриализации [Williams 2013: 16].

Впоследствии эти теории серьезно критиковались [Деерак 1997], прежде всего, за политику директивного интервенционализма (дирижизма), но они оказали воздействие на

программ сотрудничества. Хотя свою роль сыграли и другие концепции, в том числе первые теории развития, которые фокусировали внимание на поиске причин отсталости. Так, авторы модели экономического роста с двумя дефицитами Холлис Ченери и Алан Страут считали ключевым фактором отсталости нехватку внутренних сбережений и внешних инвестиций. Влияние инвестиций для обеспечения роста считал приоритетом и Пауль Розенштейн-Родан, который впервые сформулировал теорию «большого толчка». Капитал рассматривается в качестве ключевого фактора роста экономики в модели Харрода — Домара. Подробно теории проанализированы в курсе лекций «Содействие международному развитию» [2012: 19—40].

формирование подхода к содействию развитию во внешней политике администрации Дж.Ф. Кеннеди и приоритеты сотрудничества для развития в рамках ООН. СССР не мог согласиться с концепцией превосходства западной капиталистической модели, но методы государственного планирования и приоритеты индустриализации были составляющими государственной политики Советского Союза и нашли отражение в советской концепции внешней помощи. Развивающиеся страны считали, что урбанизация и индустриализация не должны осуществляться без учета страновых особенностей, в ущерб традиционным отраслям. Они рассматривали развитие сельского хозяйства и добывающей промышленности как важные источники роста, выступали за доступ на рынки развитых стран для сырьевых товаров из развивающихся стран за счет снижения барьеров и заключения международных соглашений.

Таким образом, центральными факторами развития в теориях этого периода считались экономический рост, государственное планирование и международная помощь [Knutsson 2009: 11]. Этот подход разделяли западные капиталистические и восточные социалистические государства. Государственно-центричная модель развития, опирающаяся на модернизацию, нашла поддержку и у большинства развивающихся стран [Hettne 1995: 36–39]. Неоклассическая экономическая модель развития, в которой важнейшее значение имеет международная кооперация и торговля, занимала вторичные позиции в теориях развития данного периода [Knutsson 2009: 14].

Задачи Первой программы международного экономического сотрудничества отражали влияние доминирующих теорий периода и общность позиций, предусматривая помощь в индустриализации, создании высокопроизводительного сельскохозяйственного сектора, мобилизации внутренних ресурсов, ликвидации голода и болезней, развитии образования и профессиональной подготовки, научно-исследовательской работы. Влияние теорий отразилось и в параметрах оценки. Программа предусматривала меры по оценке достижения поставленных целей, в качестве

ключевого целевого показателя было определено достижение к концу десятилетия коэффициента годового роста совокупного национального дохода развивающихся стран не менее чем на 5 %. Рост сельскохозяйственного производства к концу десятилетия должен был составить 4—4,5 %, рост промышленного производства — 130 %, рост импорта и экспорта — 5 %⁶.

В резолюции ГА ООН 1711 была заявлена цель ускоренного притока капитала и технической помощи в развивающиеся страны, чтобы достигнуть как можно скорее 1 % общей суммы национального дохода экономически развитых стран⁷. Правительствам и специализированным учреждениям было предложено предоставлять информацию о валовой и чистой сумме притока капитала и международной помощи Генеральному секретарю. Одновременно ГА обратилась к государствам-членам с призывом предоставить доступ на свои рынки для товаров развивающихся стран; способствовать получению развивающимися странами справедливой доли в доходах иностранного капитала от добычи и рыночного сбыта их естественных богатств; принять меры, способные стимулировать приток частного инвестиционного капитала. Однако эти условия не были созданы, что наряду с экономическим кризисом 1970-х гг. стало одной из причин отсутствия прогресса в реализации целей Первого десятилетия.

Вторая декада: концепции зависимости и другого развития

1970-е гг. ознаменовались разрядкой напряженности, резким повышением цен на нефть странами ОПЕК, экономическим кризисом в странах Запада, характеризовавшимся

⁶ The United Nations Development Decade: proposals for action: report of the Secretary-General // United Nations. 1962. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/757935?ln=ru> (accessed: 18.12.2019).

⁷ Резолюция ГА ООН A/RES/1711. Подтверждение резолюции 1522 (XV) Генеральной Ассамблеи относительно ускорения притока капитала и технической помощи в развивающиеся страны // ООН. 1961. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1711%28XVI%29> (дата обращения: 18.12.2019).

одновременной стагнацией и инфляцией, отказом США от золото-долларового стандарта с последующим кризисом системы фиксированных обменных курсов и взрывным ростом нерегулируемых финансовых рынков, масштабным подъемом международной торговли и появлением новых технологий, изменивших производство. Усилилась экономическая взаимозависимость. Развивающиеся страны, объединившиеся в Группу 77, не хотели оставаться в роли экспортеров сырья и импортеров промышленных товаров в условиях ухудшающихся условий торговли. Они выдвинули предложение о проведении переговоров о новом международном экономическом порядке и усилении их позиций в международной экономике⁸.

Новый международный экономический порядок предполагал баланс цен между сырьевыми и промышленными товарами, облегчение доступа на рынки развитых стран, более справедливую валютную систему, участие в процессах принятия решений в Международном валютном фонде (МВФ) и Всемирном банке (ВБ), увеличение уровня помощи развитию.

Требования Группы 77 начать перестройку международных экономических отношений в направлении установления нового мирового порядка встретили оппозицию развитых стран и, по сути, изначально были обречены на неудачу [Ларионова, Сафонкина 2018].

Кроме того, результаты Первого десятилетия показали, что развитие не может опираться исключительно на модернизацию, индустриализацию и экономический рост. Наиболее влиятельные в 1970-е гг. концепции зависимости (*Dependency*) и другого развития (*Another Development*) [Development as Theory and Practice... 1999] постулировали, что мобилизация внутренних источников развития требует изменения условий международного экономического сотрудничества и структурной трансформации экономики и общества развивающихся стран с учетом их специфики.

⁸ Резолюция ГА ООН A/RES/3201 «Декларация об установлении Нового международного экономического порядка» // ООН. 1974. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/218450> (дата обращения: 18.12.2019).

Теория зависимости рассматривала отсталость развивающихся стран как результат их эксплуатации богатыми государствами. При отличной от теории модернизации и модели У. Ростоу оценке источников неравенства в концепции зависимости в качестве ресурса преодоления отсталости особая роль отводилась индустриализации, национальной стратегии, ориентированной на внутренний рост, и сильному государству. Важное отличие заключалось в оценке влияния внешних факторов, в том числе существующего международного экономического порядка [Amin 1990; Seers 1968; Hettne 1995].

В рамках концепции другого развития, основоположником которой считается Даг Яльмар Агне Карл Хаммаршельд [Hammarskjöld 1975], развитие должно опираться на структурную трансформацию, обеспечение базовых социальных потребностей и экологической устойчивости, учет национальных и географических особенностей, интеграцию местного населения в проекты развития и мобилизацию собственных ресурсов [Another Development: Approaches and Strategies 1977]. Вопросы экологической устойчивости, культурного многообразия и учета потребностей уязвимых групп населения стали центральными в парадигме другого развития, частично воспринятой ООН и Всемирным банком [Streeten 1982]. В концепции другого развития акцентировалась роль гражданского общества, а роли государства придавалось меньшее значение. Обе концепции признавали, что развитие нельзя сводить к экономическому росту, необходим учет его влияния на экологию и требуется обеспечение базовых социальных потребностей [Knutsson 2009: 23].

Новое мышление оказало влияние на параметры Международной стратегии развития на Второе десятилетие развития ООН⁹, хотя она не включила сбережение окружающей среды в цели, задачи и основополагающие меры сотрудничества в области развития. Против интеграции экологических аспектов

⁹ Резолюция ГА ООН A/RES/2626 «Международная стратегия развития на второе Десятилетие развития ООН» // ООН. 1970. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2626%28XXV%29> (дата обращения: 18.12.2019).

возражали развивающиеся страны, опасавшиеся оттока части ресурсов развития на экологические проекты. СССР также не поддерживал тенденцию интеграции экологических приоритетов в программу в связи с возможной их увязкой с увеличением финансирования.

В соответствии с концепцией другого развития в качестве ключевой цели заявлено неуклонное повышение благосостояния каждого и обеспечение благ для всех. Экономический и социальный прогресс определены как равновеликие задачи, за которые все международное сообщество несет общую и равную ответственность. При этом на развивающихся странах лежит ответственность за качественные структурные изменения в обществе, обеспечение занятости производительного населения в современных видах производства, создание качественных и доступных систем здравоохранения и образования, развитие человеческих ресурсов, науки и технологий. Впервые поставлена задача добиться к 1980 г. темпов роста валового продукта развивающихся стран на душу населения — не менее 3,5%; до 6 % увеличен показатель темпов роста валового продукта, до 7 % увеличен показатель ежегодного прироста экспорта и импорта. Существенно снижен ориентир темпов роста промышленного производства — со 130 до 8 %. Параметры роста сельскохозяйственного производства сохранились на уровне в 4 %.

Для мобилизации собственных ресурсов были предусмотрены меры по укреплению систем налогового администрирования, повышению эффективности работы государственных предприятий, созданию условий для частных инвестиций. Меры по расширению торговли и экономического сотрудничества, устранению барьеров для торговли, должны были создать внешние условия для развития. От развитых стран ожидался вклад в виде инвестиций и помощи в ежегодном размере не менее 1 % нетто от валового национального продукта по рыночным ценам. Основная часть (0,7 % ВВП) должна поступать в форме официальной помощи развитию (ОПР). С целью выявления проблем в достижении поставленных целей и задач

предусмотрено проведение систематического обзора и оценки на всех уровнях каждые 2 года. Таким образом, в параметрах оценки Международной стратегии развития на Второе десятилетие развития, определившей меры по социальному развитию, созданию внешних и внутренних условий развития и ответственность развитых стран за содействие преодолению последствий колониализма, нашли отражение основные положения концепций зависимости и другого развития.

1981—1990 гг.:

потерянное Десятилетие развития?

В начале 1980-х гг. период разрядки сменился новой холодной войной. С запуском Стратегической оборонной инициативы США обострилось геополитическое противостояние между Москвой и Вашингтоном. Приход к власти Рональда Рейгана в США, Маргарет Тэтчер в Великобритании и Гельмута Коля в Западной Германии сопровождался поворотом к неолиберальной экономической политике. Восход неолиберализма, приоритетами которого стали обеспечение макроэкономической стабильности, снижение роли государства, дерегуляция рынка и либерализация торговли, привел к тому, что и в экономике развития возобладал монодисциплинарный подход, основанный на признании преимущества универсальных экономических правил [Knutsson 2009: 24]. В рамках нового подхода более глубокая интеграция в мировой рынок и обеспечение макроэкономической стабильности рассматривались как единственный путь достижения целей развития [Knutsson 2009: 25].

Одновременно с этим переориентация макроэкономической политики в развитых странах привела к снижению инфляции и повышению реальной процентной ставки по долгам развивающихся стран и, соответственно, существенному повышению долгового бремени. Задолженность развивающихся стран создавала препятствия для экономического роста, риски для международной финансовой системы, политической и социальной стабильности, развития торговли.

В рамках неолиберальной парадигмы ответом на долговой кризис стал «Вашингтонский консенсус», десять принципов [Williamson 2004a] которого стали широко применяться в практике содействия развитию, хотя первоначально не были предназначены для этого¹⁰. Программы стабилизации и структурных преобразований МВФ и Всемирного банка навязывали свои политические условия взамен на поддержку и кредиты, включавшие: снижение государственных расходов, жесткую кредитно-денежную политику и девальвацию национальной валюты [Hettne 2002]. Принцип обусловленной помощи стал замещать принцип помощи на условиях реципиента. Уровень помощи развитию снизился, частично был переориентирован на программы стабилизации и структурных преобразований. Впоследствии неолиберальные подходы серьезно критиковались, поскольку привели к усугублению бедности и снижению уровня развития в результате сокращения расходов на образование и здравоохранение, а также усилению политической зависимости [Fischer 2012]. Политика обусловленной поддержки не была успешной ни с точки зрения стимулирования реформ, ни с точки зрения содействия развитию [Williams 2013: 17].

Однако нельзя сказать, что период с 1981 по 1990 г. стал «потерянным десятилетием» [Rist 1997]. В 1983 г. по решению Генеральной Ассамблеи была созвана Международная комиссия по окружающей среде и развитию. Под председательством Гру Харлем Брундлланн, премьер-министра Норвегии, был подготовлен и представлен в 1987 г. доклад «Наше общее будущее»¹¹. В докладе впервые

¹⁰ Фискальная дисциплина, ориентация государственных средств в сектора, дающие быстрый эффект для роста и преодоления бедности, налоговые реформы, либерализация процентных ставок, конкурентное формирование обменных курсов, либерализация торговли, либерализация правил для прямых иностранных инвестиций, дерегуляция рынка и права собственности (см.: [Williamson 2004b]).

¹¹ Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future // United Nations. 1987. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/>

была сформулирована концепция взаимосвязи экономического, социального и экологического измерений развития, поставлена задача переориентации национальной и международной политики в сторону моделей устойчивого развития, подтвержден принцип справедливого разделения затрат на охрану окружающей среды.

Положения Международной стратегии на Третье десятилетие развития, безусловно, стали результатом компромисса позиций приверженцев различных школ¹². Влияние концепции зависимости, которую отстаивала Группа 77, прослеживается в идущей красной линией через все разделы Стратегии задаче установления нового международного экономического порядка как условия для развития развивающихся стран и роста мировой экономики. Подтверждена необходимость обеспечить справедливое участие развивающихся стран в процессе принятия решений в мировой валютной системе, симметричность и эффективность процесса урегулирования платежных балансов, стабильность обменных курсов международных валют и дальнейшее укрепление и расширение Специальных прав заимствования как центрального резервного актива, чтобы обеспечить контроль над созданием и справедливым распределением международных ликвидных средств. Предусмотрены принцип предоставления развивающимся странам дифференцированного и более благоприятного режима на невзаимной основе для того, чтобы обеспечить доступ к рынкам и увеличить их долю в мировой торговле, снижение уровня субсидирования сельскохозяйственного производства в развитых странах, сохранение системы преференций для развивающихся стран.

Значительно повышены параметры, сформулированные на Второе десятилетие, под влиянием концепции модернизации. Среднегодовые темпы национального развития

documents/5987our-common-future.pdf (accessed: 18.12.2019).

¹² Резолюция ГА ООН A/RES/35/56 «Международная стратегия развития на третье Десятилетие развития ООН» // ООН. 1980. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/35/56> (дата обращения: 18.12.2019).

должны были составить 7 %, ускоренный рост промышленного производства — вырасти до 9 % в год; увеличение доли развивающихся стран в промышленном производстве — до 25 % к 2000 г.¹³; объем валовых капиталовложений к 1990 г. должен был достичь 28 % объема ВВП, рост экспорта и импорта — вырасти на 6 и 8 % соответственно.

Сохранены и дополнены аспекты социального развития, обеспечения благополучия, преодоления бедности и неравенства. Конкретные параметры (в духе концепции другого развития) включают: увеличение объема валового внутреннего продукта на душу населения примерно на 4,5 % в год; достижение к 2000 г. полной занятости; ликвидация или значительное сокращение неграмотности и максимально широкое распространение всеобщего начального образования; обеспечение уровня здравоохранения, ведущего к сокращению детской смертности до менее 120 на 1000 детей и росту средней продолжительности жизни до 60 лет. Подтверждена цель достижения целевого показателя в 0,7 % от валового национального продукта, выделяемого на официальную помощь на цели развития, и его дальнейшего увеличения до 1 %. Особое внимание уделяется нуждам различных категорий развивающихся стран (наименее развитые, островные, не имеющие выхода к морю) и их населения (женщины и молодежь).

При этом ориентация на принципы неолиберализма в практике содействия развитию и признание необходимости обеспечения баланса экономического роста и защиты экологической среды также нашли в ней свое отражение. Предложения по реформе МВФ и повышение эффективности механизмов МВФ и ВБ для развивающихся стран (определение условий помощи, увеличение объемов и сроков погашения займов) были увязаны с задачами установления контроля за инфляцией и ее снижения, восстановления высоких темпов роста при стабильных ценах, обеспечения

стабильных и гибких валютных курсов¹⁴. В Стратегии заявлена приверженность всех стран либерализации торговли и содействию структурным изменениям.

В поддержку устойчивого развития предусмотрены оценка и реализация мер по экологической разумности деятельности в целях развития¹⁵, сокращение энергопотребления без ущерба для развития, выделение развитыми странами финансовых и технических ресурсов для разработки новых и возобновляемых источников энергии и внедрения новых технологий¹⁶.

Обзор и оценка на глобальном, региональном, секторальном и национальном уровнях предусматривали дифференцированный подход и возможность использования полученных данных для корректировки и придания в случае необходимости дополнительного политического импульса реализации Стратегии. С этой целью на национальном уровне правительства должны осуществлять мониторинг и сбор статистических данных, на региональном уровне региональные банки развития и региональные комиссии — проводить соответствующие обследования в контексте особых потребностей регионов, специализированные учреждения — готовить обзоры в сфере своей компетенции, ЭКОСОС — формировать интегрированные доклады, Комитет по планированию и развитию — вырабатывать рекомендации, а Генеральный Секретарь — представлять всеобъемлющий доклад на Генеральной Ассамблее¹⁷.

В целом параметры, заложенные в Международной стратегии развития на Третье десятилетие, в значительно большей степени отражали влияние концепций модернизации, зависимости и другого развития, нежели неолиберализма, что объясняется активной позицией развивающихся стран и эффектом отложенного воздействия новых концепций

¹³ Report of the Second General Conference of the United Nations Industrial Development Organization // United Nations. 1975. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1303636?ln=ru> (accessed: 18.12.2019).

¹⁴ Резолюция ГА ООН A/RES/35/56 «Международная стратегия развития на третье Десятилетие развития ООН» // ООН. 1980. П. 115. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/35/56> (дата обращения: 18.12.2019).

¹⁵ Там же. Пп. 156—158.

¹⁶ Там же. Пп. 32—35.

¹⁷ Там же. Пп. 169—180.

в рамках ООН. При этом принципы неолиберализма оказали существенное воздействие на деятельность МВФ и ВБ, что связано с уровнем влияния развитых стран в Бреттон-Вудских институтах.

Четвертое десятилетие: эффективные институты, качественное управление и устойчивое развитие

Принятая 21 декабря 1990 г. Международная стратегия развития на четвертое Десятилетие развития ООН открывается констатацией отсутствия прогресса по заданным на 1980-е гг. параметрам сотрудничества¹⁸. Продолжился рост задолженности, темпы роста ВВП на душу населения составили 1 %, усилился разрыв между бедными и богатыми странами, ухудшение экономических условий привело к распространению социальной напряженности, повышению угроз терроризма и наркоторговли. Одновременно усиление глобализации и повышение открытости привели к пониманию глобальных последствий социальных, экологических и экономических проблем. Завершилась холодная война, начался процесс интеграции социалистических стран в мировую экономику. Главной целью стратегии было заявлено ускорение развития в развивающихся странах и укрепление международного сотрудничества.

Стратегия включила шесть взаимосвязанных задач: резкое повышение темпов экономического роста в развивающихся странах; обеспечение процесса развития, учитывающего социальные потребности, позволяющего существенно снизить нищету, способствующего развитию людских ресурсов, экологически безопасного и устойчивого роста. Для создания внешних условий предполагалось осуществление мер, направленных на совершенствование международной валютно-финансовой и торговой системы; обеспечение

устойчивости и стабильности мировой экономики и эффективное макроэкономическое регулирование; укрепление международного сотрудничества в области развития.

Особое внимание уделялось мобилизации усилий для решения проблем наиболее слабых развивающихся стран. Основные параметры развития в рамках Стратегии остались на уровне Третьего десятилетия. При этом в содержании документа явно прослеживается влияние концепции устойчивого развития и принципов неолиберализма в его реинкарнации в виде «пост-Вашингтонского консенсуса». Роль рынка в распределении экономических ресурсов не умаляется, но признается, что сильная рыночная экономика требует эффективных институтов для ее регулирования, без главенствующей роли государства. Приоритетами становятся качественное управление и регулирование, снижение уровня коррупции, децентрализация и продвижение демократии [Williams 2013: 17]. В этом смысле характерными являются положения Стратегии о мобилизации скрытых ресурсов развития в развивающихся странах. Национальная политика должна быть направлена на содействие эффективному распределению ресурсов и использованию возможностей торговли, инвестиционной деятельности и научно-технического прогресса, открывающихся благодаря меняющимся глобальным экономическим условиям. Государство должно стимулировать предпринимательскую деятельность, работу рыночных структур, правовых систем¹⁹. Государство должно также создавать условия для социального развития.

Усилилось влияние концепции устойчивого развития. Меры по охране и улучшению состояния окружающей среды были включены в приоритетные области развития наряду с задачами ликвидации нищеты и голода и развития людских ресурсов. Признается необходимость принятия всеми странами мер по охране и улучшению состояния окружающей среды в соответствии с имеющимися возможностями и обязанностями с учетом

¹⁸ Резолюция ГА ООН A/RES/45/199 «Международная стратегия развития на четвертое Десятилетие развития ООН» // ООН. 1990. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/45/199> (дата обращения: 18.12.2019).

¹⁹ Там же. П. 24.

конкретных потребностей развивающихся стран²⁰.

Обзор и оценка должны осуществляться на всех уровнях, являться частью деятельности системы ООН и обеспечивать возможность контроля и учета изменения условий реализации Стратегии²¹.

Действительно, 1990-е гг. отмечены началом так называемых новых войн. Традиционные проблемы безопасности, характерные для мышления эпохи холодной войны, уступили место новым глобальным угрозам безопасности, непосредственно связанным с бедностью и неразвитостью: массовой миграцией, ВИЧ/СПИД и другими инфекционными заболеваниями, транснациональным криминалом и терроризмом, разрушением окружающей среды, политической нестабильностью и гражданскими войнами. Ключевой целью помощи развитию стало предотвращение распространения вызванных бедностью проблем на другие части мира. Все большее количество помощи направлялось на предотвращение, разрешение конфликтов и постконфликтное урегулирование.

Одновременно с процессом секьюритизации развития все больше места в помощи развитию уделялось вопросам демократии и прав человека. К экономической обусловленности помощи добавилась политическая обусловленность [Knutsson 2009: 30—31].

В традиции теории стадий экономического роста и модернизации экономический рост по-прежнему рассматривался в качестве одного из приоритетных факторов для обеспечения развития и преодоления неравенства. Однако в Четвертом десятилетии в результате влияния теории экономики благосостояния, основоположником которой был Амартия Кумар Сен [Sen 1999], развитие человека стало рассматриваться как фундаментальная основа решения проблем неравенства,

обеспечения благополучия и свободы. Следует отметить определенное сходство концепции другого развития и теории экономики благосостояния, поставивших развитие человека в центр парадигмы развития. Необходимость сочетания экономического роста и обеспечения равенства отражена в разработанном Программой развития ООН (ПРООН) «Индексе человеческого развития»²². Благодаря деятельности ПРООН в повестку дня и практику сотрудничества для развития интегрированы социальные аспекты и индикаторы. Таким образом, в рамках дискурса о развитии человеческого потенциала глобальный, макрорегиональный, национальный и микро-региональный аспекты анализа были дополнены индивидуальным.

Усиление процессов глобализации в 1990-е гг. способствовало более четкому осознанию развития как глобальной проблемы и возникновению концепции глобального развития. В рамках новой концепции развитие рассматривается как процесс, осуществляемый международными, региональными и национальными институтами, участниками рынка и социальными партнерами на глобальном, макрорегиональном, национальном и микрорегиональном уровнях для достижения ключевых целей нового международного порядка: обеспечение глобальных общественных благ; исправление асимметрии в институтах и правилах глобального управления; предупреждение и устранение сбоев

²⁰ Резолюция ГА ООН A/RES/45/199 «Международная стратегия развития на четвертое Десятилетие развития ООН» // ООН. 1990. П. 96. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/45/199> (дата обращения: 18.12.2019).

²¹ Там же. Пп. 108–112.

²² ПРООН опубликовала свой первый «Доклад о человеческом развитии» (ДЧР) в 1990 г. Наибольшим новшеством в ДЧР были новые инструменты измерения, в частности, Индекс человеческого развития (ИЧР). Индекс человеческого развития (ИЧР) представляет собой составной показатель, фокусирующийся на трех основных измерениях человеческого развития: способности вести долгую и здоровую жизнь (измеряемой показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении); способности получать знания (измеряемой средней продолжительностью обучения и ожидаемой продолжительностью обучения); и способности достигать достойного уровня жизни (измеряемой показателем валового национального дохода на душу населения). Прорывом стал отказ от показателя дохода на душу населения как единственного показателя развития. Ранжирование стран по величине их ИЧР изменило систему понятий в области развития.

в работе рынка в условиях экономической глобализации; создание условий для реализации прав человека на социальное развитие²³.

8 целей, 16 задач и 48 индикаторов оценки прогресса Целей развития тысячелетия²⁴, направленных на искоренение бедности, обеспечение благополучия, экологической устойчивости и создание глобального партнерства для развития отразили влияние концепций экономического благополучия и глобального развития, сформировавшихся в 1990-е гг. Но анализ Целей развития тысячелетия — это уже совсем другая история [Ларионова 2020].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о влиянии эволюции теорий, позиций основных участников и внешних условий сотрудничества для развития на динамику параметров оценки реализации стратегий Четырех десятилетий развития. Теории стадий экономического роста и модернизации, рассматривавшие экономический рост, государственное планирование и международную помощь как центральные факторы развития, оказали влияние на приоритеты Первой программы международного экономического сотрудничества по помощи в индустриализации, создании высокопроизводительного сельскохозяйственного сектора, мобилизации внутренних ресурсов. Соответственно параметры оценки включали коэффициенты годового роста совокупного национального дохода развивающихся стран (5 %), рост сельского хозяйства (4,5 %) и промышленного производства (120 %), экспорта и импорта (5 %) и обязательства развитых стран по ускоренному притоку капитала и технической помощи в размере 1 % общей суммы национального дохода экономически развитых стран.

²³ Globalization and Development // United Nations. 2002. P. 15. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/2726/2/S2002903_en.pdf (accessed: 18.12.2019).

²⁴ Резолюция ГА ООН A/RES/55/2 «Декларация тысячелетия ООН» // ООН. 2000. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/55/2> (дата обращения: 18.12.2019).

Усиление экономической взаимозависимости, разрядка напряженности, результаты Первого десятилетия, которые показали, что развитие не может опираться исключительно на модернизацию, индустриализацию и экономический рост, определили рост влияния концепции зависимости и другого развития. Новое мышление нашло отражение в параметрах Международной стратегии развития на Второе десятилетие. В качестве ключевой цели заявлено неуклонное повышение благосостояния каждого и обеспечение благ для всех. Впервые поставлена цель добиться к 1980 г. темпов роста валового продукта развивающихся стран на душу населения — не менее 3,5 %. Сформулированы задачи по реализации качественных структурных изменениях в обществе, обеспечению занятости производительного населения в современных видах производства, созданию качественных и доступных систем здравоохранения и образования, развитию человеческих ресурсов.

Для создания внешних условий преодоления неравенства предусмотрены меры по расширению торговли и экономического сотрудничества, устранению барьеров для торговли, обеспечению вклада развитых стран в виде инвестиций и помощи в ежегодном размере не менее 1 % нетто от валового национального продукта по рыночным ценам.

Положения Международной стратегии развития на Третье десятилетие развития стали результатом компромисса позиций приверженцев различных школ. В традиции концепции зависимости вновь постулируется задача установления нового мирового экономического порядка как важнейшее условие для развития развивающихся стран и роста мировой экономики. Значительно повышены параметры, сформулированные на Второе десятилетие под влиянием концепции модернизации. В духе концепции другого развития впервые конкретизированы параметры социального развития, обеспечения благополучия, преодоления бедности и неравенства. В поддержку устойчивого развития предусмотрены оценка и реализация мер по экологической разумности деятельности в целях развития. Ориентация на принципы нелиберализма

нашла отражение в задаче по установлению контроля над инфляцией, восстановлению высоких темпов роста при стабильных ценах, обеспечению стабильных и гибких валютных курсов. В целом параметры, заложенные в Международной стратегии развития на Третье десятилетие, в значительно большей степени отражают влияние концепций модернизации, зависимости и другого развития, нежели неолиберализма, что объясняется активной позицией Группы 77²⁵.

В положениях Стратегии Четвертого десятилетия о мобилизации скрытых ресурсов развития в развивающихся странах влияние принципов неолиберализма в его реинкарнации в виде «пост-Вашингтонского консенсуса» прослеживается значительно ярче. Усиление влияния концепции устойчивого развития позволило включить меры по охране и улучшению состояния окружающей среды в приоритетные области развития. Под воздействием теории экономики благосостояния развитие человека стало рассматриваться как фун-

даментальная основа решения проблем неравенства, обеспечения благополучия и свободы. В повестку дня и практику сотрудничества для развития интегрированы социальные аспекты и индикаторы.

К началу нового тысячелетия цели развития включали искоренение бедности, экономический рост, укрепление потенциала развивающихся стран, права человека, безопасность, демократию, гендерное равенство, экологическую устойчивость и другие направления в результате совокупного воздействия таких теорий, как модернизация, устойчивое развитие, человеческое развитие и глобальное развитие. Влияние концепции устойчивого развития и развития человеческого потенциала, усиление процессов глобализации в 1990-е гг. и возникновение концепции глобального развития привело к интеграции в систему оценки социальных, экономических и экологических параметров на макро- и микроуровнях, что нашло отражение в системе показателей Целей развития тысячелетия. Концепции развития, возникшие в рассматриваемый исторический период, оказали безусловное влияние на практику сотрудничества для развития и параметры системы оценки. Как и концепции, которые аккумулировались, сосуществовали, дополняли друг друга, так и параметры оценки сохранялись и дополнялись, расширяя спектр анализа и возможности для понимания прогресса.

²⁵ Следует отметить, что, несмотря на активную позицию, влияние Группы 77 все-таки было недостаточным. Инициатива о создании нового экономического порядка не была реализована из-за противодействия стран «Группы семи». А концепция сотрудничества развивающихся стран (сотрудничество Юг — Юг), воспринятая 138 государствами в Буэнос-Айресском плане действий 1978 г., получила сколько-нибудь существенное развитие только в начале 2000-х гг., после достижения крупнейшими развивающимися странами достаточного уровня экономического роста.

Поступила в редакцию / Received: 23.12.2019
Принята к публикации / Accepted: 24.02.2020

Библиографический список

- Ларионова М.В. Вызовы достижения Целей развития тысячелетия // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 2 (в печати).
- Ларионова М.В., Сафонкина Е.А. Первые десятилетия сотрудничества для развития. Участники, достижения и трудности // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 4. С. 96—121. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-05
- Codeyctвие международному развитию: курс лекций / под ред. В.И. Бартенева, Е.Н. Глазуновой. М.: Всемирный банк, 2012.
- Alonso J.A., Glennie J. What is Development Cooperation? // 2016 Development Cooperation Policy Briefs. February 2015, No. 1. P. 1—5. URL: https://www.un.org/en/ecosoc/newfuncnt/pdf15/2016_dcf_policy_brief_no.1.pdf (accessed: 18.12.2019).
- Amin S. Maldevelopment Anatomy of a Global Failure. Tokyo: United Nations University Press, 1990.
- Another Development: Approaches and Strategies / Ed. by M. Nerfin. Uppsala: Dag Hammarskjöld Foundation, 1977.

- Deepak L. The Poverty of 'Development Economics'. London: The Institute of Economic Affairs, 1997.
- Development as Theory and Practice. Current Perspectives on Development and Development Co-operation* / Ed. by D. Simon, A. Narman. London: Routledge, 1999.
- Evaluating the Impact of International Development Cooperation: A Methodological Proposal*. Social Value Italia, 2019. URL: <https://www.cosv.org/wp-content/uploads/2019/04/EVALUATING-THE-IMPACT-OF-INTERNATIONAL-DEVELOPMENT-COOPERATION.pdf> (accessed: 18.12.2019).
- Fischer S. The Washington Consensus // *Global Economics in Extraordinary Times: Essays in Honor of John Williamson* / Ed. by C. Fred Bergsten, C. Randall Henning. PIIE, 2012.
- Hammarskjöld D. What Now. The 1975 Dag Hammarskjöld Report on Development and International Cooperation. Dag Hammarskjöld Foundation, 1975. URL: <http://www.daghammarskjold.se/wp-content/uploads/2016/07/What-Now-1975.pdf> (accessed: 18.12.2019).
- Hettne B. Current Trends and Future Options in Development Studies // *The Companion to Development Studies* / Ed. by V. Desai, R.B. Potter. London: Harold Arnold, 2002. P. 7—12.
- Hettne B. *Development Theory and the Three Worlds: Towards an International Political Economy of Development*. New York: Longman, 1995.
- Hirschman A.O. *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press, 1958.
- Knutsson B. The Intellectual History of Development: Towards a Widening Potential Repertoire // *Perspectives*. 2019. No. 13. P. 1—47. School of Global Studies, Göteborgs Universitet.
- Evaluation Systems in Development Co-operation: 2016 Review*. Paris: OECD Publishing, 2016. DOI: 10.1787/9789264262065-en
- Rist G. *The History of Development: from Western Origins to Global Faith*. London: Zed, 1997.
- Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Seers D. *From Colonial Economics to Development Studies*. The Institute of Development Studies, 1968. URL: https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/20.500.12413/11167/IDSB_1_1_10.1111-j.1759-5436.1968.mp1001002.x.pdf;jsessionid=9615F8F7B7BB4753413233A5F3894060?sequence=1 (accessed: 18.12.2019).
- Sen A. *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Streeten P. *First Things First: Meeting Basic Human Needs in the Developing Countries*. Washington: World Bank, 1982.
- Williams D. The History of International Development Aid // *Handbook of Global Economic Governance* / Ed. by M. Moschella, C. Weaver. London: Routledge, 2013.
- Williamson J. A Short History of the Washington Consensus. Institute for International Economics, 2004a. URL: <https://www.piie.com/publications/papers/williamson0904-2.pdf> (accessed: 18.12.2019).
- Williamson J. The Washington Consensus as Policy Prescription for Development. Institute for International Economics, 2004b. URL: <https://www.piie.com/publications/papers/williamson0204.pdf> (accessed: 18.12.2019).

References

- Alonso, J.A. & Glennie, J. (2015). What is Development Cooperation? *2016 Development Cooperation Policy Briefs*. February, No. 1. P. 1—5. URL: https://www.un.org/en/ecosoc/newfunct/pdf15/2016_dcf_policy_brief_no.1.pdf (accessed: 18.12.2019).
- Amin, S. (1990). *Maldevelopment Anatomy of a Global Failure*. Tokyo: United Nations University Press.
- Bartenev, V.I. & Glazunova, E.N. (Eds.). (2012). *International Development Assistance: Lecture Course*. Moscow: World Bank publ. (In Russian).
- Deepak, L. (1997). *The Poverty of 'Development Economics'*. London: The Institute of Economic Affairs.
- Evaluating the Impact of International Development Cooperation: A Methodological Proposal*. (2019). Social Value Italia. URL: <https://www.cosv.org/wp-content/uploads/2019/04/EVALUATING-THE-IMPACT-OF-INTERNATIONAL-DEVELOPMENT-COOPERATION.pdf> (accessed: 18.12.2019).
- Fischer, S. (2012). The Washington Consensus. In: Fred Bergsten, C. & Randall Henning, C. (Eds.). *Global Economics in Extraordinary Times: Essays in Honor of John Williamson*. PIIE.
- Hammarskjöld, D. (1975). *What Now*. The 1975 Dag Hammarskjöld Report on Development and International Cooperation. Dag Hammarskjöld Foundation. URL: <http://www.daghammarskjold.se/wp-content/uploads/2016/07/What-Now-1975.pdf> (accessed: 18.12.2019).

- Hettne, B. (1995). *Development Theory and the Three Worlds: Towards an International Political Economy of Development*. New York: Longman.
- Hettne, B. (2002). Current Trends and Future Options in Development Studies. In: Desai, V. & Potter, R.B. (Eds.). *The Companion to Development Studies*. London: Harold Arnold. P. 7—12.
- Hirschman, A.O. (1958). *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press.
- Knutsson, B. (2019). The Intellectual History of Development: Towards a Widening Potential Repertoire. *Perspectives*, 13, 1–47. School of Global Studies, Göteborgs Universitet.
- Larionova, M.V. & Safonkina, E.A. (2018). The First Five Decades of Cooperation for Development. Actors, Achievements and Challenges. *International Organizations Research Journal*, 13 (4), 96—121. (In Russian and in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-05
- Larionova, M.V. (2020). Challenges for the UN Millennium Goals. *International Organizations Research Journal*, 15 (2). (In print). (In Russian).
- Nerfin, M. (Eds.). (1977). *Another Development: Approaches and Strategies*. Uppsala: Dag Hammarskjöld Foundation.
- OECD. (2016). *Evaluation Systems in Development Co-operation: 2016 Review*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/9789264262065-en
- Rist, G. (1997). *The History of Development: from Western Origins to Global Faith*. London: Zed.
- Rostow, W.W. (1991). *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Seers, D. (1968). *From Colonial Economics to Development Studies*. The Institute of Development Studies. URL: https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/20.500.12413/11167/IDSB_1_1_10.1111-j.1759-5436.1968.mp1001002.x.pdf;jsessionid=9615F8F7B7BB4753413233A5F3894060?sequence=1 (accessed: 18.12.2019).
- Sen, A. (1999). *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Simon, D. & Narman, A. (Eds.). (1999). *Development as Theory and Practice. Current Perspectives on Development and Development Co-operation*. London: Routledge.
- Streeten, P. (1982). *First Things First: Meeting Basic Human Needs in the Developing Countries*. Washington: World Bank.
- Williams, D. (2013). The History of International Development Aid. In: Moschella, M. & Weaver, C. (Eds.). *Handbook of Global Economic Governance*. London: Routledge.
- Williamson, J. (2004a). *A Short History of the Washington Consensus*. Institute for International Economics. URL: <https://www.piie.com/publications/papers/williamson0904-2.pdf> (accessed: 18.12.2019).
- Williamson, J. (2004b). The Washington Consensus as Policy Prescription for Development. Institute for International Economics. URL: <https://www.piie.com/publications/papers/williamson0204.pdf> (accessed: 18.12.2019).

Сведения об авторе: Ларионова Марина Владимировна — доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС (e-mail: larionova-mv@ranepa.ru).

About the author: Larionova Marina Vladimirovna — PhD, Dr. of Sc. (Political Science), Director, Center for International Institutions Research, RANEPА (e-mail: larionova-mv@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-184-196

Research article

Transboundary Water Conflicts as Postcolonial Legacy (the Case of Nile Basin)

A.M. Abdullah

Al-Zaeem Al-Azhari University, Khartoum, Sudan

C. Dyduck, T.Y. Ahmed

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. It is not shortage or lack of water that leads to conflict but the way how water is governed and managed. It is said that water will be, much more than oil, the major geopolitical issue of the 21st century. Although it is difficult to demonstrate this, it is clear that the increasing scarcity of the resource, on the one hand, and the configuration of its availability, on the other, are conflict-generating. In the particular case of the African continent, the large catchment basins of the Nile, Niger and Chad, shared by many states of unequal power, are the scene of inefficient hydro-diplomacy. Indeed, north to south, the Nile Delta is 161 km long and covers the coastline of Egypt from Alexandria in the west to Port Said in the east. Egypt with 100 mln population is de facto the principal hydro-hegemon state in the Nile basin. Nevertheless, a couple of riparian states, as Ethiopia (105 mln population), have taken measures in order to challenge this status quo: the signature and launching of the Nile Basin Initiative (NBI), the signature of Cooperative Framework Agreement (CFA), the construction of the Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD) and the signing of the Declaration of Principles Agreement. The article attempts to analyse the urgency of the problem of water resources allocation in Africa with particular focus to the Nile basin and the complexity of agreements regulating the issue dating back to the colonial era. The study also emphasizes the difficulties bilateral and multilateral aids faced while trying to solve a conflict. As Nile for many states is not just a source of water, it is the host of a fragile ecosystem, essential for maintaining the environmental and ecological balance of North-East Africa.

Key words: Africa, water, conflict, Nile basin, Egypt, Sudan, Ethiopia, Nile Basin Initiative (NBI), Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD)

For citation: Abdullah, A.M., Dyduck, C. & Ahmed, T.Y. (2020). Transboundary Water Conflicts as Postcolonial Legacy (the Case of Nile Basin). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 184—196. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-184-196

Научная статья

Трансграничные водные конфликты как постколониальное наследие (на примере бассейна Нила)

А.М. Абдулла

Университет Аль-Заим Аль-Азхари, Хартум, Судан

С. Дидук, Т.Я. Ахмед

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Причиной водных конфликтов является не нехватка воды, а то, как она распределяется. В будущем роль воды будет важнее, чем нефти, а водная проблема станет главной геополитической проблемой XXI в. Очевидно,

© Abdullah A.M., Dyduck C., Ahmed T.Y., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

что растущая нехватка водных ресурсов, с одной стороны, и неэффективные режимы их распределения и управления — с другой порождают конфликты. На Африканском континенте крупные водосборные бассейны Нила, Нигера и Чада разделены между целым рядом государств с различной мощностью и являются ареной водной дипломатии. Так, дельта Нила протянулась с севера на юг на 161 км и охватывает территорию от Александрии на западе до Порт-Саида на востоке. Египет со 100-миллионным населением де-факто является основным гидрогемом в бассейне Нила. Тем не менее, несколько прибрежных государств, таких как Эфиопия (105 млн населения), приняли меры, чтобы бросить вызов этому статус-кво, в том числе подписание и запуск Инициативы по бассейну Нила (NBI), подписание Рамочного соглашения о сотрудничестве (CFA), строительство «Великой плотины возрождения Эфиопии» и подписание Соглашения о декларации принципов. В статье предпринята попытка проанализировать актуальность проблемы распределения водных ресурсов в Африке с особым акцентом на бассейн Нила и сложность соглашений, регулирующих эту проблему еще с колониальных времен. В исследовании также подчеркиваются трудности, с которыми сталкивается разрешение данного конфликта на двусторонней и многосторонней основе. Для многих государств региона Нил является не просто источником воды, но и представляет собой хрупкую экосистему, необходимую для поддержания экологического баланса в Северо-Восточной Африке.

Ключевые слова: Африка, вода, конфликт, бассейн Нила, Египет, Судан, Эфиопия, Инициатива бассейна Нила (NBI), «Великая плотина возрождения Эфиопии»

Для цитирования: *Abdullah A.M., Dyduck C., Ahmed T.Y.* Transboundary Water Conflicts as Postcolonial Legacy (the Case of Nile Basin) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 184—196. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-184-196

Introduction

Water is the primary natural resource without which human life is impossible. Obviously, the growing scarcity of water resources represents a serious threat to humanity not just for certain regions, but also on a global scale. Speaking at the April 2000 UN General Assembly meeting with the “Millennium Report”, UN Secretary General Kofi Annan called water supply to the world’s population one of the most important tasks of the world community¹. Environmental problems of hydrosphere are rapidly growing all over the world.

In current conditions a quarter of the world population has water deficit, more than one billion people have no access to clean water, and it is predicted that by 2025 the same number of people will live in conditions of “absolute water hunger”. According to the World Water Council (WWC), by 2050 about 2/3 of the world population will face a problem of shortage of freshwater resources². The growing scarcity of

water resources is a threat to humanity not only in certain regions, but on a global scale. Internationally, water is a major geopolitical issue. The mere distribution of freshwater resources on the planet can be described as extremely inequitable — only nine countries hold 60 % of the resources, and of these, only Brazil, Canada, Indonesia, the Democratic Republic of Congo, Colombia and Russia have a surplus of freshwater resources in relation to the needs of their populations.

The exacerbation of water scarcity due to global population growth, improved living standards and increased economic output have led to strong competitive pressures for water use in recent decades. As a result, there are growing problems in the allocation of transboundary water resources, the use of which shared by several countries is often disputed. Indeed, the same watercourse often gives rise to divergent interests between the different riparian countries, interests which depend on the uses they have of the river. If navigation or nautical recreations, for example, do not alter the management of the watercourse, other uses may lead to qualitative or quantitative transformations. For example, the construction of dams or hydropower plants

¹ Annan K.A. “We the peoples: role of the United Nations in the twenty-first century”. Report of the Secretary-General // United Nations Millennium Assembly. 2000. URL: https://www.un.org/en/events/pastevents/pdfs/We_The_Peoples.pdf (accessed: 03.01.2020).

² The United Nations world water development report 2019: leaving no one behind // United Nations. 2019. URL:

<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000367306> (accessed: 03.01.2020).

affects the regularity of the river (a priori virtuous modifications for the whole basin in terms of flood protection); pumping the river to irrigate agricultural land, produce electricity or for any other industrial use reduces its flow and generates pollution. In the latter cases, the use of the river by one country irrevocably modifies its course over its entire length and conditions the use of the river by the other riparian countries downstream [Amer, Adeel, Böer, Saleh 2017].

Due to its nature and the multiple uses that can be made of it, the river is destined to become a potential object of litigation if it crosses several countries [Bencala, Dabelko 2008]. If a river is shared, the different riparian countries are necessarily in unequal positions, each country being largely dependent on the use of the river by the upstream countries. This therefore necessarily favours the countries located on the upper river, and places the countries located closer to its mouth at a disadvantage [Mason 2004].

Several statesmen or representatives of international organizations, such as John Fitzgerald Kennedy in the early 1960s or Boutros Boutros-Ghali in 1991, had stressed the highly conflictual dimension that the water issue would take on, announcing that the 21st century would be the century of water wars. To date, while no armed conflict has had the sharing of water as its main cause, there are many river basins where the transboundary sharing of water resources is either one of the reasons for the outbreak of armed conflict or a cause of tension that could lead to armed conflict [Tadesse 2008]. This is the case in the basins of the Mekong, Euphrates and Tigris rivers and the Jordan River. In this article, we will look more specifically at the case of the Nile basin and discuss the conflict between Egypt, Sudan and Ethiopia. This study will also try to highlight possible bilateral and multilateral cooperation implemented in order to find a point of convergence.

The Nile and the Transboundary Agenda

By its size, physiography, political and historical divisions, the ethnic, religious and linguistic diversity of its populations, and its

sumptuous biodiversity, the Nile basin is very complex. It covers nearly three million kms (10 % of the surface area of the African continent) and 300 mln people live there. This population will double by 2030 [Larbi 2010: 191–196]. This will inevitably have repercussions on agriculture and economic activities in the region, and thus on the uses of the river's waters. Moreover, except for Egypt and Kenya, all the riparian countries are among the 50 poorest nations in the world. According to experts, the potential of the river for the development of these African territories remains largely untapped.

The Nile basin countries are interdependent, and their development is undoubtedly linked to the hydrological cycle of the river. Coordinated management of the Nile's waters has created synergy among the different countries and sectors and is indeed helping to advance cooperation. If we take for example the case of Sudan, the country has three of the four major tributaries of the Nile (White Nile, Blue Nile, Sobat and Atbara). The average annual flow of the Nile is 84 billion cubic meters. More than 20 % (of the country's territory) belong to the areas of internal runoff, including 5 % to the Lake Chad basin [Abi Chacra 2005: 489–492]. The watercourses of the extreme eastern zone flow into the Red Sea. On the border with Ethiopia and Eritrea, seasonal watercourses — the Gash and Baraka — play an important role. Their average annual flow is 0.6 and 0.5 billion cubic metres, respectively. The water availability of the Nile is highly uneven and largely dependent on rainfall. During dry periods, runoff is catastrophically reduced, reaching 15 % of its average annual level in some years [Amer, Adeel, Böer, Saleh 2017]. Cutting down of forests along the Nile bed and its tributaries and forest-protected coastal plantations, excessive use of pastures, improper farming practices, etc. also have an impact on the decline. This leads to erosion of the coastline, washout of soil from coastal areas, especially in case of flooding, which leads to catastrophic consequences. Extremely severe floods occurred in the 1960s, 1978–1979, 1988, 1994, 1989–1999, 2006. During the last severe flood in 2013, 50,000

people were killed and about 300,000 affected [Smirnova, Gukasyan 2019: 235].

During the first half of the 20th century, the patterns in the utilisation and management of the water of the Nile River were dictated by the interests of the United Kingdom³. The UK had a deep-rooted interest in controlling the water of the Nile, which was to provide irrigation for cotton plantations in the area which could provide raw material for its industries in Europe. This laid the foundation for water utilisation patterns that favoured Egypt at the expense of the interest of other riparian states [Markakis 1998: 51].

The main purpose of the British-Italian Protocol of April 15, 1891 was to establish the boundaries of the Nile Basin colonies. In addition, Italy pledged not to carry out work on the Nile tributary (Atbara River) that could significantly alter its flow [Vasiliev, Elkina 2018]. On May 15, 1902 Great Britain, representing the interests of Egypt and Sudan, concluded an agreement in Addis Ababa, under which the Emperor of Ethiopia Menelik II pledged not to build any hydraulic structures on the Blue Nile and Lake Tanah or River Sobat, which could prevent the existing flow of water, except as agreed with the British Government and the Government of Sudan. Some legal scholars tend to believe that this agreement is not binding on Ethiopia because it has not been ratified.

The London Agreement between England, France and Italy of December 13, 1906⁴ effectively divided Ethiopia into spheres of influence and was signed without its participation. The sphere of English interests covered north-western and western Ethiopia, including the Nile Basin Rivers. Article 4a

declared that countries should work together to ensure that the waters of the tributaries of the Nile were used and that no measures should be taken which might reduce the amount of water flowing in the direction of the main channel. In May 1929, the governments of Egypt and the United Kingdom (which owned Uganda and Kenya) reached an agreement whereby the British recognized Egypt's "natural and historical rights" to the Nile⁵. It also provided for mandatory prior consent of the Egyptian side in resolving any question relating to the water use regime. The agreement includes, inter alia, the following provisions:

— Egypt and Sudan use 48 and 4 km³/year of Nile runoff respectively;

— The Nile runoff during the dry season (20 January — 15 July) is retained for Egypt;

— Egypt reserves the right to control the Nile runoff in upstream countries;

— Egypt reserves the right to implement Nile-related projects without the approval of upstream coastal states;

— Egypt reserves the right to veto any construction project that adversely affects its interests [Lumumba 2007: 10—24].

It makes it abundantly clear that "without the consent of the Egyptian Government, no irrigation or hydroelectric installations may be established on the tributaries of the Nile or their lakes, if such installations are capable of causing a lowering of the water level to Egypt's detriment"⁶.

The agreement gave Egypt the right to exercise full control over the Nile during the dry season, when water is most needed for irrigation. It also strictly limited the amount of river water for the Sudan and did not provide for a share of the flow of any other coastal State. Based on an exchange of notes dated 30—31 May 1949 and 16 July 1952 between Egypt and the United

³ Abdo M. The Nile Question: The Accords on the Water of the Nile and Their Implications on Cooperative Schemes in the Basin // Center for Strategic Research. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/4.-Mohammed-Abdo.pdf> (accessed: 03.01.2020).

⁴ Agreement between the United Kingdom, France, and Italy, Respecting Abyssinia. Signed at London, December 13, 1906 // The American Journal of International Law. 1907. No. 2. P. 226—230. DOI: 10.2307/2212390.

⁵ Exchange of Notes between Her Majesty's Government in the United Kingdom and the Egyptian Government on the Use of Waters of the Nile for Irrigation. Signed at Cairo, on 7 May 1929 // International Water Law Project. URL: https://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/Egypt_UK_Nile_Agreement-1929.html (accessed: 02.01.2020).

⁶ Ibid.

Kingdom, an agreement was reached to build the Auvers Fall Dam in Uganda⁷. It provided that subsequent use of the dam, power plant and irrigation facilities should be carried out without prejudice to Egyptian interests. Thus, the upstream countries, despite their needs, were not able to use the waters of the Nile.

In the early 1950s, Egypt planned to build the Aswan Dam to accumulate the full flow of the Nile. Before the project was implemented, it was deemed advisable to obtain a guarantee from Sudan and international recognition to finance the dam. One of the financial donors, the International Bank for Reconstruction and Development (IBRD), made it a condition to provide a share of Sudan's water and compensation to the people who would be evicted from the dam area. In 1956, Sudan became independent and wanted to change the provisions of previously signed agreements, which it considered unfair to itself. At the beginning of negotiations, both sides demanded large quantities of water for their development. Thus, Sudan claimed 44 km³ of Nile water for irrigation of 2.22 mln hectares. Debates on water claims delayed the signing of the agreement [Mwangi, Mbaku 2015], but regardless of whether Sudan agreed or not, the construction of the Aswan Dam was considered by Egypt as a priority for national development. In one way or another, the Sudan had to accept Egypt's terms.

On 8 November 1959, Sudan and Egypt signed an Agreement on the Full Use of Nile Waters⁸. This was done without regard to the interests of other riparian countries. The basis for the 1959 Agreement was the 1929 Agreement

between the United Kingdom and Egypt, which took into account the interests of Sudan. The 1959 Agreement included, inter alia, the following paragraphs:

— The annual average flow of the Nile, which is divided between Sudan and Egypt at 18.5 and 55.5 km³ respectively, has been determined.

— Annual losses due to evaporation and other factors have been agreed at about 10 km³; this amount must be deducted from the Nile's discharge before the parties can determine the share for Egypt and Sudan.

— Sudan, in agreement with Egypt, can implement projects that increase the Nile's discharge and prevent evaporation losses in the Sudda swamps of the White Nile basin. The cost and benefits of such projects should be shared equally between the parties. If such a proposal is received from other riparian countries of the Nile and in excess of the distributed volumes of the Nile's water resources, Sudan and Egypt shall consider it.

— If the proposal is accepted and the Nile waters are to be shared with the other riparian state that has determined the volume of water, it shall be subtracted from the shares of Sudan and Egypt in equal parts determined for the Aswan Dam.

— Egypt has been granted the right to build the Aswan Dam, which can fully preserve the annual flow of the Nile⁹.

The signing of the Agreement served as a turning point in the regulation of the international legal regime of the Nile, legally confirming the exceptional opportunities for the development of the economies of both countries. Upstream countries — including East African countries such as Kenya, Uganda and Tanzania — claim that the treaties are “relics” of a colonial era during which their interests were not taken into account. The crux of the problem is that Egypt has virtually no water beyond that provided by the Nile, and that by 2020, according to experts such as Mamdouh Hamza, a

⁷ Exchange of Notes Constituting an Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of Egypt Regarding the Construction of the Owen Falls Dam in Uganda. Done in Cairo, 16 July 1952 and 5 January 1953; in force 5 January 1953 // International Water Law Project. URL: <https://www.internationalwaterlaw.org/documents/regionaldocs/owen-falls-dam3.html> (accessed: 02.01.2020).

⁸ Agreement between the Republic of the Sudan and the United Arab Republic for the full utilization of the Nile waters signed at Cairo, 8 November 1959 // FAO official website. URL: <http://www.fao.org/3/w7414b/w7414b13.htm> (accessed: 19.12.2019).

⁹ Understanding the Nile Basin Hydrology // Nile Basin Initiative. URL: <http://nilebasin.org/index.php/about-us/the-river-nile> (accessed: 11.12.2019).

serious water crisis will hit Egypt and Sudan. Egypt is claiming its ‘historical right’ over the watercourse.

For the country of 98 mln inhabitants, this is a matter of national security to the extent that, in the context of the Cold War, President Sadat did not hesitate to declare, in 1979, that only the question of water could lead the country to enter into war [Larbi 2010: 191—196]. Upstream countries criticize unrestrained irrigation downstream and say that Egypt and Sudan use Nile water for commercial purposes by exporting both the resource and cash crops. Thus, these treaty disagreements make donors and banks reluctant to finance irrigation projects or dams that are illegal under international law. But Egyptian experts also point out that upstream countries have other water resources besides the Nile. For example, the Congo River (DRC) discharges 1,000 billion m³ of water annually into the Atlantic; Ethiopia has no less than 20 catchment basins; and while the Nile basin receives 1,600 billion m² of rainwater annually, only 5 % of this manna is used [Abi Chacra 2005: 489—492].

Sudan — Egypt — Ethiopia Water Dispute

On the geopolitical level, irrigation and dam construction can generate major tensions between countries sharing the same river and therefore the same resources. The Nile’s waters come mainly from the highlands of Central Africa via the White Nile and from the highlands of Ethiopia via the Blue Nile [Abteu, Dessu 2019].

Of the 11 countries in the Nile basin, Egypt is the most vulnerable, as 95 % of the Nile’s water comes from neighbouring countries and 150 mln people use it. The world’s longest river (6,671 km) originates (the White Nile) in Lake Victoria (shared by Uganda, Tanzania and Kenya), but receives most of its water supply — between 84 % and 90 % — from the Blue Nile, which flows down from the Ethiopian highlands where heavy rainfall occurs [Bouquet 2011] and where the population has grown dramatically in the last two decades.

The geographical pattern of the Nile’s course has contributed greatly to Egypt’s

existence and the agricultural prosperity of its lower reaches. The huge bodies of water that cross the desert before reaching the Mediterranean are at the heart of Egyptian life, and if this supply were to be reduced, the human consequences would be disastrous. The United Kingdom understood this when it was colonizing Egypt and signed the Rome Protocol with Italy as early as 1891, establishing the borders between Ethiopia and Sudan but also prohibiting any attempt to alter the flow of the Atbara River (the last tributary of the Nile). In 1902, the United Kingdom took further precautions by signing a treaty with Emperor Menelik II in which the latter undertook never to undertake any development on the Blue Nile without his authorization.

The sharing of the Nile between Sudan and other riparian countries (in total 11 countries: Burundi, Democratic Republic of Congo, Egypt, Eritrea, Ethiopia, Kenya, Rwanda, South Sudan, Republic of Sudan, Tanzania, and Uganda) has been a periodic cause of tension. As soon as the country gained independence in 1956, the Sudanese demanded a renegotiation of the agreement signed in 1929 with Egypt, then a British colony. Negotiated at the time of the Anglo-Egyptian condominium and largely favourable to Cairo, the agreement provided for sharing the annual flow of the Nile, estimated at 84 billion m³ (km³/year), up to 48km³/year for Egypt, 4km³/year for Sudan, the remaining 32km³/year going to the Mediterranean Sea. Three decades later, the Sudanese discharge and the need for Egypt to complete the Aswan High Dam project paved the way for a new bilateral treaty in 1959, by which Egypt’s share rose to 55.6 km³/year and Sudan’s to 18.5 km³/year [Mwangi, Mbaku 2015].

According to this treaty, Egypt has a veto right on all works that could modify the flow of the Nile. But for the upstream states, these agreements are considered unfair. Despite the dissatisfaction of many states with the 1959 Agreement, which protects the monopoly of Egypt and partially Sudan over the Nile waters, the countries continued to cooperate on various current and strategic issues arising in the basin. In the early 1980s, a series of

hydrometeorological studies were carried out in Egypt, Sudan, Kenya, Tanzania and Uganda with support from the United Nations Development Programme (UNDP).

In December 1992, following a series of consultations, representatives of water ministries met in Kampala to approve the establishment of the Nile Basin Technical Cooperation Committee for Development and Environmental Protection (TECCONILE). The Committee's activities are aimed at the development of the basin states in an integrated and sustainable manner through comprehensive cooperation and equitable distribution of Nile waters. The main objectives are to develop infrastructure, technology and capacity building for water resources management, as well as to develop national plans and integrate them into the Nile Basin Action Plan. TECCONILE was launched on 1 January 1993, following the signing of the agreement by ministers from Egypt, Sudan, Rwanda, Tanzania, Uganda and Zaire (Democratic Republic of Congo since 1997)¹⁰. Ethiopia and Kenya refused to join as full members because they felt that the committee could not resolve the fundamental problem of equitable water distribution.

The Cairo cooperation framework signed on July 1993¹¹ concluded between Egypt and Ethiopia steps up the both countries will not implement water projects causing prejudice to the interests of the other. Any project aiming at reducing waste and increasing the flow of water should be discussed by both parties. Another attempt to establish a collective body to take over the revision and improvement of the existing Nile Basin Agreements was made in 1997, when the Nile State, with the assistance of UNDP, organized a forum for interstate dialogue on the legal and institutional aspects of the forthcoming Nile negotiations. A document was later

prepared, but no consensus could be reached then.

The Nile Basin Initiative (NBI) was founded on 22 February 1999 in Dar es Salaam at a ministerial meeting of the ten countries concerned. Eritrea joined the Nile Basin Initiative as an observer. This initiative was supported by the World Bank and other partners and is a regional intergovernmental organization that, through partnerships between states, aims at their sustainable socio-economic development, including through equitable use of shared Nile Basin water resources. NBI was originally conceived as a transitional institution, pending the conclusion of a joint framework agreement on cooperation and the establishment of a permanent Nile Commission. The NBI “seeks to develop the river in a cooperative manner, share substantial socioeconomic benefits, and promote regional peace and security”¹².

On 14 May 2010, Ethiopia signed with Rwanda, Tanzania, Uganda and Kenya the “Nile basin initiative framework agreement” which creates a “Nile Basin Commission” in which decisions will be taken by majority (Article 34 a and b¹³) and not unanimously as is the case in the NBI. This signature calling into question the “acquired rights” of Egypt and Sudan allows them to develop projects on the Nile, without having to seek the agreement of Cairo. Egypt expressed its disagreement and slammed the door of the Nile Basin Initiative which gathers the ten riparian States of the river since February 1999. De facto, Egypt's domination of the river was over [Larbi 2010: 191—196].

Having become a regional powerhouse thanks to textiles, real estate and agriculture, Ethiopia today has a growing need of +30 % per year in electricity. To ensure this need, Ethiopia has been multiplying since the 1990s programmes of hydroelectric production and

¹⁰ Agreement on the Nile River Basin Cooperative Framework. May 14, 2010 // Nile Basin Initiative. URL: <https://www.nilebasin.org/nbi/cooperative-framework-agreement> (accessed: 19.12.2019).

¹¹ Framework for general co-operation between the Arab Republic of Egypt and Ethiopia signed at Cairo, 1 July 1993 // FAO official website. URL: <http://www.fao.org/3/w7414b/w7414b0p.htm> (accessed: 30.11.2019).

¹² Nile Basin Initiative. An Overview // Nile Basin Initiative. URL: <https://www.nilebasin.org/documents-publications/73-nile-basin-initiative-an-overview/file> (accessed: 30.11.2019).

¹³ Agreement on the Nile River Basin Cooperative Framework. May 14, 2010 // Nile Basin Initiative. URL: <https://www.nilebasin.org/nbi/cooperative-framework-agreement> (accessed: 19.12.2019).

development of irrigated crops marked by the construction of dams, including the Grand Renaissance Ethiopian Dam (GERD) [Abteu, Dessu 2019], which is destined to be the largest dam in Africa. Its construction started in 2011 and was almost entirely financed by Ethiopia itself. The Renaissance dam project will reduce the Nile's flow in Egypt, which is 98 % dependent on the Nile, by about 25 %. Aside from the environmental aspect of the construction, it has a huge signification for Ethiopia. It highlights "Ethiopia's can-do spirit"¹⁴ and imbues the country and its inhabitants with confidence when it comes to project of national and international interests. Furthermore, the key-role played by Ethiopian engineers has stressed out the capabilities of the country in terms of construction industry and engineering [Heggy 2020].

It is worth noting that the construction of this dam is an extremely expensive project for Ethiopia. Its total cost is estimated at 4.8 billion USD (which is about 7 % of Ethiopia's GDP in 2017¹⁵). Of this amount, external investors — Chinese banks — account for 2 billion USD [Yagya, Nesterova 2018]. It agreed in 2015, with the two other Blue Nile countries, to a study on the consequences of the dam. But the Tripartite National Committee of the Renaissance Dam (which brings together Cairo, Khartoum and Addis Ababa) was unable to agree on the conclusions of a report submitted in May 2015 by two French consulting firms, Artelia and BRL, on the social and environmental impacts of the dam on Sudan and Egypt.

To understand the potential impact of this dam on Egypt [Cascao, Nicol 2016], one has to go to the Nile Delta region, the lung of Egypt's agriculture, where 30 mln people live off the river's waters. Farmers in this region have been

specialists in rice cultivation for thousands of years. However, rice farming will no longer be suitable as the river's waters recede, prompting the government to encourage the population to grow other crops [Le Floch 2010]. Very worried, Egypt talks about food security and therefore national security. Sudan is facing the same problem: a young population that is growing due to a demographic transition; a country facing development difficulties. The Blue Nile mainly supplies Sudan with 77 % of its water [Yagya, Nesterova 2018], and the renaissance dam will impact the country's agriculture and energy needs. But today, Sudan seems to support the Ethiopian project.

In this matter, Egypt is quite isolated. Even Sudan, historically close to Egypt, has approached Ethiopia thinking it could benefit from irrigation facilities and electricity thanks to the Ethiopian dam. This debate on the waters of the Nile shows that the geopolitics of the region has evolved. The almighty Egypt, which in the 1970s built the Aswan dam without negotiations, is now largely in competition, economically and demographically.

According to Dr. Essam Heggy, dams with large reservoirs tend to stop the natural cycle of flooding that "distributes organically rich silt on riverbanks, enriching the arable land available, and contributing to the rhythms of the native ecosystem". He also adds that the sediment used to build up the Delta led to erosion due to an acceleration of sea water from the Mediterranean Sea into the Delta. Once-fertiles farmland is now destroyed. Nowadays scientists state that with the GERD construction, "a further disruption to the Nile's ecosystem could cause irreversible damage to the region" [Heggy 2020].

Possible Ways of Solving the Problem: Bilateral Level

Egypt, for its tries to take the lead (while keeping control of the situation) by launching various cooperation initiatives [Obengo 2016]. It has launched a policy of technical cooperation with downstream countries, known as the Endugu policy (Swahili for "cartel"). It is also cooperating with the Sudan on the Merowe dam

¹⁴ Amdetsion F. Time to Think about Ethiopia's Post-GERD Nile Policy // Cooperative Waters Magazine. URL: https://www.africanidea.org/Nile_Coop_Waters.pdf (accessed: 18.12.2019).

¹⁵ Meles Launches Millennium Dam Construction on Nile River // NewsBusinessEthiopia.com. 2 April 2011. URL <https://yonastamiru.wordpress.com/2011/05/03/millennium-dam-construction-on-nile-river/> (accessed: 09.12.2019).

project, 350 kilometres north of Khartoum. The Bujagali dam project in Uganda, at the outlet of Lake Victoria, is also supported by the NBI and therefore by Egypt (it is, on the other hand, very strongly criticized by environmentalists) [Larbi 2010: 191–196]. According to some observers, this is where the key to the problem lies: Egypt could reach an agreement that does not call into question its share of the Nile as a counterpart to an increase in its technical and financial aid to upstream countries.

The Egyptian President Abdel Fattah al-Sissi, his Sudanese counterpart Omar el-Bechir and the Ethiopian Prime Minister Haile Mariam Dessalegn have defused the conflict in Khartoum, the Sudanese capital, where the White Nile and the Blue Nile meet to form the Nile, before it flows into the Mediterranean [Lawson 2017]. On 23 March 2015, they signed an agreement in principle on the construction of the Ethiopian “Great Renaissance” dam and on the distribution of the waters of the great river¹⁶.

Cairo called for “the involvement of international mediation in the negotiations on the Renaissance Dam” in a communiqué issued in October 2019 by the Ministry of Irrigation, following new talks in Khartoum. “Negotiations on the Renaissance Dam are at an impasse”, the Egyptian ministry added, as the Ethiopian delegation “rejected all proposals that consider Egypt’s water interests”¹⁷. In another statement, the Egyptian presidency called on the United States to play “an active role” in resolving the dispute, affirming the need for third-country intervention to “break the impasse”.

Technical discussions have recently been complicated by the fact that, with climate change, predictions of the impact of drought

events are becoming more complex, and even more vital [Swain 2011]. The last session of negotiations, which concluded in Addis Ababa on 9 January 2020, did not allow the Egyptian and Ethiopian delegations to agree on the speed at which the dam should be commissioned to preserve enough flow in the Blue Nile. Ethiopia would have liked the filling to be carried out over a period of between four and seven years, the second half of which is considered the most water intensive. For their part, the members of the Egyptian technical committee consider that this period should be extended from 12 to 21 years (and only in rainy season) to preserve the interests of their country. As the Ethiopian water minister announced after the Addis Ababa meeting: “This is not acceptable at all, at any price”.

According to a report by the Geological Society of America, it would theoretically take between 5 and 15 years on average to fill the dam, but this estimate could, under certain climatic conditions, lead to a fall of a quarter of the volume of water reaching Egypt, “with a 25 % drop in the production of electricity from the Aswan dam” [Prunier 2009: 173–237].

In his report for Al-Jazeera Media Group, Dr. Essam Heggy published along with other scientists the following prospects concerning the fulfilling of the dam:

— If Ethiopia fills the GERD in 21 years (which would be the best case for Egypt), “Egypt’s water deficit is expected to increase by 3 billion cubic metres annually, or approximately 5 % of the country’s annual share of the river”. Egypt would lose then less than 2.5 % of its agricultural area.

— If Ethiopia fills the dam in 10 years, “Egypt’s water deficit is expected to increase by 8 billion cubic metres annually, or approximately 14 % of the country’s annual share of the river”. Egypt would lose around 18 % of its agricultural lands.

— If the GERD is filled in 7 years then Egypt’s water deficit is expected to “increase by 12 billion cubic metres annually, or approximately 22 % of the country’s annual

¹⁶ La tentation du Nil: les clefs de la tension entre l’Ethiopie et l’Egypte // FranceTv info online. 20 May 2018. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/soudan/la-tentation-du-nil-les-clefs-de-la-tension-entre-l-ethiopie-et-legypte_3055285.html (accessed: 04.01.2020).

¹⁷ Barrage de la Renaissance: nouvelles tensions entre l’Egypte et l’Ethiopie sur le partage des eaux du Nil // Jeune Afrique online. 6 octobre 2019. URL: <https://www.jeuneafrique.com/839354/politique/barrage-de-la-renaissance-nouvelles-tensions-entre-legypte-et-l-ethiopie-sur-le-partage-des-eaux-du-nil/> (accessed: 04.01.2020).

share of the river”. Egypt would lose around 30 % of its agricultural territories.

—If the dam is filled in 5 years, it will have dramatic consequences for Egypt, that “could lose up to 20 billion cubic metres annually, or approximately 36 % of its water share.” About half of Egypt’s total agricultural area could be lost”.

—If the GERD is filled in 3 years, the most dramatic scenario would occur for Egypt: “It could lose approximately 50 % of its water share and about 67 % of [it]’s agricultural area could be lost” [Heggy 2020].

Multilateral Level and International Mediation

The support of the international community remains critical in encouraging and consolidating cooperation among the Nile basin countries. This concerns first, of course, financial support. The establishment of the NBI has undeniably made it possible to attract more international aid, as the case of the Bujagali dam shows. The World Bank had theoretically refused to invest in Sudan because of the country’s political situation, but it did so through the NBI. Technical support and expertise are equally important, however, and common arrangements for all countries are also a way of strengthening their collaboration and getting them used to working together. Of particular note is a project, supported by Italy and FAO, to develop information and management systems for water resources in the Nile basin, which should enable the countries concerned to make better-informed decisions in this area.

Another example is the Nile Basin Research Programme of the University of Bergen (Norway), which aims, among other things, to train high-level personnel in the 10 countries concerned to manage the waters and ecosystems of the Nile basin¹⁸.

¹⁸ Bouguerra L., Petitjean O. Le partage des eaux du Nil : conflits et coopérations // Partage des eaux online. 07.09.2009. URL: <https://www.partagedeseaux.info/Le-partage-des-eaux-du-Nil-conflits-et-coopérations> (accessed: 30.11.2019).

However, Ethiopia, Sudan and Egypt are not the only countries affected by the conflict. 6 of 11 countries bordering the Nile had signed the Entebbe agreement in 2010¹⁹ paving the way for a more equitable and wider sharing of the waters. Some of these countries have tributaries of the Nile on their territory. The total population of the riparian countries, counting broadly, is 40 % of that of the continent. The agreement, unlikely to calm the spirits in Egypt, paved the way for more sophisticated negotiating formulas than the all-or-nothing approach that has prevailed so far.

In 2015, in a phase of détente, a “declaration of principle”²⁰ was then signed in Khartoum by Egypt, Sudan and Ethiopia. Technical committees from each country were then set up to lay the foundations for a water-sharing agreement — and thus for the operation of the Renaissance dam — with the support of international experts.

In Ethiopia, the arrival in power in April 2018 of the new Prime Minister Abiy Ahmed had even hinted at the possibility of speeding up the resolution of this issue. In May, negotiations to this end began. During an emotionally charged visit, Abiy Ahmed then travelled to Cairo, where he gave a speech of almost delirious optimism, promising that Egypt would be given “more water” than it had received so far.

The lack of concrete results had again led to tensions, which were only calmed down at the Sochi Africa — Russia Summit in October 2019. Then, the following month, a US initiative was launched in Addis Ababa, led by Treasury Secretary Steven Mnuchin, with the assistance of the World Bank. Egypt, Sudan and Ethiopia organized the area of disagreements “in one document, signed minutes and communicated jointly”, tweeted Seleshi Bekele Awulachew, Minister of Water, Irrigation and Energy of the Federal Democratic Republic of Ethiopia²¹. It

¹⁹ Who controls the world’s longest river? // Reuters. April 23, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-rice-factbox/who-controls-the-worlds-longest-river-idUSKBN1HU1OE> (accessed: 15.12.2019).

²⁰ Ibid.

²¹ Tekuya M. Sink or Swim: Unlocking the Nile Impasse // Ethiopia Insight. December 8, 2019. URL:

was expecting the three countries concerned to reach an agreement on 15 January 2020. The agreement was intended to regulate the conditions for filling the dam (and not to discuss its merits), establishing a water-sharing policy. If no agreement was reached by 15 January 2020, an international mediator would have to be appointed.

It is in this context that the Ethiopian Prime Minister visited South Africa on 11–12 January 2020. Abiy Ahmed offered the South African President, Cyril Ramaphosa, to play this role, saying that he had the advantage of being “a friend of both Ethiopia and Egypt”, and that, taking over the rotating presidency of the African Union in early February 2020, he was fully qualified to engage in negotiations “in order to resolve the problem peacefully”²². In the complex part that is being played out over the waters of the Nile, where the main interested parties, riparian countries of varying weight, but also influential Gulf countries in the Horn region and North Africa, are involved, the choice of South Africa as mediator, if confirmed, would not be obvious: the country does not have the necessary expertise and suffers from a continental influence that has been strongly eroded since the period of former president Jacob Zuma. Two assets those are nevertheless indispensable for overcoming the contradictory aspirations of Ethiopia and Egypt.

Concluding Remarks

The scarcity of water resources, aggravated by population growth, economic growth and the consequences of global climate change, has fuelled the assumption that “water wars” are imminent and will mark the 21st century. However, despite this conjecture, no armed conflict over water has yet taken place. While access to water has been a catalyst for some

inter-state tensions, it has never been the sole or main reason for the outbreak of war. The cases of the Jordan and Nile basins illustrate the importance of cooperative mechanisms for the regulation of water resources. Contrary to a widely held belief, the presence of a hegemon among the countries bordering the river is not always conflicting, and the real determining variable is rather the existence of institutionalized cooperation mechanisms and alternative channels for meeting the needs of the different countries. However, the problem of water scarcity is likely to persist and worsen in the future and will require effective solutions not only for individual access to freshwater, but also for sharing transboundary water resources. Improving the management and distribution of scarce water resources is vital for growth and geopolitical stability in the Middle East and North Africa, according to the World Bank. In this perspective, it is essential that clear and effective rules for the international sharing of water resources be established, which would avoid conflicts and provide a sound basis for cooperative solutions.

Today, the geopolitical configuration of the forces among the key Nile riparian states remains ambiguous: if the status quo changes, Egypt will suffer, and if the status quo persists, the interests of the Upper Nile states that lack access to water sources on their own territory will continue to be infringed. How long such a situation will last, given the highly mobile geopolitical situation in the region, is a big question. In order to justify the current sharing of waters, Egypt constantly recalls its very strong dependence on the Nile, unlike the upstream States, which can take advantage of abundant equatorial rains, among other things. It believes that if those States have been able to live without the Nile, they should be able to continue to live without it. However, this argument cannot justify the intransigence of Egypt and the Sudan. With a flow of 84 billion cubic metres, the Nile is a low-level river. Every year, 10 % of the water evaporates because Lake Nasser is in the middle of a desert region [Yagya, Nesterova 2018]. The construction of dams upstream of the Nile would make it possible to combat this evaporation. But the Egyptians do

<https://www.ethiopia-insight.com/2019/12/08/sink-or-swim-unlocking-the-nile-impasse/> (accessed: 02.01.2020).

²² L’Afrique du Sud peut-elle résoudre le conflit sur les eaux du Nil? // *Nouvelles du monde*. January 14, 2020. <https://www.nouvelles-du-monde.com/lafrique-du-sud-peut-elle-resoudre-le-conflit-sur-les-eaux-du-nil/> (accessed: 16.01.2020).

not conceive that major developments on the Nile can be made elsewhere than on their territory. All states, including Egypt, must benefit from integrated management of the Nile basin.

Moreover, the validity and/or enforceability of the treaties which have given rise to the sharing of the waters of the Nile should be challenged. Neither agreement took into account the water needs of other riparian states that were not parties to the agreement, including Ethiopia, whose Blue Nile provides a large part of the river's waters. It is then difficult to recognize the customary character of the historical rights on

which it relies. It is imperative that Egypt and Sudan make concessions. The current use obviously deserves to be considered, but this cannot be the only criterion. States involved must return to the negotiating table and cooperate in good faith as required by international law. The conclusion of a framework agreement encompassing all Nile basin states must not be akin to the search for the sources of the Nile, in other words, an impossible goal. An international mediation seems to be for now one of the best options in order to find a common path to this issue.

Received / Поступила в редакцию: 18.01.2019

Accepted / Принята к публикации: 25.02.2020

References / Библиографический список

- Abi Chacra, E. (2005). Les eaux du Nil: désamorcer les conflits par le partage équitable. *Outre-Terre*, 11 (02), 489—492. (In French). DOI: 10.3917/oute.011.0489
- Abteu, W. & Dessu, S.B. (2019). *The Grand Ethiopian Renaissance Dam on the Blue Nile*. Berlin: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-97094-3_8
- Amer, K., Adeel, Z., Böer, B. & Saleh, W. (Eds.). (2017). *The Water, Energy, and Food Security Nexus in the Arab Region*. Berlin: Springer. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-515-517
- Bencala, K.E. & Dabelko, G.D. (2008). Water Wars: Obscuring Opportunities. *Journal of International Affairs*, 61 (02), 21—34.
- Bouquet, C. (2011). Conflits et risques de conflits liés à l'eau en Afrique. *Les Cahiers d'Outre-Mer*, 255, 341—362. (In French). DOI: 10.4000/com.6283
- Cascao, A.E. & Nicol, A. (2016). GERD: New Norms of Cooperation in the Nile Basin? *Water International*, 41 (04), 550—573. DOI: 10.1080/02508060.2016.1180763
- Heggy, E. (2020). *Could Mega-Dams Kill the Mighty River Nile*. Al-Jazeera Report. URL: <https://interactive.aljazeera.com/aje/2020/saving-the-nile/index.html> (accessed: 14.02.2020).
- Larbi, B.M. (2010). L'Égypte, l'Initiative du Bassin du Nil, et les «autres». *Confluences Méditerranée*, 75, 191—196. (In French). DOI: 10.3917/come.075.0191
- Lawson, F. (2017). Egypt versus Ethiopia: The Conflict over the Nile Metastasizes. *The International Spectator*, 52 (04), 129—144. DOI: 10.1080/03932729.2017.1333272
- Le Floch, G. (2010). Le difficile partage des eaux du Nil. *Annuaire français de droit international*, 56, 471—496. (In French). DOI: 10.3406/afdi.2010.4622
- Lumumba, P.L.O. (2007). The Interpretation of the 1929 Treaty and Its Legal Relevance and Implications for the Stability of the Region. *African Sociological Review*, 11 (01), 10—24. DOI: 10.4314/asr.v11i1.51419
- Markakis, J. (1998). *Resource Conflict in the Horn of Africa*. Uppsala: Uppsala University.
- Mason, S.A. (2004). *From Conflict to Cooperation in the Nile Basin. Interaction between Water Availability, Water Management in Egypt and Sudan, and International Relations in the Eastern Nile Basin*. Forschungsstelle für Sicherheitspolitik, ETH Zürich.
- Mwangi, K.S. & Mbaku, J.M. (2015). *Governing the Nile River Basin: The Search for a New Legal Regime*. Washington: Brookings Institution Press.
- Obengo, J.O. (2016). Hydropolitics of the Nile: The Case of Ethiopia and Egypt. *African Security Review*, 25 (01), 95—103. DOI: 10.1080/10246029.2015.1126527
- Prunier, G. (2009). Le bassin du Nil: des mythes à l'hydropolitique. In: Raison, J.-P. (Eds.). *Des fleuves entre conflits et compromis*. Essais d'hydropolitique africaine. Paris: Editions Karthala, «Hommes et sociétés». P. 173—237. DOI: 10.3917/kart.raiso.2009.01.0173

- Smirnova, G.I. & Gukasyan, G.L. (2019). Ecological Problems of the Republic of Sudan. In: Filonik, A.O. (Eds.). *Arab East: Green Growth and the Challenges of the Present*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. P. 223—262. (In Russian).
- Swain, A. (2011). Challenges for Water Sharing in the Nile Basin: Changing Geo-politics and Changing Climate. *Hydrological Sciences Journal*, 56 (04), 687—702. DOI: 10.1080/02626667.2011.577037
- Tadesse, D. (2008). *The Nile: Is It a Curse or Blessing?* Institut d'études de sécurité, ISS Paper 174, novembre.
- Vasiliev, A.M. & Elkina, E.A. (2018). Dividing of the Nile Water: A Way of Looking through the Prism of History. *Voprosy istorii*, 10, 20—28. (In Russian).
- Yagya, V.S. & Nesterova, I.E. (2018). The Nile Question Yesterday and Today. *Asia and Africa Today*, 5, 28—32. (In Russian). DOI: 10.7868/S0321507518050057

About the authors: *Abdullah Adam Muhammad Ahmed* — Professor, Department of Political Science, Al-Zaeem Al-Azhari University, Khartoum, Sudan (e-mail: sooni2010@gmail.com).

Dyduck Celia — Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: celiadyduck@yahoo.fr).

Ahmed Taha Y. — postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: tahahassan88@gmail.com).

Сведения об авторах: *Абдулла Адам Мухаммад Ахмед* — профессор, департамент политических наук, Университет Аль-Заим Аль-Азхари, Хартум, Судан (e-mail: sooni2010@gmail.com).

Дидук Селия — ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов (e-mail: celiadyduck@yahoo.fr).

Ахмед Таха Я. — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов (e-mail: tahahassan88@gmail.com).

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-197-209

Научная статья

Отношения между СССР и Демократической Республикой Конго в начале 1960-х гг.: зигзаги истории

Г.М. Сидорова

Дипломатическая академия МИД России, Московский государственный лингвистический университет,
Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

С момента установления дипломатических отношений с Конго 7 июля 1960 г. российско-африканские отношения прошли через нелегкие испытания. В трудные годы для Конго после освобождения от колониальной зависимости Советский Союз всегда выступал за территориальную целостность страны и решение внутренних проблем дипломатическим путем. Однако избежать кровопролития в Конго не удалось. Несмотря на поддержку законного правительства Конго во главе с П. Лумумбой со стороны СССР, верх одержали западные страны, которые не хотели терять свои позиции в этой богатой природными ресурсами стране. В Конго был совершен военный переворот во главе с Жозефом-Дезире Мобуту, а национальный лидер Патрис Лумумба физически уничтожен в результате заговора. Западным странам удалось использовать в своих целях ООН во главе с Генеральным секретарем Дагом Хаммаршельдом, что лишь способствовало обострению ситуации в Конго. Цель данной работы состоит в раскрытии ключевых моментов советско-африканских отношений в наиболее трудный период становления независимости Конго в начале 1960-х гг. Автор делает акцент на усилиях Советского Союза по стабилизации обстановки и установлению легитимной власти в стране в годы деколонизации, опираясь на документальные материалы МИД России, фундаментальные труды российских и зарубежных историков-африканистов, а также на собственный опыт работы в ряде африканских стран. При исследовании политических институтов власти был использован системный подход, при изучении смены политических формаций — исторический метод, а ивент-анализ позволил обобщить собранную информацию по конкретным политическим ситуациям и сделать выводы. Автор приходит к заключению, что сегодня африканцы сотрудничают теми, кто считается с их национальными интересами, поддерживает их суверенитет, приходит на помощь в случае гуманитарных катастроф и климатических катаклизмов. Африка из неразвитого континента превратилась в полноценного игрока на мировой арене, занимает важные позиции в мирохозяйственной системе международных отношений. Голос африканских лидеров звучит с трибуны Генассамблеи ООН. В связи с этим важно сформулировать новые подходы и концепции взаимодействия с африканскими государствами, уделяя им если не приоритетное, то не последнее место во внешней политике России.

Ключевые слова: Африка, Конго, Заир, Советский Союз, Россия, ООН, деколонизация, внешняя политика

Для цитирования: Сидорова Г.М. Отношения между СССР и Демократической Республикой Конго в начале 1960-х гг.: зигзаги истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 197—209. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-197-209

© Сидорова Г.М., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Relations between USSR and the Democratic Republic of Congo at the Beginning of 1960s: Twists of History

G.M. Sidorova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow State Linguistic University,
Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. Since the establishment of diplomatic relations with Congo on July 7, 1960, the ties between USSR and Africa have faced a big challenge. During the difficult years for Congo, after liberation from colonial dependence, the Soviet Union has always advocated the country's territorial integrity and the internal problems diplomatic solution. However, the bloodshed in Congo could not be avoided. Despite the Soviet support of the legitimate Congo government headed by P. Lumumba, the Western countries, which did not want to lose their positions in resource-rich Congo have found a way to achieve a victory. A military coup led by Joseph-Desire Mobutu took place in the country and national leader Patrice Lumumba was killed in consequence of a murder plot. Moreover, Western countries have managed to use the UN headed by Dag Hammarskjöld for their own purposes, and it only aggravated the situation in the country. The purpose of the study is to reveal the key points of Soviet-African relations in the most difficult period for Congo — the beginning of 1960s. Basing on the documents of the Russian Foreign Ministry, the fundamental works of Russian and foreign Africanist historians, as well as the author's own work experience in a number of African countries, the author focuses on the analyses of the Soviet Union efforts during the decolonization years, which aim was to stabilize the situation and establish the legitimate rule in the country. The author applies a systematic approach to study political institutions of power, the author also rely on the historical method to study the change of political formations, and an event analysis approach to summarize the information collected about the specific political situation. The author comes to the conclusion that today Africans cooperate only with those who supports their national interests, maintains the security or sovereignty, and comes to the rescue in case of humanitarian disasters and climatic cataclysms. In contrast to 1960s, Africa from a backward continent turned into a full-fledged player on the world arena, occupying important positions in the system of international relations. The voice of African leaders is heard from the UN General Assembly. In this regard, it is important to formulate new approaches and concepts of interaction with African states giving them if not priority, then at least not the last place in the foreign policy of Russia.

Key words: Africa, Congo, Zaire, Soviet Union, Russia, UN, decolonization, foreign policy

For citation: Sidorova, G.M. (2020). Relations between USSR and the Democratic Republic of Congo at the Beginning of 1960s: Twists of History. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 197—209. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-197-209

Введение

Период начала 1960-х гг., когда многие африканские страны, включая Конго, освободились от колониальной зависимости и начали осваивать азы демократии, характеризовался жестким противоборством между СССР и США, ломкой стереотипов отношений между бывшими метрополиями и колониями, в целом — формированием нового мирового порядка.

Этот период в отечественной историографии отражен в работах таких исследователей, как Ю.Н. Винокуров, А.С. Орлова и др. «История Заира в новое и новейшее время» [Винокуров, Орлова, Субботин 1982] — академическое фундаментальное издание, которое, на наш взгляд, является основой для

исследовательской работы по данной теме. Обновленный материал по Конго представлен в справочно-монографическом издании «Демократическая Республика Конго» [2014]. В частности, полезен его раздел «Внешняя политика и международные связи».

Уникальный материал, основанный на архивных материалах России и США, содержится в работах С.В. Мазова [2008; 2015; Mazov 2010]. Одним из интереснейших исторических эпизодов, описанных в книге С.В. Мазова, является «битва за Катангу» — горнодобывающую провинцию ДР Конго, которая и в двадцать первом столетии «тяготееет» к отделению и превращению в самостоятельное государство. Вескими аргументами автор подкрепляет позицию СССР

по сепаратизму в Конго, подробно описывает неблагоприятную роль ООН во главе с Дагом Хаммаршельдом в «деле Катанги», высказывает свою точку зрения относительно политики США в Конго.

Монография Л.В. Пономаренко «Патрис Лумумба: неоконченная история короткой жизни» [Пономаренко 2010] также служит важным источником для понимания военно-политической ситуации в Конго в начале 1960-х гг.

В статье применялся системный подход, исторический метод, а также ивент-анализ, историко-генетический, историко-сравнительный, отчасти биографический методы, а также метод анализа документов, позволившие обобщить собранную информацию и сделать выводы.

Цель работы состоит в рассмотрении взаимодействия СССР с Конго в начале 1960-х гг. Автор поставил задачу продемонстрировать перипетии взаимоотношений с Конго, а также конкурентную борьбу Советского Союза с западными странами в «схватке» за Конго, выигрышные и проигрышные моменты. В заключении делается вывод о важности внешней политики Советского Союза в годы деколонизации Африканского континента, способствовавшей укреплению имиджа страны на международной арене.

Новизна исследования состоит в использовании ранее не публиковавшихся архивных материалов, а также в выявлении сильных и слабых сторон взаимодействия СССР с Конго в начале 1960-х гг.

По мнению автора, плотное взаимодействие со странами Африканского континента способствует укреплению имиджа России на международной арене, расширяет круг единомышленников в мире, помогает противостоять новым угрозам стабильности.

Советский Союз в «схватке» за Конго

История отношений между Россией и Демократической Республикой Конго (ДРК) складывалась непросто. Плавному течению событий препятствовали многие обстоятельства как внутреннего, так и внешнего порядка. Происходит изменение в государственном

устройстве в обеих странах, меняется руководство, а также названия самих стран. Так, Конго за всю историю существования несколько раз меняло свое название. Государство было известно как: Независимое государство Конго с 1885 г., затем Бельгийское Конго — после Бельгийской колониальной хартии 1908 г. и Республика Конго — после обретения независимости в 1960 г. [Ki-Zerbo 1972].

Здесь следует сделать небольшую ремарку: расположенная через реку соседняя французская колония также стала носить название Республика Конго. В результате обе страны носили одно и то же название с уточнением их столиц, т.е. Республика Конго — Браззавиль и Республика Конго — Леопольдвиль (современное название — Киншаса). В 1964 г. страна стала называться Демократическая Республика Конго, но уже в 1971 г. президент Мобуту начал проводить политику «возвращения к корням», пытаясь искоренить европейское влияние, и назвал страну Заиром (название Заир происходит от названия р. Конго — «Нзади», что в переводе с местного языка киконго означает «Большая река»). После свержения диктатуры Мобуту в 1997 г. страна вновь стала носить название Демократическая Республика Конго. Несмотря на разницу названий двух соседних Конго, многие путают эти совсем разные, непохожие друг на друга государства и по сей день.

30 июня 1960 г. бельгийский король Бодуэн в ходе торжественной церемонии в Леопольдвиле официально объявил о независимости Конго. На торжествах по этому знаменательному случаю присутствовала и советская правительственная делегация, которая отметила ряд провокаций со стороны бельгийской администрации.

В.К. Ронин в своей книге «Русское Конго» приводит выдержки из путевого дневника М.Р. Рахматова, который был уполномоченным представителем делегации и «вел скрупулезный счет провокациям». «В аэропорту бельгийцы нас встретили крайне неприветливо. Они не были рады тому, что советские люди вступили на землю Конго... Бельгийская администрация попыталась изолировать

от членов делегации секретаря и переводчика. Выделенная для делегации машина «слома-лась» в момент, когда мы спешили на провоз-глашение независимости республики. При-глашение одним из членов делегации было получено всего за 15 минут до начала празд-неств, на официальном обеде место другого члена делегации оказалось занятым» [Ронин 2009: 392].

Советский Союз одним из первых при-знал независимость, и 7 июля 1960 г. были установлены дипломатические отношения. Первый посол Советского Союза в Конго М.Д. Яковлев при вручении верительных грамот президенту республики Ж. Касавубу 17 августа 1960 г. подчеркнул, что «в лице Советского Союза конголезский народ, как и другие африканские народы, имеет верного друга, который не ищет для себя никаких привилегий и не преследует каких-либо ко-рыстных целей во взаимоотношениях с афри-канскими странами. На основе строгого со-блюдения принципа невмешательства во внутренние дела Конго Советский Союз готов оказать молодой Конголезской Республике всестороннюю моральную и материальную поддержку»¹.

Однако, несмотря на поддержку, выстра-ивать прочные отношения с молодым африканским государством было затрудни-тельно. С 1960 по 1997 г. взаимоотношения между двумя странами были напряженными (прерывались по инициативе конголезской стороны с сентября 1960 г. по июль 1961 г. и с ноября 1963 г. по ноябрь 1967 г.). Началась настоящая «схватка» за Конго, в которой участвовал и Советский Союз [Урнов 2014].

Необходимо отметить, что советское ру-ководство тщательно отслеживало шаги сво-их идеологических противников в Конго, в частности американцев. Так, со стороны Со-ветского Союза последовала незамедлитель-ная реакция на высадку 20 американских сол-дат на аэродроме в Леопольдвиле, прибыв-

ших якобы для оказания помощи в операциях войск, «направляемых некоторыми государ-ствами в Конго в соответствии с известным решением Совета Безопасности»².

В заявлении советского правительства правительству США от 19 июля 1960 г., сде-ланном министром иностранных дел СССР А.А. Громыко в ходе встречи с временным поверенным в делах США в СССР г-ном Э.Л. Фриирсом, подчеркивается, что «Совет-ское правительство считает необходимым об-ратить внимание правительства США на то, что направление упомянутой американской воинской группы в столицу Республики Кон-го является недопустимым актом. Советское правительство в связи с этим заявляет протест правительству Соединенных Штатов Амери-ки и ожидает, что упомянутая воинская груп-па будет немедленно выдворена с территории Конго»³. Создавалось впечатление, что аме-риканская сторона игнорировала подобные заявления и стремилась лишь к наращиванию своего присутствия в Конго.

Кроме всего прочего США активно наце-лилились на «американизацию» конголезской армии. В столицу непрерывно направлялись военные советники и эксперты изучения по-требностей конголезской армии. Так, в заяв-лении советского правительства по вопросу о положении в Республике Конго от 20 авгу-ста 1960 г. говорилось, что «обращает на себя внимание, что в последнее время под видом специалистов ООН в Конго прибывают вся-кого рода американские “эксперты” и под этой формой прежде всего военные специа-листы, которые, как видно, имеют задачей превратить провалившуюся бельгийскую ин-тервенцию в американскую, фальшиво при-крываемую флагом ООН»⁴.

Помимо США в стране в значительной степени ощущалось присутствие и властвова-ние бывших колонизаторов, которые никак не хотели уступать пальму первенства кому бы то ни было и всеми способами стремились закрепить в Конго [Biyoya Makutu 2009].

¹ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 36. П. 1. Д. 23. МИД СССР. Отдел стран Африки. Империалистическая агрессия против Республики Конго и позиция Советского Союза. Подготовлено референтурой по Конго. М., 1960. С. 61.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 77.

Бельгийцы заключили с конголезцами «партнерское» соглашение о сотрудничестве, которое предусматривало сохранение бельгийских военных баз в Китоне на западе страны и в Камине, в восточной части Конго⁵. Из выступления первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова в Совете Безопасности ООН по вопросу о положении в Конго 20 июля 1960 г. следует, что бельгийские военные базы Камина и Китона были превращены в центры подрывной деятельности против молодой республики⁶.

Сложность взаимодействия с новой республикой заключалась также и в том, что американцы и бельгийцы стремились использовать ООН для реализации своих интересов. Работавший в тот период в Конго советский дипломат О.И. Нажесткин в своих воспоминаниях писал: «Американцы ловко использовали аппарат администрации ООН и ее воинские контингенты, чтобы прибрать страну к рукам. США стремились устранить местных политических деятелей, которые им мешали, включая и самого Лумумбу» [Нажесткин 2003: 156]. Ситуация в Конго в связи с действиями ООН вызывала озабоченность советского правительства.

В заявлении о невыполнении решений ООН о выводе бельгийских войск с территории Республики Конго от 6 августа 1960 г., в частности, говорилось, что «вместо того, чтобы оказывать законному правительству Республики Конго и по согласованию с ним принимать меры по пресечению агрессии, войска ООН используются сплошь и рядом не по своему назначению»⁷.

⁵ L'assistance militaire belge à la République du Congo // *Courier hebdomadaire du CRISP*. 1964. Vol. 22. No. 247. P. 1—20. URL: <https://www.cairn.info/revue-courier-hebdomadaire-du-crisp-1964-22-page-1.htm> (accessed: 23.02.2020).

⁶ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 36. П. 1. Д. 23. МИД СССР. Отдел стран Африки. Империалистическая агрессия против Республики Конго и позиция Советского Союза. Подготовлено референтурой по Конго. М., 1960. С. 27.

⁷ Заявление Советского правительства о невыполнении решений ООН о выводе бельгийских войск с территории Республики Конго. 6 августа 1960 г. // СССР и страны Африки 1946—1962 гг. Документы и

Наладить собственную систему государственного управления оказалось непростой задачей для независимого правительства. По словам профессора Университета Лубумбаши (ДРК) М. Лвамбба, «в Конго деколонизация была представлена в наиболее, если не самых, жестоких ее проявлениях на всем Африканском континенте» [Lwambba 2009]. Обстановка в Конго в те времена не поддавалась какой-либо логике. В соседнем Конго со столицей Браззавиль было гораздо спокойнее. Ко времени обретения независимости Конго находилось в состоянии глубокого военнополитического кризиса. В мае 1960 г. были проведены выборы в конголезский парламент, утвержден состав первого правительства. Премьер-министром стал Патрис Лумумба [Денисова 2016] (рис. 1). На пост президента республики парламент избрал лидера партии «Абако» Жозефа Касавубу. П. Лумумба провозгласил курс на создание унитарного государства, ограничение деятельности иностранных монополий национализацию воздушного, морского и железнодорожного транспорта [Kabatu-Suila 2004].

Несмотря на то что возможности были ограничены (сказывалось также отсутствие у П. Лумумбы навыков политического руководителя), с такой перспективой трудно было согласиться владельцам крупных компаний, которые в результате такой политики практически «теряли» страну с ее богатейшими природными ресурсами.

Ответными действиями США и Бельгии был практически заговор против Конго. Они решили использовать силы ООН для «наведения» порядка в стране. Их расчеты сводились к тому, чтобы склонить самого П. Лумумбу к обращению в СБ ООН за помощью. Заместитель премьер-министра Бельгии А. Лиляр заявил: «Хотелось, чтобы Лумумба обратился в ООН, которая могла бы поручить бельгийским войскам некоторые задачи по сохранению порядка и территориальной целостности Конго»⁸.

материалы МИД СССР. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 589.

⁸ *Le Peuple*. Kinshasa. 07.07.1960.

Рис. 1. Дом на проспекте «30 Июня» в Киншасе, где жил П.Э. Лумумба. Из личного архива автора /
Fig. 1. The house on June 30 Avenue in Kinshasa where Lumumba lived. From the personal archive of the author

В итоге П. Лумумбуа попросил военной помощи у ООН для противодействия бельгийской агрессии. 14 июля 1960 г. СБ ООН на основании резолюции от 14.06.1960 г. принял решение о направлении в Конго войск ООН (ONUC) численностью 15700 солдат из 12 стран (в основном африканских)⁹. При этом правительством Конго оговаривалось, что командование войск ONUC должно согласовывать свои действия с конголезским правительством¹⁰. Однако действия ООН находились исключительно под контролем США и Бельгии [Mararo Stanislas 2013].

5 сентября 1960 г. президент Ж. Касаубу объявил о смещении П. Лумумбы с поста премьера, сформировал свое правительство во главе с Жозефом Илео и распорядился «немедленно арестовать П. Лумумбу за подстрекательство населения к свержению

установленной власти» [Heinz, Donnay 1967]. По определению директора ЦРУ А. Даллеса, Лумумба «был вроде Кастро или даже хуже»¹¹.

В сентябре 1960 г. на Четвертой чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция, которая рекомендовала Генеральному секретарю оказать помощь центральному правительству Конго в восстановлении порядка на территории республики, обеспечении ее территориальной целостности и политической независимости¹². Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд вопреки решениям СБ ООН не осуществил надлежащих мер по обеспечению территориальной целостности Конго. Более того, он стремился лишить П. Лумумбу, который находился фактически под домашним арестом, возможности осуществлять управление и контроль над страной. К тому же важные

⁹ Le Peuple. Kinshasa. 07.07.1960.

¹⁰ Резолюция СБ ООН по конголезскому вопросу. S/RES/143 (1960) от 14.07.1960 г. URL: [https://undocs.org/S/RES/143\(1960\)](https://undocs.org/S/RES/143(1960)) (дата обращения: 04.02.2020).

¹¹ Jeune Afrique. Tunis. 05.12.1975.

¹² Резолюция ГА ООН A/RES/1474/ (ES-IV) от 20.07.1960 г. URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/1474\(ES-IV\)](https://undocs.org/ru/A/RES/1474(ES-IV)) (дата обращения: 12.02.2020).

стратегические объекты Конго, включая СМИ и транспорт, находились под контролем ООН.

В заявлении советской делегации на XV сессии ГА ООН от 21 октября 1960 г. отмечалось, что командование «войск ООН» заключило соглашение с провинциальными властями Катанги о разделе так называемых «сфер обороны» в этой провинции. Этот шаг был расценен как противозаконный¹³.

Воспользовавшись сложной внутривнутриполитической ситуацией, 14 сентября 1960 г. начальник штаба конголезской армии полковник Мобуту Сесе Секо совершил государственный переворот. Следуя инструкциям бельгийских советников, Мобуту «нейтрализовал» как правительство Лумумбы, так и «правительство» Касаубу — Илео, передав власть в руки «коллегии генеральных комиссаров». Расплывчатость названия этого органа, так же как и его функций, означала, по сути, установление марионеточного режима в рамках политики США и Бельгии при поддержке Д. Хаммаршельда, а сам переворот был направлен на устранение П. Лумумбы от власти. Сложившаяся ситуация требовала немедленной эвакуации правительства из Леопольдвилля в провинцию, и в срочном порядке оно переместилось на восток страны в г. Стэнливилль (современный Кисангани). 12 декабря 1960 г. этот город был объявлен местом пребывания центрального правительства и временной столицей республики. На время отсутствия П. Лумумбы кабинет возглавил его заместитель Антуан Гизенга.

Началась борьба за лидерство с наименее благоприятными последствиями для страны — авторитаризмом, псевдодемократией, диктатурой. Модель европейского устройства государственной власти оказалась неэффективной в условиях господства традиционных институтов власти, не утративших на тот момент свою силу. «Конго вступило в темную полосу колоссального политического кризиса в новом независимом государстве», отмечает конголезский исследователь Коко Садики [Sadiki 2013: 147]. По сведениям очевидца событий, «там началась гражданская война с

трагическими последствиями для мирного населения. Возникла реальная угроза территориальной целостности страны, ее независимости» [Нажесткин 2003: 158]. Усилились сепаратистские настроения. Уверенный в своих действиях лидер пробельгийской партии «Конакат» М. Чомбе объявил 11 июля 1960 г. о независимости самой богатой полезными ископаемыми провинции Катанги (правда, просуществовавшей как государство совсем недолго — с 11 июля 1960 по 15 января 1963 г.).

В Декларации по отделению Катанги говорится: «Официальная дата независимости Конго — 30 июня 1960 г. Но что мы констатируем сегодня? На всей территории Конго наблюдается дезорганизация и террор. Не только в Конго, но и в других африканских странах сильно ощущается диктатура коммунизма и власть лишь одной коммунистической партии» (цит. по: [Mutambo Makombo 2008: 111]).

Политический коллапс имел место и в других регионах страны. Началось отделение других областей Конго. В августе 1960 г. было объявлено о создании самостоятельного государства в провинции Южное Касаи.

В этой острой политической ситуации бельгийцы под предлогом защиты своих граждан направили военные корабли в порт Матади, и впоследствии авиация подвергла бомбардировкам близлежащие города. Кроме того, с 10 по 13 июля 1960 г. бельгийские военные высадились в Элизабетвиле (совр. Лубумбаши), административном центре провинции Катанга, а также в Леопольдвиле. По этому поводу СССР выступил с заявлением, в котором отмечалось, что «западные державы изыскивают «юридическую основу» для оправдания вооруженной интервенции против Конго, ссылаясь на необходимость защиты жизни и имущества находящихся в Конго граждан США, Англии, Франции и Бельгии»¹⁴. Одновременно СССР предоставил правительству П. Лумумбы 100 грузовиков и 10 гражданских самолетов, на которых федеральные войска были переброшены к грани-

¹³ Заявление делегации СССР // Правда. 23.10.1960.

¹⁴ Правда. 14.07.1960.

цам отделившихся Касаи и Катанги и начали успешное наступление против сепаратистов. Советские поставки резко обострили конголезский кризис, который едва не перешел в «горячую» фазу.

Несмотря на хаос в стране во всех сферах жизнедеятельности, а также массированную атаку Запада, Советский Союз проводил последовательную политику в Конго, направленную на урегулирование обстановки в стране. Так, 19 июля 1960 г. из Москвы в Леопольдвиль вылетели три самолета «ИЛ–18», на борту которых находилась первая партия продовольствия. Следующим «продовольственным» рейдом была отправка из Одессы пшеницы, сахара и сгущенного молока на пароходе «Лениногорск»¹⁵. Однако зерно не представлялось возможным выгрузить и перемолоть в муку в Конго, и спустя две недели груз удалось реализовать в Марокко.

Оказывалась и опосредованная помощь через другие африканские государства. Правительство Ганы через Посольство СССР в Аккре обратилось к советскому правительству с просьбой об оказании содействия в переброске ганских войск из Ганы в Конго, направляемых туда по решению Совета Безопасности ООН. В сообщении ТАСС от 19 июля 1960 г. говорилось, что советское правительство, идя навстречу пожеланиям правительства Ганы, решило удовлетворить его просьбу. Было принято решение о направлении в Аккру трех самолетов «ИЛ–18», которые должны были совершить после доставки продовольственной помощи из Москвы в Леопольдвиль необходимое количество рейсов для переброски ганских войск из Аккры в Леопольдвиль. Кроме того, для целей переброски ганских войск советское правительство выделило согласно упомянутой просьбе правительства Ганы дополнительно два самолета «ИЛ–18», которые сразу же по прибытии в Гану должны были приступить к переброске ганских войск в Республи-

ку Конго, однако на деле этого не произошло¹⁶.

Ухудшение отношений между СССР и Заиром

После военного переворота в Конго 14 сентября 1960 г. усилия Советского государства по поддержке национального лидера П. Лумумбы были сведены на нет. Мобуту при поддержке США подготовил план по ликвидации патриотических сил страны, находившихся в Стэнливиле. Движение в поддержку харизматичного лидера, каким являлся П. Лумумба, внушало его политическим оппонентам явные опасения. Над П. Лумумбой сгущались тучи. В результате сговора американских и бельгийских властей 17 января 1961 г. политический лидер Конго был физически устранен [O'Malley 2019] (рис. 2).

Оценка ситуации в Конго со стороны Советского Союза была довольно тревожной. Сообщалось, что «в результате происков колонизаторов и их агентуры, а также неприкрытого вмешательства командования войск ООН во внутренние дела Конго сложилась крайне напряженная обстановка. Устранены законное правительство и парламент республики. В политическую жизнь страны вновь и все более открыто вмешиваются американские и бельгийские эмиссары и представители иностранных монополий, опирающихся на широкую поддержку Соединенных Штатов Америки... В этих условиях нормальное функционирование посольства СССР в Республике Конго стало невозможным. Неприкосновенность посольства и безопасность его персонала поставлены под угрозу. В связи с этим Советское правительство приняло решение временно отозвать состав советского посольства из Конго»¹⁷.

¹⁶ Правда. 20.07.1960

¹⁷ Заявление Советского правительства о временном отзывании состава Посольства СССР из Конго от 18 сентября 1960 г. // АВП РФ. Ф. 590. Оп. 36. П. 1. Д. 23. МИД СССР. Отдел стран Африки. Империалистическая агрессия против Республики Конго и позиция Советского Союза. Подготовлено референтурой по Конго. М., 1960. С. 61.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 590. Оп. 36. П. 1. Д. 23. МИД СССР. Отдел стран Африки. Империалистическая агрессия против Республики Конго и позиция Советского Союза. Подготовлено референтурой по Конго. М., 1960. С. 23.

Рис. 2. Вдова П.Э. Лумумбы Полин Опанга Лумумба (1937—2014). Из личного архива автора /
Fig. 2. Widow of P.E. Lumumba, Pauline Opanga Lumumba (1937—2014). From the personal archive of the author

Опасение руководства СССР было неслучайным. Советским гражданам, находившимся в Конго, незаслуженно приписывали разного рода провокации. Реакция советских властей последовала незамедлительно. В ноте правительства СССР правительству Конго от 21 ноября 1963 г. осуждались неправомерные действия сотрудников конголезской службы безопасности: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым заявить правительству Республики Конго (Леопольдвиль) следующее. 19 ноября с.г. сотрудники конголезской «Сюрте насьональ» (служба безопасности) совершили в г. Леопольдвиле беспрецедентный в отношениях между государствами акт произвола и насилия против советских дипломатов — советника посольства СССР в Республике Конго Воронина С. и атташе посольства Мякотных Ю.Н. Агенты службы безопасности остановили дипломатическую машину посольства, в которой находились названные советские дипломаты, произвели в ней, несмотря на заявленный протест, обыск, избили дипломатов, изорвали на них одежду и увезли их в охранку, а затем в тюрьму. Требования советского посольства о немед-

ленном освобождении советских дипломатов и даже требования о встрече с ними не были удовлетворены конголезскими властями и т.д.»¹⁸. По всей вероятности, инцидент стал следствием переговоров советских дипломатов с представителями Совета национального освобождения, который призывал к насильственному свержению леопольдвильского правительства.

В 1970 г. лидер страны объявил четырех советских дипломатов персонами нон грата. В ноте от 20 мая 1970 г., врученной послом СССР в ДРК заместителю министра иностранных дел Э. Лолики, подчеркивалось, что «15 мая с.г. в Демократической Республике Конго (в то время страна в очередной раз поменяла свое название. — *Прим. авт.*) четыре сотрудника посольства СССР были объявлены без всяких на то оснований «нежелательными лицами» и им было предъявлено требование покинуть страну... Ввиду этого предпринятые в отношении четырех сотрудников советского посольства меры не могут рассматриваться иначе, как недружественные действия в отношении Советского Союза, и

¹⁸ Нота Правительства СССР Правительству Конго (Леопольдвиль) 21 ноября 1963 г. // Правда. 22.11.1963.

ответственность за последствия этих действий несет конголезская сторона»¹⁹.

Мобуту закрыл Посольство СССР в Киншасе, и дипломатические отношения между странами были прерваны на целых восемь лет. Бывшее Бельгийское Конго на протяжении длительного времени было «крепким орешком» для СССР в плане взаимодействия. «Москва была редким исключением из великих столиц мира, которую бы не посетил Мобуту за 32 года правления», — отмечает конголезский исследователь [Mrwate-Ndaume 2010: 157].

Заключение

Автор делает вывод о том, что становление отношений между СССР и Республикой Конго в начале 1960-х гг. было непростым. Осложняло ситуацию политическое и идеологическое противоборство с США, которые пытались нейтрализовать влияние коммунистических идей на Африканском континенте, включая Республику Конго. При этом для достижения своих целей власти США оказали массивное давление на ООН, которая в итоге сыграла роль «троянского коня» в деле урегулирования военно-политической обстановки в республике. Присутствие ооновских войск лишь обостряло и без того накаленную атмосферу во властных конголезских структурах. Политическому руководству Конго, тогда не имевшему ни достаточного опыта управления страной, ни инструментов противодействия замыслам американцев, было не под силу справиться с лавиной проблем, обрушившихся после обретения независимости. Несмотря на поддержку СССР правительства П. Лумумбы, в стране установился диктаторский режим Мобуту, а конголезский национальный лидер подвергся физической расправе. В итоге СССР был практически вытеснен из этой африканской страны, но даже

в неблагоприятных для него условиях продолжал проводить курс на развитие дружеских отношений.

В июне 2011 г. вдова Лумумбы Полин Лумумба и ее дети подали иск в суд первой инстанции в Брюсселе на 136 страницах против Бельгии, участвовавшей в убийстве конголезского премьер-министра. Семейный адвокат не сомневался, что Бельгия должна нести уголовную и юридическую ответственность за это преступление. Однако бельгийские власти невнятно отреагировали на иск родственников П. Лумумбы.

Чтобы прояснить эту историю, автор статьи встретила с семейством П. Лумумбы — Полин и сыновьями: Роланом и Патрисом (рис. 3). Встреча состоялась 18 мая 2012 г. в родовом особняке, где когда-то жил национальный герой, на проспекте 30 Июня в Киншасе. На вопрос, поставлена ли точка в «деле о Патрисе Лумумбе», родственники ответили отрицательно. «Конечно, бельгийское правительство извинилось и признало свою причастность к гибели главы семейства, но на этом все и закончилось. Создалось впечатление, что от нас просто отмахнулись. Как будто бы наш отец был обычным прохожим... Нет пока ответа и на поданный в июне 2011 г. иск в бельгийский суд», — сказал Ролан и продолжил: «Сейчас я возглавляю Фонд имени П. Лумумбы, который нацелен на предупреждение конфликтов, укрепление правового государства и обучение молодежи. Бельгийцы хотя и инициировали его создание, впоследствии отнеслись к этому довольно вяло и прохладно»²⁰.

Таким образом, эта скорбная страница конголезской истории пока не закрыта. На мой другой вопрос о домашнем архиве Полин ответила, что «мобутовцы вывезли из дома буквально все, даже личные вещи Патриса»²¹. И это не просто личная трагедия, но и поворотное событие для истории всего государства.

¹⁹ Нота Правительства СССР Правительству Демократической Республики Конго от 20 мая 1970 г. // Сборник основных документов и материалов об отношениях между СССР и Республикой Заир за период 1962–1971 гг. Т. I. М.: Министерство иностранных дел СССР, 1984. С. 80. См. также: [McCauley 2016].

²⁰ Из личной беседы автора с Р. Лумумбой.

²¹ Из личной беседы автора с Полин Лумумбой.

Рис. 3. Слева направо: сыновья Лумумбы Патрик и Роланд, далее Г.М. Сидорова, ректор Университета им. П. Лумумбы в провинции Восточное Касаи, сын П. Лумумбы Франсуа на национальном празднике России в Посольстве России в ДР Конго, 12 июня 2012 г. / Fig. 3. From left to right: the sons of Lumumba Patrick and Roland, then G.M. Sidorova, rector of the University. P. Lumumba in the province of Kasai East, son of P. Lumumba Francois at the national holiday of Russia at the Russian Embassy in DR Congo, June 12, 2012

Сегодня для выстраивания новой политики с Африканским континентом России все же необходимо учитывать опыт прошлых лет взаимодействия СССР с африканскими странами. География «социалистического лагеря» была достаточно широкой, а проводниками идей СССР становилась огромная армия выпускников советских вузов, которые в своих странах занимали впоследствии высокие государственные посты,

оставаясь при этом преданными идеям Советского Союза. В отличие от 1960-х гг. современная Африка из отсталого континента превратилась в полноценного игрока на мировой арене. В связи с этим важно сформулировать новые подходы и концепции взаимодействия с африканскими государствами, уделяя им если не приоритетное, то не последнее место во внешней политике России.

Поступила в редакцию / Received: 20.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 21.02.2020

Библиографический список

- Винокуров Ю.Н., Орлова А.С., Субботин В.А. История Заира в новое и новейшее время. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982.
- Демократическая Республика Конго: справочно-монографическое издание / отв. ред. Ю.Н. Винокуров. М.: ИАФР РАН, 2014.
- Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М.: ИАФР, 2016.
- Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1956—1964. Неизвестные страницы истории холодной войны. М.: Наука, 2008.

- Мазов С.В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис 1960—1964. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015.
- Нажесткин О.И. Годы конголезского кризиса (1960—1963 гг.). Записки разведчика // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 154—164.
- Пономаренко Л.В. Патрис Лумумба: неоконченная история короткой жизни. М.: РУДН, 2010.
- Ронин В. «Русское Конго» 1870—1970: в 2 т. Т. 2. М.: Дом русского зарубежья, 2009.
- Урнов А.Ю. Внешняя политика СССР в годы «холодной войны» и «нового мышления». М.: РФК-Имидж Лаб, 2014.
- Biyoya Makutu Ph. La géopolitique de l'instabilité dans la région des Grands Lacs. P.: L'Harmattan, 2009.
- Heinz G., Donnay H. Lumumba Patrice: Les cinquante derniers jours de sa vie. Bruxelles: Seuil, 1967.
- Kabatu-Suila B.E. Patrice Emery Lumumba, Béatifié! Kinshasa: Ed. KA-IMMO, 2004.
- Ki-Zerbo J. Histoire de l'Afrique Noire. P.: Hatier, 1972.
- Lwambba M.B. Les conflits à travers l'histoire du Congo de 1950 à 1965 // République Démocratique du Congo: Parcours d'un demi-siècle de souveraineté. Université de Lubumbashi: Lubumbashi (RDC), 2009. P. 1—10.
- Mararo Stanislas B. Le rôle des multinationals et des états des Grands Lacs d'Afrique dans la dynamique politique en RDC // La République Démocratique du Congo face au complot de balkanisation et d'implosion / Ed. pour J. Kankwenda Mbaya, F. Mukoka Nsenda. ICREDES, 2013. P. 231—260.
- Mazov S. A Distant Front in the Cold War. The USSR in West Africa and the Congo, 1956—1964. Stanford: Stanford University Press, 2010.
- McCauley M. Soviet Union 1917—1991. London: Longman, 2016.
- Mpwate-Ndaume G. La coopération entre le Congo et les pays capitalistes. P.: L'Harmattan, 2010.
- Mutambo Makombo J.M.K. L'Histoire du Congo par les textes. T. III: 1956—2003. Kinshasa: Universitaires Africaines, 2008.
- O'Malley A. The Diplomacy of Decolonisation: America, Britain and the United Nations during the Congo Crisis 1960—64. Manchester: Manchester University Press, 2019.
- Sadiki K. Questions migratoires, inadéquation des réponses publiques et crise de nationalité en République Démocratique du Congo: le cas des banyarwanda // Identités, ressources naturelles et conflits en RDC / Ed. pour G. Ngoie Tshibambe. P.: L'Harmattan, 2013. P. 131—158.

References

- Biyoya Makutu, Ph. (2009). *La géopolitique de l'instabilité dans la région des Grands Lacs*. P.: L'Harmattan.
- Denisova, T.S. (2016). *Tropical Africa: The Evolution of Political Leadership*. Moscow: IAS RAS publ. (In Russian).
- Heinz, G. & Donnay, H. (1967). *Lumumba Patrice: les cinquante derniers jours de sa vie*. Bruxelles: Seuil.
- Kabatu-Suila, B.E. (2004). *Patrice Emery Lumumba, Béatifié!* Kinshasa: Ed. KA-IMMO.
- Ki-Zerbo, J. (2008). *Histoire de l'Afrique Noire*. P.: Hatier.
- Lwambba, M.B. (2009). Les conflits à travers l'histoire du Congo de 1950 à 1965. In : *République Démocratique du Congo: Parcours d'un demi-siècle de souveraineté*. Université de Lubumbashi: Lubumbashi (RDC). P. 1—10.
- Mararo Stanislas, B. (2013). Le rôle des multinationals et des états des Grands Lacs d'Afrique dans la dynamique politique en RDC. In: Kankwenda Mbaya, J. & Mukoka Nsenda, F. (Eds.). *La République Démocratique du Congo face au complot de balkanisation et d'implosion*. ICREDES. P. 231—260.
- Mazov, S. (2010). *A Distant Front in the Cold War. The USSR in West Africa and the Congo, 1956—1964*. Stanford: Stanford University Press.
- Mazov, S.V. (2008). *Soviet Policy in West Africa, 1956—1964. Unknown Pages of the Cold War History*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Mazov, S.V. (2015) *Cold War in the "Heart of Africa". USSR and Congolese Crisis 1960—1964*. Moscow: Dmitry Pozharsky University publ. (In Russian).
- McCauley, M. (2016). *Soviet Union 1917—1991*. London: Longman.
- Mpwate-Ndaume, G. (2010). *La coopération entre le Congo et les pays capitalistes*. P.: L'Harmattan.
- Mutambo Makombo, J.M.K. (2008). *L'Histoire du Congo par les textes*. T. III: 1956—2003. Kinshasa: Universitaires Africaines.
- Nazhestkin, O.I. (2003). The Years of the Congolese Crisis (1960—1963). Notes by the Intelligence Agent. *Modern and Current History Journal*, 6, 154—164. (In Russian).

- O'Malley, A. (2019). *The Diplomacy of Decolonisation: America, Britain and the United Nations during the Congo Crisis 1960—64*. Manchester: Manchester University Press.
- Ponomarenko, L.V. (2010). *Patrice Lumumba: An Unfinished Short Life Story*. Moscow: RUDN publ. (In Russian).
- Ronin, V. (2009). "Russian Congo" 1870—1970. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Dom russkogo zarubejya publ.
- Sadiki, K. (2013). Questions migratoires, inadéquation des réponses publiques et crise de nationalité en République Démocratique du Congo: le cas des banyarwanda. In : Ngoie Tshibambe, G. (Eds.). *Identités, ressources naturelles et conflits en RDC*. P.: L'Harmattan. P. 131—158.
- Urnov, A.Yu. (2014). Foreign Policy of the USSR during the Cold War and the "New Thinking". Moscow: RFK-Image Lab publ. (In Russian).
- Vinokurov, Yu.N., Orlova, A.S. & Subbotin, V.A. (1982). *History of Zaire in Modern and Contemporary Times*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Сидорова Галина Михайловна — доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (e-mail: gal_sid@mail.ru).

About the author: Sidorova Galina Mikhailovna — PhD, Dr. of Sc. (Political Science), Professor, the Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Professor, the Moscow State Linguistic University, Leading Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Science (e-mail: gal_sid@mail.ru).

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-210-217

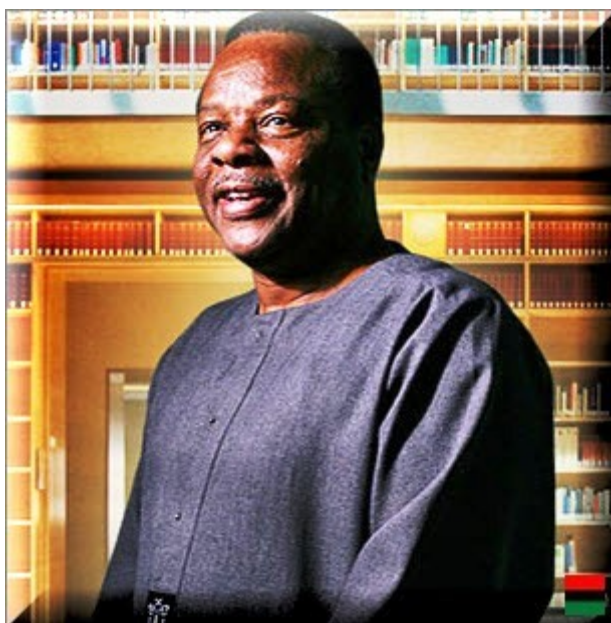
Research article

Afrocentricity as the Organizing Principle for African Renaissance

Interview with Prof. MOLEFI KETE ASANTE, Temple University (USA)

A.X. Smith

Temple University, Philadelphia, USA

Abstract. Professor Molefi Kete Asante is Professor and Chair of the Department of Africology at Temple University. Asante's research has focused on the re-centering of African thinking and African people in narratives of historical experiences that provide opportunities for agency. As the most prolific and influential African American scholars and one of the most prolific and influential writers in the African world, Asante is the leading theorist on Afrocentricity. His numerous works, over 85 books, and hundreds of articles, attest to his singular place in the discipline of African American Studies. His major works, *An Afrocentric Manifesto* [Asante 2007a], *The History of Africa* [Asante 2007b], *The Afrocentric Idea* [Asante 1998], *The African Pyramids of Knowledge* [Asante 2015], *Erasing Racism: The Survival of the American Nation* [Asante 2009], *As I Run Toward Africa* [Asante 2011], *Facing South to Africa* [Asante 2014], and *Revolutionary Pedagogy* [Asante 2017], have become rich sources for countless scholars to probe for both theory and content. His recent award as National Communication Association (NCA) Distinguished Scholar placed him in the elite company of the best thinkers in the field of communication. In African Studies he is usually

cited as the major proponent of Afrocentricity which the NCA said in its announcing of his Distinguished Scholar award was "a spectacular achievement".

Molefi Kete Asante is interviewed because of his recognized position as the major proponent of Afrocentricity and the most consistent theorist in relationship to creating Africological pathways such as institutes, research centers, departments, journals, conference and workshop programs, and academic mentoring opportunities. Asante has mentored over 100 students, some of whom are among the principal administrators in the field of Africology. Asante is professor of Africology at Temple University and has taught at the University of California, State University of New York, Howard University, Purdue University, Florida State University, as well as held special appointments at the University of South Africa, Zhejiang University in Hangzhou, and Ibadan University in Nigeria.

© Smith A.X., Asante M.K., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Key words: afrocentricity, Africa, African Americans, African Studies, Africology, afrofuturism, culturalism, poscolonial, decolonial, intellectuals

For citation: Smith, A.X. (2020). Afrocentricity as the Organizing Principle for African Renaissance. Interview with Prof. Molefi Kete Asante, Temple University (USA). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 210—217. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-210-217

Научная статья

Афроцентризм как организационный принцип африканского Ренессанса

Интервью с МОЛЕФИ КЕТЕ АСАНТЕ, профессором Университета Темпл (США)

А. Смит

Университет Темпл, Филадельфия, США

Профессор Молефи Кете Асанте — профессор и заведующий кафедрой африканских исследований в Университете Темпл (США). Исследования М. Асанте направлены на то, чтобы ориентировать африканское мышление и африканский народ на переосмысление исторического опыта Африки. Будучи наиболее публикуемым афроамериканским ученым и одним из самых цитируемых и влиятельных авторов в африканском мире, М. Асанте является ведущим современным теоретиком афроцентризма (афроцентричности). Его многочисленные работы (более 85 книг и сотни статей) свидетельствуют о его исключительном месте в сфере афроамериканских исследований. Основные работы: «Афроцентрический манифест» [Asante 2007a], «История Африки» [Asante 2007b], «Афроцентрическая идея» [Asante 1998], «Африканские пирамиды знаний» [Asante 2015], «Стирание расизма: выживание американской нации» [Asante 2009], «Как я бежал к Африке» [Asante 2011], «Лицом к югу от Африки» [Asante 2014] и «Революционная педагогика» [Asante 2017] стали богатыми источниками для многочисленных исследователей. М. Асанте был отмечен наградой «Выдающийся ученый» Национальной коммуникационной ассоциации (NCA), что делает его одним из лучших экспертов в области коммуникации.

В своем интервью М. Асанте выражает свою позицию основного сторонника афроцентричности и создания соответствующих институтов, исследовательских центров, департаментов, журналов, программ конференций и семинаров, а также расширения возможностей академического наставничества. М. Асанте подготовил более 100 исследований, ряд из которых являются одними из ключевых экспертов в области афрокологии. М. Асанте является профессором африканистики в Университете Темпл; преподавал в Университете Калифорнии, Университете штата Нью-Йорк, Университете Говарда, Университете Пердью, Университете штата Флорида, а также был приглашенным исследователем в Университете Южной Африки (ЮАР), Университете Чжэцзян в Ханчжоу (КНР), в Ибаданском университете (Нигерия).

Ключевые слова: афроцентризм, Африка, афроамериканцы, африканские исследования, афрокология, афрофутуризм, культурализм, постколониализм, деколониализм, интеллектуалы

Для цитирования: *Smith A.X.* Afrocentricity as the Organizing Principle for African Renaissance. Interview with Prof. Molefi Kete Asante, Temple University (USA) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 210—217. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-210-217

A.X. Smith: *Professor Asante, how did you find your path in re-theorizing the social situation and solution to the African condition? Why is the discipline of Africology the correct home for your work?*

M.K. Asante: The most radical decision I made was to begin where I was and to theorize from my most basic reality. I was an African,

descended from generations of enslaved Africans, born in the brutish American South, to a peasant family, outside of the mainstream of white America. Clarity was essential to my survival. If you are in the forest and you cannot get your bearings you are likely to remain lost, and this was something that I knew as a teenager that I had to escape.

A.X. Smith: *How does your work differ from others who consider themselves radical in the tradition of culturalists such as Bhabha, Maldonado-Torres, Boaventura de Sousa Santos [Boaventura 2014], and Stuart Hall?*

M.K. Asante: I think that I have more anger. By the way it is a healthy emotion and nature would not have given it to us unless it had some particular use. I am focused on a way that I have not seen in the works of Homi K. Bhabha, for instance [Bhabha 2004]. There is Bhabha's gift to the world of this notion of hybridity as a strategy which I reject. The only people who are credited with hybridity are those who are powerless; the powerful are always clear in saying that they are indestructible. Of course, this cannot be true, but it is their strategy and they are happy to leave the rest with third space which I see as a tragic thirdness when in fact there is neither, for me, first or second, only human being in all of our contradictions. Mimicry is not so much a strategy as a concealment of one's real emotions. I do not seek to imitate my oppressor, and I will not allow it to be foisted upon me, and neither would I foist it upon another.

There is a growing awareness, probably advanced by Bhabha [Bhabha 2004], Nelson Maldonado-Torres [2012], Walter D. Mignolo [2011], Ramon Grosfoguel [Castro-Gomez, Grosfoguel 2007], and Sabelo Ndlovu-Gatsheni [2013], that a discourse on postcoloniality and decoloniality are central to African revival. What is your take on this chorus of contemporary concerns with the colonial experience?

Well, I see the trap that they are in and I have a lot of respect for their intellectual virtuosity particularly as it relates to naming something.

A.X. Smith: *What do you mean?*

M.K. Asante: To say postcolonial or decolonial can be terribly misleading. We have not gone beyond the colonial state in actuality on the continent of Africa. We are either in the colonial situation or preparing to be in the colonial situation. To the degree that colonial refers to existing as the colony of a larger, more economically secure state, few African nations

have escaped this situation. However, I will say that there is something else that bothers me about this emphasis on coloniality, decoloniality, and postcoloniality; it is the assertion of the colonial as the central historical icon in African reality. I urge African intellectuals to de-escalate this rhetoric of the colonial.

A.X. Smith: *I take it that you are questioning the shape of the so-called postcolonial argument. Can you speak more to the cultural question in this regard?*

M.K. Asante: There is a painful reality in critical theory which has rarely been exposed. Eurocentric writers and some African intellectuals have been quick to avoid the cultural discourse as articulated by African American thinkers and activists. For example, Maulana Karenga, the founder of the Kwanzaa theory [Karenga 2008], and the creator of the world African holiday Kwanzaa [Karenga 1997], is a far more significant culturalist than any of the people usually discussed in critical theory, as far as I can see in relationship to African Renaissance. It was Karenga, long before Stuart Hall [1997] or others, who explained the relevance of culture to transformation. Karenga argued in the 1960s, more than twenty years before the cultural studies movement in England, that the key crisis in African history is cultural [Karenga 1972].

A.X. Smith: *What role does Afrocentricity play in African Renaissance?*

M.K. Asante: It is central to almost any technical, educational, economic, or cultural advance toward a genuine African Renaissance. Centuries of predatory brutishness have dislocated African people from histories, languages, and institutions.

A.X. Smith: *Can you give a succinct definition of Afrocentricity?*

M.K. Asante: Afrocentricity is a paradigm containing requirements for agency and subject placement for African people within the confines of African historical narratives; thus, moving Africans from the margins to the center in African discourse. Various Afrocentric theories

on culture, spirituality, language, history, and psycho-logy have become parts of a broad-based critical analysis. My students Victor Okafor [2017], Ana Monteiro-Ferreira [2015], Ibram Kendi [2019], and Michael Tillotson [2011] have written inte-resting books on this topic.

A.X. Smith: *What influences are strongest in your own work?*

M.K. Asante: As I view my work, I see it as joining the on-going conversation about African liberation, freedom, and transformation begun with Cheikh Anta Diop's "The African Origin of Civilization" [Diop 1989]. I was fortunate to be able to see how Diop's work was different from that of the legendary W.E.B. Du Bois who inspired me with his breadth of knowledge. Diop's work was monumental in its re-writing of African history; he was not merely a historian but someone who took imperial and colonial history to task for being stuck in a racist paradigm that denied ancient Egypt to Africa. That is why my book, "The History of Africa" [Asante 2007b], was written with a comprehensive continental focus. I do not believe in the false separation of the continent as Sub-Saharan and Northern. It is all Africa.

The Eurocentric writers who first made this division which was kept by Edward Said in his formulation of Orientalism [Said 1979] meant to deny the blackness of the Egyptians. Indeed, the National Geographic Society, with its promotion of Eurocentric dominance, has kept the images of ancient African per-aas (pharaohs) white in its documentaries. The power to produce images is also the power to distort reality, and African scholars have a special obligation to advance truth about its own history. Diop was the key influence on my historical outlook although I am influenced by Abdias do Nascimento, the Afro-Brazilian intellectual [Nascimento 1992]; Maulana Karenga, Ama Mazama, the Guadeloupean culturalist [Mazama 1997]; Nah Dove, the Diopian theorist [Dove 1998], and Asa Hilliard, the educational psychologist [Hilliard 1998]. My work with Yoshitaka Miike, Jing Ling, and Simphiwe Sesanti helped me to see the potentiality of the centered idea in connection

with overcoming the legacies of enslavement and colonialism [Asante 2013].

A.X. Smith: *What was it like to write and propose a PhD in African American Studies without a model before you? What suggested this possibility to you and what kind of character must you have had to see it through?*

M.K. Asante: African Americans are the prevailing force in the American society. You cannot know anything about America without understanding the origin, role, critical character, legal doctrines, immigration policies, and domestic violence related to Africans who laid the material foundation of the country. I wrote the proposal for the doctorate with all of that in mind, but also with the idea that a people whose achievements in science, arts and culture far outdistanced what one would have expected of such a small population. Our novelists, historians, critics, poets, and artists established a connection to African roots that elevated all discourse on race, class, and gender. Although Temple University in 1988 was the first to have a doctoral program in Africology¹, there are now nearly twenty such programs.

A.X. Smith: *Why have Afrocentrists claimed the African classical tradition as a starting point for much of the inquiry in the field?*

M.K. Asante: Because one needs chronology to make sense out of history. The pyramids were built nearly 2200 years before Homer, so why start human inquiry with the Greek poet when Imhotep, the builder of the first pyramid, is the foundational intellectual of world history?

A.X. Smith: *Your career spans several decades, and you have influenced many scholars, do you see yourself as a public intellectual?*

M.K. Asante: No, public intellectuals are made by the media; I am an activist intellectual. Some of my more than one hundred students are now considered or consider themselves public intellectuals; as for me I am committed to the

¹ Africology and African American Studies // Temple University. URL: <https://www.cla.temple.edu/africology-and-african-american-studies/> (accessed: 13.01.2020).

cultural advancement of African people who have been dislocated by brutish experiences of racial, social, and economic injustice. For this task, one must be dedicated to an activist mission to confront irrationality with reason and to engage in deep reflection on the meaning of the human.

A.X. Smith: *How do you see the notion of African dispossession in the context of academic studies?*

M.K. Asante: Quite frankly, Africa is being dispossessed at this moment, of everything, and in every region of the continent, but the most egregious dispossession is the taking away of Africa's sense of confidence. We have many Africans who have achieved world status as leaders, scholars, and intellectuals, yet as a continent and as a global people we are still being dispossessed of our power and our capability, and this leads to a sense of failure which in most cases is a faux failure.

A.X. Smith: *But you have spoken recently in Berlin on Afrofuturism, do you see this as an important movement in Afrocentricity?*

M.K. Asante: Yes, it is a point in time, a sticky point, one that will reverberate with the works being done by Reynaldo Anderson and yourself, if you permit me, in this area. I am a participant in this movement and truly wish to salute Natasha Kelly² and the team around her in Berlin for pushing the idea that we will not merely be in the future, but we will assist in making a large part of it.

A.X. Smith: *What are your current projects?*

M.K. Asante: Do you mean institutionalizing projects or simple writing projects?

A.X. Smith: *I mean any projects you want to share with the public.*

M.K. Asante: In effect, you are right to ask about current projects because they are a part of my entire work at the present time; they are

collective and always philosophical in some sense even if they are building institutions, centers, and making symposia. I am completing five manuscripts at the current time. I have publishing contracts for four of them and will seek a contract for the fifth very soon.

A.X. Smith: *What are these assignments that you have given yourself?*

M.K. Asante: I actually gave these assignments to myself several years ago. My book "Radical Insurgencies" will appear in the next few months [Asante 2020]. My book, "An Afrocentric Pan-Africanism", comes out in the summer 2020; and the book, "Ama Mazama: The Ogunic Presence in Africology", will appear in the Fall 2020. The fourth book, "Privileging Communication", co-written with Julie Morgan, a communication professor, will be published later in 2020. I have completed the fifth, "Characters and Characterizations: Afrocentric Essays", which I hope to publish also in 2020.

A.X. Smith: *As I was looking over your list of publications from your CV, I see that this will bring you to about 90 books in your career. What is your creative strategy?*

M.K. Asante: Well, I do not have a particular strategy except to write something in some genre every day. It is not systematic; I just have a lot to say.

A.X. Smith: *Given the fact that you have written so many books, some of them highly regarded, why aren't you a household name?*

M.K. Asante: I was at dinner with James Baldwin a few months before his death³ and he was ranting about the lack of recognition from the American literary establishment. He never received any prize from the American establishment for any of his works, though he was commercially successful. I, along with Houston Baker, the eminent African American critic, and Rowena Stewart, museum director

² Natasha A. Kelly. URL: <http://natashaakelly.com/> (accessed: 13.01.2020).

³ James Baldwin (1924—1987) was well-known American novelist and activist, who explored in his essays racial distinctions in Western societies (*Editor's Note*).

whose house we were in, tried to assuage him. “Jimmy, your works are in the hearts of the people”, I remember saying to him. He drank some more, then cursed the American literary elite again, and said that he had received the Croix de Guerre from the French, but nothing from the Americans. I tell you this story because in a world of literary justice I would be considered significant for my contributions, but it is rare for someone who speaks and writes about racism, injustice, and African empowerment to be rewarded in a racist society. It is dangerous and so I resign myself to the fate of Du Bois, Diop, Fanon, Biko, who never received any awards and little recognition for their brilliance until their deaths; they live in the hearts of the people whom they served. In some ways, this is as it should be. Perhaps my students will speak for me as I have spoken for Baldwin, Fanon, Biko, Diop, and Du Bois.

A.X. Smith: *What do you see as the future of Afrocentricity?*

M.K. Asante: Well, it is a useful paradigm for a people who have been dislocated. In some form or the other my students, even international students, have found this a very productive paradigm. My students from Bangladesh, China or Japan have begun to understand their own distance from their own cultural centers. Sino-centric or Nippo-centric can be seen as reflections of people to see themselves as centered in their own historical realities. The African masses, whether in the continent of Africa or in the Diaspora, have been marginalized by the Western narrative on almost all questions of values, science, beauty, spirituality, law, and philosophy; the price we pay for our dislocation is insanity, so the only path for us is the continuation of the struggle to discover mental and psychological centeredness as a remedy for the trauma we have experienced at the hands of the colonial and slave masters. *A luta continua!*

A.X. Smith: *I would like to know from you as a historian, philosopher, psychologist and as an experienced observer, about the relationship between African diasporas of different*

generations living in the USA, and how strong is their connection with Africa?

M.K. Asante: This is a complex matter. More than 250 African ethnic groups were kidnapped and enslaved in what became the USA from 1619. During 246 of those 400 years Africans were enslaved in the USA. In fact, we were enslaved longer than we have had freedom. Those early Africans in the USA were a First Wave of displaced Africans. With the independence of African states on the continent there was another diaspora. I call it the Second Wave. This Second Wave of Africans came from individual African nations, e.g., Nigeria, Kenya, Ghana, Ethiopia, Somali, Ivory Coast, South Africa, Cameroon, Angola, Senegal, and so forth. They have established in the USA their own diaspora communities.

The First Wave maintains a psychological relationship to the African continent; the Second Wave has a more physical relationship with the continent because they are constantly going and coming from Africa. Tensions have occasionally arisen over the definition of who is an African and who is not an African. The First Wave is generically African because it is difficult, except through DNA, to know from what ethnic or national group is the ancestor land. The Second Wave is quite aware, through language and customs, the identities of ancestors. Both waves have ties to Africa in the sense that there has always been a Pan African connection to Africa on the part of some in the First Wave, and the fact that the Second Wave has maintained direct physical contact with the continent. It would be incorrect to assume that the vast majority of Africans in the USA have a direct contact or interest in Africa; yet it is true that the most conscious, political, and Afrocentric cadres of Africans are Pan Africanists with a deeply held belief in a United Africa.

A.X. Smith: *How do you see the future development of Africa? By strengthening the role of the African Union or by strengthening regional groupings as, AMU, CEN-SAD, COMESA, EAC, ECCAS, ECOWAS, IGAD and SADC?*

M.K. Asante: The African Union suffers from internal and structural weakness. It does not

pay for itself; this is the initial crime of weakness. On the other hand, the regional institutions seem to move from strength to strength, but this may be a mirage with the exception of a few of the regions. All regional institutions are not equal. There are a couple of developments on the ground that might push the future of Africa toward a United Africa. Of course, there are also anti-union ideas as well. First, I see the growth of international Pan African movements at the grassroots level as a defining characteristic of the youth's dissatisfaction with the pace of developments. Several organizations such as the Pan African Federalist Movement, the revived All African Peoples' Revolutionary Party, and the Afrocentricity International organization with numerous chapters throughout Africa and the world have appeared to soak up some of the energy of this grassroots movement. Various national formations on the continent have declared themselves committed to the One Africa dream of Kwame Nkrumah and Gamal Abdel Nasser.

The second development on the ground is the incredibly fast population growth rate of the

continent. The average age of the African population is 19. This portends a large population growth in the coming years. It will create simultaneously producers and consumers, creators and users, and will force the nations to adopt different cost-saving methods that might impact on the economies of Africa. Let me say that there is nothing wrong with a two-prong approach to this issue which would include support for the AU as well as the well-run regional associations and groupings.

A.X. Smith: *Is there anything else that you would like to say?*

M.K. Asante: When my father died in 1993 my brother Esikente found in his house 10 diaries which I am trying to edit for publication. I did not know about these diaries at the time but have found them quite interesting because the last time I saw him he complained of not being able to hold the pen in his hands. It was then that I knew he would soon leave us. I hope to be as dedicated as he was in his mastery of the pen, although I now use a computer, and continue to write as I see the facts.

Received / Поступила в редакцию: 02.01.2020

References / Библиографический список

- Asante, M.K. (1998). *The Afrocentric Idea*. Philadelphia: Temple University Press.
- Asante, M.K. (2007a). *An Afrocentric Manifesto*. Cambridge: Polity Press.
- Asante, M.K. (2007b). *The History of Africa*. New York: Routledge.
- Asante, M.K. (2009). *Erasing Racism: The Survival of the American Nation*. New York: Prometheus.
- Asante, M.K. (2011). *As I Run Toward Africa: A Memoir*. New York: Routledge.
- Asante, M.K. (2014). *Facing South to Africa: Toward an Afrocentric Critical Orientation*. Boulder: Lexington Books.
- Asante, M.K. (2015). *African Pyramids of Knowledge*. New York: Universal Write Publications.
- Asante, M.K. (2017). *Revolutionary Pedagogy. Primer for Teachers of Black Children*. New York: Universal Write Publications.
- Asante, M.K. (2020). *Radical Insurgencies*. New York: Universal Write Publications.
- Asante, M.K. (Eds.). (2013). *The Global Intercultural Communication Reader*. New York: Routledge.
- Bhabha, H.K. (2004). *The Location of Culture*. London: Routledge.
- Boaventura, de S.S. (2014). *Epistemologies of the South. Justice against Epistemicide*. London: Paradigm Publishers.
- Castro-Gomez, S. & Grosfoguel, R. (Eds.). (2007). *El giro decolonial: Reflexiones para una diversidad epistémica más allá del capitalismo global*. Bogota: Universidad Central.
- Diop, Ch.A. (1989). *The African Origin of Civilization: Myth or Reality*. Chicago: Lawrence Hill Books.
- Dove, N. (1998). *Afrikan Mothers: Bearers of Culture, Makers of Social Change*. New York: State University of New York Press.
- Hall, S. (1997). *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. London: SAGE Publications.
- Hilliard, A. (1998). *African Power: Affirming African Indigenes Socialization in the Face of the Culture Wars*. Gainesville: Makare Publishing Company.

- Karenga, M. (1972). Black Cultural Nationalism. In: Addison, G. (Eds.). *The Black Aesthetic*. New York: Doubleday & Co. P. 31—37.
- Karenga, M. (1997). *Kwanzaa: A Celebration of Family, Community and Culture*. Los Angeles: University of Sankore Press.
- Karenga, M. (2008). *Kawaida and Questions of Life and Struggle: African American, Pan-African, and Global Issues*. Los Angeles: University of Sankore Press.
- Kendi, I.X. (2019). *How to Be an Antiracist*. London: Bodley Head.
- Maldonado-Torres, N. (2012). *La descolonización y el giro de(s)colonial*. Chiapas: Universidad de la Tierra.
- Mazama, A. (1997). *Langue et Identité en Guadeloupe: Une Perspective Afrocentrique*. Pointe-à-Pitre: Jasor.
- Mignolo, W.D. (2011). *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options (Latin America Otherwise)*. London: Duke University press.
- Monteiro-Ferreira, A. (2015). *Demise of the Inhuman, The: Afrocentricity, Modernism, and Postmodernism*. New York: State University of New York Press.
- Nascimento, do A. (1992). *Africans in Brazil: A Pan-African Perspective*. Trenton: Africa World Press.
- Ndlovu-Gatsheni, S.J. (2013). *Empire, Global Coloniality and African Subjectivity*. New York: Berghahn.
- Okafor, V.O. (2017). *Towards an Understanding of Africology*. Dubuque: Kendall Hunt Pub.
- Said, E.W. (1979). *Orientalism*. New York: Random House.
- Tillotson, M. (2011). *Invisible Jim Crow: Contemporary Ideological Threats to the Internal Security of African Americans*. Trenton: Africa World Press.

About the author: *Smith Aaron X.* — PhD in Africology (Temple University), Assistant Professor — Instructional, Africology and African American Studies, College of Liberal Arts, Temple University (e-mail: asmith10@temple.edu).

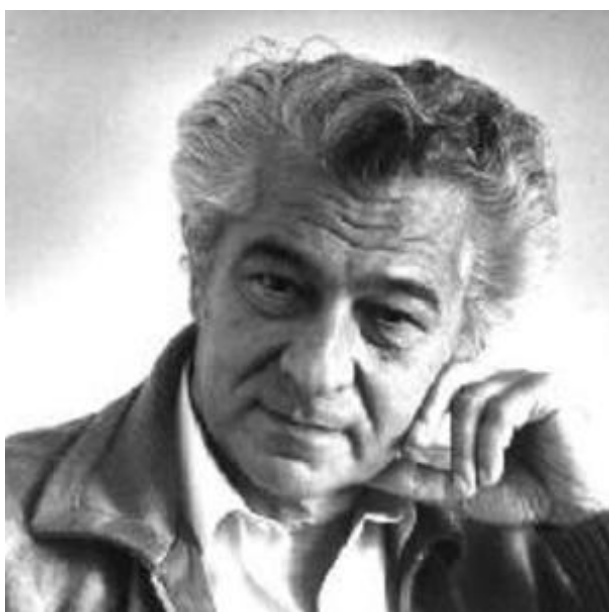
Сведения об авторе: *Смит Аарон* — доктор африкологии (Университет Темпл), доцент кафедры африкологии и афроамериканских исследований, Колледж гуманитарных наук, Университет Темпл (e-mail: asmith10@temple.edu).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-218-225

Научная статья

Африка: «период радуги» и несбывшиеся надежды

Интервью с АПОЛЛОНОМ БОРИСОВИЧЕМ ДАВИДСОНОМ,
академиком РАН, руководителем Центра африканских исследований
Института всеобщей истории РАН,
профессором Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова

Академик А.Б. Давидсон — выдающийся советский и российский историк-африканист, англовед, также известен как специалист по литературе Серебряного века. Автор более 500 научных работ, из них 11 монографий, большая часть из которых посвящена новой и новейшей истории стран Тропической и Южной Африки. Выпускник Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова (1953 г.), профессор (1973 г.), доктор исторических наук (1971 г.), академик РАН (2011 г.). Под его руководством в Институте всеобщей истории РАН создана научная школа изучения истории Африки на основе архивных документов. Подготовил более 30 кандидатов и докторов наук, среди известных учеников — А.С. Балезин, С.В. Мазов, И.И. Филатова, Г.М. Дерлугьян. В 2001—2002 гг. под его редакцией опубликовано два тома документов «Россия и Африка. Документы и материалы» [1999], книга «СССР и Африка» [Давидсон, Мазов, Цыпкин 2002], в 2003 г. — том документов «Коминтерн и Африка» [2003]. В 2003 г. в Лондоне вышел двухтомник документов «Южная Африка и Коммунистический Интернационал» на английском языке [South Africa and the Communist International 2003], а в 2005—2006 гг. — фундаментальный трехтомник «История Африки в документах» [2005—2006].

В 1988 г. Аполлон Борисович участвовал в работе Южноафриканской программы Йельского университета. В 1991 г. несколько месяцев читал лекции в университетах ЮАР и работал в архивах этой страны, в 1992—1993 гг. работал в Университете Родса, а в 1994—1998 гг. организовал и возглавлял Центр российских исследований Кейптаунского университета. В 1981—1991 гг. побывал в Эфиопии, Анголе, Лесото, Ботсване и по несколько раз — в Мозамбике, Замбии, Зимбабве и ЮАР. В 1977—1991 гг. участвовал в советско-американских Дартмутских конференциях как эксперт по Африке.

В своем интервью А.Б. Давидсон рассказывает об итогах деколонизации на Юге Африки, актуальных проблемах современного развития континента, роли КНР в Африке, афро-азиатизации мира. Отдельное внимание уделяется проблемам и перспективам развития советской и российской африканистики, российско-африканским отношениям.

Ключевые слова: Африка, ЮАР, африканистика, Коминтерн, деколонизация, Н. Мандела, С. Родс, Дартмутские встречи, афро-азиатизация

Для цитирования: Африка: «период радуги» и несбывшиеся надежды. Интервью с Аполлоном Борисовичем Давидсоном, академиком РАН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 218—225. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-218-225

© Давидсон А.Б., Дегтерев Д.А., Юртаев В.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Africa: «The Rainbow Period» and Unfulfilled Hopes

*Interview with APOLLON DAVIDSON,
Academician of Russian Academy of Sciences (RAS),
Head of the Centre for African Studies of Institute of World History, RAS,
Professor of Institute of Asia and Africa at Moscow State University*

Abstract. Academician Apollon B. Davidson is an outstanding Soviet and Russian expert in African history, British Studies, also known as a specialist in Russian Silver Age literature. He is an author of more than 500 scientific papers, including 11 monographs, most of which are devoted to the new and recent history of the countries of Tropical and South Africa. Graduate of Leningrad State University (1953), Professor (1973), Doctor of Historical Sciences (1971), Academician of the Russian Academy of Sciences (2011). Under his leadership, at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences a scientific school of African history based on archival documents was created. He prepared more than 30 candidates and doctors of sciences, among famous students — A. Balezin, S. Mazov, I. Filatova, G. Derlugyan. In 2001–2002 two volumes of documents “Russia and Africa” [Davidson 1999] were published under his editorship; the book “USSR and Africa” [Davidson, Mazov, Tsytkin 2002], in 2003 — the volume of documents “Comintern and Africa” [Davidson 2003]. In 2003, a two-volume edition of the documents “South Africa and the Communist International” [Davidson, Filatova, Gorodnov, Johns 2003] was published in London in English, and in 2005–2006 — the fundamental three-volume “History of Africa in Documents” [Davidson 2005—2006].

In 1988, he participated in the South African program at Yale University. In 1991, he lectured for several months at universities in South Africa and worked in the archives of this country. In 1992–1993 he worked at the Rhodes University, in 1994–1998 organized and chaired the Center for Russian Studies at the University of Cape Town. In 1981–1991 he visited Ethiopia, Angola, Lesotho, Botswana and several times — Mozambique, Zambia, Zimbabwe and South Africa. From 1977 to 1991 he participated in the Soviet-American Dartmouth conferences as an expert on Africa.

In his interview he talks about the outcome of decolonization for southern Africa, the actual problems of the modern development of the continent, the role of China in Africa, and the Afro-Asianization of the world. Special attention is paid to the problems and prospects of the development of Soviet and Russian African studies and Russian-African relations.

Key words: Africa, South Africa, African studies, Comintern, decolonization, N. Mandela, C. Rhodes, Dartmouth conferences, Afro-Asianization

For citation: Africa: «The Rainbow Period» and Unfulfilled Hopes. Interview with Apollon Davidson, Academician of RAS. (2020). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 218—225. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-218-225

Д.А. Дегтерев и В.И. Юртаев встретились с академиком А.Б. Давидсоном 24 декабря 2019 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова для интервью.

Д.А. Дегтерев: *Добрый день, Аполлон Борисович. В 2020 г. будет отмечаться 60-летие Года Африки. Каковы итоги деколонизации?*

А.Б. Давидсон: Африка — это более 50-ти государств, и это не единое пространство. Хотя в отношении Европы никто не скажет: «Вот, я побывал в Европе», а в отношении Африки именно так и говорят, несмотря на то, что до сих пор нет ощущения, что это что-то единое — Африка. Абсолютно не единое!

Да, в наступающем году будет 60-летие Года Африки. Что за это время сделано? Я не

очень люблю давать характеристики сегодняшнему дню. Знаете, когда-то Алексей Константинович Толстой, очень хороший и известный поэт XIX в., которого я очень люблю, написал «Историю России...»¹ и закончил ее такими словами:

*Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.*

¹ Алексей Константинович Толстой (1817—1875 гг.) — русский писатель, поэт, драматург, переводчик, сатирик из рода Толстых. Написанная им в стихах «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» впервые увидела свет в 1883 г. (прим. ред.).

Но все-таки, если не касаться прямо вот сегодняшнего дня, а посмотреть на вещи немного шире, что получается?

Закончилось прошлое столетие тремя важнейшими событиями. Два из них были совершенно ужасными. Это ситуация в Демократической Республике Конго, где в результате Второй конголезской войны (1998—2002 гг.) погибло от 4 до 5 млн человек. Это — Руанда, в которой в 1994 г. в результате трагических событий погибло около 1 млн человек.

А вместе с тем — успех в достижении национального согласия в Южной Африке, где благодаря Н. Манделе, а также его соратникам в 1994 г. люди смогли изменить ситуацию к лучшему. Как бы мы ни критиковали нынешнюю Южную Африку, там действительно сейчас не самая лучшая обстановка, но тем не менее... Из Алжира в 1960-е гг. пришлось уехать миллиону европейцев, всему белому населению страны. А в ЮАР до сих пор живет 4 млн европейцев. Значит, все-таки обстановка там лучше. И вы знаете, мои друзья живут там сейчас. Например, профессор И.И. Филатова, ведущий специалист по Африке, с которой мы опубликовали ряд совместных работ [Филатова, Давидсон 2012; Filatova, Davidson 2013; Filatova, Davidson 2016].

Во главе Южной Африки встал С. Рамафоса, которого сам Н. Мандела хотел сделать своим преемником. У Н. Манделы была такая черта в характере, традиция — он никогда не настаивал на своем мнении. И тут он не настаивал, поэтому выбрали другого человека. А сейчас С. Рамафоса пришел к власти. И он, конечно, последователь Нельсона Манделы. Я не думаю, что его взгляды кардинально поменялись.

В.И. Юртаев: *Аполлон Борисович, как вы считаете, сформировалось ли национальное согласие в ЮАР на сегодня?*

А.Б. Давидсон: Я прожил в ЮАР 6 лет, преподавал в Кейптаунском университете, был членом Ученого совета университета. Считается, что в этой стране широко распространены проявления расизма. Но я часто

ходил по улицам Кейптауна, бывало, встретишься глазами с черным человеком — и он тебе улыбается. И вот я ни разу не видел за все 6 лет каких-то радикальных антиевропейских проявлений. Да, они есть, но мне лично ни разу не довелось с этим столкнуться. Конечно, впоследствии ситуация изменилась. Так, ЮАР стала выступать против мигрантов — выходцев из Мозамбика, Замбии, других африканских стран.

В стране есть три большие группы населения: африканцы, европейцы и так называемые цветные, то есть дети, рожденные в смешанных браках (их около 4 млн человек). Может быть, вам покажется нелепой моя попытка предвидения. Но все-таки, по моему мнению, через 3—5 поколений в мире большинство населения во всех странах будет цветным. То есть перемешивание будет обязательно, оно уже идет. Наша страна испытала это неизмеримо меньше, чем Европа. И неизмеримо меньше, естественно, чем США. Этот процесс смешения, я думаю, будет идти все время с убыстрением. Причем займет немного времени — буквально 3—4 поколения. Это наше будущее, к которому надо быть готовым. В этом контексте сейчас самая интересная проблема — это афро-азиатизация мира. Роль Африки и Азии на нашей планете становится все большей.

И в ЮАР в этом плане люди пытаются ужиться друг с другом, ведь другого выхода у них нет. Опять же здесь я безнадежный, наверное, оптимист. Ряд экспертов по Южной Африке говорят о том, что страну может ожидать распад. Но мне хотелось бы думать, что она сохранится.

И мне кажется, что такое настроение «уживаемости» постепенно формируется в мире. В этом контексте самое главное сейчас — это миротворчество. Все-таки сейчас символом миротворчества и миролюбия — не только в Африке, но и во всем мире — считается Нельсон Мандела. Он действительно сумел добиться того, что не было гражданской войны в ЮАР и не было масштабных межрасовых противоречий. И как-то, привязав к какому-то его юбилею, я написал статью о том, что сейчас самое главное для будущего

человечества — это как раз миротворчество и миролюбие. В 2019 г. мои коллеги сделали книжку — сборник статей «Миролюбие и миротворчество в Африке» [2019].

Миролюбие — термин нормативный. Целый ряд видных общественных деятелей призывали к межрасовому согласию. Например, южноафриканская писательница Оливия Шейнер² — М. Горький переводил ее очерки в конце XIX в. Она уже тогда отмечала, что если не будет межрасового согласия, то у Южной Африки нет будущего.

Д.А. Дегтерев: *Вы лично знаете многих африканских политических и общественных деятелей, встречались с ними. Кто вам наиболее запомнился и почему?*

А.Б. Давидсон: Это действительно так, я знал многих общественных и политических деятелей стран Африки. Наибольшее впечатление произвел на меня Нельсон Мандела. Он стал символом миролюбия и миротворчества. Когда я был 7 лет назад на похоронах Нельсона Манделы, тогда в ЮАР приехали 70 лидеров государств. И тогдашний американский президент Б. Обама сказал: «Это — мой кумир». Президент России В.В. Путин оставил соответствующую запись в памятной книге Посольства ЮАР в Москве, особо отметив, что Нельсон Мандела показал нам, что путь развития — это взаимопонимание, взаимные уступки и компромиссы.

В современном мире ни особых компромиссов, ни уступок мы не видим. Окружение у Н. Манделы было, в общем, очень неплохое. И вообще это было такое время, которое я называю «*период радуги*». То есть в ЮАР были все цвета радуги, период национально-межрасового согласия на протяжении нескольких месяцев и даже лет. Но все-таки традиции 300-летней давности, со времен Капской колонии, традиции колониализма поломать достаточно трудно.

² Оливия Шрейнер (по мужу Краунрайт) (1855—1920 гг.) — южноафриканская англоязычная писательница. Была широко известна в России: ее книги выходили и в изданиях «для интеллигентных читателей», и в массовой серии «Книжка за книжкой». В 1899 г. Максим Горький напечатал статью об Оливии Шрейнер в газете «Нижегородский листок» (*прим. ред.*).

Д.А. Дегтерев: *Вы долгие годы работали в ЮАР, общались с коллегами из африканских и других стран. Каких африканистов вы знаете?*

А.Б. Давидсон: Я знал практически всех ведущих исследователей по Африке, но либо они были старше меня, либо ровесники. Сейчас этой плеяды блестящих ученых уже не стало. В англоязычных странах, кроме Соединенных Штатов, в возрасте порядка 65 лет уходили на пенсию, хотя в США это правило отменили в 1992 г. Поэтому тех людей, которых я знал, с кем я был близок, увы, нет. Мне все-таки уже 90 лет исполнилось.

Африканистика сегодня — это огромная литература и очень большой разбой во мнениях — ведь более 50 стран в Африке, все они изучались глубоко. Но если выделить какого-то одного, то, например, моего однофамильца Бэзила Давидсона³. В его честь, кстати, когда ему исполнилось 60 лет, был издан целый том, для написания которого собрались лучшие англоязычные африканисты всего мира [African Studies... 1976].

В.И. Юртаев: *Вас часто называют патриархом российской африканистики. Расскажите о наиболее трудных периодах отечественной африканистики.*

А.Б. Давидсон: Трагедия постигла зачинателей советской африканистики в середине 1930-х гг. [Становление отечественной африканистики... 2003]. Была ликвидирована первая в СССР кафедра Африки — она возникла в начале 1930-х гг. в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), одном из коминтерновских университетов. Он находился в Москве на Тверском бульваре, а центр по сбору информации об Африке — на Пушкинской площади. На этой кафедре учились африканцы из стран Тропической Африки. Но кафедра была ликвидирована, ее сотрудники подверглись репрессиям (вплоть

³ Бэзил Дэвидсон (англ. *Basil Risbridger Davidson*, 1914—2010 гг.) — британский разведчик в годы Второй мировой войны, затем историк-африканист, журналист-международник, путешественник, активный сторонник антиколониальной борьбы народов Африки и писатель (*прим. ред.*).

до расстрела) в ходе Большого террора, когда И.В. Сталин громил Коминтерн и все коминтерновские учреждения и организации (официально Коминтерн был ликвидирован лишь в 1943 г.). Затем история этого начального периода советской африканистики была фактически предана забвению. Немалые трудности отечественная африканистика испытывала и в дальнейшем.

Я также испытывал ряд сложностей. Мои заграничные поездки во многом стали возможны благодаря Е.М. Примакову, с которым у меня несколько десятилетий были очень теплые отношения. Мы издали книгу [Вторая муза историка... 2003], где собрали стихи, которые пишут историки, востоковеды. Я попросил у Е.М. Примакова разрешить нам опубликовать его стихи, и он разрешил.

В РУДН я преподавал, читал лекции. А потом я ушел, меня заменил О.К. Дрейер, который тогда представлял Издательство восточной литературы. Он преподавал африканистику в вашем университете в течение многих лет.

Д.А. Дегтерев: *Ваши книги рекомендуем студентам. Например, книгу про Сесила Родса они с большим интересом читают. Это, конечно, не учебник, но за день можно прочитать, настолько она на одном дыхании, легко написана.*

А.Б. Давидсон: Об этом могу рассказать забавную историю. Когда я предложил опубликовать книгу о Сесиле Родсе, в издательстве ответили: «Сегодня издадим о Родсе, а завтра — о Гитлере?». Но почему-то прошло менее чем полгода, мне позвонили и предложили издаться. Мало того, что издали [Давидсон 1998], дали книге тираж 50 тысяч экземпляров! Даже по тем временам было много. А затем издали двумя тиражами в Южной Африке. Мне кажется, что сейчас написал бы по-другому и лучше.

5—7 лет тому назад Сесила Родса сделали символом колониализма и всего самого худого, в том числе и внутри Африканского национального конгресса. Его статую свергли в Кейптаунском университете, были студенческие протесты.

В.И. Юртаев: *Вы участвовали в важнейших Дартмутских встречах⁴ между СССР и США, среди участников которых были Е.М. Примаков, Дэвид Рокфеллер и Збигнев Бжезинский. Как Дартмутские встречи влияли на мышление их участников и, в свою очередь, влияли и на ход событий холодной войны, и на отношения между СССР и США? Что дали эти встречи вам для понимания Африки и ее роли в международных отношениях?*

А.Б. Давидсон: Советско-американские Дартмутские встречи продолжались 30 лет, были во время холодной войны важнейшим каналом взаимопонимания между нашими странами. Такие каналы чрезвычайно важны — и в те годы, но уверен, они нужны сейчас еще больше.

Дартмутские встречи между США и СССР возникли в начале 1960-х гг., и в течение 30 лет это был важный канал взаимопонимания, где люди говорили то, что думают, а не то, что надо. А надо было не просто реагировать, но продуманно действовать. Это было очень интересно. Я повидал там, в общем-то, всех крупнейших американских политиков.

Не хвастовства ради скажу, что американцы в начале 1990-х гг. отмечали, что хотя в последние годы Африка, с их точки зрения, уже не играла такую роль в двусторонних отношениях, но «мнение А. Давидсона по другим вопросам было очень важным». То есть находились все-таки общие идеи, общие разговоры. У нас не было специальных запланированных докладов, формат встреч предполагал общие выступления и очень свободное обсуждение. Ликвидировал их в 1991 г. Б.Н. Ельцин под предлогом того, что у нас с американцами уже такие хорошие отношения, что нам не нужны больше подобные встречи.

⁴ Дартмутские встречи (конференции) были довольно важным элементом переговорного процесса между СССР и США. Первая встреча состоялась в Дартмутском колледже (Хановер, США) в 1960 г., отчего и возникло название конференций, которые начались в разгар холодной войны. Их целью было создать неформальный канал связи между Советским Союзом и Соединенными Штатами (*прим. ред.*).

Д.А. Дегтерев: *Сейчас очень много говорят о Китае в Африке. Китай для большинства стран Африки стал главным партнером в торговле, по инвестициям. И оценивая результаты, кто-то начинает говорить о том благе, которое Китай несет в Африку, а кто-то — об угрозе китайской экспансии в Африку. Каково ваше мнение?*

А.Б. Давидсон: Ситуация в Африке и вокруг Африки теперь очень осложнилась. В Африке более пятидесяти государств — и у каждого своя политика, своя роль в мировом сообществе. Круто возросла роль Китая в Африке, а также роль США. Китай заполонил Африку своими товарами, китайцы строят там автомобильные и железные дороги. На Мадагаскаре, по-моему, только китайские товары и есть в магазинах. И так же во многих странах Южной Африки сейчас. Китай как-то поразительно быстро сумел всего этого достичь. Наверное, это положительная сторона вопроса. Но есть и другая сторона: африканцы, с которыми я встречаюсь, — все они не совсем довольны китайцами. Но я говорю именно о тех, с кем я общаюсь.

Д.А. Дегтерев: *Перейдем от Китая к России. Как вы оцениваете итоги Саммита «Россия — Африка» в Сочи в октябре 2019 г.?*

А.Б. Давидсон: О подлинных результатах саммита мы сможем судить, когда они проявятся не только в переговорах, резолюциях и договорах, а в реальной жизни.

Безусловно, российско-африканские отношения поступательно развиваются, имеют богатую предысторию. В 2019 г. вместе со своими коллегами мы опубликовали большую монографию, где об этом подробно пишем [Африка в судьбе России... 2019].

В.И. Юртаев: *Часто российскими африканистами поднимается вопрос о создании в Москве музея Африки. Как вы относитесь к этой идее и реализуема ли она в целом?*

А.Б. Давидсон: О российской африканистике уже знают, но пока еще мало. Основной музей Африки могли бы стать материалы

петербургской Кунсткамеры. Там очень богатые коллекции, прежде всего привезенные Николаем Гумилевым из его путешествий 1912—1913 гг. и собранные экспедициями Академии наук нашей страны. Я подробно изучал этот вопрос и написал об этом ряд книг [Давидсон 2008].

Дело в том, что Н.С. Гумилев, чтобы произвести впечатление на окружающих, в запале как-то заявил: «Я еду в Африку!» (а не в Париж, как остальные). Сначала просто путешествовал, а после он Африку действительно полюбил и по-настоящему ею занимался. Переводил с африканских языков, с английского. И стихи писал — создал «Шатер»⁵. Парадоксально, что хотя расстрелян Н. Гумилев был в 1921 г., в 1923 г. в России издали его книгу «Письма о русской поэзии»⁶, где в предисловии содержится похвала поэту. Как это произошло? Я не представляю себе.

Д.А. Дегтерев: *Как получилось, что вы стали заниматься и африканистикой, и литературным наследием Серебряного века? Вы к Н. Гумилеву пришли через Африку или к Африке через Н. Гумилева? Африка у вас в сердце или в судьбе?*

А.Б. Давидсон: Я к Африке пришел через Н. Гумилева. В Ленинграде я жил рядом с тем домом, в котором он когда-то жил. Мальчишкой я уже знал это имя. И интерес к Африке возник у меня еще в детстве — со стихами Н. Гумилева и Р. Киплинга, с романами Луи Буссенара, Генри Райдера Хаггарда, романом Жюль Верна «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке».

Вы спрашивали, Африка у меня в сердце или в судьбе? У меня же не только Африка. Я же занимаюсь еще Британией, являюсь президентом Ассоциации британских исследований. В МГУ читал курс лекций по афроазиатизации современного мира, который сейчас отдал ученикам. Не охватить всего....

⁵ Гумилев Н.С. Шатер: сборник стихов. Ревель: Библиофил, 1921.

⁶ Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. Петроград: Мысль, 1923.

В моей работе мне очень помогает моя супруга⁷. Она сейчас лучший знаток Мадагаскара, полагаю. В 1957 г. в Москве прошел Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и она была тогда переводчиком при делега-

ции с о. Мадагаскар. Это событие определило всю ее судьбу и творчество, а также наш совместный путь. В 2011 г. вышла ее книга «Мадагаскар и я» [Карташова 2011]. Вы знаете, Мадагаскар исторически очень связан с Россией. Ведь из Ост-Индии пираты переселились на Мадагаскар и основали там свою пиратскую республику «Либерталия». И человек, который основал ее, перешел на русскую службу. Петр I хотел добраться до Индии. А Мадагаскар был промежуточной точкой на этом пути.

⁷ Карташова Людмила Алексеевна — крупнейший в России специалист по Мадагаскару, пионер изучения малагасийского языка, литературы, культуры и истории Мадагаскара, составитель первого в истории сборника русской поэзии и его перевода на малагасийский язык. Действительный член Малагасийской Академии наук, президент Клуба друзей Мадагаскара (прим. ред.)

*Интервью провели Д.А. Дегтерев и В.И. Юртаев /
Interviewed by D.A. Degterev and V.I. Yurtaev*

Received / Поступила в редакцию: 12.02.2020

Библиографический список

- Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки* / отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: РОССПЭН, 2019.
- Вторая муза историка. Неизученные страницы русской культуры XX столетия* / под ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 2003.
- Давидсон А.Б. Мир Николая Гумилева, поэта, путешественника, воина. М.: Русское слово, 2008.
- Давидсон А.Б. Сесил Родс: Строитель империи. М., Смоленск: Русич, Олимп, 1998.
- Давидсон А.Б., Мазов С.В., Цыпкин Г.В. СССР и Африка. 1918—1960. Документированная история взаимоотношений. М.: ИВИ РАН, 2002.
- История Африки в документах (1870—2000)*: в 3 т. / под общ. ред. А.Б. Давидсона. М.: Наука, 2005—2006.
- Карташова Л. Мадагаскар и я. М.: Экон-Информ, 2011.
- Коминтерн и Африка: Документы* / под ред. А.Б. Давидсона. СПб.: Алетейя, 2003.
- Миролюбие и миротворчество в Африке*. К 90-летию академика Аполлона Давидсона / науч. ред. А.С. Балезин, И.И. Филатова, С.В. Мазов. М.: Весь Мир, 2019.
- Россия и Африка. Документы и материалы*. XVIII в. — 1960 г. Т. 1—2 / под ред. А.Б. Давидсона. М.: ИВИ РАН, 1999.
- Становление отечественной африканистики, 1920-е — начало 1960-х* / отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Институт Африки РАН, 2003.
- Филатова И.И., Давидсон А.Б. Россия и Южная Африка: Наведение мостов. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2012.
- African Studies Since 1945: A Tribute to Basil Davidson: Proceedings of a Seminar in Honor of Basil Davidson's Sixtieth Birthday* / Ed. by B. Davidson, C. Fyfe. London: Longman, 1976.
- Filatova I., Davidson A. The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg: Jonathan Ball Publishers, 2013.
- Filatova I.I., Davidson A.B. AnOther Africa? (Post-)Koloniale Afrikaimaginationen im russischen, polnischen und deutschen Kontext. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2016.
- South Africa and the Communist International: in 2 volumes* / Ed. by A. Davidson, I. Filatova, V. Gorodnov, Sh. Johns. London: Frank Cass, 2003.

References

- Balezin, A.S., Filatova, I.I. & Mazov, S.V. (Eds.). (2019). *Peace and Peacekeeping in Africa. To the 90th Anniversary of Academician Apollon Davidson*. Moscow: Ves' mir publ. (In Russian).
- Davidson, A., Filatova, I., Gorodnov, V. & Johns, Sh. (Eds.). (2003). *South Africa and the Communist International: in 2 volumes*. London: Frank Cass.
- Davidson, A.B. (1998). *Cecil Rhodes: Empire Builder*. Moscow, Smolensk: Rusich, Olympus publ. (In Russian).

- Davidson, A.B. (2008). *The World of Nikolai Gumilyov, Poet, Traveler, and Warrior*. Moscow: Russkoe slovo publ. (In Russian).
- Davidson, A.B. (Eds.). (1999). *Russia and Africa. Documents and Materials*. 18th century — 1960. Vol. 1—2. Moscow: Institute of World History, RAS publ. (In Russian).
- Davidson, A.B. (Eds.). (2003). *Comintern and Africa: Documents*. St. Petersburg: Aletheia publ. (In Russian).
- Davidson, A.B. (Eds.). (2003). *Formation of African Studies in URSS, 1920s — early 1960s*. Moscow: Institute for African Studies, RAS publ. (In Russian).
- Davidson, A.B. (Eds.). (2005–2006). *Documentary History of Africa (1870—2000)*: in 3 volumes. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Davidson, A.B. (Eds.). (2019). *Africa in the Fate of Russia, Russia in the Fate of Africa*. Moscow: ROSSPEN publ. (In Russian).
- Davidson, A.B., Mazov, S.V. & Tsyarkin, G.V. (2002). *USSR and Africa. 1918–1960. A Documented History of Relationships*. Moscow: Institute of World History, RAS publ. (In Russian).
- Davidson, B. & Fyfe, C. (Eds.). (1976). *African Studies Since 1945: A Tribute to Basil Davidson: Proceedings of a Seminar in Honor of Basil Davidson's Sixtieth Birthday*. London: Longman.
- Filatova, I., Davidson, A. (2013). *The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era*. Johannesburg: Jonathan Ball Publishers.
- Filatova, I.I. & Davidson, A.B. (2012). *Russia and South Africa: Building Bridges*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Filatova, I.I. & Davidson, A.B. (2016). *AnOther Africa? (Post-)Koloniale Afrikaimaginationen im russischen, polnischen und deutschen Kontext*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter. (In German).
- Kartachova, L. (2011). *Madagascar and Me*. Moscow: Ekon-Inform publ. (In Russian).
- Svanidze, A.A. (Eds.). (2003). *The Second Muse of the Historian. Unexplored Pages of Russian Culture of the Twentieth Century*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-226-228

Рецензия

Африка: политические портреты: сборник статей / отв. ред. Т.С. Денисова. М.: ИАФр РАН, 2018. 198 с.

Н.Г. Гаврилова

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Гаврилова Н.Г. Рецензия: Африка: политические портреты: сборник статей / отв. ред. Т.С. Денисова. М.: ИАФр РАН, 2018. 198 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 226—228. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-226-228

Book review

Denisova, T.S. (Eds.). (2018). Africa: Political Portraits. Moscow: IAfr RAN publ., 198 p. (In Russian)

N.G. Gavrilova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Gavrilova, N.G. (2020). Book review: Denisova, T.S. (Eds.). (2018). Africa: Political Portraits. Moscow: IAfr RAN publ., 198 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 226—228. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-226-228

В 2018 г. был опубликован сборник статей «Африка: политические портреты» [Африка... 2018], в основу которого были положены материалы круглого стола, состоявшегося в Институте Африки РАН весной 2018 г. и собравшего ученых из московских академических центров и Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

На протяжении всей истории человечества политическое лидерство играло большую роль в развитии отдельных государств и

регионов. Возросшее в последние годы внимание к этому феномену обусловлено той важной ролью, которую многие политические деятели — президенты, премьер-министры, лидеры политических партий и общественных организаций — играют в современной политике [Денисова 2016]. Это обстоятельство побудило группу исследователей подготовить рецензируемый сборник статей, посвященный жизни и деятельности ряда глав африканских государств, политических и общественных

© Гаврилова Н.Г., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

деятелей «второго эшелона» и лидеров повстанческих движений.

Сборник открывается статьей Т.М. Гавристовой «Политические лидеры Африки: портреты и автопортреты», в которой рассматриваются опубликованные автобиографии и биографии нескольких известных африканцев. Персональная история, как справедливо утверждает Т.М. Гавристова, — одно из наиболее востребованных направлений гуманитарных знаний, значение которого возросло после окончания Второй мировой войны в связи с началом заметной персонификации прошлого, происходившей в форме «очеловечивания истории».

В русле «персонификации истории» написаны и статьи авторов — сотрудников Института Африки РАН Н.Ф. Матвеевой «Политические династии в Кении», С.М. Шленской «Поль Кагаме и Пьер Нкурунзиза: два президента — два пути к национальной консолидации», Н.В. Виноградовой «Хиссен Хабре в современной истории Чада», Н.В. Гришиной «Тома Санкара и Блэз Компаоре — президенты Буркина-Фасо» и «Махамату Иссуфу — президент Нигера», Л.М. Садовской «Маки Салль — человек диалога», посвященные главам государств, руководившим своими странами в отдельные периоды истории постколониальной Африки.

Н.В. Гришина также в одной из своих статей, опубликованных в сборнике, — «Лидеры независимой Мавритании» — сосредоточивается на политических портретах наиболее ярких, по ее мнению, президентов страны — Моктара ульд Дадды и Сиди ульд Шейха Абдаллахи, интересных помимо прочего тем, что оба политика придавали большое значение ликвидации рабства и рабовладения на законодательном и бытовом уровнях. Н.В. Гришина делает справедливый вывод о том, что «внутриполитическая ситуация в Мавритании остается нестабильной» в значительной степени из-за «неослабевающего противостояния светлокожих и чернокожих; свободных, бывших и остающихся в рабстве граждан страны» [Африка... 2018: 82].

Большое внимание в сборнике уделено женщинам — правительницам и воительницам, жившим в прежние века, и современным политическим деятелям. Так, в чрезвычайно

интересной статье Н.А. Ксенофонтовой «Женские персонажи африканской истории» на многочисленных примерах показано, что на Африканском континенте существовало немало обществ, главные политические роли в которых играли женщины — основательницы родов и правящих династий. Среди них: Соголон Кедью — мать национального героя Мали, великого воина и правителя XIII в. Сундьяты Кейта, которая именно в силу своей «тотемической природы» могла родить «наделенного необычайным умом и доблестью великого царя» [Африка... 2018: 21]; «королева-мать» *обы* Эсегие (средневековое государство Бенин — XVI в.); правительницы древнего Египта Хатшепсут, Нефертити и др.

В «женский» блок сборника входят также статьи Н.З. Фахрутдиновой «Наваль ас-Саадави — политик и человек» и Л.Я. Проккопенко «Хелен Зилле. Испытание властью». Их героинями стали известный египетский политолог, врач, общественный деятель, основатель многих правозащитных организаций и кандидат на пост президента в 2005 г. Н. ас-Саадави и политический и государственный деятель ЮАР, мэр Кейптауна, лидер оппозиционной партии Демократический альянс, премьер-министр провинции Западный Кейп Х. Зилле, на практике доказавшая, что оппозиция способна управлять и что предвыборные лозунги возможно и должно претворять в жизнь. Как указывает автор, «у поборников гендерного равенства в политической сфере ЮАР в последнее десятилетие были реальные основания рассчитывать на то, что главой государства станет женщина» [Африка... 2018: 133], так как кроме Х. Зилле претендентом на высший государственный пост в стране становилась и Нкосазана Кларис Дламини-Зума — видный член АНК и председатель Комиссии Африканского союза в 2002—2017 гг.

В.А. Усов в статье «Ахмед Катрада: (не)политический портрет» рассказывает об известном южноафриканском политическом лидере индийского происхождения, близком соратнике Нельсона Манделы в борьбе с режимом апартеида. А. Катрада работал в кабинете Н. Манделы и почти одновременно с ним ушел из парламентской политики. Как отмечает автор, «до самой смерти 28 марта 2017 г. А. Катрада оставался противником расового

разделения и угнетения, борцом за права человека, честным и скромным человеком, одним из подлинных “титанов” истории Южной Африки» [Африка... 2018: 165].

Статья Т.С. Денисовой «Фодэй Санко — лидера Объединенного Революционного Фронта Сьерра-Леоне» посвящена одному из наиболее известных представителей группы лидеров Объединенного революционного фронта (ОРФ), развязавших в 1991 г. гражданскую войну в этой западноафриканской стране. Автор отмечает, что «в формировании африканских повстанческих огромную роль сыграли личности их лидеров» [Африка... 2018: 177]. Действительно, позиции вооруженных группировок обычно усиливались, если во главе движения оказывались харизматические лидеры, к каковым можно отнести Ф. Санко, прошедшего долгий путь от солдата колониальной армии до свадебного фотографа, а затем одного из самых известных африканских «военных баронов». Ф. Санко стал «отцом» для своих солдат, в основном подростков, беспрекословно ему преданных, но он вовсе не положительный герой. Напротив, Ф. Санко не испытывал никакого раскаяния из-за убийств и разрушения человеческих жизней. «Впрочем, если бы в центре насилия, охватившего Сьерра-Леоне в конце 1990—2000-х гг., не оказался энергичный и предприимчивый свадебный фотограф, вместо него возник бы кто-нибудь другой, не менее “целеустремленный” и жестокий» [Африка... 2018: 184].

Несколько особняком в сборнике стоит статья Т.Л. Дейч «Китай в Африке: опора на властные структуры», в которой рассматриваются процессы формирования контактов между руководителями КНР и африканскими главами государств. По словам автора, «пекинское руководство учитывает роль политических лидеров в африканских обществах и сохраняющуюся преемственность между традиционными и современными типами власти» [Африка... 2018: 185]. Действительно, активный обмен визитами самого высокого уровня и помпезность дипломатических мероприятий, расцениваемая в Африке как свидетельство внимания Китая к континенту, помогают КНР обрести многочисленных союзников. По мнению Т.Л. Дейч, «опора на африканские властные структуры вписывается в общую тенденцию китайской внешней политики, которой присущи сдержанность и акцент на мирное развитие» [Африка... 2018: 185].

Комплексный подход, использованный авторами сборника, позволяет создать целостную картину современного состояния общественно-политического лидерства в Африке. Основываясь на проведенных исследованиях, авторы делают выводы о взаимосвязи социально-экономического и политического развития стран континента с характером политического руководства и особенностями личности политического лидера. Единственное, что вызывает сожаление, это небольшой объем некоторых статей, посвященных личностям, заслуживающим более тщательного рассмотрения.

Поступила в редакцию / Received: 18.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 04.02.2020

Библиографический список

Африка: политические портреты: сборник статей / отв. ред. Т.С. Денисова. М.: ИАФР РАН, 2018.
Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М.: Институт Африки РАН, 2016.

References

Denisova, T.S. (2016). *Tropical Africa: The Evolution of Political Leadership*. Moscow: IAfr RAN publ. (In Russian).
Denisova, T.S. (Eds.). (2018). *Africa: Political Portraits*. Moscow: IAfr RAN publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Гаврилова Нина Германовна — младший научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики Института Африки Российской академии наук (e-mail: ninagavrilova1976@gmail.com).

About the author: Gavrilova Nina Germanovna — Associate Researcher, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: ninagavrilova1976@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-229-231

Рецензия

**Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки /
отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Политическая энциклопедия,
2019. 606 с.**

Т.М. Гавристова

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

Для цитирования: Гавристова Т.М. Рецензия: Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки / отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 606 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 229—231. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-229-231

Book review

**Davidson, A.B. (Eds.). (2019). Africa in the Fate of Russia,
Russia in the Fate of Africa. Moscow: Politicheskaya encyclopedia publ.,
606 p. (In Russian)**

T.M. Gavristova

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

For citation: Gavristova, T. M. (2020). Book review: Davidson, A.B. (Eds.). (2019). Africa in the Fate of Russia, Russia in the Fate of Africa. Moscow: Politicheskaya encyclopedia publ., 606 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 229—231. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-229-231

Книга «Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки» [2019] с момента своего выхода в свет оказалась исключительно актуальной и востребованной. Ее публикация совпала по времени с проведением экономического форума «Россия — Африка» (Сочи, 23—24 октября 2019 г.) и предшествующих ему парламентских чтений (1—3 июля 2019 г.) и таким образом обозначила важность отраженных в ней на перспективу проблем.

Во введении (его уместнее было назвать Предисловием) авторы справедливо констатируют: «Кошмарные картины из Африки,

которые СМИ рисуют для зрителей и читателей, заслоняют, обесценивают давние традиции взаимодействия Африки и России на государственном и личностном уровнях, что отрицательно сказывается на российско-африканских отношениях, мешает установлению действительно взаимовыгодных контактов со странами Африки и в конечном итоге — росту благосостояния России». На деле проявления негативизма к континенту можно обнаружить и в дореволюционное, и в советское время даже в самых невинных и общеизвестных утверждениях типа: «Не ходите, дети,

© Гавристова Т.М., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

в Африку гулять!». Исходя из этого, одной из задач для авторов было «показать, что в Российской империи и СССР» имел место «другой, более позитивный образ Африки» [Африка в судьбе России... 2019: 5].

Авторами книги выступили сотрудники возглавляемого академиком А.Б. Давидсоном Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН и дружественный им круг профессионалов. Объектом их интереса на протяжении многих десятилетий являются архивные источники. Именно они формируют контент издания, соединяя в единый хронотоп два сакральных для отечественных ученых-африканистов пространства — Россию и Африку и два времени — дореволюционное и советское.

Перцепция Африки и России во времени и пространстве менялась. Отрицательная динамика в развитии представлений о России, по сравнению с СССР, выглядит весьма убедительно в изложении Д.М. Бондаренко (Институт Африки РАН) [Африка в судьбе России... 2019: 557—572]. В современном взгляде на Африку из России и наоборот существует масса стереотипов, и их развенчание определяет суть коллективного исследования «Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки».

Авторы вводят в оборот документы внешней и внутренней политики, вместилищем которых служат Архив внешней политики Российской империи, Архив внешней политики Российской Федерации, Российский государственный архив Военно-морского флота, Российский государственный архив новейшей истории, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив экономики, а также архивы Франции, Мадагаскара и др. Привлечение источников личного происхождения — дневников, писем, интервью, корреспонденции — дает возможность ощутить приметы места и времени, преодолевая границы исследовательского жанра, особенно если речь заходит о повседневности.

Жанровое поле исследования, подобно калейдоскопу, вместило в себя множество оттенков: это и энциклопедия, и антология, и

хрестоматия. Из-за огромного числа и многогранности затрагиваемых проблем и историй, вплетенных в повествование (это политическая, экономическая, повседневная, персональная история; история внешней политики и международных отношений; история учебных заведений и общественных организаций; историография и источниковедение истории Африки), книга приобрела черты, присущие не только научным трудам, но и учебной, публицистической, справочной, мемуарной литературе. Не удивительно, что вышла она в издательстве «Политическая энциклопедия». Многогранность привлеченных в ходе подготовки книги материалов поражает, как и способность авторов вписать их в разные концептуальные, тематические, актуальные, социально-политические, образовательные контексты.

Портретная галерея лиц, задействованных в развертывании контактов по маршруту Россия — Африка и обратно, обширна: ученые и политические деятели, дипломаты и студенты, моряки, педагоги, врачи, инженеры, геологи, авантюристы, те, кого манит Муза дальних странствий. К сожалению, представленный в книге именной указатель в силу некоторой небрежности оформления и корректуры вместил в себя далеко не все фамилии, упомянутые в авторских материалах.

Вкупе именно люди создают картину освоения пространства и времени. Именно они являются героями книги, наряду с самими авторами. А.Б. Давидсон, А.В. Антошин, Д.М. Бондаренко, А.С. Балезин, Л.В. Иванова, Л.А. Карташова, А.В. Козвонин, М.С. Курбак, С.В. Мазов, А.Г. Пондопуло, Г.М. Сидорова, О.И. Тетерин, А.А. Токарев, И.И. Филатова, Э.Г. Цветков, Г.В. Цыпкин открыли для читателя истоки обоюдного притяжения двух весьма отдаленных друг от друга земель (России и Африки), осуществив репрезентацию собственного видения континента изнутри и снаружи. В центре внимания находится преимущественно советский период сотрудничества России и Африки — время, в ходе которого авторы в большинстве своем сформировались как ученые.

Время для исследователей, а вслед за ними и для читателей становится едва ли не

главным объектом интереса. Параллельное повествование, когда авторы, возвращаясь в свое прошлое, как бы заново переживают его и по-новому трактуют прежние впечатления об Африке и африканцах, событиях и встречах, придает книге особую привлекательность, тем более что завершают книгу обаятельные воспоминания О.И. Тетерина «Это было полвека назад» [Африка в судьбе России... 2019: 573–588], в основе которых лежат написанные им в молодые годы письма с далекого Занзибара в

Москву. Сами по себе они могут служить блестящим учебным пособием для всех, кто выбрал профессию переводчика, ибо повествуют о том, как сделать язык суахили «родным» [Африка в судьбе России... 2019: 573].

Книга, по сути, является типичным примером постколониального дискурса, направленного на вживание, «вчувствование» в проблему и может быть полезна широкому кругу читателей, интересующихся историей России и Африки.

Поступила в редакцию / Received: 11.01.2020

Принята к публикации / Accepted: 30.01.2020

Библиографический список

Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки / отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

References

Davidson, A.B. (Eds.). (2019). *Africa in the Fate of Russia, Russia in the Fate of Africa*. Moscow: Politicheskaya encyclopedia publ. (In Russian).

Сведения об авторе: *Гавристова Татьяна Михайловна* — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (e-mail: tanja1994@mail.ru).

About the author: *Gavristova Tatiana Mikhailovna* — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Department of World History, Faculty of History, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov (e-mail: tanja1994@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-232-236

Рецензия

China — Africa Friendly Cooperation in the New Era. Think Tank Reports. In 9 volumes. Beijing: China Social Sciences Press, 2018

Т.Л. Дейч

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Дейч Т.Л. Рецензия: China — Africa Friendly Cooperation in the New Era. Think Tank Reports. In 9 volumes. Beijing: China Social Sciences Press, 2018 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 232—236. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-232-236

Book review

China — Africa Friendly Cooperation in the New Era. (2018). Think Tank Reports. In 9 volumes. Beijing: China Social Sciences Press

T.L. Deych

Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

For citation: Deych, T.L. (2020). Book review: *China — Africa Friendly Cooperation in the New Era. (2018). Think Tank Reports. In 9 volumes. Beijing: China Social Sciences Press. Vestnik RUDN. International Relations, 20 (1), 232—236. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-232-236*

Африканская политика Китая привлекает растущее внимание отечественных и зарубежных ученых. Однако особый интерес представляет взгляд китайских исследователей на данную проблему. В этой связи заслуживает внимания серия изданных в Пекине в 2018 г. книг, содержащих результаты деятельности национальных «мозговых центров», призванных внести вклад в развитие отношений Китая с Африкой, а также дать ответ на рассуждения относительно неравноправного характера китайско-африканского сотрудничества.

В рецензируемых работах нашли освещение едва ли не все аспекты деятельности Пекина в Африке и взаимодействия его со странами континента. Книги эти не случайно увидели свет сегодня, когда Китай реализует

свой самый масштабный международный проект «Один пояс, один путь», в котором приглашена участвовать и Африка, и Пекину придется сталкиваться с возросшей критикой в свой адрес, к примеру, по поводу «долговой ловушки», в которую он вовлекает африканцев. Представленный в публикациях анализ сделанного Китаем на благо Африки является ответом на обвинения его в «неоколониализме» и «грабеже ресурсов».

Издание серии книг, приуроченное к саммиту Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) в Пекине в сентябре 2018 г., осуществили Институт Западной Азии и Африки (ИЗАА) Китайской академии общественных наук (КАОН) и Бюро международного сотрудничества КАОН. Серия книг

© Дейч Т.Л., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Китайско-африканское дружеское сотрудничество в новую эру» включает доклады (один ключевой и восемь дополнительных), озвученные на заседаниях форума «мозговых центров», где стороны обмениваются мнениями по проблемам Африки и вопросам китайско-африканского сотрудничества.

Ключевой доклад «Новая эра в китайско-африканском дружеском сотрудничестве: новые достижения, новые возможности, новое видение» [Li, Wu, Zhang 2018] суммирует достижения Китая и Африки с момента XIX съезда КПК в 2017 г., ставшие результатом совместных усилий в сферах политики, экономики, торговли, гуманитарного сотрудничества, вопросах мира и безопасности. В докладе также дана оценка перспектив сотрудничества Китая и Африки и расширения сфер их взаимодействия. В докладах, содержащихся в других книгах, рассматриваются достижения и проблемы китайско-африканского сотрудничества в отдельных областях. Как пишет в предисловии вице-президент КАОН Цай Фан, книги были подготовлены к печати за короткий срок — пять месяцев, поэтому некоторые вопросы освещены в них кратко или оставлены без внимания.

«Дружеское сотрудничество между Китаем и Кенией» [Li, Deng, Zhang 2018] — это единственная книга, посвященная двусторонним отношениям Китая с африканской страной. В дальнейшем, как сказано в предисловии, предполагается опубликовать 5—10 докладов на тему сотрудничества Китая с другими африканскими странами. Авторы книги — Ли Синьфэн, заместитель директора ИЗАА КАОН, Дэн Яньтин, PhD (право), ассистент исследователя ИЗАА КАОН, и Чжан Мэнин, аспирант Департамента Западной Азии и Африки Высшей школы КАОН.

Выбор Кении в качестве объекта исследования авторы объясняют тем, что это не только страна, добившаяся выдающихся успехов в экономическом и социальном развитии, но и «двигатель» восточноафриканской интеграции. Немаловажную роль играет Кения и в сотрудничестве Китая с Африкой. В рамках ФОКАК и инициативы «Один пояс, один путь» стороны сумели наладить сотрудничество

в сферах инфраструктуры, промышленности, культурных обменов. Убедительный пример — открытие построенной Китаем по передовым технологическим стандартам железной дороги Момбаса — Найроби. В книге дан анализ достижений китайско-кенийского сотрудничества в различных областях, в частности, помощи Китая в реализации кенийской программы «Видение–2030» и «Повестки 2063» Африканского союза.

Несомненный интерес представляет книга «Китайско-африканские прямые инвестиции и сотрудничество», посвященная вопросам инвестиционного сотрудничества Китая со странами Африки [Yao 2018]. Ее автор, Яо Гуймэй, директор отдела южноафриканских исследований ИЗАА КАОН, ведущий исследователь инновационных проектов по вопросам китайско-африканского экономического сотрудничества, обращает внимание на важную роль китайских инвестиций в экономической трансформации и социальном прогрессе африканских стран. Вместе с тем он ссылается на результаты исследований, показывающих, что прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая в Африку — слабое звено в китайско-африканских торгово-экономических связях, поскольку объем их ниже объема торговли и контрактных проектов.

В рекомендациях по проблеме расширения прямых инвестиций ученый предлагает: чтобы справиться с вызовами, правительство, предприятия и институты КНР должны объединить усилия, сосредоточиться на ключевых странах и ключевых отраслях промышленности, скорректировать инвестиционные стратегии, поддержать развитие частных предприятий. При этом следует учитывать риски — политические, безопасности, национализации, международной конкуренции, чтобы защитить приток ПИИ Китая в Африку.

Проблеме, непосредственно влияющей на состояние и развитие китайско-африканских отношений, посвящена книга «Китайско-африканское сотрудничество в вопросах мира и безопасности» [Zhang, Zhang 2018]. Ее авторы — Чжан Чуньюй, PhD, ассистент исследователя Института мировой экономики и политики КАОН, специалист по морской

экономике, и Чжан Мэнин, аспирант Отдела Западной Азии и Африки Высшей школы КАОН — отмечают сложность проблемы, поскольку налицо как позитивные тенденции в вопросе конфликтов, войн и других традиционных угроз, число которых сократилось, так и негативные тренды в виде новых, еще более серьезных угроз безопасности. Эта ситуация — следствие воздействия внутренних и внешних факторов, включая трайбализм, ресурсную проблему, экономическую неразвитость, нехватку продуктов питания, слабое государственное управление, а также вмешательство внешних сил и глобализацию. Расценивая эти угрозы как препятствие деятельности Китая в Африке, ученые ратуют за укрепление китайско-африканского сотрудничества в вопросах мира и безопасности.

Важный инструмент китайской политики в Африке — «мягкая сила» — нашла отражение в книге «Китайско-африканские человеческие контакты и культурные обмены и сотрудничество» [Wu, Guo, Li 2018]. Авторы: У Чунаньхуа, PhD (право), ученый из ИЗАА КАОН, автор более 30 академических изданий, в том числе по проблемам культурного сотрудничества Китая с Африкой; Го Цзя, PhD (право), ассистент исследователя, ИЗАА КАОН, автор работ на тему человеческих и культурных обменов; Ли Юйцзе, PhD (журналистика). Авторы отмечают успешное развитие культурных обменов между Китаем и Африкой. Достигнут заметный прогресс в развитии сотрудничества в сфере кино- и телеиндустрии, в котором играют важную роль китайские культурные центры, в образовательных обменах, создании институтов Конфуция. Подготовлено большое число профессионалов в сфере культуры для стран Африки.

Вместе с тем обмены в сферах культуры и образования сталкиваются с такими проблемами, как неразвитость африканской индустрии культуры, плохие условия образования в Африке, трудности в создании культурных центров и институтов Конфуция. Есть препятствия и для развития взаимодействия в сфере медицины и здравоохранения, включенной ФОКАК в 2015 г. в число главных 10 задач

сотрудничества. Важное значение авторы придают информационным обменам. Называя СМИ «мегафоном» взаимодействия сторон, они видят их основную задачу в том, чтобы давать правдивую картину китайско-африканского сотрудничества, часто искажаемую западными изданиями.

Роль платформы в построении новых международных отношений и создании «Сообщества общего будущего человечества» должна, по мысли пекинского руководства, сыграть заявленная Си Цзиньпином в 2013 г. глобальная инициатива «Пояс — путь», ставшая темой книги «Инициатива “Пояс — путь” и китайско-африканское производительное сотрудничество» [Yang 2018]. Ян Баожун — ассоциированный директор и исследователь ИЗАА КАОН, автор свыше 30 публикаций по проблемам Африки и китайско-африканских отношений.

В данном томе рассмотрены вопросы сотрудничества Китая с Африкой в рамках проекта в сельскохозяйственной сфере и индустриализации континента; связь инициативы «Пояс — Путь» с сотрудничеством сторон в горнодобывающей промышленности; роль проекта в развитии африканской инфраструктуры. Книга преследует цель показать, какие отрасли африканской экономики получают ускоренное развитие и какие преимущества от присоединения к китайскому проекту получают африканские страны, которым Запад предсказывает «долговую ловушку» [Zhang, Li, Li 2019].

За годы сотрудничества с Африкой Китаю не раз приходилось слышать критику в адрес своих компаний по поводу нарушений ими прав африканцев. Это побудило китайские компании взять на вооружение концепцию корпоративной социальной ответственности. В последние годы с ростом числа китайских предприятий в странах Африки этот лозунг и практика его реализации приобрели растущий вес в политике Пекина. Об этом свидетельствует и публикация в рамках серии книги, посвященной социальной ответственности китайских предприятий в Африке [Li, Lian, Zhong, Meng 2018]. Авторы книги —

Ли Синьфэн, заместитель директора и исследователь ИЗАА КАОН; Лян Минсян, старший инженер и заместитель директора Отдела международных связей Китайской нефтехимической корпорации (группа «Синопек»); Чжун Хунью, директор Корпорации социальной ответственности (CSR) Исследовательского центра КАОН; Мэн Цзинь, ассистент-исследователь ИЗАА КАОН, доктор политических наук.

В книге представлена деятельность в Африке китайских компаний, реализующих на практике концепцию корпоративной социальной ответственности, используя широкую сеть каналов, методов и платформ, передавая африканцам новые технологии, осуществляя программы подготовки специалистов и налаживая взаимовыгодное сотрудничество.

Китайское руководство, развивая отношения с Африкой, всегда ссылалось на давние связи с континентом. Напоминание об этих связях обретает особую актуальность в связи с реализуемым Пекином проектом «Пояс — путь», а потому не удивляет появление в серии публикаций на тему современной политики Пекина в Африке книги «Путешествия Чжэн Хэ в Африку и Морской шелковый путь XXI века» [Li, Zheng 2018]. Авторы доклада — Ли Сифэн, о котором говорилось выше, и

Чжень Ицзюнь, исследователь из Института океанологии Китайской академии наук.

Содержащийся в книге доклад посвящен путешествиям китайского мореплавателя Чжэн Хэ, возглавившего 7 плаваний китайского флота в Юго-Восточную Азию и Индийский океан в 1405—1433 гг. во времена правления императоров Чжу Ди и Чжу Чжанынцзи из династии Мин. Как отмечают авторы, эти путешествия символизируют первый период древнего китайского Морского шелкового пути, опыт которого имеет особую ценность при строительстве Морского шелкового пути XXI в.

Книги, подготовленные Национальным «мозговым» центром Китая, достаточно полно отражают состояние и перспективы экономического, политического и культурного сотрудничества Китая со странами Африки. Вместе с тем стоило бы включить в серию доклады, посвященные особенностям торговых связей Африки с ее главным партнером — Китаем — и вопросам помощи Китая Африке. Полезной была бы публикация доклада на тему Форума китайско-африканского сотрудничества 2018 г., принятых им решений и их выполнения. И наконец, можно приветствовать стремление составителей серии продолжить публикации о сотрудничестве Китая с отдельными странами Африки.

Поступила в редакцию / Received: 10.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 25.01.2020

Библиографический список

- Li X., Deng Y., Zhang M.* Friendly Cooperation between China and Kenya. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.
- Li X., Lian M., Zhong, H., Meng J.* Social Responsibility Report of Chinese Enterprises in Africa. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.
- Li X., Wu C., Zhang C.* A New Era in China — Africa Friendly Cooperation: New Achievements, New Opportunities, New Vision. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.
- Li X., Zheng Y.* Zheng He's Voyages to Africa and the 21st Century Maritime Silk Road. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.
- Wu Ch., Guo J., Li Y.* China — Africa People-to-People and Cultural Exchanges and Cooperation. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.
- Yang B.* The Belt and Road Initiative and China-Africa Production Capacity Cooperation. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.
- Yao G.* China — Africa Direct Investment and Cooperation. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.
- Zhang C., Li X., Li R.* The Evaluation of the Debt Risk of African Countries. Beijing: China Social Sciences Press, 2019.
- Zhang Ch., Zhang M.* China — Africa Cooperation in the Peace and Security Issue. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.

References

- Li, X. & Zheng, Y. (2018). *Zheng He's Voyages to Africa and the 21st Century Maritime Silk Road*. Beijing: China Social Sciences Press.
- Li, X., Deng, Y. & Zhang, M. (2018). *Friendly Cooperation between China and Kenya*. Beijing: China Social Sciences Press.
- Li, X., Lian, M., Zhong, H. & Meng, J. (2018). *Social Responsibility Report of Chinese Enterprises in Africa*. Beijing: China Social Sciences Press.
- Li, X., Wu, C. & Zhang, C. (2018). *A New Era in China — Africa Friendly Cooperation: New Achievements, New Opportunities, New Vision*. Beijing: China Social Sciences Press, 2018.
- Wu, Ch., Guo, J. & Li, Y. (2018). *China — Africa People-to-People and Cultural Exchanges and Cooperation*. Beijing: China Social Sciences Press.
- Yang, B. (2018). *The Belt and Road Initiative and China — Africa Production Capacity Cooperation*. Beijing: China Social Sciences Press.
- Yao, G. (2018). *China — Africa Direct Investment and Cooperation*. Beijing: China Social Sciences Press.
- Zhang, C., Li, X. & Li, R. (2019). *The Evaluation of the Debt Risk of African Countries*. Beijing: China Social Sciences Press.
- Zhang, Ch. & Zhang, M. (2018). *China — Africa Cooperation in the Peace and Security Issue*. Beijing: China Social Sciences Press.

Сведения об авторе: Дейч Татьяна Лазаревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки Российской академии наук (e-mail: tdeich@yandex.ru).

About the author: Deych Tatiana Lazarevna — PhD, Dr. of Sc. (History), Leading Researcher, Centre for the Studies of Russia — Africa Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: tdeich@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-237-240

Рецензия

**From Divided Pasts to Cohesive Futures. Reflections on Africa /
Ed. by H. Hino, A. Langer, J. Lonsdale, F. Stewart.
Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 447 p.**

А.А. Забелла

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Забелла А.А. Рецензия: From Divided Pasts to Cohesive Futures. Reflections on Africa / Ed. by H. Hino, A. Langer, J. Lonsdale, F. Stewart. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 447 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 237—240. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-237-240

Book review

**Hino, H., Langer, A., Lonsdale, J. & Stewart, F. (Eds.). (2019).
From Divided Pasts to Cohesive Futures. Reflections on Africa.
Cambridge: Cambridge University Press, 447 p.**

A.A. Zabella

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Zabella, A.A. (2020). Book review: Hino, H., Langer, A., Lonsdale, J. & Stewart, F. (Eds.). (2019). From Divided Pasts to Cohesive Futures. Reflections on Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 447 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 237—240. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-237-240

Монография представляет собой итоги работы Исследовательского института Японского Агентства международного сотрудничества (JICA-RI), который занимается проблематикой международной помощи. Данный труд был опубликован в рамках проекта «Этническое разнообразие и экономическая нестабильность в Африке», реализованного в сотрудничестве с Научно-исследовательским институтом экономики и делового администрирования Университета Кобе и возглавляемого Хироюки Хино — бывшим специальным сотрудником JICA-RI. В экспертную группу вошли также профессор Нобуаки Хамагути из Университета Кобе и профессор Мотоки Такахашаи (член

редколлегии нашего журнала. — *Прим. ред.*) из Университета Киото. Они были основными членами команды, которая состояла из историков, антропологов, экономистов и политологов из Африки, Японии, Северной Америки и Европы. Эта книга является продолжением двух предыдущих публикаций [Ethnic Diversity... 2012; How Can Africa... 2013].

Авторы рецензируемой монографии полагают, что социальная сплоченность многонациональных государств является глобальной проблемой и страны Африки не исключение. Эксперты убеждены, что миру есть чему поучиться у африканских государств.

© Забелла А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Концептуальная база исследования основывается на треугольнике социальной сплоченности: идентичности, неравенстве и доверии. Доверие к одним и тем же общим государственным институтам вполне может породить чувство идентичности, равенства граждан при беспристрастном законе, что создаст социальную сплоченность.

Книга состоит из трех частей, первая из которых посвящена анализу внутривластных, социальных и этнических вопросов в Кении, Нигерии, Танзании, Южной Африке. По мнению авторов, колониальные правители в лице британцев повлияли на развитие триады в Кении, а решение всех противоречий может быть достигнуто только самими африканцами [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 34]. В книге большое внимание уделяется социальным процессам, повлиявшим на развитие общества, современным проблемам и вызовам, стоящим перед Кенией. Представлен анализ процесса выборов в Нигерии, а также его влияние на внутривластное и социальное положение в стране.

Выявлено семь причин этнического и политического раскола в Нигерии [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 72], первые три из которых являются более значимыми: раскол между Севером и Югом страны, между тремя основными этническими группами, а также между большинством и меньшинством [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 72—73]. Религия оказала влияние и на разрыв в уровне образования между мусульманским Севером и христианским Югом Нигерии, который развивался в русле европейской культуры в колониальный период.

Танзания рассматривается авторами в качестве успешного примера достижения социальной сплоченности в тандеме с государственностью. Вопрос социальной принадлежности в стране отделен от политического и экономического прогресса [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 99]. Ученые приходят к выводу, что отсутствие доминирующей группы является важным фактором социальной стабильности Танзании. Ими также подчеркивается грамотность и продуманность

политики в отношении национального строительства [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 105].

В работе обращается особое внимание на историческое наследие государства, которое оказало сильное влияние на современную внутривластную ситуацию в Южной Африке. Большая часть южноафриканцев, по мнению авторов, рассматривает расу и язык в качестве первостепенных критериев социальной идентичности [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 126]. Авторы подчеркивают, что Южной Африке необходимо еще преодолеть долгий путь для достижения «национального объединения в разнообразии» [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 154].

В заключительной главе первой части книги представлены пять областей развития социальной стабильности и равенства: 1) демократические институты и процессы; 2) конституции и передаваемые формы управления; 3) этническая принадлежность, гражданство и национальное единство; 4) земельный участок и групповая территория; 5) освоение ресурсов и иностранные инвестиции [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 169]. Достижение роста при равенстве и сплоченности является универсальной проблемой не только для стран Африки, поэтому не следует интерпретировать Африку в качестве гетто, где не удастся достичь развития и социальной сплоченности [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 184].

Вторая часть состоит из семи глав, где рассматриваются политические идеи и предложения для учреждений, которые призваны способствовать социальной сплоченности. В то же время авторы подчеркивают сложность реализации таких задач ввиду политических интересов должностных лиц, чья власть построена на разобщенности. Представлен анализ вертикального (между индивидами) и горизонтального неравенства (между социальными группами, например, этническими и религиозными). Существование горизонтального неравенства не является очевидным препятствием для роста, если только оно не приводит к конфликту.

В работе проведен анализ вертикальной и горизонтальной децентрализации. Унитарное государство с относительно небольшим количеством децентрализованных уровней и активным демократическим гражданским обществом дало бы лучший общий результат [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 242]. Авторами представлен анализ земельной реформы, которая становится все более осложненной из-за интереса иностранных компаний и финансовых институтов к инвестированию в африканские земли. Эти вопросы могут быть разрешены путем поддержки бедного населения, рассмотрения вопросов без опоры на этническую принадлежность и привилегии.

По мнению авторов, образование является и целью, и инструментом развития. Образование способно сократить вертикальное и горизонтальное неравенство. Возрастает необходимость защиты сферы образования от политического фаворитизма, который только разделяет общество и оказывает негативное влияние на социальную сплоченность населения. Исследователи также убеждены в необходимости создания равных возможностей для представителей всех этносов в целях повышения социальной сплоченности. Они выделяют три части образования: 1) межкультурное образование; 2) межкультурное гражданство; 3) образование для мира. Утверждается, что образование двулико и может как способствовать созданию поляризации и разобщить общество, так и создать социальную сплоченность [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 323].

Также определены три измерения социальной сплоченности: 1) степень воспринимаемых горизонтальных и вертикальных неравенств; 2) уровень доверия людей в целом и по отношению к другим группам и государству в частности; 3) чувство национальной принадлежности людей [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 325]. Представлен анализ особенностей развития Кейптауна, Шестого округа, деятельности музея Шестого округа. Две задачи, которые необходимо решать в Африке, — это характер

административно-территориальных делений и политических округов, а также избирательные и партийные правила [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 384].

Третья часть содержит заключение и рекомендации и включает в себя две главы. Центр развития, по мнению авторов, сместился с этнических сообществ на гетерогенные сообщества с конкретными потребностями и растущим голосом: сельские и городские бедные, женщины и молодежь. Поставщик общественных благ — как материальных, так и символических — перешел от государства к широкому кругу негосударственных организаций, включая африканскую диаспору [From Divided Pasts to Cohesive Futures... 2019: 415]. Авторы считают, что сила Африки заключается в ее разнообразии, а для экономического и социального развития наиболее важно использовать подход «снизу вверх». В этих условиях политика, направленная на то, чтобы помочь создать доверие, обеспечить большее равенство и чувство национальной идентичности, станет более осуществимой по мере роста мегагородов.

Таким образом, рецензируемая книга отличается доступностью изложения изучаемой проблематики. Авторы апеллируют к широкому кругу источников. Вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание на некоторых спорных моментах, присущих рецензируемой работе, но несколько не умаляющих ее научной ценности. Во-первых, ввиду того, что большой акцент сделан на внутривнутриполитической и социальной ситуации в Кении, без внимания остается ситуация в ряде других государств Африки южнее Сахары. Во-вторых, авторы выявляют последствия колониальной политики, а также влияние современного политического курса ряда западных государств в отношении стран Африки для создания социальной сплоченности, однако о Китае сказано лишь в контексте аграрной политики. Анализ места и роли новых игроков, и в первую очередь Китая, на формирование социальной сплоченности в африканском обществе представляется крайне актуальным.

Поступила в редакцию / Received: 18.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 01.02.2020

Библиографический список

- Ethnic Diversity and Economic Instability in Africa: Interdisciplinary Perspectives* / Ed. by H. Hino, J. Lonsdale, G. Ranis, F. Stewart. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. DOI: 10.1017/CBO9781139198998
- From Divided Pasts to Cohesive Futures. Reflections on Africa* / Ed. by H. Hino, A. Langer, J. Lonsdale, F. Stewart. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. <https://doi.org/10.1017/9781108645195>
- How Can Africa Flourish with Ethnic Diversity?* Synopsis of the Fifth Kobe University / JICA Conference on Ethnic Diversity and Economic Instability in Africa / Ed. by H. Hino, J. Lonsdale, T.St. John. Kobe: Kobe University, 2013.

References

- Hino, H., Langer, A., Lonsdale, J. & Stewart, F. (Eds.). (2019). *From Divided Pasts to Cohesive Futures. Reflections on Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108645195
- Hino, H., Lonsdale, J. & John, T.St. (Eds.). (2013). *How Can Africa Flourish with Ethnic Diversity?* Synopsis of the Fifth Kobe University / JICA Conference on Ethnic Diversity and Economic Instability in Africa. Kobe: Kobe University.
- Hino, H., Lonsdale, J., Ranis, G. & Stewart, F. (Eds.). (2012). *Ethnic Diversity and Economic Instability in Africa: Interdisciplinary Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139198998

Сведения об авторе: Забелла Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, ассистент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (e-mail: zabella-aa@rudn.ru).

About the author: *Zabella Anastasia Aleksandrovna* — PhD in History, Assistant, the Department of Theory and History of International Relations, Assistant, the Department of Foreign Languages, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia) (e-mail: zabella-aa@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-241-244

Рецензия

Gupta P. Portuguese Decolonization in the Indian Ocean World. History and Ethnography. London: Bloomsbury Academic, 2019. 160 p.

Е.С. Соболева

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Для цитирования: Соболева Е.С. Рецензия: Gupta P. Portuguese Decolonization in the Indian Ocean World. History and Ethnography. London: Bloomsbury Academic, 2019. 160 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 241—244. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-241-244

Book review

Gupta, P. (2019). Portuguese Decolonization in the Indian Ocean World. History and Ethnography. London: Bloomsbury Academic, 160 p.

E.S. Soboleva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
RAS, St. Petersburg, Russian Federation

For citation: Soboleva, E.S. (2020). Book review: Gupta, P. (2019). Portuguese Decolonization in the Indian Ocean World. History and Ethnography. London: Bloomsbury Academic, 160 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 241—244. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-241-244

События, к анализу которых обратилась гоанская исследовательница Памила Гупта, разворачивались на широком географическом пространстве Индийского океана и охватывали как районы бывшей Португальской Африки, так и Португальскую Азию и материковую Португалию. Автор поставила перед собой амбициозную задачу — показать сложность и комплексность процессов деколонизации, протекавших в указанном регионе во второй половине XX в., и переосмыслить состояние постколониальности, резко изменившей способ существования множества людей не по их собственному выбору.

Сделать это по истечении десятилетий оказалось не так просто. В 1960–1970-е гг. имели место передача государственной власти, массовое перемещение людей, идей и вещей через обширные водные пространства и земли, осуществленное в краткие сроки, возникновение диаспор. В 2005—2017 гг. автор проводила полевые этнографические и этносоциологические исследования во многих районах Южной Африки. Беседы в Индии (Гоа), Намибии и ЮАР с гоанцами-иммигрантами из Мозамбика и Анголы позволяют лучше понять историю и особенности этнографии населения бассейна Индийского океана в

© Соболева Е.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

этот сложный исторический период. Воспоминания романистки Миа Коуто о мозамбикском обществе и свидетельство польского журналиста Рышарда Капуцинского о ситуации в Луанде в последние дни колониализма сопоставляются с рассказами информантов.

Автор рассматривает Южную Африку с точки зрения глобальной региональной перспективы, пересекая национальные границы и физически, и эмоционально. Приводятся факты, позволяющие лучше прочувствовать материальность деколонизации в регионе, ощутить последствия. Книга разделена на семь глав, каждая из которых посвящена отдельному аспекту темы, иллюстрирована историческими фотографиями Рикардо Рангела, сделанными им в Мозамбике в 1961—1975 гг., и картой [Gupta 2019].

Территории, находящиеся в фокусе исследования, вполне соответствуют традиционной португальской историографии. В границы созданного в 1505 г. Португальского Государства Индия (*Estado da Índia*) включались обширные пространства от Восточной Африки до Дальнего Востока, куда добрались португальские мореплаватели (*Carreira da Índia*). Центром Португальского Государства Индия стал Кочин, с 1534 г. — Гоа. Постоянное перемещение чиновников, военных, миссионеров, сопровождавших их лиц самого разного этнического происхождения привело к значительным изменениям в системе мировой торговли между Старым и Новым Светом, направлениях торговых маршрутов, составе товаров. Появились новые порты и крепости, многие старые населенные пункты были заброшены. Новые виды животных и растений ввозились в Европу, Азию, Африку, Америку. Подверглись изменению многие бытовые привычки.

Необходимо отметить, что воздействие португальской культуры в разных ее аспектах ощущалось даже в таких местах, где не происходило завоевания, а торговля с португальцами была не очень развита (Индокитай, Ява и др.). Варианты этого процесса были очень разнообразны, и их внимательное изучение, несомненно, принесло и приносит пользу для уточнения многих важных моментов истории португальской колониальной империи. Речь идет

не только о влиянии, но и о взаимовлиянии. Обе стороны, вступившие во взаимодействие, не только оказывали влияние, но и подвергались ему сами.

Роль Гоа в индо-португальских отношениях определяется не только тем фактом, что он был центром экспансии. Это была своего рода лаборатория, в которой отрабатывалась методика взаимодействия культур. Многие результаты этого процесса впоследствии отразились на территориях, расположенных за пределами Европы и Португальской Азии, в частности в португальских колониях в Восточной Африке.

Португальский Мозамбик находился под косвенным управлением из Гоа вплоть до середины XVIII в. Гоанцы начали переселяться в Мозамбик уже в середине XVI в., а в XVIII в. во многом заменили там португальцев, предпочитавших уезжать в Бразилию, и обладали в Мозамбике значительными правами и преимуществами. Португалия в значительной степени опиралась на подобные группы эмигрантов. Это явление социолог Б. ди Соуза Сантуш предложил обозначить термином «детерриториализированный постколониализм» [Santos de Sousa 2002: 37].

Чувства и ощущения разных категорий людей, вовлеченных в сферу португальской колонизации и деколонизации, П. Гупта попыталась отразить в своей книге. Она делает упор на то, что приставка «де-» является частью слова, означающей отрицательное действие. Материальность же процесса деколонизации в исторической литературе обычно игнорировалась. Но если для Гоа деколонизация была неожиданной и драматичной и происходила в течение нескольких недель 1961 г., то для Мозамбика и Анголы она растянулась на шесть месяцев 1975 г.

Первая глава посвящена теории и осмыслению проблем и последствий деколонизации. 25 апреля 1974 г. в Португалии произошла «Революция гвоздик», в результате которой все колонии Португалии получили независимость.

Во второй главе рассматриваются условия, в которых происходила деколонизация Португальской Индии (Гоа) и «третьей

империи» Португалии (Мозамбик, Ангола) во взаимосвязи, с учетом исторических особенностей каждого случая, внутренних и внешних факторов в их переплетении.

Ход эмиграции гоанцев в Африку и из Африки в XX в. рассмотрен в третьей главе. В конце XIX в. значительные по численности группы переселенцев осели в Мозамбике — в порту Бейра, в центральной провинции Иньямбане и в столице г. Лоренсу-Маркише.

В четвертую главу включено исследование небольшой общины гоанских рыбаков, проживающей в заливе Катембе, описаны некоторые их ритуалы (праздник рыбаков в день св. Петра превратился в день памяти предков, пересекших океан).

В пятой главе описывается эвакуация португальцев и отъезд гоанцев из Мозамбика. Мозамбикский и ангольский процессы деколонизации происходили с интервалом в шесть месяцев и были напрямую связаны с тем, что происходило в Лиссабоне. Чтобы вывести людей и их имущество, использовались корабли, караваны, машины и самолеты. Было эвакуировано более 70 тыс. португальских солдат. Почти 450 тыс. португальцев в течение шести месяцев покинули Мозамбик, оставив свои дома, из Анголы около 350 тыс. португальцев были вывезены в течение нескольких недель в ноябре 1975 г. В метрополии их называли *retornados* (возвратившиеся) и рассматривали как граждан второго сорта.

Болезненный процесс лишения собственности как последствие деколонизация затронул и португальцев, и гоанцев, перебивавшихся в Намибию и в ЮАР. Тема лишения прав собственности рассматривается в главе 5 «Уничтожение вещей» и в главе 6 «Переезд из Анголы в Южную Африку».

Однако деколонизация стимулирует инновационные постколониальные процессы. Обновление городских инфраструктур рассматривается в главе 7 «Ремонт в Бейре». Тем самым автор заканчивает свое исследование на позитивной ноте надежды.

Выявленный автором двойной процесс деколонизации обусловлен тем, что гоанцы попали в непредсказуемые судьбоносные процессы: из Индии в 1961 г. они ехали в Восточную Африку в поисках привычного способа существования, а в 1975 г. им вновь пришлось искать новое место жительства. Однократно и повторно пережитые процессы деколонизации стали травматичны для этнических меньшинств, зажатых между матрицами новой и старой силы. Как они это ощущали в историческом и этнографическом отношении, показано в главах 3, 4 и 6 на примере гоанских и португальских меньшинств. Национальная психологическая травма их ухода из Африки ярче всего выражается в дискурсе о вещах: персонализированная память, ностальгия и тоска по былому часто порождает связь материальных объектов с политикой, романтизируя португальский колониализм. Однако постнациональные истории и этнография данных районов требуют особого изучения.

Исследование Памилы Гупта наглядно демонстрирует, что метрополию и бывшие колонии продолжают объединять разные виды связей, что деколонизация становится стимулом для мобильности во многих смыслах и направлениях, что миграция (гоанцев в Мозамбик, мозамбикцев в Португалию, Гоа и Южную Африку, ангольцев в Южную Африку и т.д.) способствует образованию диаспоры, которая в наши дни существует в разных странах мира. Автор намечены возможные направления дальнейшего изучения темы: этапы мужской и женской миграции из Гоа в Африку, место гоанцев в португальском колониальном порядке, интеграция мигрантов из Португальской Африки в южноафриканское общество в условиях апартеида, формы маргинализации, формирование диаспор с множественными и многоуровневыми идентичностями и т. д.

Португальскую деколонизацию в «Мире Индийского Океана» П. Гупта аргументированно расценивает как способ соединения Индии и Южной Африки.

Поступила в редакцию / Received: 17.01.2020
Принята к публикации / Accepted: 05.02.2020

Библиографический список

- Gupta P. Portuguese Decolonization in the Indian Ocean World. History and Ethnography. London: Bloomsbury Academic, 2019.
- Santos de Sousa B. Between Prospero and Caliban: Colonialism, Postcolonialism, and Inter-Identity // Luso-Brazilian Review. 2002. No. 2. P. 9—43.

References

- Gupta, P. (2019). *Portuguese Decolonization in the Indian Ocean World. History and Ethnography*. London: Bloomsbury Academic.
- Santos de Sousa, B. (2002). Between Prospero and Caliban: Colonialism, Postcolonialism, and Inter-Identity. *Luso-Brazilian Review*, 2, 9—43.

Сведения об авторе: Соболева Елена Станиславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (e-mail: soboleva@kustkamera.ru).

About the author: Soboleva Elena Stanislavovna — PhD in History, Senior Research Fellow, the Department of South and South-East Asia, Peter the Great Museums of Anthropology and Ethnography (Kustkamera), Russian Academy of Sciences (e-mail: soboleva@kustkamera.ru)

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-245-248

Рецензия

The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History / Ed. by M.S. Shanguhya, T. Falola. Palgrave Macmillan, 2018. 1362 p.

О.С. Кулькова

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: *Кулькова О.С.* Рецензия: The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History / Ed. by M.S. Shanguhya, T. Falola. Palgrave Macmillan, 2018. 1362 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 245—248. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-245-248

Book review

Shanguhya, M.S. & Falola, T. (Eds.). (2018). The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History. Palgrave Macmillan, 1362 p.

O.S. Kulkova

Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

For citation: Kulkova, O.S. (2020). Book review: Shanguhya, M.S. & Falola, T. (Eds.). (2018). The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History. Palgrave Macmillan, 1362 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 245—248. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-245-248

В Российской Федерации сегодня интерес к Африканскому континенту находится на подъеме. Минувший год стал «звездным» для африканской политики нашей страны и увенчался масштабным саммитом «Россия — Африка», первым за всю историю отношений.

Перед нашей страной стоит задача подготовки новых кадров специалистов по взаимодействию с Африкой — политологов, историков, антропологов, лингвистов, культурологов, экономистов. Впереди — углубление политических, экономических и культурных связей России с африканскими странами.

В этой связи ознакомление с африканской историей, в том числе и постколониальной, новейшей, творящейся буквально на наших

глазах, концептуальное постижение и философское осмысление африканских реалий и трендов представляются как нельзя более актуальными.

Рассматриваемый в настоящей рецензии труд носит характер достаточно глубокого справочного издания, дающего представление о протяженном и турбулентном периоде новейшей истории Африки. Важно то, что не менее половины авторов, подготовивших материалы для книги, являются африканцами или представителями африканской диаспоры, проживающей по всему миру. Один из редакторов книги — известнейший африканский ученый нигерийского происхождения профессор Тойин Фалола, принадлежащий к той плеяде

© Кулькова О.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

влиятельных представителей академии, кто помогал определить образ независимой Африки и активно содействовал деколонизации представлений о ней. Все это закономерным образом обеспечивает глубину охвата и анализа проблем и достоверность многих выводов издания. К тому же благодаря умелому подбору авторов монография помогает увидеть подлинно африканский взгляд на события истории континента в XX—XXI вв.

Книга логичным образом разделена на две большие части — «Колониальная история» и «Постколониальная история». В ней содержится одна вводная, первая глава, далее каждый раздел содержит 25 и 26 глав соответственно, посвященных отдельно вопросу в рамках общей темы.

Поскольку охарактеризовать — пусть даже кратко — содержание абсолютно каждой из глав представляется невозможным в силу формата рецензии, позволим себе дать общие впечатления и замечания по двум частям подробнейшей коллективной монографии.

На наш взгляд, работа содержит самые актуальные и нетривиальные подходы к рассмотрению колониальной истории. Так, например, первый раздел открывается главой о том, как колонизация Африки повлияла на восприятие африканцами природы и окружающей среды континента, на формирование понятий об окружающем мире, и как всё это отразилось на взаимодействии человека и природы [The Palgrave Handbook... 2018: 43—80].

Подробно исследованы различные модели отношений между африканцами и колониальными администрациями, а также роль африканцев в экономической жизни колоний. Интересно, что при этом роли женщин в колониальных экономиках посвящена отдельная глава, а также в специальной главе рассмотрено положение африканок при колониализме в целом.

Большое внимание уделено вопросам культуры — африканской литературе и искусству колониального периода, тому, как они отражали африканские идентичности своего времени, а также тому, какие именно виды воздействий оказал колониализм на африканскую культуру в целом (суммарно данным темам посвящены три главы).

Не обойдена вниманием и «молодежная тема» — в одной из глав раскрывается, как проходило детство африканцев при колониализме, в другой — какова была роль молодежи и популярной культуры в колониальную эпоху, еще одна посвящена устройству систем образования в Африке при колониализме.

Представлена тема здоровья и организации здравоохранения на континенте при колониализме. Отчасти перекликается с данной главой и та, в которой рассматривается христианская евангелизация в Африке. В ней речь идет не только о феномене миссионерства, но и о том, что западные стратегии христианизации опирались во многом на создание и поддержание в Африке учреждений, направленных на обеспечение социального благополучия — таких, как школы, больницы, сиротские приюты и т.д.

Есть так называемые «проблемные главы» — например, рассматривающие феномен рабства в Африке в колониальный период и позднее, вопрос соотносительности урбанизации и колониализма на континенте, миграционные процессы при колониализме, диалектику колониализма и развития, взаимодействие международного права, колониализма и положения африканцев.

Важно, что коллективная монография рассматривает вовлеченность Африки в знаковые события мировой истории, такие, например, как Первая и Вторая мировые войны [The Palgrave Handbook... 2018: 339—372]. В отечественной историографии этим аспектам посвящено не столь много работ, хотя именно участие африканцев в сражениях на театрах двух мировых войн послужило росту их самосознания и стало почвой для последующих антиколониальных выступлений. Однако были события и собственно африканской военной истории, которые питали антиколониальные настроения как на континенте, так и в диаспоре, причем много десятилетий спустя — это, например, сражение при Адуа (город в Эфиопии), решающая битва Итало-эфиопской войны 1895—1896 гг., в которой итальянцы потерпели поражение и вынуждены были признать независимость Эфиопии. Рассмотрению символического значения данного события и его влияния на рост африканского

национализма и антиколониализма посвящена одна из глав раздела.

Интересен анализ преимущественно экономической природы отношений между странами Запада и Африкой в колониальный период и того, какие разноплановые последствия это повлекло, собственно, для народов континента.

Раздел также содержит интересный анализ организации систем управления, экономической деятельности и общественной жизни в пределах португальской империи в Африке в 1900—1975 гг.

Первый раздел закономерно завершают главы, посвященные зарождению африканского национализма, становлению африканских интеллектуалов и обзору историй деколонизации.

Во втором разделе книги изучается становление собственно африканской политики в государствах, обретших независимость, и роль континента в сложной мировой системе эпохи холодной войны.

Кроме того, в разделе даются интересные интерпретации менявшихся отношений Африки и Запада (как коллективного, так и индивидуального — в лице Франции, которой уделено особое внимание в двух главах, и США — не бывших колониальной державой, но обративших особое внимание на континент именно в эпоху деколонизации). Проводится анализ становления китайско-африканских отношений. Разбираются особенности взаимодействия Африки с глобальными финансовыми институтами.

Как важный кейс рассматривается Южно-Африканская Республика (ЮАР): история возникновения режима апартеида, просуществовавшего около 50 лет, борьбы африканцев с ним и преодоления его непростого наследия в современной жизни ЮАР.

Часть тем глав второго раздела органично перекликается с темами глав первого — вновь рассматривается положение африканских женщин, молодежи, вопросы образования, дилеммы развития, но уже на новом, постколониальном, витке истории.

Большее внимание уделено расцветшей после деколонизации африканской культуре и развившемуся общественному, креативному пространству в жизни стран континента. Анализируются явление «африканского романа», вопросы сохранения культурного наследия и миссия музеев, а также роль музыки, рост численности и общественной роли африканских СМИ, значимость спорта. Рассматривается также «деколонизация» духовной и религиозной жизни африканцев, переосмысление христианского наследия, привнесенного колонизаторами.

Значимым акцентом становится глава, посвященная роли ислама в жизни стран постколониальной субсахарской Африки. Нетривиальные идеи предлагаются к осмыслению в главе, посвященной теме «африканских сексуальностей» в постколониальную эпоху.

Тематический блок составляют главы, посвященные роли африканской диаспоры во взаимодействии со странами своего происхождения в период постколониальной истории, в том числе рассматривается кейс африканской диаспоры США.

Ценность рецензируемой работы заключается в том, что она демонстрирует полифонию тем, определяющих прошлое и настоящее Африканского континента, достаточно глубоко и вместе с тем емко раскрывает многие из них. В ней есть что почерпнуть и искушенному знатоку Африки, и читателю, только приступающему к постижению африканской тематики. Безусловно, монография будет полезна и отечественным ученым, и практическим деятелям, связанным с реализацией российских инициатив в Африке, с поправкой на то, что все же книга в основном подготовлена в соответствии с парадигмами западной исследовательской школы.

Издание предлагает богатую фактологию, но все же, наверное, не со всеми выводами можно полностью согласиться. Таким образом, материал книги приглашает к размышлениям и дискуссии, к выработке собственной точки зрения по затрагиваемым проблемам.

Поступила в редакцию / Received: 08.02.2020
Принята к публикации / Accepted: 19.02.2020

Библиографический список

The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History / Ed. by M.S. Shanguhya, T. Falola. Palgrave Macmillan, 2018.

References

Shanguhya, M.S. & Falola, T. (Eds.). (2018). *The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History*. Palgrave Macmillan, 2018.

Сведения об авторе: *Кулькова Ольга Сергеевна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки Российской академии наук (e-mail: kulkova-olga@yandex.ru).

About the author: *Kulkova Olga Sergeyevna* — PhD in History, Senior Research Fellow, the Centre for Studies of Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, Institute for African Studies, the Russian Academy of Sciences (e-mail: kulkova olga@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-249-252

Book review

De Oliveira, J.S.C. (2020). Postcolonial Maghreb and the Limits of IR. Palgrave Macmillan, 230 p.

M. Mousli

Mission of the League of Arab States, Moscow, Russian Federation

For citation: Mousli, M. (2020). Book review: De Oliveira, J.S.C. (2020). Postcolonial Maghreb and the Limits of IR. Palgrave Macmillan, 230 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 249—252. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-249-252

Рецензия

De Oliveira J.S.C. Postcolonial Maghreb and the Limits of IR. Palgrave Macmillan, 2020. 230 p.

М. Мусли

Миссия Лиги арабских государств, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Mousli M. Рецензия: De Oliveira J.S.C. Postcolonial Maghreb and the Limits of IR. Palgrave Macmillan, 2020. 230 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 249—252. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-249-252

Postcolonial International Relations scholarship criticizes the status quo and colonial character of conventional international relations (IR) with its theories and approaches made by the West as eternal battle between realists and liberals which are symptomatically “outworldly” [De Oliveira 2020]. It calls to re-imagine IR as a site of “heterology” and as an encounter with difference [Inayatullah, Blaney 2004]. Postcolonialism argues that the disciplinary borders of IR can be conceived only as functions of scholarly imagination and argumentation but also of the webs of power relationships marking such endeavors, defending the need to open up the space of this discipline for a variety and complex views. For this regard, postcolonial IR proposes a “worldlier” perspective on IR and de-centering

this discipline from Eurocentric worldviews by alternative ways of thinking, (re-)imagining, writing and talking about the world, in other words alternative lenses to view IR based on non-Western individual voices, imaginaries, experiences, literary texts in particular and narrative in General.

The reviewed book by Jessica da Silva C. de Oliveira is one of the important works that contributes to enrich postcolonialism in IR field. Its central goal is to amplify the understanding of IR as heterology through recourse to narratives (“Narrative IR”) from specific spatiotemporal context but which could possibly and broadly speak with other spatiotemporal contexts in meaningful ways. Besides, de Oliveira aims to start filling the gap between the world of

© Mousli M., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

conventional IR theory and the world(s) of people's everyday lives trajectories.

Based on this logic, de Oliveira explores literary texts produced in an almost entirely overlooked region in international studies “The Maghreb” in order to illustrate shortcomings of imagination in the discipline of IR and to bring an alternative view of this field. She re-situates the Maghreb in the world of international relations by paying due attention to the voices, knowledge frames, and concepts produced in the interstices of postcolonial encounters constituting that region. That is, the author focuses on the politics of narrating postcolonial Maghreb through a number of writers, including Kateb Yacine, Abdelkebir Khatibi, Fatema Mernissi and Jacques Derrida, who explicitly embraced the task of reimagining their respective societies after colonial independence and subsequent nation-building processes.

De Oliveira promotes an encounter between narratives from the Maghreb and IR and makes a case for the kinds of thinking and writing strategies that could be used to ensure a better approach to international and global studies. She highlights the stakes at play while approaching politics around the world through the postcolonial Maghrebian literature lens by inevitably struggling with the legacies of the colonialism. She builds on the works of postcolonial scholars such as Edward Said, Frantz Fanon, Homi Bhabha, Gayatri Spivak, Dipesh Chakrabarty, Albert Memmi, Paul Sheeran, Naeem Inayatullah, David Blaney, Cynthia Weber and Clifford Geertz.

The book chapters can be divided into two main groups.

The first group is mainly theoretical and methodological in nature. It includes the first three chapters that introduce the reader to understand the purpose of the general argument developed in the book that is the politics of thinking and writing in postcolonial Maghreb or re-imagination of the Maghreb by Maghrebian writers.

The first chapter “Introduction: Making the Case for Re-imagination” exposes reason for choosing this topic, frames the question of the book, paves the way for critical imagination on postcolonial Maghreb and the limits of IR.

In chapter 2 “Narrative IR, Worldly IR”, de Oliveira analyses the conceptualization of narratives as political acts and its implications. For this purpose, she addresses the ongoing debate on the subject of narrative and voice in IR to explore how the notion of narrative has been incorporated into the world of IR and how the more recent movement of Narrative IR has been particularly relevant in exposing the political aspects about writing international and global politics that academic language purports to hide. At the beginning of this chapter, the author brings up a brief discussion on some of the epistemological and methodological implications of taking the narratives seriously in the study of international and global affairs [De Oliveira 2020: 25, 26]. Then, she focuses on this recent turn to narratives in IR [De Oliveira 2020: 30]. Finally, she connects this broad map, the problematization of academic writing and the politics of representation with Edward Said's notion of the “worldliness” of the world literature [De Oliveira 2020: 42].

Chapter 3 “Postcolonial Literature and the Task of reimagining the Maghreb” introduces the reader to the world of Maghrebian postcolonial literature written in French and the main questions surrounding its development in both shores of the Mediterranean. The author contextualizes the emergence of postcolonial Franco-Maghrebian literature and the task of re-imagining the Maghreb after decolonization [De Oliveira 2020: 66] that is implicit in the works of exemplary Franco-Maghrebian writers such as Tahar Djaout, Abdelkebir Khatibi, Kateb Yacine, and Fatema Mernissi. In addition, she addresses the politics of writing in this set of writings through Edward Said's reflections on the worldliness of texts [De Oliveira 2020: 73].

The second group of chapters (from 4 to 6) is more specialized and can be described as a case study by exploration of the politics of writing in postcolonial Maghreb, with an attention to the ways that Maghrebian writers have been re-imagining and recounting the encounter with otherness in their narratives. De Olivera provides the reader with thought-provoking analysis that can be independently read as engagements with the politics of thinking and writing in postcolonial Maghreb.

Chapter 4 “History and Narration as Weapons of Decolonization: Kateb Yacine’s *Nedjma*” operates within the connection between narrative and history, truth and fiction, popular myths and collective memory, and practices of narrating postcolonial Maghreb. First, the chapter presents the Algerian writer, Kateb Yacine and his writings’ features, namely his masterpiece of Algerian modern literature *Nedjma*. In the Kateb’s own words, *Nedjma* was intended to be “a novel that would show French people, in their language, that Algeria was not French”. In addition, Kateb made an effort to rethink Algerian’s relationship to history in a time when colonial violence and uncertainty prevailed [De Oliveira 2020: 91, 92].

Next, the author presents a short overview on a classical debate in historiography addressing the question of *fact and fiction in historical narration* [De Oliveira 2020: 95]. She highlights the relation between this debate and discussion about the “*triumphalist*” discourses informing totalizing narratives on political modernity [De Oliveira 2020: 97]. Addressing this connection allows the reader to locate Kateb’s novel among those attempts at offering a counter-narrative of modernity and to examine his contributions beyond the captivity of modernity as world-framing.

Then, the author focuses on how the novel *Nedjma* has been interpreted by critics and, relatedly, on its connections with the context when Kateb Yacine first had it published, on the eve of Algerian anti-colonial war [De Oliveira 2020: 103]. As a final point, the author refers to Kateb’s narration of Algerian landscapes as a methodology for re-imagining and writing the history of postcolonial Maghreb in a way that transgresses statist borders and historical accounts centered on the modern State.

In Chapter 5 “Language and the (Im)possibility of Translation in Derrida’s *Monolingualism of the Other* and Khatibi’s *Love in Two Languages*”, the author purports to read Khatibi’s novel *Amour Bilingue* and Derrida’s *Le Monolinguisme de l’Autre: ou la prothèse d’origine* as well as the intellectual exchanges between these two Francophone Maghrebian writers, focusing on how each of them addresses *the relationship between language, translation,*

and the (im)possibilities of dialoguing with others/otherness in their theoretical framework. The author’s aim is to contextualize the centrality of the question of language in their respective intellectual projects within the history of the diverse and discrepant experiences of French colonialism in the Maghreb. In this sense, it is also an exercise of Edward Said’s “contrapuntal reading” approach of Khatibi against Derrida from the perspective of colonial difference [De Oliveira 2020: 138].

Chapter 6 “East and West Encounters and Double Critique in Fatema Mernissi’s Writings” intends to read Fatema Mernissi’s writings as containing a narrative of East and West encounters that not only challenges Orientalist conceptions of the non-West but also complicates commonplace understandings of “*East*” and “*West*” divisions [De Oliveira 2020: 176].

Finally, chapter 7 “IR and the Need for Re-imagination: Concluding Remarks” returns to the main points addressed in each chapter and connect them with the broader question of narratives as “political acts” in both non-fictional Maghrebian literature and IR scholarship. The author concludes in this regard that the textual space of Maghrebian francophone postcolonial literature obeys a particular logic [De Oliveira 2020: 217] and that Maghrebian literatures express an ideology and aesthetics of difference oriented toward less violent forms of *being, belonging* and *being with* after decolonization took place in that region.

As final reflections, I want to emphasize that this research is an original and innovative look within the studies of Maghrebian francophone postcolonial literature as a lens to understand the international and world affairs. The author challenges the familiar conceptual repertoires of IR, giving us an excellent view of the creativity with which Maghrebian postcolonial politics engages theoretical, methodological and political challenges of our times. The book clearly shows the enormous effort made by the author that can be taken as a starting point for further research on postcolonial Maghrebian literature and IR. Furthermore, de Olivera’s book is as an exemplary to follow in the field of research on Maghrebian postcolonial literature and IR.

However, this work cannot be by itself sufficient to get a whole picture on the subject of Postcolonial Maghreb and the Limits of IR, rather, it needs to be completed by other research dealing with other IR concepts in Maghrebian literature written in different languages and by several writers in the Maghreb region (Algeria, Tunisia, Morocco, Libya and Mauritania).

Received / Поступила в редакцию: 20.01.2020

Accepted / Принята к публикации: 10.02.2020

References / Библиографический список

De Oliveira, J.S.C. (2020). *Postcolonial Maghreb and the Limits of IR*. Palgrave Macmillan.

Inayatullah, N. & Blaney, D.L. (2004). *International Relations and the Problem of Difference*. London: Routledge.

About the author: *Mousli Malek* — PhD (International Relations), diplomat at the Moscow Mission of the League of Arab States (e-mail: mousli_malek@hotmail.com).

Сведения об авторе: *Мусли Малек* — кандидат политических наук, дипломат, сотрудник Представительства Лиги арабских государств в Москве (e-mail: mousli_malek@hotmail.com).